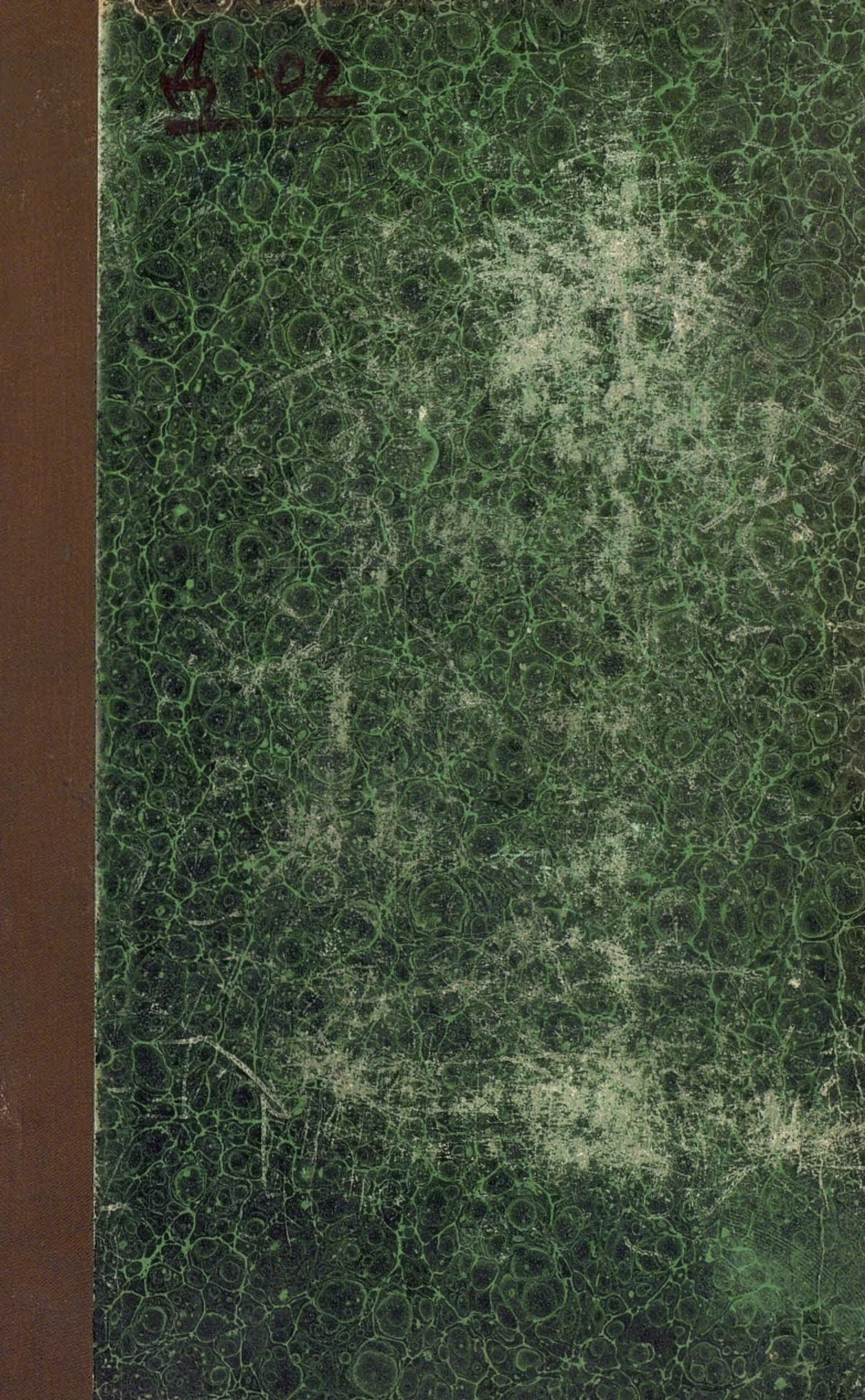

ВРЕМЕННИКЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

КНИГА ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАЯ. 54—56

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія М. Х. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.
1891.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

пятьдесятъ четвертой книги Временника Лицея.

LIV книга вышла 10 октября 1891 г.; въ ней 30 листовъ.

ОТЧЕТЪ

Правленія Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Юридическаго Лицея

съ 1-го Іюля 1889 года по 1-е Іюля 1890 года.

Уставъ Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Юридическаго Лицея въ Ярославлѣ, начавшій свои дѣйствія съ 1871 года, утвержденъ Высочайшею властью 28 апрѣля 1871 года.

Средства Попечительства, по правиламъ утвержденнымъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, составляются изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ; кромѣ того предоставлено Попечительству право устраивать публичныя лекціи, концерты и спектакли. Членами почетными, оказавшими особыя услуги, или дѣйствительными, могутъ быть совершеннолѣтнія лица обоего пола, всѣхъ званій и состояній. Почетныхъ членовъ къ концу отчетнаго года состоитъ 46, а дѣйствительныхъ, внесшихъ въ годъ не менѣе 5 рублей,—16; въ предъидущихъ же годахъ дѣйствительныхъ членовъ было: 99, 102, 76, 83, 72, 54, 74, 60, 74, 65, 52, 45, 22, 24, 21, 30, 17 и 16. Въ суммѣ пожертвованій дѣйствительныхъ членовъ видное мѣсто занимаютъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, взносы бывшихъ студентовъ юридическаго Лицея.

Постоянныхъ пособій поступило: отъ Министерства Народ-

наго Просвѣщенія 300 руб., отъ Ярославской городской думы 100 р. и отъ Ярославской уѣздной земской управы 100 р. Процентовъ съ капитала Попечительства, состоящаго къ концу отчетнаго года въ 10550 р., получено было 482 руб. 37 коп.

Пособія студентамъ выдавались въ размѣрѣ, смотря по состоянію кассы и дѣйствительной бѣдности, отъ 3 до 10 р. въ мѣсяцъ. Уплатой за слушаніе лекцій дана нѣсколькимъ молодымъ людямъ возможность оставаться студентами и не быть уволенными изъ числа ихъ за не взносъ этой платы.

Заимообразно выдано было въ отчетномъ году 703 р., въ уплату же долговъ поступило 622 р. 72 к.

Изъ числа почетныхъ членовъ исключены въ отчетномъ году умершіе: *И. М. Звонниковъ*, Архимандритъ Николо-Бабаевскаго монастыря *Іустинъ* и *С. А. Черногоровъ*.

Членами правленія попечительства, подъ предсѣдательствомъ Директора Лицея *С. М. Шпилевскаго*, въ истекшемъ году были *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій*, *И. А. Вахромѣевъ*, *Н. М. Владыченскій*, *В. П. Власьевскій*, *А. П. Лавровъ*, *А. Н. Лодыженскій*, *И. Н. Соболевъ*, *Д. А. Соколовъ* и *Е. И. Якушкинъ*.

СПИСОКЪ

членовъ попечительства, съ указаніемъ сдѣланныхъ ими пожертвованій.

а) Почетные члены:

1. *Безакъ* Николай Александровичъ- управляющій почтою и телеграфомъ, бывшій Ярославскій губернаторъ (единовременно въ 1878 г. 100 р.).

2. *Вахромѣевъ* Иванъ Александровичъ бывшій Ярославскій городской голова 25 р. (245 р.).

3. *Вейсбергъ* Михаилъ Яковлевичъ—тайный совѣтникъ (съ учрежденія попечительства 740 р.).

4. *Глаголевъ* Иванъ Матвѣевичъ—присяжный повѣренный изъ Москвы (275 р.).

5. *Головщиковъ* Константинъ Дмитріевичъ—Секретарь Лицея (45 руб.).

6. *Деляновъ* Иванъ Давыдовичъ—Министръ народнаго просвѣщенія.

7. *Діонисій* Архіепископъ Уфимскій (125 р.).

8. *Ивановъ* Сергѣй Сергѣевичъ, бывшій помощникъ попечителя московскаго учебнаго округа.

9. *Іонафанъ* Архіепископъ Ярославскій 25 р. (140 р.).

10. *Калачовъ* Викторъ Васильевичъ—Костромской губернаторъ (20 р.).

11. *Капнистъ* графъ Павелъ Алексѣевичъ—Попечитель Московскаго учебнаго округа.

12. *Капустинъ* Михаилъ Николаевичъ— Попечитель дерптскаго учебнаго округа (2000 р.).

13. *Клириковъ* Николай Павловичъ – титулярный совѣтникъ (170 р.).

14. *Коншинъ* Владиміръ Дмитріевичъ – коммерціи совѣтникъ изъ Москвы (800 р.).

15. *Кремлевъ* Николай Александровичъ—Ректоръ Императорскаго казанскаго университета (10 р.).

16. *Лавровъ* Алексѣй Петровичъ Протоіерей — профессоръ Богословія Лицея (200 руб.)

17. *Липинскій* Маріанъ Александровичъ — профессоръ Лицея.

18. *Лопатина* Глафира Александровна – потомственная почетная гражданка (50 р.).

19. *Мещерская* княгиня Марія Александровна—изъ Москвы (250 руб.).

20. *Мещерскій* князь Николай Петровичъ—бывшій Попечитель московскаго учебнаго округа (900 р.).

21. *Пастухова* Анна Васильевна—потомственная почетная гражданка (80 р.).

22. *Пастухова* Елена Яковлевна—потомственная почетная гражданка (150 р.).

23. *Пастуховъ* Дмитрій Александровичъ—потомственный почетный гражданинъ (1000 р.).

24. *Пастуховъ* Иванъ Александровичъ—потомственный почетный гражданинъ (1000 р.).

25. *Пастуховъ* Николай Петровичъ—потомственный почетный гражданинъ (5% банковый билетъ въ 1000 р.).

26. *Пѣговъ* Владиміръ Васильевичъ—изъ Москвы коммерціи совѣтникъ (700 р.).

27. *Поляковъ* Самуилъ Соломоновичъ—коммерціи совѣтникъ (150 руб.).

28. *Рукавишникова* Евдокія Николаевна—изъ Москвы (200 руб.).

29. *Рукавишниковъ* Константинъ Васильевичъ—почетный мировой судья изъ Москвы (100 руб.).

30. *Синельникова* Анастасія Петровна—изъ С.-Петербурга (255 р.).

31. *Скрипицынъ* Николай Павловичъ—бывшій Ярославскій губернскій предводитель дворянства.

32. *Смирновъ* Андрей Павлоловичъ—судебный слѣдователь изъ Ветлуги 10 р. (210 р.).

33. *Смышляевъ* Дмитрій Дмитріевичъ—предсѣдатель пермской губернской земской управы.

34. *Соболевъ* Иванъ Николаевичъ—ярославскій городской голова (25 руб.).

35. *Солдатенковъ* Косьма Терентьевичъ—потомственный почетный гражданинъ изъ Москвы (3600 р.).

36. *Тарасовъ* Иванъ Трофимовичъ—орд. профес. Московскаго Университета доставившій попечительству отъ своихъ публичныхъ лекцій въ разное время до 450 руб.

37. *Терещенко* Өедоръ Артемьевичъ—действительный статскій советникъ изъ Москвы (500 р.).

38. *Троицкій* Константинъ Өедоровичъ—присяжный поверенный въ Ярославле (100 р.).

39. *Федотова* Гликерія Николаевна—артистка Императорскихъ театровъ.

40. *Фриде* Алексей Яковлевичъ—Ярославскій губернаторъ.

41. *Чистяковъ* Дмитрій Ивановичъ—мировой судья Ярославскій (192 р.).

42. *Шнейдеръ* Августъ Августовичъ—содержатель аптеки въ Ярославле, отпускающій для больныхъ студентовъ лекарства съ значительной уступкой, доходящей до 100 руб. ежегодно.

43. *Шостаковскій* Петръ Адамовичъ—Директоръ московской консерваторіи.

44. *Шпилевскій* Сергей Михайловичъ—Директоръ Лицея (10 руб.).

45. *Щелкова* Нина Антоновна.

46. *Якушкинъ* Евгеній Ивановичъ—действительный статскій советникъ 5 р. (85 р.).

Всего отъ почетныхъ членовъ получено попечительствомъ въ отчетномъ году 65 р.

б) Действительные члены:

Өедоровъ Владиміръ Васильевичъ—судебный следователь ст. Отрадной (Куб. обл.) 20 руб.

Орельскій Иванъ Андреевичъ—судебный следователь изъ Пудожа 15 руб.

Бодиско Николай Константиновичъ — управляющій акцизнымъ сборомъ въ Новочеркаскѣ; *Малининъ* Иванъ Никитичъ — судебный слѣдователь въ Калужской губерніи; *Маляровъ* Александръ Яковлевичъ — судебный слѣдователь изъ Верхотурья; *Потѣхинъ* Павелъ Борисовичъ—Дѣлопроизводитель въ Департаментѣ народнаго просвѣщенія; *Троицкій* Веніаминъ Виссаріоновичъ — судебный слѣд. изъ Березны Волынской губеріи, по 10 рублей (50 руб.).

Леоновъ Евфимій Петровичъ — 6 руб.

Владыченскій Николай Михайловичъ — инспекторъ студентовъ Лицея; *Измарагда* игуменья Угличскаго монастыря; *Казанцевъ* Леонидъ Николаевичъ—проф. Университета Св. Владиміра; *Крыловъ* Аполлинарій Платоновичъ — предсѣдатель уѣздной земской управы въ Ярославлѣ; *Рклицкій* Николай Васильевичъ — судебный слѣдователь изъ Литина; *Соколовъ* Дмитрій Алексѣевичъ—Директоръ Ярославской гимназіи; *Суворовъ* Николай Семеновичъ — профессоръ Лицея, по 5 руб. (35 руб.).

Всего же отъ дѣйствительныхъ членовъ въ отчетномъ году поступило 126 руб.

ВѢДОМОСТЬ

объ оборотахъ суммъ Попечительства за время съ 1-го іюля 1889 по 1-е іюля 1890 года.

1. Стъ прошедшаго года въ остаткѣ суммъ было:

наличными . .	6 р. 95 к.	
билетами . .	10550 „ — „	
Сверхъ того въ долгахъ за студентами .	3320 „ — „	

2. Приходъ:

Въ іюлѣ:	Возвращено въ уплату долговъ .	87 „ 18 „
Въ августѣ:	Поступило членскихъ взносовъ	30 „ — „
	Возвращено въ уплату долговъ	89 „ 66 „
	% съ капиталовъ . .	76 „ — „
	Итого	195 „ 66 „
Въ сентябрѣ:	Поступило отъ разныхъ лицъ членскихъ взносовъ . .	25 „ — „
	Возвращено долговъ . .	47 „ — „
	Итого	72 „ — „
Въ октябрѣ:	Отъ разныхъ лицъ членскихъ взносовъ	41 „ — „
	Возвращено долговъ . .	28 „ — „
	Случайныхъ поступленій . .	2 „ 7 „
	Итого	71 „ 7 „

Въ ноябрѣ:	Членскій взносъ . .	5 р.	— к.
	Возвращено въ уплату долговъ	71 „	32 „
	Получено процентовъ съ билетовъ	133 „	— „
	Отъ спектакля студенческаго.	70 „	— „
	Со студенческаго вечера .	300 „	— „
	Случайныхъ поступленій .	— „	24 „
	Итого	579 „	56 „
Въ декабрѣ:	Отъ разныхъ лицъ членскихъ взносовъ	30 „	— „
	Возвращено долговъ . .	49 „	— „
	Со студенческаго вечера съ концертомъ . . .	164 „	20 „
	Отъ земской управы . .	100 „	— „
	Итого	343 „	20 „
Въ январѣ:	Членскій взносъ . .	5 „	— „
	Возвращено въ уплату долговъ	48 „	— „
	% съ капиталовъ . .	38 „	— „
	Итого	91 „	— „
Въ февралѣ:	Членскій взносъ . .	10 „	— „
	Возвращено долговъ . .	58 „	60 „
	% съ капиталовъ . .	26 „	37 „
	Итого	94 „	97 „

Въ мартѣ:	Членскій взносъ . . .	10 р.	— к.
	Получено процентовъ съ билетовъ	114 „	26 „
	Итого	124 „	26 „
Въ апрѣлѣ:	Пособіе отъ Министерства народнаго просвѣщенія . .	300 „	— „
	Отъ Ярославской Городской Думы	100 „	— „
	Отъ А. Н. Шпилевской сборъ съ спектакля	379 „	60 „
	Возвращено въ уплату долговъ	40 „	86 „
	Итого	820 „	46 „
Въ маѣ:	Поступило въ уплату долговъ	68 „	10 „
	Итого	68 „	10 „
Въ іюнѣ:	Отъ разныхъ лицъ членскихъ взносовъ	50 „	— „
	Въ уплату долговъ . .	35 „	— „
	Случайныхъ поступленій .	2 „	57 „
	Итого	87 „	57 „

Всего поступило наличными . . . 2635 р. 3 к.

	а съ остаточными: наличными	2641 р. 98 к.
	билетами	10550 „ — „

3. Расходъ:

Въ іюлѣ:	Выданo пособій шести студентамъ	48 „ — „
	Выдано заимообразно . .	15 „ — „
	Итого	63 „ — „
Въ августѣ:	Выдано пособій тремъ студентамъ	31 „ — „
	Выдано заимообразно . .	85 „ — „
	Итого	116 „ — „
Въ сентябрѣ:	Выдано пособій шести студентамъ	47 „ — „
	Внесено за слушаніе лекцій за Жерелло и Овсецовскаго .	40 „ — „
	Выдано заимообразно . .	33 „ — „
	Итого	120 „ — „
Въ октябрѣ:	Выдано пособій 10-ти студентамъ	75 „ — „
	Выдано заимообразно . .	27 „ — „
	Итого	102 „ — „
Въ ноябрѣ:	Выдано пособій 18 студентамъ	164 „ 26 „

	Выдано заимообразно . .	110 р. — к.
	Уплочено за слушаніе лекцій за Воскресенскаго, Ершева и Преображенскаго . .	60 „ — „
	Итого	334 „ 26 „
Въ декабрѣ:	Выдано пособій 32 студентамъ	266 „ — „
	Уплачено за слушаніе лекцій по 20 руб.: за Милицына, Воскресенскаго, Лопакова, С. Преображенскаго, Поваренныхъ, Холявина, Л. Осинскаго, А. Преображенскаго, Разумова, Агапова и Городцева и 5 р. за Фрадкина .	225 „ — „
	Выдано заимообразно . .	114 „ — „
	Итого	605 „ — „
Въ январѣ:	Выдано пособій 7 студентамъ	64 „ — „
	Выдано заимообразно . .	30 „ — „
	Итого	94 „ — „
Въ февралѣ:	Выдано пособій 13 студентамъ	91 „ — „
	Выдано заимообразно . .	34 „ — „
	Итого	125 „ — „
Въ мартѣ:	Выдано пособій 21 студенту	146 „ — „

	Внесено за слушаніе лекцій за Костылева, Овсецовскаго, Ершова и Милицына . .	80	„ —	„
	Выдано заимообразно . .	10	„ —	„
	Итого	236	„ —	„
Въ апрѣлѣ:	Выдано пособій 28 студентамъ	216	„ —	„
	Внесено за слушаніе лекцій за Агапова, Городцова, Жидока, Лопакова, Поваренныхъ, А. Преображенскаго, Разумова и Шкатова по 20 р. и за Подналова 10 руб. . .	170	„ —	„
	Выдано заимообразно . .	240	„ —	„
	Итого	626	„ —	„
Въ маѣ:	Выдано пособій 12 студентамъ	88	„ —	„
	Выдано заимообразно . .	70	„ —	„
	Итого	158	„ —	„
Въ іюнѣ:	Выдано пособій 14 студентамъ	110	„ —	„
	Выдано заимообразно . .	20	„ —	„
	Итого	130	„ —	„

Итого израсходовано:

На пособія студентамъ. .	1346	„ 26	„

На уплату за слушаніе лекцій . . .	575 „ — „
Выдано заимообразно	703 „ — „
Итого	2624 „ 26 „

Затѣмъ въ остаткѣ:

Наличными	17 „ 72 „
Билетами	10550 „ — „
Въ долгахъ за студентами къ началу отчетнаго года было . . .	3320 „ — „
Въ отчетномъ году вновь выдано заимообразно	703 „ — „
Итого	4023 „ — „
Въ уплату долговъ въ отчетномъ году поступило	533 „ 6 „
Затѣмъ остается не уплоченныхъ долговъ	3489 „ 94 „

Въ число этой послѣдней суммы считаются должниками:

а) *Окончившіе уже курсъ: Авдіевъ* Николай выпуска 1884 года (пом. миров. судьи въ Ферганской обл.) 15 руб.; *Агафоновъ* Николай выпуска 1887 г. (свѣдѣній о себѣ не доставилъ) 30 р.; *Алякринскій* Сергѣй выпуска 1890 г. (свѣдѣній не доставилъ) 41 руб.; *Аргентовскій* Евграфъ выпуска 1884 года (засѣдатель окружн. суда въ Каинскѣ) 4 р. 14 к.; *Архангельскій* Василій выпуска 1888 г. (свѣдѣній не доставилъ) 14 р.; *Асотскій* Иванъ выпуска 1887 года (свѣдѣній не доставилъ) 29 р.; *Базыкинъ* Александръ выпуска 1889 г. (свѣдѣній не доставилъ) 50 р.; *Бакулевскій* Иванъ выпуска 1885 г. (свѣдѣній не доставилъ) 23 р.; *Бурменскій* Іосифъ

выпуска 1890 г. (свѣдѣній нѣтъ) 15 р.; *Введенскій* Николай выпуска 1883 г. (свѣдѣній нѣтъ) 10 р.; *Георгіевскій* Александръ выпуска 1888 года (свѣдѣній не доставилъ) 37 руб.; *Горлицинъ* Владиміръ выпуска 1880 г. (свѣдѣній нѣтъ) 10 р.; *Гутманъ* Лейба выпуска 1889 г. (свѣдѣній нѣтъ) 33 руб.; *Городцовъ* Петръ выпуска 1890 г. (свѣдѣній нѣтъ) 8 руб.; *Дмитріевъ* Иванъ выпуска 1889 г. (свѣдѣній нѣтъ) 36 р.; *Замахаевъ* Сергѣй выпуска 1887 г. (свѣдѣній не доставилъ) 15 р.; *Звѣздинъ* Александръ выпуска 1887 г. (свѣдѣній не доставилъ) 25 р.; *Зыковъ* Арсеній выпуска 1885 г. (судебн. слѣдователь въ Митавѣ) 20 руб.; *Калашниковъ* Николай выпуска 1887 г. (секретарь окружн. суда въ Ковно) 11 руб.; *Клементьевъ* Григорій выпуска 1887 г. (свѣдѣній нѣтъ) 11 руб.; *Козловскій* Сергѣй выпуска 1883 г. (помощн. присяж. повѣр. въ Москвѣ) 10 р.; *Коровинъ* Иванъ выпуска 1888 г. (свѣдѣній нѣтъ) 15 р.; *Лебедевъ* Павелъ выпуска 1884 года (свѣдѣній не доставилъ) 2 р.; *Лейнвангендлеръ* Товія выпуска 1889 г. (пом. присяж. повѣр. въ Ярославлѣ) 10 р.; *Любомудровъ* Михаилъ выпуска 1881 г. (судебн. слѣд. въ Ставрополѣ Кавказскомъ) 7 руб.; *Марковъ* Александръ вып. 1886 г. (свѣдѣній не доставилъ) 16 р.; *Марковъ* Константинъ выпуска 1890 г. (свѣдѣній нѣтъ) 31 р.; *Малининъ* Иванъ выпуска 1886 г. (свѣдѣній нѣтъ) 20 р.; *Милославовъ* Игнатій выпуска 1887 года (судебн. слѣд. въ Мензелинскѣ) 10 руб.; *Мирмиковъ* Сергѣй выпуска 1886 г. (суд. слѣд. въ Златоустовѣ) 23 р.; *Миславскій* Ник. выпуска 1884 г. (секретарь при прокурорѣ въ Черниговѣ) 17 р.; *Михайловъ* Александръ выпуска 1889 г. (свѣдѣній нѣтъ) 106 р.; *Надинскій* Александръ выпуска 1888 г. (свѣдѣній не доставилъ) 30 р.; *Нехорошевъ* Тимоѳей выпуска 1884 г. (помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ С.-Петербургѣ) 1 р.; *Нечаевъ* Иванъ выпуска 1888 г. (свѣдѣній не доставилъ) 25 р.; *Никольскій* Дмит-

рій выпуска 1884 г. (свѣдѣній не доставилъ) 6 р.; *Никольскій* Сергѣй выпуска 1888 г. (свѣдѣній не доставилъ) 30 р.; *Новицкій* Григорій выпуска 1885 г. (свѣдѣній не доставилъ) 35 р.; *Олейниковъ* Антонъ выпуска 1887 года 7 р.; *Олторжевскій* Иванъ вып. 1889 г. (свѣдѣній нѣтъ) 15 р.; *Осинскій* Михаилъ выпуска 1890 г. (свѣдѣній нѣтъ) 10 р.; *Первухинъ* Владиміръ выпуска 1889 г. (въ Тверской Казенной Палатѣ) 10 р.; *Перошковъ* Василій выпуска 1890 г. (свѣдѣній нѣтъ) 33 р., *Поваренныхъ* Иванъ выпуска 1890 года (помощн. присяж. повѣр. въ Костромѣ) 18 руб.; *Покровскій* Иванъ выпуска 1887 г. (свѣдѣній нѣтъ) 16 р.; *Покровскій* Сергѣй выпуска 1884 г. (свѣдѣній не доставилъ) 22 р.; *Поповъ* Николай выпуска 1884 г. (свѣдѣній не доставилъ) 8 р.; *Приступа* Георгій выпуска 1884 г. (свѣдѣній не доставилъ) 6 р.; *Протопоповъ* Алексѣй выпуска 1884 г. (свѣдѣній не доставилъ) 14 р.; *Ржевскій* Николай выпуска 1890 г. (въ Нижнемъ-Новгородѣ въ Акцизѣ) 70 руб.; *Роговъ* Василій выпуска 1886 г. 25 р.; *Розовъ* Николай выпуска 1889 года (свѣдѣній нѣтъ) 21 р.; *Рудинскій* Леонидъ выпуска 1888 г. 24 р.; *Самойловичъ* Владиміръ выпуста 1884 г. (свѣдѣній не доставилъ) 10 р.; *Семеновъ* Яковъ выпуска 1889 г. (засѣдатель окружн. суда въ Бійскѣ) 15 р.; *Семидаловъ* Владиміръ выпуска 1884 года (предсѣдатель губ. суда въ Красноярскѣ) 2 р.; *Скопинскій* Александръ выпуска 1886 г. (свѣдѣній не доставилъ) 30 р.; *Слюсаревъ* Викентій выпуска 1887 г. (свѣдѣній не доставилъ) 14 р.; *Соколовъ* Леонидъ выпуска 1887 года (свѣдѣній не доставилъ) 27 р.; *Спасскій* Павелъ выпуска 1885 г. (свѣдѣній не доставилъ) 10 р.; *Страховъ* Михаилъ выпуска 1884 г. (суд. слѣд. Боровскаго уѣзда) 34 р.; *Сулковскій* Василій выпуска 1884 г. (свѣдѣній не доставилъ) 8 р.; *Сущинскій* Германъ выпуска 1884 г. (кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Могилевѣ) 27 р.;

Страховъ Иванъ выпуска 1878 г. (свѣдѣній не доставилъ) 16 р.; *Тихонравовъ* Александръ выпуска 1883 г. (присяжн. повѣр. въ Ригѣ) 15 р.; *Третьяковъ* Иванъ выпуска 1885 г. (свѣдѣній не доставилъ) 30 р.; *Троицкій* Ник. вып. 1885 г. (свѣдѣній не доставилъ) 10 руб.; *Ушаковъ* Леонидъ выпуска 1890 г. (отбываетъ воинскую повинность) 43 р.; *Феликсовъ* Евгеній выпуска 1885 года (судеб. слѣд. въ Белебеѣ) 26 р.; *Хохловъ* Алексѣй выпуска 1884 года (свѣдѣній не доставилъ) 13 р.; *Чоловскій* Михаилъ выпуска 1886 года (свѣдѣній не доставилъ) 18 р.; *Чумаевскій* Алексѣй выпуска 1885 года (свѣдѣній нѣтъ) 10 р.: *Шапиро* Николай выпуска 1888 года (контролеръ акцизн. управленія въ Перми) 20 руб.; *Шубинъ* Александръ выпуска 1889 года 40 р.; *Юрьевъ* Алексѣй выпуска 1883 года (свѣдѣній не доставилъ) 24 р.; *Язвицкій* Константинъ выпуска 1880 г. (свѣдѣній не доставилъ) 10 р.; *Ѳедосьевъ* Александръ выпуска 1884 года (свѣдѣній не доставилъ) 23 руб.

и б) *выбывшіе изъ Лицея до окончанія курса: Авроровъ* Николай 6 р., *Александровскій* Иванъ 4 руб., *Бабарыкинъ* Петръ 3 руб., *Булгаковъ* Иванъ 30 руб., *Введенскій* Василій 19 р., *Воиновъ* Иванъ 20 р., *Востоковъ* Николай 10 руб., *Гедеоновскій* Александръ 30 р., *Громовъ* Иванъ 34 р., *Декаполитовъ* Михаилъ 5 р., *Жерелло* Иванъ 36 р., *Заринскій* Иванъ 42 р., *Ильинскій* Николай 42 р., *Колесовъ* Георгій 25 р., *Коншинъ* Николай 10 р., *Короткевичъ* Антоній 15 р., *Крапухинъ* Иванъ 4 р., *Листовъ* Аполлинарій 24 р., *Любимовъ* Андрей 10 р., *Метлинъ* Иванъ 7 р., *Миноръ* Іосифъ 5 р., *Нейскій* Яковъ 7 р., *Никольскій* Алексѣй 9 р., *Окинчицъ* Мечеславъ 10 р., *Песоченскій* Иванъ 15 р., *Плышко* Иванъ 10 руб., *Преображенскій* Алексѣй (Костр.) 15 руб., *Преображенскій* Сергѣй 31 р., *Птицынъ* Николай 12 руб.,

Смольянниковъ Павелъ 25 р., *Снѣгиревъ* Николай 25 руб., *Соловьевъ* Александръ 18 р., *Софійскій* Владиміръ 17 руб., *Станкевичъ* Яковъ 19 р., *Успенскій* Петръ 5 руб., *Ухановъ* Александръ 12 руб., *Холявинъ* Николай 30 руб., *Щепетевъ* Владиміръ 10 руб.

ЖУРНАЛЫ

совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

1890 года августа 20-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: ординарный профессоръ Н. С. *Суворовъ;* исправ. должн. экстраординарныхъ профессоровъ: В. Г. *Щегловъ* и А. Е. *Назимовъ*; испр. д. доцента А. Е. *Минервинъ*; приватъ-доцентъ П. Ѳ. *Бесѣдкинъ*. Неприсутствовали: ординарный профессоръ Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскій* по домашнимъ обстоятельствамъ, профессоръ Богословія А. П. *Лавровъ* по болѣзни, испр. долж. экстраординарнаго профессора А. Н. *Лодыженскій*, исправл. долж. доцента М. А. *Липинскій*, приватъ-доценты В. Ф. *Левитскій* и князь Е. Н. *Трубецкой* по нахожденію въ отпуску.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили**: Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 21 Іюня сего года за № 6994, коимъ, вслѣдствіе представленія Совѣта, разрѣшаетъ поручить чтеніе лекцій въ будущемъ 1890—91 учебномъ году Римскаго права на 2 курсѣ испр. долж. доцента *Минервину* по 3 часа въ недѣлю, а на 3-мъ курсѣ Ординарному профессору *Суворову* по 4 часа, Гражданскаго права на 3-мъ курсѣ по 3 часа и на 4-мъ курсѣ по 2 часа въ недѣлю испр. долж. доцента *Липинскому* и Гражданскаго же права на 4 курсѣ заслуженному Ординарному профессору *Шпилевскому* по 2 часа въ недѣлю, Торговаго права и Гражданскаго Судопроизводства 5 часовъ въ недѣлю испр. долж. доцента *Липинскому*, Всеобщей Исторіи права по 2 часа въ недѣлю испр. долж. экстраординарнаго профессора *Щеглову* и Исторіи Римскаго права по 3 часа въ недѣлю испр. долж. доцента *Минервину* съ выдачею имъ за этотъ трудъ вознагражденія изъ остатковъ отъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе личнаго состава Лицея по смѣтамъ 1890 и 1891 годовъ: г-ну Шпилевскому четырехъсотъ руб., г. Суворову восьмисотъ рублей, г. Щеглову четырехъсотъ руб., г. Липинскому двухъ тысячъ руб. и г. Минервину одной тысячи двухъсотъ руб., начавъ таковую выдачу съ 16 августа сего года, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ назначенія въ теченіи года новаго на какую либо изъ этихъ каѳедръ преподавателя, вознагражденіе должно быть выдано помянутымъ лицамъ по расчету по день этого назначенія. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и копію съ заслушаннаго предложенія передать для исполненія въ Правленіе Лицея.

3. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 21 Іюня сего года за № 6995, коимъ, вслѣдствіе представленія Совѣта Лицея, разрѣшаетъ по-

ручить въ 189⁰/₁ учебномъ году чтеніе лекцій приватъ-доцентамъ Лицея: *Левитскому* по Политической экономіи — по 4 часа въ недѣлю, князю *Трубецкому* — по Исторіи политическихъ ученій — 2 часа въ недѣлю и *Бесѣдкину* по Уголовному праву (особенная часть) и Уголовному судопроизводству — 4 часа въ недѣлю съ выдачею имъ за этотъ трудъ вознагражденія съ 16 августа сего года Левитскому и Бесѣдкину по одной тысячѣ четыреста рублей и князю Трубецкому одной тысячи рублей въ годъ изъ остатковъ отъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе личнаго состава Лицея по смѣтамъ 1890 и 1891 г.г. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и копію съ заслушаннаго предложенія передать для исполненія въ Правленіе Лицея.

4. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 25 Іюня сего года за № 7107, коимъ, вслѣдствіе представленія Совѣта, согласно съ мнѣніемъ большинства членовъ онаго, разрѣшаетъ принять въ число приватъ-доцентовъ Демидовскаго Лицея магистранта *Свирщевскаго* для чтенія въ будущемъ 1890—91 учебномъ году Финансоваго права по 2 часа въ недѣлю съ выдачею ему за этотъ трудъ вознагражденія, съ 16 августа сего года, помѣсячно, въ размѣрѣ одной тысячи рублей въ годъ изъ подлежащаго источника. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и копію съ заслушаннаго предложенія передать для исполненія въ Правленіе Лицея.

5. Предложенія г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 22 Іюня, 10 Іюля, 8 и 16-го Августа сего года за №№ 7072, 7645, 8640 и 9266, которыми разрѣшаетъ напечатать во Временникѣ Лицея протоколы засѣданій Совѣта 24 Февраля, 30 Апрѣля, 3, 7, 16, 19, 28 и 30 Мая. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію.

6. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 8 Іюня за № 6636, при которомъ препровождена копія съ утвержденнаго г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія положенія о стипендіяхъ имени Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Платона Петровича *Сукачева* для бывшихъ воспитанниковъ Иркутской гимназіи. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и положеніе о стипендіяхъ напечатать во Временникѣ Лицея.

7. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 2 минувшаго Іюля за № 7378, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія согласенъ на оставленіе студентовъ Лицея 1 курса Александра *Алексѣева* и 2 курса Алексѣя *Волкова* на тѣхъ же курсахъ на 3-й годъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

8. Предложенія г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 18, 25 и 27 Іюня, 2, 4, 8, 10, 17, 24 и 27 Іюля, 1 и 18-го Августа за №№ 6910, 7106, 7183, 7377, 7509, 7541, 7545, 7644, 7911, 7913, 7933, 8302, 8328, 8405, 8489 и 9395, коими разрѣшено допустить до экзаменовъ послѣ каникулъ слѣдующихъ студентовъ: за 1 курсъ *Васильева* Николая, *Добротина* Александра, *Оппермана* Георгія и *Щукина* Василья; за 1 и 2 курсы *Балашова* Леонида, *Вейклевича* Фридриха, *Макарычева* Ивана и *Шестакова* Владиміра; за 2-й курсъ *Агапова* Василья, *Бабіевскаго* Евгенія, *Боголюбова* Алексѣя, *Борейшу* Болеслава, *Будкиса* Адольфа, *Войницкаго* Михаила, *Вобликова* Владиміра, *Горвица* Александра, *Давыдова* Василья, *Жидока* Эдуарда, *Зиссермана* Юрія, *Костылева* Николая, *Мулина* Ивана, *Преображенскаго* Сергѣя, *Сидорова* Анатолія, *Страддина* Ивана, *Цвилинскаго* Петра, *Чекмарева* Николая

и *Яровицкаго* Александра; за 2 и 3 курсы *Лузина* Леонида, *Камерницкаго* Владиміра, *Левашева* Алексѣя и *Преображенскаго* Алексѣя; за 3-й курсъ *Анненкова* Ѳедора, *Васильева* Петра, *Гарскаго* Сергѣя, *Домерникова* Петра, *Капеля* Савелія, *Канна* Якова, *Колесова* Николая, *Майзельса* Веніамина, *Островскаго* Павла, *Путяту* Всеволода, *Разумова* Михаила, *Сорокина* Ивана, *Талалая* Абрама, *Фрадкина* Соломона и *Эдмина* Якова; за 3 и 4 курсы *Горецкаго* Яна, *Зислака* Германа, *Макарычева* Василья, *Минича* Антона, *Палшкова* Алексѣя, *Сабинина* Леонида, *Томашевскаго* Александра, *Шестеркина* Павла и *Хлѣбникова* Александра; за 4 курсъ *Вахрамѣева* Михаила, *Городцева* Петра, *Дубягу* Михаила, *Еропкина* Рафаила, *Познова* Петра, *Листратова* Николая, *Милашевскаго* Алексѣя, *Монвижъ-Монтвида* Аполлона, *Осинскаго* Льва и *Рогалевича* Юзева; причемъ студентамъ *Израильсону*, *Лопакову*, *Файвишевичу* и *Ѳомину* отказано г. Попечителемъ Округа въ допущеніи ихъ къ испытаніямъ, а бывшему студенту Московскаго Университета Ивану *Купферу*, приступившему къ экзаменамъ на степень кандидата Юридическихъ наукъ въ истекшемъ мѣсяцѣ маѣ и испытаній этихъ тогда недокончившему, дозволено вновь приступить къ экзаменамъ нынѣ изъ всѣхъ предметовъ лицейскаго курса. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію и экзамены произвести съ 3 по 10 Сентября, съ тѣмъ, чтобы сдающіе экзамены за одинъ только курсъ, окончили таковые въ первые три дня.

9. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 27 Іюня сего года за № 7182, при которомъ препровождены -- отчетъ о занятіяхъ за границею магистранта Митрофана *Петрова* и копія съ выписки

изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 12 Іюня за № 1067 съ заключеніемъ Комитета по сему отчету. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

10. Прошеніе окончившаго курсъ въ Лицеѣ въ 1889 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата юридическихъ наукъ по представленіи диссертаціи Василія *Бычкова* объ отсрочкѣ подачи таковой до 1 декабря настоящаго года, по причинѣ отбыванія имъ воинской повинности. Принимая во вниманіе, что Совѣтомъ Лицея 24 февраля сего года г. Бычкову дана уже была отсрочка представленія диссертаціи до 1-го Іюня, **Опредѣлили:** Въ прошеніи г. Бычкову, на основаніи § 53 правилъ для студентовъ Лицея, отказать.

11. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ: на 1-й курсъ: *Абрамовъ* Петръ изъ воспитанниковъ Ярославской гимназіи, *Анненковъ* Павелъ изъ Коллегіи Галагана, *Благонравовъ* Василій—Ярославской гимназіи, *Будаковъ* Михаилъ—изъ Екатеринбургской гимназіи (былъ потомъ студентомъ Казанскаго Университета), *Владимировъ* Николай—Ярославской гимназіи, *Дмитріевъ* Өедоръ—Троицкой гимназіи, *Ивановъ* Михаилъ—Ярославской гимназіи, *Калининъ* Владиміръ—Ярославской гимназіи, *Кондратьевъ* Иванъ—Уфимской гимназіи (былъ потомъ студентомъ Казанскаго Университета), *Крыловъ* Николай—Ярославской гимназіи, *Петровскій* Григорій—Ярославской гимназіи, *Россъ* Анатолій—Ташкентской гимназіи, *Рѣпниковъ* Василій—Царицынской гимназіи; на 2-й курсъ: *Борковскій* Евгеній—Либавской гимназіи, (былъ потомъ студентомъ Московскаго Университета); *Егоровъ* Василій—Оренбургской

гимназіи (былъ потомъ студентомъ Московскаго Университета); на 3-й курсъ: *Ордуханьянцъ* Семенъ—Эриванской гимназіи (былъ потомъ студентомъ Московскаго Университета); на 4-й курсъ: *Астровъ* Павелъ—Московской 2-й гимназіи (былъ потомъ студентомъ Московскаго Университета), баронъ-фонъ *Роденъ* Александръ—изъ Училища Правовѣденія. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

12. Г. Директоръ заявилъ, что испр. долж. доцента А. Е. *Минервинымъ* изготовлена рѣчь для произнесенія на имѣющемъ быть 30-го сего августа актѣ „Объ отношеніи завѣщательнаго права къ закону наслѣдственному", а имъ, г. Директоромъ, изготовлена лѣтопись Лицея за 1889—90 учебный годъ. **Опредѣлили:** Одобрить для произнесенія на актѣ рѣчь и лѣтопись и послѣднюю напечатать во Временникѣ Лицея.

(*Приложеніе къ ст. 6-й*).

На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5 Декабря 1881 г. „утверждаю". Министръ Народнаго Просвѣщенія, Статсъ-Секретарь Графъ Деляновъ.
31 Мая 1890 года.

ПОЛОЖЕНІЕ

о стипендіяхъ имени Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Платона Петровича Сукачева.

1. На проценты съ капитала, въ облигаціяхъ Нижегородско-Самарскаго Земельнаго Банка на четырнадцать тысячъ рублей, пожертвованнаго Потомственнымъ Дворяниномъ Владиміромъ Платоновичемъ Сукачевымъ Обществу для оказанія пособій учащимся въ Восточной Сибири, учреждаются, согласно воли жертвователя, стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для лицъ окан-

чивающихъ курсъ въ Иркутской классической гимназіи и Иркутскомъ техническомъ училищѣ, съ присвоеніемъ симъ стипендіямъ наименованій стипендій Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Платона Петровича Сукачева.

2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ Государственныхъ или гарантированныхъ Правительствомъ, процентныхъ бумагахъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность Общества для оказанія пособій учащимся въ Восточной Сибири и хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ этого учрежденія въ мѣстномъ Отдѣленіи Государственнаго Банка. Всѣ расходы изъ процентовъ съ капитала производятся по распоряженію Распорядительнаго Комитета названнаго Общества.

3. Размѣръ стипендій опредѣляется процентами съ каждыхъ шести тысячъ рублей, не исключая 5% налога въ казну.

4. Проценты со стипендіальнаго капитала 12 тыс. рублей, какъ указано въ § 3, употребляются на выдачу двухъ стипендій, а проценты съ остальныхъ 2000 руб., за удержаніемъ подлежащаго, согласно закона 20 Мая 1885 года, 5% налога въ пользу казны и другихъ расходовъ по стипендіальному капиталу и стипендіямъ, а также могущій образоваться остатокъ отъ незамѣщенія вакансій, обращаются въ процентныя бумаги и идутъ на образованіе новыхъ стипендій того же наименованія.

5. Правомъ на полученіе стипендій могутъ пользоваться лица православнаго исповѣданія, съ успѣхомъ окончившія полный курсъ наукъ въ Иркутской классической гимназіи и Иркутскомъ техническомъ училищѣ, безъ различія сословій, причемъ преимущество отдается круглымъ сиротамъ изъ коренныхъ жителей г. Иркутска.

6. Выборъ стипендіатовъ предоставляется жертвователю Владиміру Платоновичу Сукачеву, а по его смерти—Распорядительному Комитету Общества для оказанія пособій учащимся въ Восточной Сибири, но не иначе, какъ по соглашенію съ Начальствомъ того учебнаго заведенія, въ коемъ обучается лицо, избираемое въ стипендіаты.

7. Стипендіаты пользуются стипендіями до окончанія курса наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но за неуспѣшность или плохое поведеніе могутъ быть лишены таковыхъ, какъ по постановленію Распорядительнаго Комитета Общества, такъ и по опредѣленію Начальства учебнаго заведенія.

8. Стипендіи не налагаютъ никакихъ обязательствъ на пользующихся ими.

Директоръ Н. *Аничковъ*.

1890 года сентября 7-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: ординарные профессоры Н. С. *Суворовъ* и Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскій*; исправ. должн. экстраординарныхъ профессоровъ В. Г. *Щегловъ* и А. Е. *Назимовъ*; испр. долж. доцентовъ М. А. *Липинскій* и А. Е. *Минервинъ*; приватъ-доценты В. Ф. *Левитскій*, князь Е. Н. *Трубецкой* и П. Ѳ. *Бесѣдкинъ*. Неприсутствовали: профессоръ Богословія А. П. *Лавровъ* по нахожденію въ отпуску и испр. долж. экстраординарнаго профессора А. Н. *Лодыженскій* по неизвѣстной причинѣ.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта

и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили**: Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Слѣдующее заявленіе Ордин. проф. *Бѣлогрицъ-Котляревскаго:* „Въ прошломъ $18^{89}/_{90}$ учебномъ году Совѣтъ Лицея, распредѣляя преподаваніе по каѳедрамъ, опредѣлилъ для гражданскаго права 8 недѣльныхъ лекцій, кои читали: на 3-мъ курсѣ три часа Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ, а на 4-мъ курсѣ—2 часа Директоръ С. М. Шпилевскій и 3 часа испр. должн. доцента М. А. Липинскій. Назначая такое число часовъ на преподаваніе гражданскаго права, Совѣтъ исходилъ изъ соображенія того основнаго значенія этого предмета въ ряду юридическихъ наукъ, какое ему принадлежитъ по существу и какое ему сообщаетъ новый Уставъ Университетовъ. Оставаясь, конечно, при этомъ соображеніи и при распредѣленіи въ маѣ мѣсяцѣ преподаванія на текущій годъ, Совѣтъ, однако, принужденъ былъ сократить его на одинъ часъ, въ виду того, что изъявившій, за отказомъ Н. С. Суворова, свое согласіе читать лишніе часы по гражданскому праву М. А. Липинскій ограничилъ свое согласіе двумя часами. Правда, въ числѣ желавшихъ взять на себя преподаваніе двухъ часовъ по гражданскому праву былъ и я, который объ этомъ заявлялъ въ началѣ мая г-ну Директору Лицея, но послѣдній по причинѣ возникшаго тогда вопроса о моемъ перемѣщеніи въ Варшаву, счелъ неудобнымъ передавать мое заявленіе Совѣту, а я самъ не могъ его сдѣлать потому, что ѣздилъ въ Петербургъ по тому же вопросу. Теперь же, такъ какъ перемѣщеніе мое въ Варшаву, куда приглашалъ меня на мѣсто профессора Миклашевскаго, прослужившаго 25 лѣтъ, г. Попечитель Варшавскаго Учебна-

го Округа, не состоялось по причинѣ оказавшагося неудобства къ удаленію этого профессора, я рѣшаюся покорнѣйше просить Совѣтъ ходатайствовать предъ Его Сіятельствомъ г. Попечителемъ Округа о порученіи мнѣ преподаванія гражданскаго права по 2 часа въ недѣлю. Чрезъ это утвержденное число чтенія часовъ по этому предмету увеличится лишь на одинъ часъ, а между тѣмъ преподаваніе этой важнѣйшей изъ юридическихъ дисциплинъ только выиграетъ, такъ какъ выработавши свой курсъ уголовнаго права, я располагаю достаточнымъ временемъ для добросовѣстнаго выполненія новой задачи". По обсужденіи даннаго вопроса, Совѣтъ призналъ полезнымъ усилить преподаваніе гражданскаго права; по вопросу же о порученіи преподаванія этой науки профессору Бѣлогрицъ-Котляревскому, возникли въ Совѣтѣ пренія о томъ—примѣнить ли въ данномъ случаѣ закрытую баллотировку, или открытую, и, такъ какъ большинство склонялось къ закрытой баллотировкѣ и самъ профессоръ Бѣлогрицъ-Котляревскій выразилъ согласіе на оную, то къ таковой и было приступлено. Результатомъ же ея было два голоса въ пользу ходатайства и два противъ. Въ виду означеннаго, Совѣтъ **Опредѣлилъ:** Ходатайство профессора Бѣлогрицъ-Котляревскаго оставить безъ послѣдствій.

3. Окончившіе въ нынѣшнемъ году курсъ въ Лицеѣ съ правомъ на полученіе степени кандидата *Перошковъ* и *Стригалевъ* представили нынѣ въ Совѣтъ свои кандидатскія сочиненія: первый „Отличіе присвоенія отъ похищенія", а второй „О дѣйствіи уголовнаго закона во времени". **Опредѣлили:** Передать эти сочиненія для прочтенія и представленія въ Совѣтъ отзывовъ о нихъ, первое приватъ-доценту П. Ѳ. Бесѣдкину, а второе Ординарному профессору Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскому.

4. Составлено прилагаемое при семъ росписаніе лекцій на наступившій учебный годъ. **Опредѣлили:** Росписаніе это утвердить.

1890 года сентября 15-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарный профессоръ Н. С. *Суворовъ;* испр. должн. экстраорд. профессоровъ В. Г. *Щегловъ* и А. Е. *Назимовъ;* испр. долж. доцента М. А. *Липинскій;* приватъ-доценты В. Ф. *Левитскій* и П. Ѳ. *Беспдкинъ*. Неприсутствовали: Ординарный профессоръ Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскій,* профессоръ Богословія А. П. *Лавровъ* и приватъ-доцентъ князь Е. Н. *Трубецкой*—по нахожденію въ отпуску, испр. долж. доцента А. Е. *Минервинъ*—по болѣзни, испр. долж. экстраорд. профессора А. Н. *Лодыженскій*—по неизвѣстной причинѣ.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. По разсмотрѣніи списковъ съ отмѣтками, полученными на испытаніяхъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ студентами, коимъ господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшено было экзаменоваться осенью, **Опредѣлили:** 1) Удостоить перевода съ перваго курса на второй слѣдующихъ студентовъ: Балашева Леонида, Васильева Николая, Добротина Александра, Оппермана Георгія и Щукина Василья; со втораго курса на третій: Борейшу Болеслава, Вейклевича Фридриха, Войшицка-

го Михаила, Вобликова Владиміра, Давыдова Василья, Камерницкаго Владиміра, Мулина Ивана, Цвилинскаго Петра, Яровицкаго Александра и Валькевича Вадима; съ третьяго курса на четвертый: Анненкова Өедора, Зислака Германа, Колесова Николая, Путяту Всеволода, Разумова Михаила, Сабинина Леонида, Сорокина Ивана, Томашевскаго Александра, Домерникова Павла, Камерницкаго Владиміра, Майзельса Веніамина и Хлѣбникова Александра. 2) Слѣдующихъ стипендіатовъ оставить на тѣхъ же курсахъ: на первомъ курсѣ: Адамса Бернгарда, Алексѣева Александра, Безбородова Өедора, Васильевскаго Пантелеимона, Капустина Арсенія, Макарычева Ивана, Миницкаго Павла, Сухарева Василья, Тиме Георгія, Шкатова Николая и Щелкова Ивана; на второмъ курсѣ: Волкова Алексѣя, Зиссермана Юрія, Карасева Бориса, Левашева Алексѣя и Лузина Леонида; на третьемъ курсѣ: Васильева Петра, Горецкаго Яна, Лыжина Николая, Макарычева Василья и Палшкова Алексѣя. 3) Уволить изъ числа студентовъ втораго курса, какъ пробывшаго на этомъ курсѣ два года и къ экзаменамъ не приступавшаго, Преображенскаго Алексѣя.

3. По разсмотрѣніи общаго списка балловъ, полученныхъ студентами, допущенными господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія къ окончательнымъ испытаніямъ послѣ каникулъ, **Опредѣлили:** Удостоить званія дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій: Городцева Петра, Кознова Петра, Листратова Николая и Томашевскаго Александра; 2) удостоить званія дѣйствительнаго студента: Вахрамѣева Михаила, Монвижъ-Монтвида Аполлона, Осинскаго Льва и Хлѣбникова Александра; 3) всѣмъ поименованнымъ лицамъ выдать надлежащіе

аттестаты, снесясь предварительно съ казенными палатами объ исключенiи изъ подушнаго оклада Вахрамѣева и Листратова.

4. Окончившiй въ нынѣшнемъ году курсъ въ Лицеѣ съ правомъ на полученiе степени кандидата по представленiи диссертацiи Алексѣй *Ивановъ* таковую нынѣ представилъ „Выдача преступниковъ". **Опредѣлили:** Передать это сочиненiе Иванова для прочтенiя и доставленiя въ Совѣтъ отзыва о немъ приватъ-доценту Бесѣдкину.

5. Г. Директоръ заявилъ Совѣту, что 1) въ число студентовъ имъ приняты на 1-й курсъ: *Виноградовъ* Евгенiй изъ Ярославской гимназiи, *Гощинскiй* Константинъ изъ Немировской гимназiи, *Заславскiй* Михаилъ изъ Полтавской гимназiи, *Зуккеръ* Яковъ изъ Дерптскаго Университета (Троицкой гимназiи), *Кротковъ* Викторъ изъ Московскаго Университета (Уфимской гимназiи) и *Пастуховъ* Сергѣй изъ Горнаго Института (Поливановской гимназiи) и на четвертый курсъ: *Зайковскiй* Людвигъ изъ Московскаго Университета (Рижской гимназiи) и *Контовтъ* Казимiръ изъ Московскаго Университета (Рижской гимназiи); 2) изъ числа студентовъ выбыли по прошенiямъ: *Бальмонтъ* Константинъ, *Преображенскiй* Сергѣй и *Лавровъ* Евгенiй; 3) студентъ Николай *Введенскiй* умеръ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнiю.

6. Прошенiе бывшаго студента Московскаго Университета, сдававшаго въ Лицеѣ въ 1883 году экзамены на степень кандидата Максима *Гофмана* о предоставленiи ему права вновь подать кандидатскую диссертацiю для прiобрѣтенiя правъ кандидата. Такъ какъ Гофманъ послѣ сдачи въ Лицеѣ экзаменовъ на степень кандидата дважды своевременно подавалъ уже кандидатскiя работы и обѣ не были признаны Совѣтомъ удовлетворяющими

предъявляемымъ для этого требованіямъ, то **Опредѣлили:** Отказать Гофману въ правѣ подачи новой диссертаціи за пропускомъ узаконеннаго срока.

7. Прошеніе студента Лицея 3-го курса Василья *Макарычева*, достигшаго нынѣ 27-ми лѣтняго возраста, объ исходатайствованіи ему отсрочки отбыванія воинской повинности до окончанія образованія. **Опредѣлили:** Выдать студенту Макарычеву надлежащее удостовѣреніе для представленія въ Воинское Присутствіе.

1890 года сентября 29-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарный профессоръ Н. С. *Суворовъ;* испр. долж. экстраординарн. профессоровъ А. Н. *Лодыженскій* и В. Г. *Щегловъ;* испр. должн. доцента М. А. *Липинскій;* приватъ-доценты В. Ф. *Левитскій*, П. Ѳ. *Бесѣдкинъ* и А. Р. *Свирщевскій*. Неприсутствовали: Ординарный профессоръ Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскій* и испр. долж. доцента А. Е. *Минервинъ* по болѣзни; профессоръ Богословія А. П. *Лавровъ* по нахожденію въ отпуску.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Разсматривали прошенія студентовъ Лицея о назначеніи имъ стипендій. Сообразивъ относительное достоинство ихъ по оказаннымъ на испытаніяхъ успѣхамъ, поведенію и бѣдности и данную бухгалтеромъ справку о

числѣ стипендій и состояніи суммъ, **Опредѣлили:** Изъ демидовскихъ 20-ти стипендій 1) оставить 10 за получавшими въ истекшемъ учебномъ году: Аракельянцемъ Гавріиломъ, Бочкаревымъ Вячеславомъ, Борейшей Болеславомъ, Браиловскимъ Николаемъ, Золотаревымъ Александромъ, Ивановымъ Петромъ, Ивановымъ Иваномъ, Кочаровскимъ Станиславомъ, Максимовскимъ Александромъ и Михалевичемъ Хрисанфомъ; 2) вновь назначить съ 16-го августа стипендіи студентамъ: 4-го курса Милашевскому Алексѣю и Сабинину Леониду и 3-го курса Вереденко Ѳедору, Прялухину Михаилу, Пескову Владиміру и Иванову Николаю; 3) на счетъ тѣхъ же суммъ оставить прежде жившихъ въ интернатѣ студентовъ—Добротина, Никоровича и Соболева и вновь помѣстить, согласно заявленію г. Директора, Троцкаго Владиміра; 4) изъ благотворительныхъ стипендій: стипендію Болдырева назначить студенту Леониду Петропавловскому, помѣстивъ его въ интернатъ; въ интернатѣ же помѣстить, согласно заявленію Директора, на счетъ процентовъ съ капитала Н. Н. Демидова, Ажисантова Михаила и Полетику Михаила; стипендію Преосвященнаго Леонида назначить съ 16-го августа студенту 3-го курса Шестеркину Павлу, а стипендію Топленинова съ 1-го сентября студенту 3-го курса Ершеву Сергѣю; 5) изъ образовавшихся отъ стипендій (по § 6 ст. 2-й) остатковъ 410 руб. и изъ суммъ назначенныхъ по смѣтѣ на преміи и пособія 300 р., выдать пособія студентамъ: 1-го курса Эпштейну Василью 40 руб., 2-го курса Майкову Николаю 55 руб., Чекмареву Николаю 45 р., Агапову Василью и Преображенскому Алексѣю по 40 руб. и Егорову Дмитрію 25 р.; 3-го курса Фоссу Евгенію 60 руб., Валькевичу Вадиму 50 руб., Можевитинову Леониду 40 руб., Кочаровскому

Феликсу, Островскому Павлу и Сергѣеву Ивану по 25 руб.; 4-го курса Разумову Михаилу 45 руб. и Смоленскому Владиміру 55 руб., прекративъ затѣмъ послѣднему выдачу получаемой имъ стипендіи Соколова; 6) копію съ этого постановленія Совѣта передать въ Правленіе Лицея, которое и просить удовлетворять прописанныхъ выше студентовъ стипендіями помѣсячно. Списокъ стипендіатовъ сообщить Инспектору и Библіотекарю.

3. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ на 1-й курсъ: *Батуринъ* Владиміръ изъ Ярославской гимназіи, *Полетика* Михаилъ изъ Саратовской гимназіи, *Соколовъ* Алексѣй изъ Ярославской гимназіи и *Стеблинъ-Каменскій* Борисъ изъ Московскаго Университета (Омской гимназіи); на 2-й курсъ: *Денисовъ* Иванъ изъ Московскаго Университета (Рязанской гимназіи); на 3-й курсъ: *Грековичъ* Константинъ изъ Петербургскаго Университета (Тверской гимназіи); на 4-й курсъ: *Колотиловъ* Михаилъ изъ Московскаго Университета (Красноярской гимназіи) и *Силецкій* Иванъ изъ Московскаго Университета (Самарской гимназіи). **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

4. Г.г. профессорами и преподавателями Лицея, на основаніи § 3-го инструкціи преподавателямъ, представлены слѣдующіе учебные планы: 1) Ординарнымъ профессоромъ Н. С. *Суворовымъ*: а) „Церковное право студентамъ 3-го курса будетъ читаться мною, при шести часахъ въ недѣлю, въ объемѣ изданнаго мною печатнаго курса и въ той послѣдовательности частей, которая проведена въ этомъ курсѣ. Именно, послѣ введенія, будетъ преподана мною исторія церковнаго устройства и, параллельно съ нею, исторія источниковъ церковнаго права, затѣмъ будетъ изложено догматическое ученіе о церков-

номъ устройствѣ, далѣе ученіе о церковномъ управленіи, причемъ въ особенности будетъ обращено вниманіе на брачное право и на имущественное право церкви, наконецъ, въ заключеніе курса, будетъ преподано ученіе о внѣшнихъ отношеніяхъ церкви. Предполагаю также въ этомъ году сдѣлать опытъ организаціи практическихъ занятій по церковному праву, предметомъ которыхъ будетъ чтеніе и объясненіе новеллъ императора Юстиніана, а также церковныхъ его конституцій, содержащихся въ кодексѣ. б) Студентамъ 3-го курса буду читать, по четыре часа въ недѣлю, слѣдующіе отдѣлы догмы римскаго права: обязательственное право, семейное право и наслѣдственное право, руководствуясь главнымъ образомъ соотвѣтствующими отдѣлами учебника пандектъ Арндтса. Въ обязательственномъ правѣ сначала будетъ изложена общая часть (общія ученія о предметѣ и субъектѣ обязательствъ, объ исполненіи обязательствъ, о возникновеніи обязательствъ и о представительствѣ при этомъ, о передачѣ или уступкѣ обязательствъ (cessio) и о прекращеніи обязательствъ), затѣмъ будетъ преподано ученіе объ отдѣльныхъ обязательственныхъ отношеніяхъ, причемъ въ самомъ концѣ, слѣдуя Арндтсу, помѣщу ученіе объ обезпеченіи обязательственныхъ требованій поручительствомъ и залоговымъ правомъ. Семейственное право обниметъ три отдѣла: о бракѣ, объ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми и объ опекѣ. Наслѣдственное право включитъ въ себя два главныхъ отдѣла: о наслѣдованіи въ собственномъ смыслѣ (какъ по закону, такъ и по завѣщанію) и объ отказахъ". 2) Исправ. должн. доцента М. А. *Липинскимъ:* „Честь имѣю заявить Совѣту, что въ наступающемъ академическомъ году по опредѣленію Совѣта я буду читать студентамъ II курса Исторію рус-

скаго права по плану представленному въ прошломъ году, по 3 часа въ недѣлю. Гражданское право студентамъ III курса по 3 часа въ недѣлю (общую часть и вещное право) и студентамъ IV курса, по 2 часа въ недѣлю (обязательственное право) по плану при семъ представляемому. Торговое право—студентамъ IV курса, по 3 часа въ недѣлю, по плану при семъ представляемому. Гражданское судопроизводство—студентамъ IV курса, по 2 часа въ недѣлю, по плану при семъ представляемому.—Планъ преподаванія гражданскаго права: Введеніе. I, Понятіе гражданскаго права какъ науки: предметъ его и задачи. II, Система гражданскаго права. Система римскихъ институцій. Система германская: существо ея, преимущество. Различіе частей общей и особенной. Часть 1-я. Общія ученія. Отдѣлъ 1-й. О юридическихъ нормахъ: А) Общее понятіе о юридическихъ нормахъ. Б) О законахъ. I. Понятіе закона и отличіе его отъ судебныхъ рѣшеній, о юридическихъ актахъ. II. Существо обязательной силы закона. III. Пространство дѣйствія закона: относительно лицъ, относительно мѣста, относительно времени. IV. Толкованіе и аналогическое примѣненіе закона. В) О юридическихъ обычаяхъ. 1. О существѣ юридическихъ обычаевъ. Понятіе обычая и выводы изъ этого понятія. II. О законной силѣ обычаевъ. Постановленія русскаго законодательства о судебномъ примѣненіи обычаевъ. Отдѣлъ 2-й. О юридическихъ отношеніяхъ. Глава I. О правахъ вообще. Существо и виды правъ. Движеніе правъ. Глава II. О лицахъ. А) Общія понятія. О правѣ личности вообще: понятіе и виды правъ личности. Понятіе правоспособности. Б) О лицахъ физическихъ. Особенныя условія правоспособности физическихъ лицъ. В) О юридическихъ лицахъ. Глава III. О вещахъ, какъ

предметахъ правъ. Виды имущества. Глава IV. О юридическихъ дѣйствіяхъ. Понятіе и виды юридическихъ дѣйствій и актовъ вообще. Субъектъ юридическихъ дѣйствій. Соучастіе стороннихъ лицъ въ юридическихъ дѣйствіяхъ. Согласіе. Содержаніе юридическихъ актовъ. Условіе. Срокъ. Побочное обязательство. Форма юридическихъ актовъ. Недѣйствительность и прекращеніе юридическихъ актовъ. Особенности правонарушительныхъ дѣйствій: субъективныя и объективныя. Глава V. О средствахъ охраненія правъ. Охраненіе предупредительное. Обезпеченіе правъ. Возстановительное охраненіе правъ. Общественная защита правъ. О правѣ судебной защиты. Вліяніе процесса на гражданскія права. Часть 2-я. Вещное право. Отдѣлъ 1-й. О вещныхъ правахъ въ собственномъ смыслѣ. Глава I. Владѣніе. Глава II. Право собственности. Овладѣніе. Передача. Видоизмѣненія вещи. Давность владѣнія. Ограниченія права собственности. Глава III. Права въ чужой вещи. Права въ чужой вещи вообще. Глава IV. Общее право собственности. Отдѣлъ 2-й. О правѣ отвлеченной собственности. Глава I. Авторское право. Глава II. Привиллегіи на изобрѣтенія. Часть 3-я. Обязательственное право. Введеніе. Значеніе обязательствъ въ области гражданскаго права. Мѣсто ученія о нихъ въ системѣ гражданскаго права. Порядокъ изложенія этого ученія. Отдѣлъ I. Общее ученіе объ обязательствахъ. Глава 1-я. О существѣ и юридической силѣ обязательствъ. Глава 2-я. О предметѣ и личномъ составѣ обязательствъ. Глава 3-я. О возникновеніи и преимущественномъ движеніи обязательствъ. Объ исполненіи и прекращеніи обязательствъ. Глава 4-я. О средствахъ обезпеченія обязательствъ. Поручительство. Неустойка. Задатокъ. Залогъ. Отдѣлъ II. Объ отдѣльныхъ

формахъ обязательствъ. Глава 1-я. Обязательства отчужденія имуществъ. А) Обязательства безмезднаго отчужденія. Понятія и способы отчужденія. О дареніи вообще. Особыя формы безмезднаго отчужденія: пожалованіе, пожертвованіе, выдѣлъ, назначеніе приданаго. Б) Обязательства безмезднаго отчужденія. I. Мѣна. II. Купля-продажа. Ш. Экспропріація. Глава 2-я. Обязательства къ возврату имущества. Общее правило и виды этихъ обязательствъ. А) Обязательство найма и ссуды имущества. Обязательства заимообразныя. Б) Вексельныя обязательства. Глава 3-я. Обязательства услугъ и совмѣстныхъ выгодъ. Отличіе этой группы обязательствъ отъ предыдущей. Личный наемъ. Подрядъ и поставка. Сохранныя обязательства. Обязательство веденія чужихъ дѣлъ. Б) Обязательства совмѣстныхъ выгодъ. Товарищества. Артели. Глава 4-я. Обязательства, обусловленныя матеріальнымъ ущербомъ. А) Обязательства вытекающія изъ рисковыхъ дѣйствій. I. Страховыя общества. II. Сдѣлки на удачу (на счастье). 1, Игра на интересъ. 2, Лотереи или битье объ закладъ. 3, Сдѣлки на разность.— Планъ преподаванія гражданскаго судопроизводства: Введеніе. I. Понятіе процесса. II. Процессуальныя нормы. Ш. Наука процесса. Отдѣлъ 1-й. Субъекты процесса. Глава 1-я. Судебныя установленія. Глава 2-я. Стороны. Отдѣлъ 2-й. Предметъ процесса. Глава 1-я. Искъ и защита. Глава 2-я. Доказательства. Глава 3-я. Случайныя требованія. Отдѣлъ 3-й. Движеніе процесса. Глава 1-я. Основныя начала. Глава 2-я. Общій порядокъ производства. Глава 3-я. Особенности производства сокращеннаго. Въ концѣ года, когда будутъ пройдены главныя части курса, я думаю часть лекцій удѣлить практическимъ занятіямъ.—Планъ преподаванія торговаго права: Введе-

ніе. Книга 1. Субъекты торговыхъ сдѣлокъ. Отдѣленіе 1-е. Самостоятельные торговые дѣятели. Отдѣленіе 2-е. Вспомогательные торговые дѣятели. Отдѣленіе 3-е. Торговыя товарищества. Книга 2. Объекты торговыхъ сдѣлокъ. Книга 3. Торговыя сдѣлки. Отдѣленіе 1-е. Общія положенія. Отдѣленіе 2-е. Отдѣльныя торговыя сдѣлки. Отдѣленіе 3-е. Морское торговое право".—3) Испр. долж. доцента А. Е. *Миперватымъ*: „Честь имѣю заявить Совѣту, что въ текущемъ учебномъ году при преподаваніи Римскаго права, изъ котораго мнѣ поручено Совѣтомъ чтеніе общей части и изъ особенной—вещнаго права студентамъ 2-го курса по три часа въ недѣлю, я буду держаться слѣдующаго плана: въ общей части будетъ изложено: 1) ученіе о гражданскихъ нормахъ вообще: возникновеніе, виды, дѣйствіе ихъ относительно времени и лицъ, наконецъ толкованіе и восполненіе ихъ; 2) ученіе о гражданскихъ правахъ вообще: природа и виды правъ, субъектъ и объекты ихъ, возникновеніе и прекращеніе, осуществленіе, нарушеніе и защита ихъ; въ вещномъ правѣ ученіе о владѣніи, собственности и правахъ въ чужой вещи, кромѣ закладнаго права, которое будетъ разсмотрѣно въ обязательственномъ правѣ въ отдѣлѣ объ обезпеченіи обязательствъ. Общей части предпосылается введеніе, въ которомъ будетъ указано: предметъ системы Римскаго права, источники, литература и порядокъ изложенія.—При преподаваніи по Институціямъ и Исторіи Римскаго права я буду слѣдовать учебнымъ планамъ, одобреннымъ Совѣтомъ въ прошломъ учебномъ году".—4) Приватъ-доцентомъ А. Р. *Свирщевскимъ*: „По Финансовому праву при двухъ часахъ лекцій въ недѣлю: 1-е полугодіе. Краткій очеркъ исторіи финансовыхъ учрежденій въ Европѣ. Основныя начала финансовой науки:

ученіе о финансовомъ управленіи, о государственныхъ расходахъ и обыкновенныхъ источникахъ дохода (государственные имущества и промыслы, пошлины, прямые и косвенные налоги). Историческій обзоръ финансовой литературы. 2-е полугодіе. Исторія финансовъ въ Россіи. Изложеніе русскаго положительнаго финансоваго права съ параллельными указаніями на западно-европейскія законодательства". —Затѣмъ заслуженный Ординарн. профессоръ С. М. *Шпилевскій*, Ординарный проф. Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскій*, испр. должн. экстраординарныхъ профессоровъ А. Н. *Лодыженскій*, В. Г. *Щегловъ* и А. Е. *Назимовъ*, приватъ-доценты В. Ф. *Левитскій*, князь Е. Н. *Трубецкой* и П. Ѳ. *Бесѣдкинъ* заявили, что въ наступившемъ году они будутъ читать лекціи по планамъ, утвержденнымъ Совѣтомъ и господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ прошедшемъ учебномъ году. **Опредѣлили:** Съ прописаніемъ изложеннаго представить, чрезъ господина Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, въ Министерство Народнаго Просвѣщенія.

5. Нѣкоторые изъ студентовъ подали своевременно сочиненія на преміи. **Опредѣлили:** Передать для прочтенія и дачи Совѣту отзывовъ: сочиненія студентовъ Бочкарева, Рубинштейна, Кантора Маркуса, Михалевича и Смоленскаго—Ординарному профессору Н. С. Суворову; сочиненіе Гурлянда—испр. долж. экстраординарнаго профессора А. Е. Назимову; Борейши—исправл. долж. доцента А. Е. Минервину; Айзенштейна и Феликса Кочаровскаго—приватъ-доценту В. Ф. Левитскому.

6. На основаніи § 32 правилъ представлены въ Совѣтъ Лицея г.г. профессорами и преподавателями Лицея слѣдующія темы для сочиненій студентамъ на пре-

міи: профессоромъ Н. С. *Суворовымъ* по Церковному праву: 1) Отношеніе Императора Θеодосія 2-го и Маркіана къ 3 и 4 вселенскимъ соборамъ. 2) Краткое изложеніе содержанія духовнаго регламента въ связи съ преобразованіями Петра Великаго; по Римскому праву: 1) О корреальныхъ обязательствахъ, 2) О лежачемъ наслѣдствѣ, 3) О естественныхъ обязательствахъ; по Международному праву (А. Н. *Лодыженскимъ*): 1) О національности, 2) О третейскомъ судѣ, 3) О нейтралитетѣ.—В. Г. *Щегловымъ* по Энциклопедіи права: 1) Воззрѣніе на право исторической школы права по сравненію съ естественной школой, 2) Основные взгляды на право Р. Іеринга, 3) Отношеніе права къ морали, 4) Объ юридическихъ символахъ и пословицахъ, 5) О методѣ вообще и методѣ правовѣдѣнія въ частности; по Всеобщей Исторіи права: 1) Задача и способъ историческаго изученія права, 2) О примитивной семьѣ, 3) Взглядъ Мэна на происхожденіе семьи въ первобытномъ обществѣ, 4) Характерныя черты Французскаго феодальнаго права, 5) Отличіе Восточнаго права отъ Античнаго.—По Государственному и Административному праву А. Е. *Назимовымъ*: 1) Городовое положеніе 16 Іюня 1870 года, 2) Воспитательные дома въ Россіи и на западѣ.—Испр. должн. доцента М. А. *Липинскимъ* по Исторіи русскаго права: 1) О залогѣ по древнему русскому праву, 2) Заявленія въ коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія дворянами о ихъ сословныхъ пользахъ и нуждахъ; по Гражданскому праву: 1) Ученіе о владѣніи по русскому праву, 2) Ученіе о литературной собственности, 3) Ученіе объ уступкѣ правъ требованія, 4) Вліяніе отчужденія имущества на договоръ найма; по Торговому праву и Гражданскому Судопроизводству: 1) Источники первой книги Торговаго Уста-

ва, 2) Договоръ страхованія, 3) Судопроизводство по гражданскимъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ уѣзднымъ членамъ окружнаго суда, земскимъ участковымъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, 3) О силѣ судебныхъ рѣшеній. Испр. долж. доцента А. Е. *Минервинымъ* по Институціямъ римскаго права: 1) Такъ называемая бонитарная собственность, 2) Легисъакціонный процессъ; по Исторіи римскаго права: 1) Содержаніе законовъ XII таблицъ, 2) Образованіе и значеніе общенароднаго права въ исторіи римскаго права; по Римскому праву: 1) О пріобрѣтеніи и потерѣ владѣнія, 2) Rei vindicatio. По Политической экономіи: 1) Теоріи цѣнности Рикардо, Менгера и его послѣдователей; 2) Экономическія воззрѣнія Пьера Буйгильберга въ связи съ собственностями хозяйственнаго положенія современной ему Франціи. Приватъ-доцентомъ княземъ Е. Н. *Трубецкимъ:* 1) Ученіе Аристотеля о государственныхъ формахъ дѣйствительности, 2) Civitas Dei Августина. Приватъ-доцентомъ П. Ѳ. *Бесѣдкинымъ:* для 3-го курса—Общеопасныя преступленія, для 4-го курса—Предварительное слѣдствіе, недостатки его и желательная реформа. По Финансовому праву: 1) Финансовое законодательство Петра Великаго, 2) Обложеніе промысловаго дохода въ Россіи и западной Европѣ. **Опредѣлили:** Темы утвердить и объявить о нихъ студентамъ, оставивъ по остальнымъ не показаннымъ выше наукамъ, согласно заявленіямъ г.г. профессоровъ, темы данныя и утвержденныя уже Совѣтомъ на истекшій учебный годъ.

7. Для сочиненій на золотую медаль **Опредѣлили:** Оставить данную въ прошломъ учебномъ году тему по Исторіи русскаго права „Древнее русское судопроизводство по правымъ грамотамъ“, и вновь одобрить тему,

предложенную испр. долж. экстраординарнаго профессора А. Е. Назимовымъ по Государственному праву „Сравнительно исторический очеркъ развитія дворянства въ Россіи и на западѣ Европы“.

1890 года Октября 5-го дня г. Директоръ заявилъ Совѣту, что 7-го сего Октября исполнится 50 лѣтъ службы Директора Императорской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкова и потому предложилъ Совѣту почтить юбиляра телеграммой въ такой редакціи: „Демидовскій Юридическій Лицей привѣтствуетъ Ваше Высокопревосходительство въ день пятидесятилѣтняго юбилея Вашего служенія Русской Наукѣ, высоко почитая Ваши ученыя заслуги и принося Вамъ искреннюю благодарность за Вашу постоянную помощь всѣмъ приходящимъ пользоваться учеными сокровищами знаменитаго книгохранилища, состоящаго подъ Вашимъ высокопросвѣщеннымъ управленіемъ“. **Опредѣлили:** Одобривъ редакцію телеграммы, отослать оную своевременно въ Петербургъ А. Ѳ. Бычкову. Подлинный подписали члены Совѣта, скрѣпилъ Секретарь.

1890 года ноября 3-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: ординарные профессоры Н. С. *Суворовъ* и Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскій;* исправ. должн. экстраординарныхъ профессоровъ А. Н. *Лодыженскій*, В. Г. *Щегловъ* и А. Е. *Назимовъ*; испр. долж. доцентовъ М. А. *Липинскій* и А. Е. *Минервинъ*; приватъ-доценты В. Ф. *Левитскій*, князь Е. Н. *Трубецкой*, П. Ѳ. *Бесѣдкинъ* и А. Р. *Свирщевскій*. Неприсутствовалъ профессоръ Богословія А. П. *Лавровъ* по нахожденію въ отпуску.

Слушали:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 4-го минувшаго Октября за № 11709, которымъ, вслѣдствіе представленія Совѣта, разрѣшаетъ напечатать во Временникѣ Лицея протоколы засѣданій Совѣта 31 Мая, 20 Августа и 7-го Сентября сего года. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію.

3. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 25-го минувшаго Октября за № 12669, которымъ, вслѣдствіе прошенія дѣйствительнаго студента Лицея Василья *Бычкова*, разрѣшаетъ подать ему кандидатское разсужденіе къ 1-му Декабря сего года, такъ какъ онъ не могъ своевременно представить оное вслѣдствіе отбыванія воинской повинности. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и о вышеизложенномъ распоряженіи объявить Бычкову.

4. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 30-го Октября за № 12882, которымъ, вслѣдствіе прошенія бывшаго студента Лицея 1 курса Владиміра *Шестакова* о разрѣшеніи ему вновь поступить на тотъ же курсъ на третій годъ, проситъ о доставленіи мнѣнія по сему предмету. По обсужденіи, **Опредѣлили:** Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ Его Сіятельствомъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о дозволеніи бывшему студенту Владиміру Шестакову вновь поступить на 1-й курсъ на третій годъ.

5. Слѣдующій на имя Директора Лицея отвѣтъ Директора Императорской Публичкой Библіотеки А. Θ. Бычкова на привѣтственную телеграмму, посланную ему Совѣтомъ Лицея въ день пятидесятилѣтняго юбилея: „Милостивый Государь, Сергѣй Михайловичъ! Приношу Вашему Превосходительству и господамъ профессорамъ Демидовскаго Юридическаго Лицея искреннюю признательность за поздравленіе съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ моей служебной и ученой дѣятельности. Весьма польщенъ вниманіемъ, оказаннымъ мнѣ Лицеемъ. Позволяю себѣ препроводить при семъ для Библіотеки Лицея экземпляръ изданнаго Императорскою Академіею Наукъ ко дню моего юбилея библіографическаго списка моихъ трудовъ. Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности". **Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію и библіографическій списокъ трудовъ А. Θ. Бычкова передать въ библіотеку.

6. По разсмотрѣніи списковъ съ баллами, полученными на испытаніяхъ въ Лицеѣ бывшимъ студентомъ Владиміромъ *Камерницкимъ*, прошедшимъ до поступленія въ Лицей полный курсъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго Университета и по зачетѣ ему по нѣкоторымъ предметамъ отмѣтокъ полученныхъ въ Университетѣ, оказалось, что отмѣтки его слѣдующія: по Исторіи Русскаго права, Всеобщей Исторіи права по 5; Римскому праву, Государственному праву, Гражданскому праву, Институціямъ Римскаго права, Торговому праву, Административному праву, Уголовному судопроизводству, Наукѣ о Финансахъ и Церковному Законовѣдѣнію по 4; Энциклопедіи права, Исторіи Римскаго права, Политической Экономіи, Уголовному праву, Международному

праву и Гражданскому судопроизводству по 3, а потому **Опредѣлили:** Считать Камерницкаго окончившимъ полный курсъ юридическихъ наукъ, удостоить его званія дѣйствительнаго студента и выдать надлежащій аттестатъ, снесясь предварительно съ Московскою Казенною Палатою объ исключеніи его изъ мѣщанъ гор. Подольска.

7. Прошеніе студента Лицея 2 го курса Михаила *Сестренцевича* о назначеніи ему стипендіи изъ процентовъ съ капитала Д. Н. Соколова. По разсмотрѣніи этого прошенія и принимая во вниманіе недостаточность Сестренцевича, успѣхи оказанные имъ за 1-й курсъ и удовлетвореніе требованіямъ положенія объ этой стипендіи, **Опредѣлили:** Назначить Сестренцевичу просимую стипендію, которую и выдавать ему съ 1-го Октября; для исполненія же сего постановленія копію съ настоящей статьи журнала передать въ Правленіе Лицея.

8. Прошеніе студента Лицея 4-го курса Зелика *Айзенштейна*, которому исполнилось въ настоящемъ году 27 лѣтъ, о выдачѣ удостовѣренія для представленія въ Воинское Присутствіе на предметъ исходатайствованія отсрочки отбыванія воинской повинности до окончанія образованія. Принимая во вниманіе успѣхи и поведеніе Айзенштейна, **Опредѣлили:** Выдать ему просимое удостовѣреніе.

9. Прошенія студентовъ Лицея 3-го курса Николая *Браиловскаго* и Якова *Эмдина* о разрѣшеніи имъ держать экзамены за 3-й и 4-й курсы въ Маѣ настоящаго учебнаго года. По обсужденіи, **Опредѣлили:** Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ Его Сіятельствомъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи студенту Браиловскому держать экзамены за 3-й и 4-й курсы въ Маѣ 1891 г., Эмдину же въ прошеніи отказать.

10. Слушались: 1) прилагаемые при семъ письменные отзывы о сочиненіяхъ, поданныхъ студентами Лицея на преміи: Ординарнаго профессора *Суворова* о сочиненіяхъ по Римскому праву студентовъ Кантора Маркуса и Михалевича Хрисанфа, по Церковному праву—Бочкарева Вячеслава и Смоленскаго Владиміра, по русскому Гражданскому праву Рубинштейна Гилеля; испр. должн. экстраординарнаго профессора *Щеглова* о сочиненіи по Энциклопедіи права Борейши Болеслава; испр. должн. экстраординарнаго профессора *Назимова* о сочиненіи по Государственному праву студента Гурлянда Ильи; испр. должн. доцента *Минервина* о сочиненіи по Римскому праву студента Максимовскаго Александра. 2) Словесныя заявленія ординарнаго профессора Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскаго* о сочиненіяхъ по Уголовному праву студентовъ Когана Владиміра и Каниа Якова и приватъ-доцента *Левитскаго* о сочиненіи по Политической экономіи студентовъ Айзенштейна Зелика и Кочаровскаго Феликса. По обсужденіи **Опредѣлили**: Назначить большія преміи, т. е. по 50-ти руб. студентамъ Бочкареву Вячеславу, Гурлянду Ильѣ и Рубинштейну Гилелю и малыя—по 25 руб. Борейшѣ Болеславу, Кантору Маркусу, Максимовскому Александру, Михалевичу Хрисанфу и Смоленскому Владиміру; сверхъ того выдать по 15 рублей въ видѣ наградъ за сочиненія студентамъ Айзенштейну Зелику, Канну Якову, Когану Владиміру и Кочаровскому Феликсу, итого 335 рублей. А такъ какъ изъ суммы назначенной на этотъ предметъ по утвержденной г. Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа смѣтѣ остается къ настоящему времени только 140 рублей, то просить разрѣшенія Его Сіятельства г. Попечителя Округа израсходовать еще для выдачи студентамъ пре-

мій за сочиненія изъ суммы сбора за слушаніе лекцій 195 рублей.

11. Ординарный профессоръ Н. С. *Суворовъ* и приватъ-доцентъ В. Ф. *Левитскій* и А. Р. *Свирщевскій* заявили Совѣту о необходимости пріобрѣсти для библіотеки Лицея нѣкоторыя изданія, а именно: Министерства Государственныхъ Имуществъ: матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Спб. 1888 и 1889 г.г.; Департамента Торговли и Мануфактуръ: Сводъ данныхъ о торговыхъ сборахъ въ Россіи за 1885—87 г.г., 2) матеріалы для торгово-промышленной статистики. Статистическіе результаты раскладочнаго и 3% сборовъ за 1885—1887 г. и 3) Сводъ данныхъ и фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1867—88 г.г. Спб. 1890 г.; Департамента Неокладныхъ Сборовъ: 1) матеріалы по вопросу объ измѣненіи системы взиманія табачнаго налога въ Россіи. Спб. 1888 г., 2) отчеты этого Департамента за 1886—89 г.г. (съ приложеніями) и 3) проэктъ о мѣрахъ къ развитію сельско-хозяйственнаго винокуренія въ Россіи; Краткіе обзоры Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ съ почтово-телеграфною статистикою за 1887 и 1888 г.г.; Департамента Таможенныхъ сборовъ: Внѣшняя торговля по европейской границѣ за 1877 и 1882—88 г.г.; Департамента Министерства Путей Сообщенія: Отчеты по эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ; Временное управленіе этихъ дорогъ; Отчеты Императорской публичной библіотеки; Земскіе статистическіе сборники, издаваемые Полтавскою и Херсонскою Земскими Управами. По обсужденіи, **Опредѣлили**: Обратиться съ просьбой въ Департаментъ Общихъ Дѣлъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ Департа-

ментъ Торговли и Мануфактуръ, Департаментъ Неокладныхъ сборовъ, Департаментъ Таможенныхъ сборовъ, въ Департаментъ Министерства Путей Сообщенія и къ г-ну Директору Императорской Публичной Библіотеки не признаютъ ли они возможнымъ выслать въ библіотеку Лицея прописанныя выше изданія; затѣмъ Полтавской и Херсонской Земскимъ Управамъ предложить обмѣнъ ихъ изданій на Временникъ Лицея.

12. Окончившій въ настоящемъ году курсъ наукъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертаціи *Половцевъ* Левъ таковую своевременно представилъ подъ заглавіемъ: „Личный наемъ по X т. I ч. Св. Зак. Рос. Имперіи и corpus juris civilis". **Опредѣлили:** Передать это сочиненіе для разсмотрѣнія и представленія въ Совѣтъ отзыва о немъ исправл. должн. доцента М. А. Липинскому.

13. На основаніи § 61-го правилъ, утвержденныхъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10-го Сентября 1883 г., для экзаменовъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ вновь поступившимъ въ нынѣшнемъ году студентамъ, желающимъ освободиться на будущее полугодіе отъ взноса платы за слушаніе лекцій, **Опредѣлили:** Назначить слѣдующіе предметы: Энциклопедію права, Институціи Римскаго права и Исторію Русскаго права.

14. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи представленныхъ приватъ-доцентомъ П. Ѳ. *Беседкинымъ* отзывовъ о кандидатскихъ сочиненіяхъ окончившихъ въ настоящемъ году курсъ наукъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента: *Перошкова* Василья „Отличіе присвоенія отъ похищенія" и *Иванова* Алексѣя „Выдача преступниковъ", **Опредѣлили:** Удостоить вышеозначен-

ныхъ студентовъ степени кандидата юридическихъ наукъ, въ чемъ и выдать имъ надлежащіе аттестаты.

15. Испр. должн. экстраординарн. профессора Лицея В. Г. *Щегловъ* заявилъ Совѣту, что имъ изготовлено къ печати сочиненіе „Государственный Совѣтъ въ царствованіе Александра I", которое и проситъ напечатать во Временникѣ Лицея. **Опредѣлили:** Разрѣшить къ напечатанію во Временникѣ Лицея названное сочиненіе.

16. Г. Директоръ заявилъ Совѣту, что въ число студентовъ приняты имъ: на 1-й курсъ Маіоровъ Василій изъ Московскаго Университета (Воронежской гимназіи); Малиновскій Владиміръ изъ Московскаго Университета (Самарской гимназіи); на 2-й курсъ Севастьяновъ Даніилъ бывшій студентъ Лицея; на 3-й курсъ Куклинъ Михаилъ изъ Дерптскаго Университета (Иркутской гимназіи); Фрадкинъ Соломонъ изъ бывшихъ студентовъ Лицея; на 4-й курсъ Бартеневъ Геннадій изъ Московскаго Университета (Костромской гимназіи) и Шукста Казиміръ изъ Московскаго Университета (Либавской гимназіи). **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

17. Г. Директоръ заявилъ Совѣту, что въ теченіи Сентября и Октября мѣсяцевъ 18⁹⁰/₉₁ учебнаго года г.г. профессорами и преподавателями Лицея прочитано и пропущено слѣдующее число лекцій.

	въ сентябрѣ.		въ октябрѣ.	
	Прочитано.	Пропущено.	Прочитано.	Пропущено.
Заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. М. Шпилевскимъ . .	8	6	33	0

Ординарными профессорами:				
Н. С. Суворовымъ	23	0	40	0
Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ .	8	6	24	2
Проф. Богословія А. П. Лавровымъ .	0	5	0	10
Испр. дол. экстраорд. проф.				
А. Н. Лодыженскимъ . . .	4	2	16	0
В. Г. Щегловымъ . . .	15	0	6	18
А. Е. Назимовымъ . . .	8	0	16	2
Испр. дол. доцентовъ:				
М. А. Липинскимъ . . .	25	0	34	17
А. Е. Минервинымъ . . .	0	20	38	0
Приватъ доцентами:				
В. Ф. Левитскимъ . . .	10	0	6	10
Княземъ Е. Н Трубецкимъ . .	4	0	6	0
П. Ѳ. Бесѣдкинымъ . . .	6	0	12	2
А. Р. Свирщевскимъ . . .	1	0	7	0
Итого . . .	112	39	238	61

Показанное количество лекцій пропущено: С. М. *Шпилевскимъ* 3 по болѣзни и 3 по дѣламъ службы, Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскимъ* 2 по болѣзни и 6 по нахожденію въ отпуску, А. П. *Лавровымъ*, А. Н. *Лодыженскимъ*, В. Г. *Щегловымъ*, А. Е. *Минервинымъ* и В. Ф. *Левитскимъ* по нахожденію въ отпуску; А. Е. *Назимовымъ*, М. А. *Липинскимъ* и П. Ѳ. *Бесѣдкинымъ*—по болѣзни. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

(*Приложенія къ ст. 10-й*).

1) Студентъ IV курса Маркусъ Канторъ и студентъ III курса Хрисанфъ Михалевичъ представили мнѣ выдающіеся изъ ряда другихъ, подобныхъ же работъ, переводы втораго и третьяго титуловъ четвертой книги дигестовъ императора Юстиніана. Переводы обоихъ названныхъ студентовъ, сравнительно съ переводами нѣкоторыхъ изъ товарищей, представленными мнѣ въ концѣ прошлаго учебнаго года въ качествѣ курсовыхъ работъ, отличаются вдумчивостью въ текстъ дигестовъ и удачною передачею на русскій языкъ тѣхъ казусовъ и общихъ положеній, которые содержатся въ титулахъ: „quod metus causá gestum erit" и „de dolo malo", за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ ошибочнаго перевода. Переводчики, для удовлетворительнаго выполненія своей задачи, должны были выяснить для себя массу техническихъ терминовъ, встрѣчающихся въ означенныхъ титулахъ и относящихся къ разнымъ отдѣламъ гражданскаго права: вещному, обязательственному и наслѣдственному праву. Ясное пониманіе терминологіи переводчики засвидѣтельствовали какъ текстомъ перевода самого, такъ и основными подстрочными примѣчаніями.—Ходатайствую предъ Совѣтомъ о награжденіи ихъ обоихъ малыми преміями.

2) Изъ числа сочиненій по церковному праву я нашелъ заслуживающими премій сочиненія: студентовъ IV курса Бочкарева и Смоленскаго. Первый представилъ мнѣ сочиненіе на тему: „Стоглавъ и исторія собора 1551 года". Авторъ обнаружилъ замѣчательное трудолюбіе, значительную начитанность и умѣнье справляться съ историческимъ матеріаломъ. Собственно говоря, по плану, намѣченному для себя авторомъ, сочиненіе его должно было заканчиваться изложеніемъ, болѣе или ме-

нѣе систематическимъ, самыхъ постановленій, содержащихся въ книгѣ „Стоглавъ“; на самомъ же дѣлѣ въ сочиненіи изложены не всѣ постановленія, а только относящіяся къ Богослуженію и церковнымъ уставамъ. Но если бы даже г. Бочкаревъ и совсѣмъ не начиналъ систематическаго обозрѣнія постановленій, содержащихся въ Стоглавѣ, работа его вполнѣ заслуживала бы полной преміи, въ чемъ можно убѣдиться изъ перечня заголовковъ отдѣльныхъ главъ изслѣдованія, не считая той послѣдней главы, въ которой онъ приступилъ къ обозрѣнію постановленій Стоглава. За награжденіе его полною преміей я и высказываюсь.

Студентъ Смоленскій представилъ работу на тему: „Переводъ CXXIII новеллы, содержаніе ея и сопоставленіе съ Базиликами“. Авторъ перевелъ весьма удовлетворительно знаменитую CXXIII новеллу императора Юстиніана, состоящую изъ 44-хъ главъ съ прологомъ и эпилогомъ и не безъ основанія названную нѣкоторыми изслѣдователями „compendium juri canonici“ по богатству ея содержанія. Г. Смоленскій, излагая въ русскомъ переводѣ содержаніе этой новеллы, слѣдилъ вмѣстѣ съ тѣмъ за тѣми измѣненіями, которыя испытала она въ IX в. въ эпоху македонскаго законодательства, такъ что надъ каждой главой новеллы отмѣчено, въ примѣчаніяхъ, что вошло въ Базилики, въ цѣломъ или измѣненномъ видѣ, и что совсѣмъ не вошло. Въ концѣ же перевода Смоленскій резюмировалъ систематически всѣ отдѣльныя постановленія, которыя содержатся въ CXXIII новеллѣ по девяти рубрикамъ или главамъ, которыя авторъ установилъ при помощи теоретическихъ началъ, почерпнутыхъ имъ изъ курса церковнаго права. Я ходатайствую о награжденіи его малою преміею.

3) По русскому гражданскому праву представлено мнѣ сочиненіе студентомъ IV курса Рубинштейномъ на тему: „О принадлежностяхъ имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ по русскому праву“. Авторъ съ успѣхомъ выполнилъ то, чего можно было ожидать отъ него при извѣстной бѣдности русской юридической литературы. Теоретическая сторона вопроса разъясняется имъ на основаніи изслѣдованія Функе: Die Lehre von den Pertinenzen“, и тѣхъ замѣчаній, которыя можно найдти въ „System des oesterreichischen allgemeinen Rechts“ Унгера, а также у К. П. Побѣдоносцева въ его курсѣ гражданскаго права. Что касается положительнаго законодательства, то авторъ, не довольствуясь 1 частью X тома свода законовъ гражданскихъ, тщательно собралъ подходящія статьи изъ разныхъ уставовъ, помѣщенныхъ въ другихъ томахъ свода законовъ Россійской имперіи. Но что всего болѣе заслуживаетъ похвалы въ авторѣ,—это непосредственное знакомство со многими кассаціонными рѣшеніями Правит. Сената,—путь, который, какъ извѣстно, при бѣдности русской юридической литературы, для разработки многихъ вопросовъ Гражданскаго права оказывается единственнымъ путемъ. Я ходатайствую предъ Совѣтомъ о награжденіи студента Рубинштейна большою преміей.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи студента III курса Болеслава Борейши, представленномъ на премію въ 1890—91 академическомъ году.

Сочиненіе студента Б. Борейши: „Методъ правовѣдѣнія“ посвящено изложенію одного изъ важныхъ и

трудныхъ вопросовъ правовѣдѣнія. Въ началѣ своего труда авторъ прежде всего констатируетъ внутреннюю связь между состояніемъ знаній въ общественной жизни и степенью развитія ученія о методахъ и тутъ же указываетъ на исходную точку изслѣдованія всѣхъ міровыхъ явленій (однообразіе и постоянство всего порядка природы) и цѣль самого изслѣдованія (открытія законовъ міровой жизни). Вслѣдъ за этимъ Борейша даетъ понятіе о методахъ и его родахъ (индукціи и дедукціи) и долго останавливается на всѣхъ подробностяхъ общаго ученія о методахъ, принятаго въ современной наукѣ, говоритъ о видахъ наведенія, его средствахъ, ступеняхъ индукціи и дедукціи и особенно главныхъ и вспомогательныхъ пріемахъ индукціи при изученіи міровыхъ явленій. Прежде, однако, чѣмъ показать, какъ эти общіе научные пріемы примѣняются при изученіи юридическихъ явленій, авторъ касается смежнаго съ методологіей вопроса и классификаціи наукъ и въ концѣ изложенія заявляетъ, что онъ будетъ имѣть дѣло только съ наиболѣе важной и главной частью науки о правѣ, занимающейся открытіемъ законовъ юридическихъ явленій. Исходя изъ той мысли, что приложеніе того или другаго метода (индукціи или дедукціи) къ изученію явленій обусловливается особеннымъ содержаніемъ и задачей той или другой отрасли знанія, которая изслѣдуетъ эти явленія, Борейша старается выяснить въ краткомъ историческомъ очеркѣ вопроса объ образованіи права сущность и характерные черты права. Доказанная современной наукой закономѣрность соціальныхъ явленій даетъ право автору утверждать, что и при изученіи законовъ юридическихъ явленій, какъ части общественныхъ, должны быть примѣнимы такіе методы, какіе употребляются и при изслѣ-

дованіи всѣхъ соціальныхъ явленій. Особенныя свойства и характеръ законовъ юридической жизни общества заставляютъ современнаго изслѣдователя не ограничиваться однимъ національнымъ правомъ, а прибѣгать и къ сравнительно—историческому его изученію. Изложеніемъ взглядовъ на сущность и задачу сравнительно-историческаго метода существующихъ въ современной литературѣ науки исторіи права, и заканчивается сочиненіе Борейши.

Несомнѣннымъ достоинствомъ труда автора является, обнаруживаемое въ немъ, знакомство съ выдающимися работами по методологіи вообще и методѣ правовѣдѣнія въ частности. Борейшѣ извѣстны какъ русскія, такъ и многія иностранныя изслѣдованія по вопросу о методѣ и другимъ общимъ вопросамъ соціальнаго и юридическаго знанія. Таковы сочиненія: О. Конта, Савиньи, Вундта, Д. С. Милля, Джевонса, Іеринга, Фримана, Спенсера, Мэна, Аренса, Сергѣевича, Ренненкампфа и мног. другихъ ученыхъ. Замѣтно только, что обширная литература вопроса и его сравнительная разработанность въ наукѣ не обезпечиваютъ автору достаточно полное и ясное изложеніе предмета. Во многихъ мѣстахъ своего изслѣдованія Борейша приводитъ просто цитаты изъ разныхъ сочиненій ученыхъ, не считая нужнымъ выяснить ихъ взгляды какими-либо конкретными примѣрами или доказательствами. Вопросъ и примѣненіе методовъ къ сферѣ юридическихъ явленій излагается авторомъ также не съ достаточной полнотою, которая можетъ быть достижима и притомъ слишкомъ сжатомъ изложеніи предмета, какой употребляетъ авторъ. Поэтому Борейша и приходитъ къ неожиданному и невѣрному заключенію, что изслѣдованіе законовъ юридическихъ явленій возмож-

но только дедуктивнымъ методомъ, между тѣмъ какъ самъ же авторъ доказываетъ, между прочимъ, въ своемъ сочиненіи ту мысль, что сложныя міровыя явленія, къ которымъ относятся всѣ соціальныя, могутъ быть изучаемы только посредствомъ наблюденія, какъ средства наведенія. Отвергая приложимость индукціи къ изслѣдованію юридическихъ явленій, Борейша не показываетъ, почему различные пріемы индукціи (пріемы совпаденія, разницы сопутствующихъ измѣненій и остатковъ), употребляемые съ успѣхомъ въ естественныхъ наукахъ, оказываются непримѣнимыми въ соціальныхъ. Если бы авторъ занялся этимъ частнымъ, но важнымъ вопросомъ, а также обратилъ бы вниманіе на такъ называемую популярную индукцію (inductio per enumerationem), при посредствѣ которой возможно только открытіе соціальныхъ законовъ, то его работа много выиграла бы въ полнотѣ и опредѣленности отъ этихъ нужныхъ для его труда дополненій. Но авторъ уклоняется изъ излишней скромности даже отъ необходимаго по задачѣ его работы обстоятельнаго изложенія главныхъ взглядовъ на сравнительно-историческую методу, хотя въ тоже время много говоритъ о различныхъ побочныхъ предметахъ и повторяетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ одно и тоже. Эта несистематичность въ изложеніи предмета, странная въ работѣ, которая трактуетъ о методѣ, невольно бросается въ глаза точно также, какъ и пропускъ цѣлой (органической) школы въ историческомъ очеркѣ вопроса объ образованіи права и нѣкоторыя вычурныя или совсѣмъ лишнія выраженія автора, отъ отсутствія которыхъ его работа нисколько не проиграла-бы. Такъ авторъ называетъ природу то „загадочнымъ сфинксомъ“, то „покорной собакой у ногъ человѣка“, вставляетъ неожиданно

среди серьезной научной рѣчи о достоинствахъ индукціи и дедукціи пословицу: „всякому овощу свое время", говоритъ о Сциллѣ и Харибдѣ, аренѣ человѣческой мысли и проч. Большинство указанныхъ мною недостатковъ сочиненія Борейши нужно отнести къ тому обстоятельству, что самый предметъ его труда представляется труднымъ и сложнымъ въ наукѣ права. Но при всѣхъ погрѣшностяхъ работы автора, вся она въ тоже время свидѣтельствуетъ о томъ, какъ много и усердно поработалъ авторъ надъ своимъ дѣломъ и какъ при всѣхъ затрудненіяхъ, встрѣчающихся ему на пути и до извѣстной степени неизбѣжныхъ въ его положеніи неопытнаго еще изслѣдователя, онъ, все таки съумѣлъ составить краткій очеркъ обширнѣйшаго въ наукѣ вопроса, сдѣлать во многихъ мѣстахъ работы болѣе или менѣе точную характеристику научныхъ взглядовъ, а въ нѣкоторыхъ вставить и свои иногда вѣрныя замѣчанія. Въ виду этихъ достоинствъ сочиненія студента Борейши и большой его эрудиціи по вопросу о методѣ я нахожу возможнымъ просить Совѣтъ Лицея наградить автора малой преміей.

Испр. долж. экстраорд. проф. *В. Щегловъ.*

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи студента IV курса Ильи Гурлянда «Историко-критическій очеркъ цензуры въ Россіи».

Сочиненіе Ильи Гурлянда состоитъ изъ двухъ частей: теоретическаго введенія и историко-критическаго очерка цензурныхъ мѣропріятій въ Россіи. Въ теоретической части своего изслѣдованія, авторъ, слѣдуя Штейну, подробно разсматриваетъ уголовныя и полицейскія

мѣры, служащія къ огражденію частнаго и общественнаго интереса противъ злоупотребленій печатнымъ словомъ и даетъ сжатую характеристику главныхъ періодовъ исторіи законодательства по дѣламъ печати въ западной Европѣ. Авторъ не только вполнѣ ясно и удобопонятно излагаетъ ученіе Л. Штейна о свободѣ печати (см. Verwaltungslechre VI), но и сопровождаетъ свое изложеніе весьма дѣльными критическими замѣчаніями; все это, конечно, нельзя не поставить въ заслугу автору. Во второй части въ послѣдовательномъ порядкѣ разсматривается отношеніе русскаго правительства къ свободѣ печати въ допетровскій періодъ, въ эпоху Петра, его преемниковъ, при Александрѣ I, Николаѣ I и, наконецъ, современное положеніе печати въ Россіи. Основнымъ источникомъ при обработкѣ означенныхъ отдѣловъ служило Пол. Собр. Зак., а въ качествѣ пособія авторъ, можно сказать, воспользовался почти всѣмъ, что было писано въ нашей литературѣ по означенному предмету. Отношеніе автора къ историческому матеріалу вполнѣ добросовѣстное, а трудъ его, въ цѣломъ, несомнѣнно доказываетъ способность автора къ научнымъ работамъ. Въ виду означенныхъ достоинствъ и не смотря на нѣкоторые недостатки изслѣдованія Гурлянда, выразившіеся главнымъ образомъ въ отсутствіи органической связи между теоретической и историко-критической частью изслѣдованія, равно какъ и въ отсутствіи нѣкоторой исторической перспективы при критикѣ мѣропріятій ограничивающихъ свободу печати, я считаю сочиненіе Гурлянда достойнымъ полной преміи.

Испр. долж. экстраорд. проф. *А. Назимовъ.*

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи студента IV курса Александра Максимовскаго подъ заглавіемъ Fidejussio (поручительство), представленномъ имъ на соисканіе преміи.

Указавъ въ введеніи тѣ потребности, которыя вызвали необходимость института поручительства въ правѣ, г-нъ Максимовскій излагаетъ исторію этого института въ римскомъ правѣ и затѣмъ переходитъ къ догматическому изложенію ученія о поручительствѣ по Юстиніановскому праву. Раскрывъ главный характеръ поручительства и отношеніе его къ главному долгу, онъ даетъ общее опредѣленіе поручительства, затѣмъ указываетъ дѣйствіе поручительства: а) обязанности поручителей, б) права поручителей: регрессъ поручителей къ главному должнику и сопоручителямъ и заканчиваетъ свое изложеніе вопросомъ о прекращеніи поручительства. Какъ видно изъ сочиненія, г. Максимовскій пользовался при изложеніи ученія о поручительствѣ не только учебниками Барона, Вангерова, но и спеціальными сочиненіями: Нолькена (Ученіе о поручительствѣ по римскому праву и современнымъ законодательствамъ) и Гиртаннера (Die Bürgschaft nach gemeinem Civilrechte. Iena. 1851). Указанныя пособія въ главномъ г. Максимовскимъ вполнѣ усвоены, изложеніе послѣдовательно, въ ясной формѣ. Какъ на недостатокъ сочиненія можно указать на то, что онъ свои положенія не всегда подкрѣпляетъ источниками, нѣкоторыя частныя положенія оставлены имъ безъ надлежащаго освѣщенія и, наконецъ, встрѣчаются положенія не вполнѣ вѣрныя. Не смотря на эти недостатки,

я считаю возможнымъ наградить г. Максимовскаго за его сочиненіе малой преміей.

Испр. дол. доцента *А. Минервинъ*.

(*Приложеніе къ ст. 14-й*).

ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ сочиненіи Василія Перошкова «Отличіе присвоенія отъ похищенія».

Нельзя сказать, чтобы авторъ вполнѣ удачно справился съ поставленной имъ себѣ задачей: отграничить присвоеніе отъ похищенія, указывая, съ одной стороны, признаки сходства этихъ двухъ типовъ преступныхъ дѣяній, а съ другой—признаки ихъ различія. Понятіе фактическаго обладанія—этого punctum saliens всей работы—очевидно осталось для автора смутнымъ, иначе онъ первый отрекся бы отъ вывода, что „нахожденіе или ненахожденіе чужаго имущества у виновнаго въ моментъ присвоенія является весьма существеннымъ признакомъ, разграничивающимъ такія два понятія, какъ присвоеніе и похищеніе". Вообще говоря, на сочиненіи лежитъ печать торопливости; встрѣчаются противорѣчія, происхожденіе коихъ можно объяснить только недосмотромъ (напр. стр. 4 и 5); нѣкоторые термины и обороты рѣчи неудачно взяты въ буквальномъ переводѣ съ нѣмецкаго языка: напр. отобраніе (очевидно переводъ слова Wegnahme), вмѣсто взятія, корыстолюбивый (вѣроятно, переводъ слова gewinnsuchtig), вмѣсто корыстный, кража надъ собственною вещью (an der eigene Sache); вмѣсто—собст-

венной вещи и т. д. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе, что избранная г. Перошковымъ тема относится къ числу очень трудныхъ, что авторъ потратилъ на изслѣдованіе ея много труда и что притомъ онъ добросовѣстно познакомился съ рекомендованными ему русскими и нѣмецкими пособіями, я считаю возможнымъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ о признаніи его достойнымъ искомой степени.

Приватъ-доцентъ *П. Бесѣдкинъ.*

ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ сочиненіи Алексѣя Иванова «Выдача преступниковъ».

Сочиненіе г-на Иванова распадается на три части: исторію, догму и теорію выдачи преступниковъ. Изложенію ихъ предпослано введеніе, въ которомъ сдѣланъ обстоятельный очеркъ ученій о дѣйствіи уголовнаго закона въ пространствѣ, имѣющихъ въ данномъ случаѣ до нѣкоторой степени преюдиціальное значеніе. Въ своемъ изслѣдованіи автору приходилось касаться многихъ чрезвычайно важныхъ и въ тоже время спорныхъ вопросовъ, какъ напр. вопроса о замѣнѣ договорной системы выдачи кодификаціонною, о выдачѣ политическихъ преступниковъ, и въ частности лицъ, посягнувшихъ на жизнь главы государства, о случаяхъ коллизіи требованій и основаніяхъ для ихъ разрѣшенія, о системахъ оцѣнки предъявленныхъ требованій и т. д. Авторъ повсюду обнаруживаетъ основательное знакомство, какъ съ русской, такъ и съ иностранной литературой предмета и умѣнье

и привычку работать. Къ недостаткамъ сочиненія слѣдуетъ отнести через чуръ краткое, такъ сказать догматическое, изложеніе нѣкоторыхъ спорныхъ положеній права выдачи (стр. 13 и др.), и встрѣчающіяся по мѣстамъ противорѣчія. Такъ, напр., выдвигая на каждомъ шагу, какъ основной принципъ современности, идею тѣснаго международнаго общенія и солидарности (стр. 4, 8 и др.), отдавая предпочтеніе въ вопросѣ о дѣйствіи уголовныхъ законовъ въ пространствѣ космополитической теоріи (стр. 13—14), признавая, наконецъ, обязательную силу обвинительныхъ приговоровъ одного государства для всѣхъ другихъ, г. Ивановъ въ тоже время отказывается признать значеніе rei judicatae за приговорами оправдательными, упуская изъ вида, что правило non bis in idem распространяется не только на повторное наказаніе лицъ однажды уже осужденныхъ, но и на вторичное привлеченіе къ суду оправданныхъ. Подобнаго же рода противорѣчіе замѣчается и по вопросу о порядкѣ выдачъ (стр. 38 и 43) и по нѣкотор. друг. Но всѣ эти недостатки, имѣя характеръ второстепенный, съ избыткомъ выкупаются положительными сторонами работы, такъ что я не колеблюсь признать сочиненіе г. Иванова вполнѣ удовлетворяющимъ своему назначенію.

Приватъ-доцентъ *П. Бесѣдкинъ.*

1890 года Декабря 8-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго,* присутствовали: Ординарные профессоры: Н. С. *Суворовъ* и Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскій;* Испр. должн. экстраорд. профессоровъ: А. Н. *Лодыженскій,* В. Г. *Щегловъ* и А. Е.

Назимовъ; Испр. должн. доцентовъ: М. А. *Липинскій* и А. Е. *Минервинъ;* Приватъ-доценты: В. Ф. *Левитскій*, князь Е. Н. *Трубецкой* и П. Ѳ. *Бесѣдкинъ*. Не присутствовали: Профессоръ Богословія А. П. *Лавровъ* по нахожденію въ отпуску.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 1-го минувшаго Ноября за № 12986, коимъ увѣдомляетъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣсвѣщенія, въ 20-й день Октября сего года, Высочайше соизволилъ на утвержденіе Кандидата *Каткова* исправляющимъ должность доцента Лицея по каѳедрѣ Римскаго права. По прочтеніи, г. Директоръ заявилъ, что Катковъ явился уже и просилъ доложить Совѣту, что онъ можетъ читать лекціи, по крайней мѣрѣ на первый годъ, не болѣе трехъ часовъ въ недѣлю и именно на 2-мъ только курсѣ и что при чтеніи онъ вполнѣ будетъ придерживаться утвержденнаго уже Совѣтомъ плана, составленнаго испр. должн. доцента *Минервинымъ*, читающимъ по порученію Совѣта до сихъ поръ Римское право на 2-мъ курсѣ по 3 часа въ недѣлю за вознагражденіе по 200 р. за годовой часъ. Переходя затѣмъ къ вопросу о чтеніи того же Римскаго права на 3-мъ курсѣ, слушаніе коего для студентовъ этого курса, равно какъ и втораго, обязательно на основаніи § 39-го правилъ для студентовъ, г. Директоръ напомнилъ Совѣту Высочайшее повелѣніе,

состоявшееся 13 Сентября 1888 года и сообщенное Лицею г. Попечителемъ Округа 23-го того же Сентября за № 9898-мъ, по коему при назначенiи Кандидата *Нечаева* испр. должн. доцента по Римскому же праву, поручено было чтенiе той же науки еще ординарному профессору *Суворову* съ вознагражденiемъ за два недѣльныхъ часа по 400 руб. въ годъ, и затѣмъ предложенъ былъ вопросъ: сколько лекцiй Совѣтъ считаетъ необходимымъ для чтенiя нынѣ Римскаго права на 3-мъ курсѣ и кому поручить это чтенiе? Имѣя въ виду, что Римское право на 3-мъ курсѣ читается уже нынѣ по порученiю Совѣта и съ надлежащаго утвержденiя ординарнымъ профессоромъ Суворовымъ по 4 часа въ недѣлю, что учебные планы на текущiй годъ одобрены уже Совѣтомъ и что профессоръ Суворовъ оказывается нынѣ, послѣ назначенiя Каткова, въ томъ же положенiи, въ какомъ былъ при назначенiи Нечаева, когда профессору Суворову поручено было съ Высочайшаго соизволенiя чтенiе Римскаго права при наличности штатнаго преподавателя по два часа, съ разницей лишь въ числѣ часовъ, то, считая Высочайшее повелѣнiе 13-го Сентября 1888 г. неотмѣненнымъ, Совѣтъ постановилъ ходатайствовать о порученiи чтенiя Римскаго права на 3-мъ курсѣ Ординарному профессору Суворову еще двухъ часовъ съ вознагражденiемъ по 200 р. за годовой часъ впредь до того времени, когда Совѣтъ найдетъ возможнымъ возложить на г. Каткова большее число часовъ.

3. Предложенiе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 6-го минувшаго Ноября за № 13219, коимъ увѣдомляетъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенiя въ 20-й день Октября сего года Высочайше соизво-

лилъ на ношеніе лицами, окончившими послѣ введенія устава 1874 года курсъ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ, жетона, Высочайше утвержденнаго для лицъ, окончившихъ курсъ въ Университетахъ, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, чтобы на жетонѣ заглавныя буквы Университета были замѣнены заглавными—помянутаго Лицея. При этомъ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія дополнилъ, что означенный жетонъ отнюдь не долженъ быть носимъ на подобіе знаковъ отличія. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

4. Прошенія окончившихъ въ настоящемъ году курсъ наукъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени Кандидата юридическихъ наукъ по представленіи диссертацій Николая *Троицкаго* и Леонида *Ушакова* объ отсрочкѣ имъ подачи диссертацій,—первому вслѣдствіе болѣзни, а второму по случаю отбыванія имъ въ настоящее время воинской повинности. Признавая причины, препятствующія означеннымъ студентамъ представить въ срокъ кандидатскія сочиненія, уважительными, **Опредѣлили:** Отсрочить Троицкому и Ушакову подачу кандидатскихъ диссертацій до 1-го Іюня 1891 года, о чемъ ихъ и увѣдомить.

5. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи отзывовъ о кандидатскихъ сочиненіяхъ окончившихъ въ нынѣшнемъ году курсъ наукъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента: 1) Ординарнаго профессора Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскаго* о сочиненіи *Стригалева* Геннадія „Дѣйствіе уголовнаго закона во времени“ и 2) испр. должн. доцента М. А. *Липинскаго* о сочиненіи *Половцева* Льва подъ названіемъ: „Личный наемъ по X т. I ч. Свода законовъ Россійской Имперіи и Corpus juris civilis“, **Опредѣлили:** Удостоить вышеозначенныхъ

студентовъ степени Кандидата юридическихъ наукъ, о чемъ и выдать имъ надлежащіе аттестаты; отзывы же о ихъ сочиненіяхъ напечатать во Временникѣ Лицея.

6. Окончившіе курсъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени Кандидата по представленіи диссертацій *Бычковъ* Василій и *Марковъ* Константинъ таковыя своевременно представили, первый: „О татебныхъ и разбойныхъ дѣлахъ по Уложенію царя Алексѣя Михайловича 1649 года, сравнительно съ новоуказными статьями 1669 года“ и второй: „Организація обвиненія на Западѣ и въ Россіи до судебной реформы Императора Александра II“. **Опредѣлили:** Передать эти сочиненія для прочтенія и доставленія въ совѣтъ отзывовъ, первое—С. М. *Шпилевскому*, а второе—П. Ѳ. *Бесѣдкину*.

7. Отношеніе Инспектора студентовъ Томскаго Университета отъ 16 минувшаго Ноября за № 1628, которымъ проситъ высылать, если это признается возможнымъ, издаваемый Лицеемъ Временникъ безплатно для общежитія студентовъ Томскаго Университета. **Опредѣлили:** Высылать Временникъ, по мѣрѣ выхода его въ свѣтъ, для общежитія студентовъ Томскаго Университета, начавъ таковую высылку съ 51-й книги.

8. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ: на 1-й курсъ—*Безбородовъ* Ѳедоръ, бывшій студентъ Лицея и на 3-й курсъ—*Горецкій* Иванъ тоже изъ бывшихъ студентовъ Лицея. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

9. По разсмотрѣніи въ настоящемъ засѣданіи Совѣта доставленнаго въ оный библіотекаремъ списка русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ, **Опредѣлили:** Выписать на будущій годъ журналы и газеты по составленному библіотекаремъ списку.

(*Приложеніе къ ст. 5-й*).

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи Геннадія Стригалева «О дѣйствіи уголовнаго закона во времени», представленномъ на степень кандидата.

Изложивъ въ началѣ положенія господствующей доктрины по данному вопросу, авторъ затѣмъ подробно передаетъ ученія русскихъ юристовъ, защищающихъ эти положенія, а именно—Спасовича, Кистяковскаго, Малышева, Неклюдова и Градовскаго. Противоположность господствующей доктринѣ представляетъ ученіе, защищаемое на Западѣ главнымъ образомъ Биндингомъ, а у насъ его послѣдователями—Таганцевымъ и Сергіевскимъ. Авторъ обстоятельно излагаетъ ученіе этихъ послѣднихъ двухъ криминалистовъ, причемъ подвергаетъ его критикѣ, приводя большею частью уже высказанныя другими возраженія, а иногда и свои собственныя, изъ коихъ нѣкоторыя довольно мѣтки. Въ общемъ сочиненіе г. Стригалева представляетъ добросовѣстную работу, показывающую, что авторъ не на вѣру только воспринимаетъ тѣ или другія ученія, а способенъ и къ нѣкоторой самостоятельности во взглядахъ, а потому я полагалъ бы возможнымъ удостоить г-на Стригалева степени кандидата юридическихъ наукъ.

Ордин. проф. *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій*.

1890 года Декабря 17-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарные профессоры: Н. С. *Суворовъ* и Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскій;* Испр. должн. экстраорд. профессоровъ: А. Н. *Лодыженскій*, В. Г. *Щегловъ* и А. Е. *Назимовъ;* Исправл. должн. доцента А. Е. *Минервинъ;* Приватъ-доценты: В. Ф. *Левитскій*, князь Е. Н. *Трубецкой* и П. Ѳ. *Бесѣдкинъ*. Неприсутствовали: Профессоръ Богословія А. П. *Лавровъ* по нахожденію въ отпуску; испр. должн. доцента М. А. *Липинскій* и приватъ-доцентъ А. Р. *Свирщевскій* по болѣзни.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 15 минувшаго Ноября за № 13582, которымъ, въ виду недостаточности суммы ассигнованной въ текущемъ году на выдачу премій за лучшія сочиненія студентамъ, разрѣшаетъ употребить на этотъ предметъ сто девяносто пять рублей изъ спеціальныхъ средствъ Лицея, счетъ 2-й, суммы сбора за слушаніе лекцій. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію и для удовлетворенія студентовъ, которымъ присуждены преміи, передать въ Правленіе Лицея копію съ заслушаннаго предложенія.

3. Предложеніе г. Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 11 сего Декабря за № 15106, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ студенту Лицея 1-го курса Владиміру.

Шестакову остаться на томъ же курсѣ на третій годъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

4. Отчетъ о годичныхъ занятіяхъ за 1890 г., представленный стипендіатомъ состоящимъ при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію Всеволодомъ *Удинцовымъ*. **Опредѣлили:** Передать отчетъ для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ о немъ испр. должн. доцентовъ М. А. Липинскому и М. М. Каткову.

5. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 21 минувшаго Ноября за № 1735, которымъ проситъ избрать депутата для участія въ засѣданіи Предварительнаго Комитета 5 Января 1891 г. въ Москвѣ для выработки программы имѣющаго быть въ 1893 году въ гор. Вильнѣ IX Археологическаго съѣзда. По выслушаніи сего члены Совѣта предложили принять на себя обязанности депутата отъ Лицея на засѣданіи Комитета г. Директору Лицея С. М. *Шпилевскому* и, получивъ его согласіе на это, **Опредѣлили:** Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи командировки г. Директору въ Москву для присутствованія въ Комитетѣ Археологическаго Общества, и въ случаѣ разрѣшенія означенной командировки, просить г-на Попечителя выдать г-ну Директору на расходы по командировкѣ семьдесятъ пять рублей изъ спеціальныхъ средствъ Лицея, счетъ 2-й, (суммы сбора за слушаніе лекцій).

6. Отношеніе Московскаго Библіографическаго Кружка отъ 24 минувшаго Ноября за № 42 слѣдующаго содержанія: „По Уставу Московскаго Библіографическаго Кружка, утвержденному г-мъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 31 Іюля сего года, задачи этого Кружка состоятъ

въ составленіи и изданіи полнаго систематическаго каталога русскихъ книгъ, какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ, рукописей, періодическихъ изданій и иностранныхъ книгъ въ Россіи, а также въ образованіи музея и библіотеки какъ спеціально библіографическихъ, такъ и вообще рѣдкихъ книгъ. Приступая въ настоящее время къ исполненію намѣченныхъ задачъ, Московкій Библіографическій Кружокъ имѣетъ въ виду описывать книги не иначе, какъ съ натуры. Нуждаясь поэтому въ обзорѣ каждой заносимой книги или рукописи, Кружокъ обращается къ Лицею съ просьбой не отказать въ сообщеніи ему свѣдѣній какъ о числѣ книгъ, находящихся въ библіотекѣ Лицея, такъ равно и о нахожденіи въ ней болѣе рѣдкихъ книгъ или рукописей, а также открыть и доступъ въ книгохранилище тѣмъ членамъ кружка, которые возьмутъ на себя трудъ описывать находящіяся въ немъ книги, причемъ члены эти будутъ снабжены особымъ отъ Комитета Кружка удостовѣреніемъ. Вмѣстѣ съ симъ Кружокъ проситъ не отказать ему въ пожертвованіи для его библіотеки издаваемыхъ Лицеемъ извѣстій, отчетовъ, диссертацій и вообще всего, что не поступаетъ въ продажу, или что можетъ быть уступлено безъ ущерба для книгохранилища. Обращаясь съ такими просьбами къ Лицею, какъ ревнителю интересовъ науки, Кружокъ считаетъ долгомъ заявить, что имъ руководитъ въ этомъ случаѣ исключительно желаніе принести возможную русской наукѣ пользу и надѣется, что Лицей не откажетъ въ своемъ содѣйствіи и почтитъ Кружокъ отвѣтомъ“. При семъ приложенъ экземпляръ Устава названнаго выше Кружка. **Опредѣлили:** Доставить Кружку желаемыя имъ о библіотекѣ свѣдѣнія, открывъ доступъ въ библіотеку членамъ этого Кружка, о чемъ Кружокъ и

увѣдомить, выславъ въ оный книги Временника Лицея съ 51-й и впредь высылать по выходѣ таковыхъ.

7. Прошеніе студента Лицея 3-го курса Евгенія *Фосса*, пробывшаго до поступленія въ Лицей на Медицинскомъ Факультетѣ Казанскаго Университета $1^{1}/_{2}$ года и изъ онаго за участіе въ безпорядкахъ исключеннаго, о допущеніи его къ экзаменамъ за 3-й и 4-й курсы въ Маѣ текущаго года. По обсужденіи, **Опредѣлили:** Просить ходатайства Его Сіятельства г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи студенту Лицея Евгенію Фоссу сдавать экзамены за 3-й и 4-й курсы въ Маѣ текущаго учебнаго года, если признается возможнымъ зачесть ему въ число четырехъ обязательныхъ (согласно § 28 устава Лицея) для пребыванія въ Лицеѣ лѣтъ полтора года, проведенные имъ въ Казанскомъ Университетѣ не на Юридическомъ Факультетѣ, каковые годы Лицеемъ безусловно засчитываются, а на Медицинскомъ.

8. Г.г. профессорами и преподавателями Лицея въ истекшемъ Ноябрѣ прочитано и пропущено слѣдующее число лекцій:

	Прочитано.	Пропущено.
Заслуженнымъ ордин. профессоромъ		
С. М. Шпилевскимъ	27	4
Ординарными профессорами:		
Н. С. Суворовымъ	34	0
Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ . . .	20	4

Проф. Богословія А. П Лавровымъ . .	0	10
Испр. д. Экстраорд. профессоровъ:		
А. Н. Лодыженскимъ	8	6
В. Г. Щегловымъ	15	3
А. Е. Назимовымъ	10	2
Испр. должн. доцентовъ:		
М. А. Липинскимъ	38	6
А. Е. Минервинымъ	34	2
Приватъ доцентами:		
В. Ф. Левитскимъ	12	0
Княземъ Е. Н. Трубецкимъ	8	0
П. Ө. Бесѣдкинымъ	14	2
А. Р. Свирщевскимъ	8	0
Итого . . .	228	39

Показанное число лекцій пропущено: С. М. Шпилевскимъ, Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ, А. Е. Назимовымъ, М. А. Липинскимъ, А. Е. Минервинымъ и П. Ө. Бесѣдкинымъ по болѣзни, А. П. Лавровымъ, В. Г. Щегловымъ и А. Н. Лодыженскимъ—по нахожденію въ отпуску. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію

9. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ Лицея принятъ перешедшій изъ Московскаго Университета студентъ Павелъ *Аносовъ* и что онъ же уже выбылъ изъ студентовъ; выбылъ также *Волковъ* Алексѣй. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

Приложеніе къ журналу Совѣта 20 Августа 1890 года.

РОСПИСАНІЕ ЧАСОВЪ

ЧТЕНІЯ ЛЕКЦІЙ ВЪ ДЕМИДОВСКОМЪ ЮРИДИЧЕСКОМЪ ЛИЦЕѢ ВЪ 1890–91 УЧЕБНОМЪ ГОДУ.

Тип. Г. Фалькъ. 90.

ДНИ.	ЧАСЫ.	I-го КУРСА.	II-го КУРСА.	III-го КУРСА.	IV-го КУРСА.
Понедѣльникъ.	10—11	Исторія политическихъ ученій. Приватъ-доцентъ князь Е. Н. Трубецкой.		Церковное законовѣдѣніе. Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ.	
	11—12		Финансовое право. Приватъ-доцентъ А. Р. Свирщевскій.		
	12—1	Богословіе. Профессоръ А. П. Лавровъ.	Исторія русскаго права. Исправляющій должность доцента М. А. Липинскій.	Уголовное право. Приватъ-доцентъ П. Ѳ. Бесѣдкинъ.	Семейное и наслѣдственное право. Заслуж. ордин. профессоръ С. М. Шпилевскій.
	1—2				Уголовное судопроизводство. Приватъ-доцентъ П. Ѳ. Бесѣдкинъ.
Вторникъ.	10—11	Институціи римскаго права. Исправляющій должность доцента А. Е. Минервинъ.		Церковное законовѣдѣніе. Орд. профессоръ Н. С. Суворовъ.	
	11—12				
	12—1	Исторія русскаго права. Заслуженный ординарный профессоръ С. М. Шпилевскій.	Государственное и административное право. Испр. долж. экстраорд. профессора А. Е. Назимовъ.	Уголовное право. Ординарный профессоръ Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій.	Гражданское судопроизводство. Испр. должность доцента М. А. Липинскій.
	1—2				
Среда.	10—11	Богословіе. Профессоръ А. П. Лавровъ.	Политическая экономія. Приватъ-доцентъ В. Ф. Левитскій.	Римское право. Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ.	
	11—12	Энциклопедія права. Испр. долж. экстраорд. профессора В. Г. Щегловъ.			Международное право. Испр. долж. экстраорд. профессора А. Н. Лодыженскій.
	12—1		Государственное и административное право. Испр. долж. экстраорд. профессора А. Е. Назимовъ.	Гражданское право. Исправл. должность доцента М. А. Липинскій.	
	1—2	Всеобщая исторія права. Испр. долж. экстраорд. профессора В. Г. Щегловъ.			Семейное и наслѣдственное право. Заслужен. ордин. профессоръ С. М. Шпилевскій.
Четвергъ.	10—11	Исторія римскаго права. Исправл. должность доцента А. Е. Минервинъ.		Римское право. Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ.	
	11—12				
	12—1	Исторія русскаго права. Заслужен. ординар. профессоръ С. М. Шпилевскій.	Политическая экономія. Приватъ-доцентъ В. Ф. Левитскій.	Уголовное право. Ординарный профессоръ Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій.	Гражданское право. Испр. должность доцента М. А. Липинскій.
	1—2				
Пятница.	10—11	Институціи римскаго права. Исправляющій должность доцента А. Е. Минервинъ.		Церковное законовѣдѣніе. Орд. профессоръ Н. С. Суворовъ.	Международное право. Испр. долж. экстраорд. профессора А. Н. Лодыженскій.
	11—12	Исторія римскаго права. Исправляющій должность доцента А. Е. Минервинъ.	Финансовое право. Приватъ-доцентъ А. Р. Свирщевскій.		
	12—1	Исторія русскаго права. Заслужен. ординарн. профессоръ С. М. Шпилевскій.	Римское право. Исправляющій должность доцента А. Е. Минервинъ.		Торговое право. Исправляющій должность доцента М. А. Липинскій.
	1—2				Гражданское право. Исправляющій должность доцента М. А. Липинскій.
Суббота.	10—11		Римское право. Исправляющій должность доцента А. Е. Минервинъ.		Торговое право. Исправляющій должность доцента М. А. Липинскій.
	11—12	Энциклопедія права. Испр. долж. экстраорд. профессора В. Г. Щегловъ.			
	12—1		Исторія русскаго права. Исправляющій должность доцента М. А. Липинскій.	Уголовное право. Ординарный профессоръ Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій.	Уголовное судопроизводство. Приватъ-доцентъ П. Ѳ. Бесѣдкинъ.
	1—2	Всеобщая исторія права. Испр. должн. экстраорд. профессора В. Г. Щегловъ.			

Директоръ *С. Шпилевскій.*

историческомъ изученіи теоріи или объ исторіи политической экономіи. Кромѣ того, комментируя историческую точку зрѣнія въ теоретической экономіи, Книсъ вездѣ имѣетъ въ виду только одну часть экономическихъ теорій, оцѣнивающихъ явленія современнаго хозяйства съ нравственно-политической точки зрѣнія т. е., другими словами, онъ постоянно смѣшиваетъ хозяйственную теорію съ хозяйственной политикой. Такъ, напримѣръ, развивая весьма подробно ту мысль, что въ основаніи каждой народно хозяйственной теоріи лежитъ политическое и нравственное міровоззрѣніе данной эпохи, онъ указываетъ на тотъ общеизвѣстный фактъ, что для экономическихъ воззрѣній грековъ имѣли рѣшающее значеніе ихъ политическіе идеалы о всемогуществѣ государства. Именно изъ этого политическаго міросозерцанія вытекали слѣдующія черты хозяйственныхъ воззрѣній грековъ: второстепенное значеніе, придаваемое греками хозяйственной дѣятельности, признаніе безусловнаго права вмѣшательства государства въ частно-хозяйственныя отношенія и признаніе необходимости рабства, мотивированное тѣмъ, что граждане должны быть свободны для занятій дѣлами государственнаго управленія [10]. Книсъ, такимъ образомъ, касается здѣсь только тѣхъ хозяйственныхъ теорій древнихъ грековъ, которыя имѣли своею цѣлію опредѣлить, насколько существовавшія въ Греціи хозяйственныя отношенія между классами народа отвѣчали политическому міровоззрѣнію грековъ. Но въ хозяйственныхъ теоріяхъ есть и другая сторона, это тѣ ученія, которыя не задаются цѣлію одобрять, или порицать существующія отношенія, а только изобразить ихъ, какъ они есть и на какихъ началахъ они основаны. Но и тамъ гдѣ Книсъ, по всѣмъ признакамъ, говоритъ объ историческомъ развитіи теоретической политической экономіи, онъ вездѣ разсматриваетъ одну сторону предмета — зави-

10) Idem стр. 256; 257—270.

симость теорій отъ фактовъ исторической действительности, составляющей ихъ фундаментъ. Онъ обращаетъ вниманіе на тѣ измѣненія въ теоріяхъ, которыя зависятъ отъ перемѣнъ въ складѣ самой хозяйственной жизни, гдѣ всякіе новыя факты, напримѣръ, техническія изобрѣтенія, возникновеніе крупной обработывающей промышленности и т. п. рождаютъ новыя задачи для теоретической экономіи. Но Книсъ вездѣ опускаетъ изъ виду другую важную сторону въ прогрессивномъ развитіи экономическихъ теорій, зависящую не отъ наблюденія вновь возникшихъ фактовъ, или же фактовъ, пропущенныхъ прежними изслѣдованіями, но отъ достоинства научныхъ пріемовъ объясненія тѣхъ хозяйственныхъ явленій, которыя остаются безъ перемѣны. Изъ того факта, что хозяйственныя явленія, должны разсматриватся какъ продукты историческаго развитія Книсъ выводитъ слѣдующій постулятъ для теоретической науки о народномъ хозяйствѣ. Задача политической экономіи, по воззрѣнію Книса, должна заключаться въ уясненіи закономѣрности хозяйственныхъ явленій, но эта задача не можетъ быть выполнена на основаніи изученія какой либо одной стадіи развитія народнаго хозяйства напр. той, которую мы наблюдаемъ въ наше время у культурныхъ народовъ Европы, но на основаніи наблюденія процесса развитія народнаго хозяйства въ теченіи всей его исторіи [11]). И такъ, по Кнису, теоретическая экономія должна быть построена на основаніи изученія всего предшеству-

11) Шмоллеръ, въ своихъ возраженіяхъ на книгу Менгера о методахъ политической экономіи, подобнымъ же образомъ понимаетъ задачи политической экономіи. Онъ упрекаетъ старую догматическую экономію англійской школы, что она занимается только современнымъ хозяйствомъ западной Европы. По его мнѣнію, классическая школа впала въ большія методологическія ошибки, потому что принимала науку относительно современнаго хозяйства за науку о народномъ хозяйствѣ вообще. Политическая экономія, по Шмоллеру, должна быть ничѣмъ другимъ, какъ теоріей развитія хозяйственныхъ учрежденій, построенной на основаніи изученія хозяйственной исторіи всѣхъ народовъ.

ющаго процесса хозяйственной исторіи народовъ [12]). Какимъ же образомъ можно примирить существованіе одной теоріи хозяйства, построенной на основаніи изслѣдованія всего процесса исторіи народнаго хозяйства, съ существованіемъ различныхъ историческихъ формацій хозяйственнаго быта? Самъ Книсъ констатируетъ въ исторіи народнаго хозяйства три характерныя фазы развитія—натуральное, денежное и кредитное хозяйство. Тогда каждой изъ этихъ фазъ соотвѣтствуетъ особый складъ общественныхъ и государственныхъ формъ жизни, поэтому теорія, которая, по Кнису, должна быть построена на основаніи всей хозяйственной исторіи человѣчества, непремѣнно представляла бы смѣшеніе качественно различныхъ хозяйственныхъ явленій различныхъ историческихъ эпохъ [13]). Недоразумѣніе, вызываемое разсужденіями Книса, о построеніи общей теоріи политической экономіи на основаніи всей исторіи хозяйственнаго развитія человѣчества, разрѣшается категорическимъ утвержденіемъ съ его стороны, что такая теорія политической экономіи должна быть ничѣмъ инымъ, какъ „теоріей развитія" народнаго хозяйства или просто исторіей хозяйства [14]). Итакъ, въ конечномъ результатѣ изслѣдованій Книса единственной задачей экомической науки, во всемъ ея составѣ, должна быть та, которую обыкновенное пониманіе относитъ къ исторіи хозяйственнаго быта, а въ такомъ случаѣ между политической экономіей и исторіей народнаго хозяйства теряется всякое различіе. По видимости самъ Книсъ при послѣдующемъ пересмотрѣ своего сочиненія замѣтилъ допущенную имъ коренную ошибку, судя по нѣкоторымъ оговоркамъ во второмъ изданіи его книги. Въ этомъ послѣднемъ изданіи онъ счелъ необходимымъ преж-

12) Idem стр. 492.
13) Idem стр. 410.
14) Idem стр. 361, 364.

нее заглавіе книги „Die politische Oekonomie vom Standtpuncte der Geschichtlichen Methode“ замѣнить другимъ — „Die P. Oek. vom Geschichtlichen Standpuncte“, которое въ этотъ разъ представлялось ему болѣе соотвѣтствующимъ содержанію сочиненія. Прежнее заглавіе, говоритъ Книсъ, было бы вполнѣ правильно, если бы задача политической экономіи исчерпывалась однимъ лишь историческимъ изслѣдованіямъ и къ этому онъ прибавляетъ: „но въ какихъ бы обширныхъ размѣрахъ мы не опирались на исторію и съ какимъ бы особеннымъ удареніемъ не указывали на ея свидѣтельства, тѣмъ не менѣе ни въ какомъ случаѣ не должна быть смѣшиваема спеціальная задача, которую преслѣдуетъ исторія съ тою, которую имѣетъ въ виду политическая экономія“ [15]). Но, сдѣлавъ эту общую поправку въ предисловіи къ новому изданію своего сочиненія, Книсъ, тѣмъ не менѣе, въ самомъ текстѣ его оставилъ безъ всякой перемѣны свои прежнія воззрѣнія, несмотря на многія и обширныя дополненія, которыми онъ снабдилъ новое изданіе, состоящія, большею частью, изъ обозрѣній новѣйшей литературы по политической экономіи.

---

15) См. предисловіе къ изданію 1882 г. стр. VI—VII.

VI.

Этическое направленіе въ политической экономіи.

Въ германской экономической литературѣ впервые зашла рѣчь объ этическомъ направленіи и о необходимости особой этической точки зрѣнія на народное хозяйство—по поводу различныхъ неправильностей въ воззрѣніяхъ манчестерской школы. Здѣсь, поэтому, умѣстно припомнить, что въ ученіи этой школы заключались двѣ принципіальныя ошибки. Школа эта, во первыхъ, игнорировала характерныя черты отличія явленій общественной жизни отъ явленій физической природы и отождествляла законы народнаго хозяйства съ законами природы. Въ этомъ ученіи коренилось основаніе своеобразнаго воззрѣнія манчестерской школы на вмѣшательство государства въ хозяйственную жизнь; на акты государственнаго законодательства, издаваемые съ цѣлію улучшить тѣ или другія стороны хозяйственнаго быта народа, школа эта смотрѣла какъ на попытки нарушить естественныя законы народнаго хозяйства, установленные божественнымъ промысломъ на основаніяхъ столь же неизмѣнныхъ, какъ и законы природы, попытки эти, по мнѣнію школы, никогда не удадутся, такъ какъ волею людей невозможно измѣнить законовъ экономическихъ, но ихъ можно только извратить къ большему вреду для человѣческаго общества. Въ самой крайней формѣ доказывалъ этотъ принципъ Мальтусъ по отношенію къ принимавшимся въ его время мѣрамъ для поднятія уровня благосостоянія англійскихъ рабочихъ (см. его теорію народонаселенія); Коб-

денъ и Брайтъ защищали этотъ же принципъ по отношенію къ торговлѣ и промышленности. Это же воззрѣніе ставило всю школу въ систематическую опозицію противъ фабричнаго законодательства о рабочихъ, въ эпоху, такъ называемаго, движенія чартистовъ. Вторая принципіальная ошибка манчестерской школы состояла въ томъ, что она считала хозяйственное устройство, формы распредѣленія благъ и т. п. имѣвшія мѣсто въ Англіи 19 вѣка — общественно хозяйственнымъ идеаломъ для всѣхъ временъ и народовъ. Это послѣднее воззрѣніе, хотя оно никогда не было общепризнаннымъ въ Англіи, тѣмъ не менѣе имѣло многихъ весьма знаменитыхъ сторонниковъ.

Ошибки манчестерскаго ученія въ свое время вызвали рѣзкую критику со стороны представителей исторической школы и на почвѣ этого протеста противъ воззрѣній манчестерской школы образовалось особое „этическое направленіе“ въ политической экономіи, какъ одна изъ разновидностей исторической школы. Къ сторонникамъ этическаго направленія надо отнести всѣхъ тѣхъ экономистовъ исторической школы, которые, сосредоточивъ свое главное вниманіе на выясненіи роли психическихъ и этическихъ факторовъ въ хозяйственной жизни, въ то же время пытались найти въ психологіи, этикѣ и морали соотвѣтствующія исходныя начала для реформы не только ученія о хозяйственной политикѣ государства, но всей вообще политической экономіи, въ ея системѣ, задачахъ и методахъ. Воззрѣнія различныхъ писателей, заявившихъ, такъ или иначе, свою принадлежность къ этическому направленію, представляютъ столько существенныхъ отличій, что, минуя ихъ въ общей характеристикѣ, мы не дали бы надлежащаго представленія объ этическомъ направленіи въ политической экономіи. Въ виду этого мы постараемся изложить здѣсь, сначала, воззрѣнія отдѣльныхъ главнѣйшихъ представителей этическаго направленія и уже затѣмъ сдѣлать общую характеристику всей школы.

Еще Книсъ въ своемъ сочиненіи выше нами разсматриваемомъ посвятилъ нѣсколько страницъ характеристикѣ политической экономіи, какъ этической науки. Затѣмъ, Шмоллеръ написалъ цѣлое сочиненіе, посвященное выясненію вліянія права и морали на хозяйственный бытъ. Каутцъ въ своемъ сочиненіи „Политическая экономія какъ наука“, которое послѣ сочиненія Книса надо считать другимъ важнѣйшимъ трактатомъ исторической школы по методологіи политической экономіи, задается цѣлію представить „уясненіе того, по его мнѣнію, отраднаго явленія въ политической экономіи, которое удобнѣе всего обозначить названіемъ историко-этическаго направленія, внѣ котораго нельзя достигнуть никакихъ серьезныхъ результатовъ, ни въ области теоретическихъ изслѣдованій, ни въ области практическихъ нуждъ“ [1]). Наконецъ, Густавъ Конъ ставитъ прямою задачею своего трактата „Основанія политической экономіи“ — „представить въ систематической и цѣльной формѣ, что надо подразумѣвать подъ политической экономіей, какъ этической наукой“.

Мы начнемъ наше изложеніе съ воззрѣній Шмоллера. Процессъ историческаго развитія общественно хозяйственной жизни, говоритъ Шмоллеръ, выражается, между прочимъ, въ морализированіи общества, въ постепенномъ подчиненіи началамъ права и морали всѣхъ естественно сложившихся отношеній и неравенствъ. Такъ природа создала различія рассъ, крови, подчиненіе слабаго сильному, рабство и т. п., но право и мораль сглаживаютъ эти естественныя различія. Народное хозяйство, составляющее одну изъ сторонъ общественной жизни, имѣетъ дѣло съ формами этическихъ и правовыхъ направленій и отношеній. Посредствомъ „этоса“ [2]) человѣкъ

---

1) См. Kautz, Nationalökonomie, als Wissenschaft. Wienn. 1858 года. Einleitung.

2) Шмоллеръ пользуется двумя различными словами—Sitte и Etos для выраженія одного и того же понятія, слово Sitte на русскій языкъ не перево-

создаетъ свой второй, такъ сказать, параллельный міру физическому—міръ культуры, въ которомъ видное мѣсто занимаетъ народное хозяйство. Природный инстинктъ возбуждаетъ въ человѣкѣ голодъ, заставляетъ его гоняться за добычею, а человѣкъ создаетъ по этому поводу институтъ собственности съ его атрибутами—правами завѣщанія и наслѣдованія, въ силу котораго онъ является владѣльцемъ добытаго, и т. п. При отсутствіи извѣстной степени развитія „этоса“ не можетъ существовать ни рынковъ, ни обмѣна, ни денежнаго обращенія, ни раздѣленія труда, ни кастъ, ни рабовъ, ни государства. Ни въ одномъ состояніи общества, на какой бы ступени развитія оно не находилось, мы не встрѣчаемъ хозяйственныхъ отношеній, состоящихъ изъ чисто техническихъ процессовъ. Эти послѣдніе регулированы обычаями, нравами и правомъ [3]). Въ этомъ и заключается глубокая разница между естественною исторіею борьбы за существованіе въ животномъ мірѣ и исторіей человѣческой культуры. Поэтому и въ политическихъ наукахъ догматическія ученія о естественномъ неравенствѣ людей, о необходимости подчиненія общественныхъ отношеній этому естественному факту, должно, по мнѣнію Шмоллера, уступить мѣсто другому ученію, утверждающему, что общественная организація, хотя и покоится на механическихъ основаніяхъ существующаго въ данное время неравенства людей, но тѣмъ не менѣе не остается навсегда неизмѣнною и что неравенства людей, какъ созданныя человѣческою культурою должны также измѣниться въ результатѣ дальнѣйшаго культурнаго развитія. Формы распредѣленія продуктовъ, семья, собственность, хотя и основываются въ извѣстной мѣ-

---

димо, а то что желаетъ сказать имъ Шм. лучше всего передаетъ греческое слово „Etos“, обнимающее собою всѣ вообще нравственно одобрительные и неодобрительные акты человѣческой дѣятельности.

3) См. Schmoller. Übereinige Frage des Rechtsund Nationalökonomie. стран. 35.

рѣ на неизмѣнныхъ фактахъ, данныхъ отъ природы, но въ гораздо большей степени они являются продуктомъ нравственнаго развитія и прогресса и постоянно измѣняются подъ вліяніемъ новыхъ моральныхъ воззрѣній и новыхъ хозяйственныхъ отношеній [4]).

Комментируя, далѣе, основныя воззрѣнія своей школы, Шмоллеръ говоритъ, что обыкновенно различіе между этической и англійской абстрактной школой видятъ только въ томъ особенномъ положеніи, которое заняла этическая школа по отношенію къ хозяйственной роли государства. Такъ, нерѣдко подъ этическимъ направленіемъ разумѣютъ школу экономистовъ, настаивающихъ на необходимости вмѣшательства государства въ частно-хозяйственныя отношенія; въ этомъ смыслѣ этическое направленіе было бы простымъ противоположеніемъ теоріи „lessez faire, lessez passer“. На самомъ же дѣлѣ указаніе на роль государства въ хозяйственной жизни сдѣланное этическою школою есть признакъ того, что школа эта пришла къ особымъ воззрѣніямъ на отношеніе народнаго хозяйства къ морали и праву, воззрѣніямъ отличающимся отъ общепринятыхъ. И это новое воззрѣніе на народное хозяйство въ его отношеніяхъ къ морали и праву называется этическимъ, хотя въ извѣстномъ смыслѣ, его также можно назвать психологическимъ. Психологическій элементъ въ народномъ хозяйствѣ есть въ сущности тоже самое, что и этическій; психологическіе мотивы суть факторы, продуктомъ которыхъ является „этосъ“. Въ этомъ смыслѣ государство, какъ единство извѣстнаго рода политическихъ учрежденій, есть психологическій фактъ, представляющій собою въ конкретныхъ формахъ выраженіе этическихъ стремленій, понятій и представленій народа. Но въ основаніи тѣхъ связей, которыя соединяютъ отдѣльныя частныя хозяйства въ

4) Тоже, стр. 24, 28—29.

одно цѣлое — народное хозяйство, лежитъ не только общность политическая, но и общность чувствъ, стремленій, общность рѣчи, исторіи, воспоминаній, нравовъ и идей — словомъ общій „этосъ“, какъ греки обыкновенно обозначали кристализовавшееся въ нравахъ и правѣ общественное сознаніе [5]).

Шмоллеръ не признаетъ существованія особаго вида явленій, которыя можно было бы назвать хозяйственными, въ отличіе отъ явленій этическихъ, политическихъ и правовыхъ. То, что обыкновенно разумѣется подъ хозяйственными явленіями слагается изъ трехъ родовъ фактовъ: техническихъ, этическихъ и правовыхъ [6]). По его мнѣнію, Англійская школа ограничивала область политической экономіи исключительно изслѣдованіемъ технической стороны хозяйственныхъ явленій и вовсе игнорировала другой рядъ причинъ — значеніе нравовъ, права, моральныхъ чувствъ и культурныхъ идей, господствующихъ надъ всѣмъ народнымъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, явленія рабочей платы, прибыли, ренты, цѣны, процента, объясненіемъ которыхъ занималась классическая школа, съ точки зрѣнія Шмоллера, суть чисто техническіе факты. Слово экономія, говоритъ Шмоллеръ словами Дюнуаіе (Dunoyer), выражаетъ ничто иное, какъ идею порядка, закона и правила. Изъ этическихъ элементовъ слагается не только все содержаніе такихъ крупныхъ хозяйственныхъ институтовъ, которыми характеризуются отдѣльныя эпохи хозяйственной исторіи, какъ рабство, крѣпостничество, феодализмъ, цѣховая организація, та или другая аграрная система, но каждый мѣлкій фактъ хозяйственной жизни напр. спросъ на товаръ есть ничто иное, какъ частица конкретной исторіи этическихъ отношеній у даннаго народа, въ данный моментъ времени. Вопросы хозяйственой организаціи сводятся къ вопро-

5) Тоже, стр. 30—31.
6) Тоже, стр. 33 сопоставить съ 42.

су о томъ, какимъ образомъ основные психологическіе факторы у даннаго народа видоизмѣняются „этосомъ“ и правомъ [7]). Вопросы объ организаціи народнаго хозяйства т. е. важнѣйшіе и самые интересные вопросы нашей науки суть не только вопросы техники, но они также вопросы психологіи, права и этическаго порядка жизни. Надо замѣтить, что слово этическій Шмоллеръ употребляетъ въ двухъ совершенно различныхъ значеніяхъ. Мы только что видѣли, что словомъ „этическій“ онъ обозначалъ всѣ явленія психическія, независимо отъ того одобряются ли они, или считаются предосудительными съ точки зрѣнія существующей морали. Въ другихъ случаяхъ фактическія хозяйственныя отношенія, напр. существующія формы распредѣленія національго дохода, онъ противупоставляетъ нравственнымъ идеямъ, согласно которымъ должна быть реформирована хозяйственная жизнь [8]).

Всѣ предыдущія соображенія объ этическомъ характерѣ хозяственныхъ явленій и о процессѣ морализированія хозяйсвенныхъ отношеній по мѣрѣ успѣховъ человѣческой культуры, даютъ Шмоллеру основаніе требовать созданія особой „соціальной политики“, новаго хозяйственнаго „этоса“ или хозяйственнаго законодательства, которое должно распространиться на всѣ стороны хозяйственной жизни, какъ то: банковое дѣло, желѣзнодорожное хозяйство, фабричное производство, бытъ рабочихъ. Это хозяйственное законодательство должно поставить предѣлы личному произволу и многія хозяйственныя отношенія заключить въ рамки, быть можетъ, даже болѣе тѣсныя чѣмъ тѣ, которыя мы встрѣчаемъ въ цѣховомъ правѣ [9]). Шмоллеръ не представляетъ себѣ экономической теоріи иначе, какъ въ формѣ хозяйственной политики, которую онъ въ отличіе отъ „простого искуства“ называетъ „теоріей от-

7) Тоже стр. 37.
8) Тоже стр. 41.
9) Тоже стр. 50.

дѣльныхъ вопросовъ и составныхъ частей современнаго хозяйства“ а также „практической или прикладной экономіей“. Содержаніе проэктируемой имъ, взамѣнъ чистой теоріи хозяйства, прикладной экономіи заключается въ слѣдующемъ. Прикладная экономія должна намъ изобразить исторію хозяйства отдѣльныхъ народовъ, напр. исторію нѣмецкаго, французскаго, или англійскаго хозяйства послѣдняго столѣтія со стороны его аграрной, промышленной и торговой политики, включая сюда объясненіе причинъ и послѣдствій отдѣльныхъ мѣропріятій. Въ такомъ видѣ прикладная экономія явится системой „понятій, типовъ и отношеній“ заимствованныхъ изъ общей теоріи политической экономіи, но примѣненныхъ къ объясненію причинъ отдѣльныхъ явленій, которыя совершенно блѣднѣютъ и стушевываются на той картинѣ хозяйственныхъ отношеній, какую рисуетъ намъ, такъ называемая, общая экономическая теорія. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ существеннаго различія въ методахъ прикладной и теоретической экономіи; по мнѣнію Шмоллера, оно только graduelle, а не fundamentale [10]). Въ позднѣйшихъ своихъ статьяхъ Шмоллеръ еще рѣшительнѣе высказывается за существованіе одной общей „философско-этической“ науки о народномъ хозяйствѣ т. е. одной прикладной экономіи, безъ чистой науки, при чемъ уже этой наукѣ онъ теперь даетъ названіе теоретической экономіи. Такая теоретическая экономія, по его мнѣнію „должна представлять ничто иное, какъ собраніе отдѣльныхъ знаній, разбросанныхъ въ ученіи о хозяйственной политикѣ и о финансахъ“ [11]).

Нѣкоторыя характерныя особенности представляютъ возрѣнія Каутца на политическую экономію, какъ историко-этиче-

---

10) См. Schmoller. Zur Methodologie der Staats — und Socialwissenschaften' Iahrbuch f. Gesetzg. Verwalt. und Volkswirth. 1883 г. стр. 981—982.

11) См. редакціонныя примѣчанія Шмоллера къ статьѣ Hassbach. Uber das Studium Wirthschaftswissenschaften. Iahrbuch f. Gesetz und Volkswirth. 1887 года стр. 166, 169.

скую науку. Каутцъ считаетъ экономическія явленія особою категоріей явленій общественной жизни и говоритъ о вліяніи на складъ общественной жизни другихъ категорій явленій — правовыхъ, моральныхъ, религіозныхъ, и т. п. [12]). Политическая экономія, по Каутцу, есть наука историческая, о законахъ развитія народнаго хозяйства, и, въ то же время, этико-философская. Какъ историко-этическая наука, политическая экономія имѣетъ своей задачей служить пассивнымъ отраженіемъ существующей дѣйствительности, поэтому, имѣя дѣло только съ данными явленіями исторически сложившимися, она должна показать въ чемъ состоятъ эти явленія и какъ они образовались. Словомъ, историческая наука о народномъ хозяйствѣ не имѣетъ ничего общаго съ требованіями, предъявляемыми къ общественной жизни въ силу тѣхъ или другихъ нравственныхъ идеаловъ, въ качествѣ же этико-философской науки, политическая экономія занимается изслѣдованіемъ того, что еще не осуществлено въ данный историческій моментъ въ хозяйственномъ быту народовъ, но что, по требованію нравственнаго сознанія, должно быть осуществлено. Если въ качествѣ исторической науки политическая экономія является отраженіемъ дѣйствительности (Abbild), то въ качествѣ науки этической она является прообразомъ (Vorbild) того, что должно со временемъ сдѣлаться достояніемъ исторической дѣйствительности. По совокупности этихъ двухъ характерныхъ чертъ политической экономіи Каутцъ называетъ ее вообще этико-философскою опытною наукою (Etisch-philosophischen Erfahrungswissenschaft) [13]), но онъ того мнѣнія, что обѣ эти задачи, коренным образомъ различающіяся между собою, — т. е. изображеніе общественно-хозяйственныхъ отношеній, какъ они есть и какъ они должны быть — могутъ и должны соста-

---

1) Kautz, Nationalökonomie, als Wissenschaft. 1858 года стр. 136; стр. 219, 221.

13) Тоже, стр. 305—318.

вить предметъ только одной нераздѣльной науки о народномъ хозяйствѣ. Политическая экономія, по его воззрѣнію, это не только анатомія и физіологія, но, въ тоже время, гігіена и терапія, не только паталогія, но и народно-хозяйственная діететика. Теорія и искуство - это два органически связанные между собою элемента, выступающіе во всякой проблемѣ политической экономіи. Отдѣленіе политическихъ вопросовъ отъ практическихъ въ такой наукѣ какъ политическая экономія, въ которой рѣчъ идетъ объ общественныхъ, этическихъ и политическихъ отношеніяхъ, органически между собою связанныхъ—можетъ привести къ крайне несовершеннымъ результатамъ [14]). Каутцъ, поэтому, считаетъ нецѣлесообразнымъ, и трудно выполнимымъ раздѣленіе политической экономіи на, такъ называемую, теоретическую, разсматриваемую народно-хозяйственную жизнь независимо отъ государственнаго вліянія и практическую политическую экономію, изслѣдующую дѣятельность государства въ области народнаго хозяйства [15]). При такомъ строгомъ отдѣленіи соціально-экономической отъ государственно-административной стороны народнаго хозяйства невозможно было бы строго научное изученіе процесса развитія и строя народно-хозяйственной жизни, которая сама по себѣ не есть нѣчто изолированное, но находится въ тѣснѣйшей связи и взаимодѣйствіи со всѣми условіями правовой, этической и государственной жизни народа. Но Каутцъ, въ то же время, признаетъ, что эти двѣ стороны экономической науки, хотя и тѣсно между собою связаны въ одной дисциплинѣ, тѣмъ не менѣе весьма различны по задачамъ ими преслѣдуемымъ, а также и по источникамъ познанія. Въ то время какъ для теоріи источникомъ познанія служитъ наблюденіе хозяйственной жизни

---

14) Тоже стр. 337.
15) Тоже стр. 259.

въ ея прошломъ и настоящемъ, для практической части политической экономіи такимъ источникомъ познанія служитъ „этико-практическій“ умъ и созданные имъ идеалы соціальной и хозяйственной жизни. Источникъ познанія для этой послѣдней части экономической дисциплины лежитъ внѣ дѣйствительности и ея реальныхъ фактовъ. Эта часть задачи экономической науки относится къ тому, чего еще не представляетъ дѣйствительность, что не существовало ни въ прошломъ ни въ настоящемъ и чего нельзя ожидать отъ себѣ самому предоставленнаго хода развитія хозяйственной жизни и въ будущемъ (безъ вмѣшательства государства) [16]). Этическая сторона хозяйственной науки является выраженіемъ безостановочнаго прогрессивнаго движенія человѣка къ усовершенствованію формъ государственной и общественной жизни. Безъ этого элемента политическая экономія была бы только внѣшнимъ дагеротипнымъ отраженіемъ существующаго склада жизни, была бы построена на безплодномъ принципѣ діагносцирующаго созерцательнаго квіетизма [17]). Указывая на „этико-практическій“ человѣческій разумъ, какъ на источникъ познанія желательныхъ цѣлей, Каутцъ поясняетъ, что исторія и опытъ сами по себѣ не имѣютъ безусловно рѣшающаго значенія относительно того, что должно составлять цѣль человѣческихъ стремленій и что можетъ служить подготовленіемъ лучшаго будущаго [18]). Тѣмъ не менѣе политическая экономія въ своей прикладной части не должна игнорировать историческаго опыта. Въ основѣ прикладной экономіи должно лежать изученіе исторически сложившихся отношеній, преобразованіе и усовершенствованіе которыхъ составляетъ ея задачу. Въ изученіи законовъ историческаго развитія прикладная

16) Тоже стр. 397.
17) Тоже стр. 398.
18) Тоже стр. 273.

экономія черпаетъ указанія на средства болѣе совершеннаго достиженія соціально политическихъ цѣлей. Первое научное требованіе, которому должна отвѣчать практическая экономія, заключается въ томъ, что она должна отказаться отъ построенія такихъ плановъ, которые претендовали бы на безусловное примѣненіе ко всѣмъ возможнымъ состояніямъ общества, независимо отъ степени развитія народа и его индивидуальныхъ особенностей. Практическая экономія должна устанавливать лишь такія цѣли, достиженіе которыхъ желательно въ данномъ народномъ хозяйствѣ, примѣнительно къ спеціальнымъ условіямъ мѣста, времени и степени развитія народа; кромѣ того, требованія отъ извѣстныхъ хозяйственныхъ идеаловъ не ограничиваются тѣмъ, чтобы предлагаемое ими представляло собою нѣчто весьма полезное и желательное съ точки зрѣнія прогресса и этики, но сами эти цѣли и идеалы должны еще быть своевременны и умѣстны, выполнимы и достижимы [19]). Совокупность всѣхъ этихъ чертъ, которымъ должны отвѣчать научные выводы практической экономіи Каутцъ обозначаетъ однимъ словомъ „относительность" (Relativität)—положеній и хозяйственныхъ идеаловъ, рекомендуемыхъ хозяйственной политикой. „Принципъ относительности имѣетъ полное примѣненіе ко всей политической экономіи, какъ къ прикладной, такъ и той ея части, которую обыкновенно называютъ общею, въ которой разсматриваются законы народнаго хозяйства. Принципъ относительности въ политической экономіи выражается въ томъ, что она можетъ признавать одни и тѣ же мѣропріятія и учрежденія, благодѣтельными для одного народа и для даннаго времени и гибельными и ошибочнымъ для другаго народа и для другого времени. Такова „физіолого-теропія" и „этико-историческая наука" о народномъ хозяйствѣ, по воззрѣнію Каутца.

---

19) Тоже, стр. 402—404.

Третій видный представитель этическаго направленія въ политической экономіи Густавъ Конъ въ своемъ трактатѣ, посвященномъ, по его собственнымъ словамъ, выясненію того что слѣдуетъ понимать подъ политической экономіей, какъ этической наукой, даетъ сначала характеристику хозяйственныхъ явленій, какъ особого вида этическихъ явленій, и изъ этой характеристики черпаетъ извѣстные данные для построенія экономической науки на принципахъ этической школы.

Вотъ, въ краткомъ видѣ, содержаніе воззрѣній Кона. Факты хозяйственной жизни или, иначе, дѣйствія людей, вытекающія изъ преслѣдованія хозяйственныхъ цѣлей, обусловливаются психо-физическими мотивами присущими человѣческой натурѣ. Стало быть, они относятся къ области этики, но они составляютъ только одну ея область, соподчиненную другимъ областямъ этическихъ явленій, которыя, въ своей совокупности, составляютъ предметъ искуства, религіи, науки о государствѣ и цѣлаго ряда другихъ наукъ. Каждое явленіе въ человѣческой жизни относится одновременно ко всѣмъ этимъ областямъ, хотя въ каждой изъ нихъ разсматривается съ особой точки зрѣнія. Дѣйствіе, произведенное какимъ нибудь актомъ грубаго насилія, напр. грабежъ, убійство, кража, имѣетъ самыя разнообразныя послѣдствія для разныхъ сторонъ человѣческой жизни и причиняемый имъ вредъ можетъ быть разсматриваемъ съ различныхъ точекъ зрѣнія — моральной, экономической, религіозной и т. п. Но всѣ эти категоріи явленій, не смотря на ихъ специальныя особенности, относятся къ одной нераздѣльной области этики, составляютъ „этическій матеріалъ“. Это единство всѣхъ этическихъ явленій человѣческой жизни обыкновенно забывается. Обыкновенно явленія этическія, какъ совокупность нравственныхъ цѣлей, достиженіе которыхъ желательно въ современномъ быту, противупоставляютъ фактамъ дѣйствительности, тогда какъ послѣднія въ сущности представляютъ собою, также, результатъ нравственныхъ стремленій

прошлыхъ эпохъ, но только стремленій уже осуществленныхъ въ формахъ человѣческаго общежитія. Свободу рабочаго класса, напримѣръ, въ той формѣ какъ она существуетъ въ настоящее время (свобода личности, свобода выбора занятій)— обыкновенно разсматриваютъ, какъ нѣчто естественное, нравственно безразличное, напротивъ обязанности хозяевъ, общинъ и государства, по отношенію къ рабочимъ, которыя еще не осуществлены, но осуществленіе которыхъ должно составить задачу будущаго хозяйственнаго законодательства, считаютъ выраженіемъ этическихъ стремленій общества. Подобнымъ образомъ, современную свободу промысловъ, которую обыкновенно называютъ системой свободной конкуренціи, тоже считаютъ нравственно безразличнымъ явленіемъ хозяйственнаго оборота, тогда какъ современныя требованія объ устраненіи путемъ государственнаго законодательства фальсификаціи произведеній, разсматриваютъ, какъ этическую задачу по отношенію къ системѣ конкуренціи. Такое противопоставленіе, по мнѣнію Кона, неправильно. Оно только указываетъ на то, что этическій характеръ явленій для обыденнаго воззрѣнія становится незамѣтнымъ съ того момента, когда этическія стремленія въ хозяйственной области принимаютъ форму реальныхъ фактовъ, но что этотъ „этическій элементъ“ гораздо яснѣе преставляется нашему усмотрѣнію, когда онъ выступаетъ въ формѣ поставленія цѣлей и нравственныхъ требованій ожидающихъ своего осуществленія въ будущемъ [20]). Мы ясно видимъ этическія начала, лежащія въ основаніи проэкта освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но совершенно незамѣчаемъ ихъ, когда они получили свое осуществленіе въ современномъ быту крестьянскаго сословія. На основаніи предъидущихъ объясненій, говоритъ Конъ, легко разрѣшается вопросъ о томъ, на сколько въ задачу политической

20) Gustav Cohn. Grundlegung der Politischen Oekonomie. 1888 стр. 71—74.

экономіи входитъ уясненіе законовъ того, „что есть“ и того, „что должно быть“ Такъ какъ нравственно-мотивированныя цѣли одинаково лежатъ, какъ въ основаніи всѣхъ актовъ хозяйственной дѣятельности людей, такъ и въ основаніи всѣхъ общественно-хозяйственныхъ идеаловъ и различныхъ плановъ реформъ, то обѣ эти категоріи хозяйственныхъ явленій (факты и идеалы) одновременно относятся къ области того, „что есть“ и къ области того „что должно быть“. По этому было бы совершенно неправильно, какъ это многіе дѣлаютъ, ограничивать міръ этическихъ явленій въ хозяйственной сферѣ кругомъ поставленныхъ, но еще не осуществленныхъ хозяйственныхъ идеаловъ и разсматривать ихъ въ видѣ противоположности данному хозяйственному быту, какъ то, что должно быть—къ тому что есть [21]). Стоитъ только обратиться къ хозяйственной исторіи и тогда все то, что теперь разсматривается, какъ то „что есть“, какъ нѣчто естественное, въ прежнія эпохи существуетъ въ видѣ стремленій и плановъ, не получившихъ еще осуществленія въ дѣйствительности. То, что мы понимаемъ подъ существующими хозяйственными явленіями есть пріобрѣтенный капиталъ въ области этики—та часть долженствующаго быть (seinsollenden), которая перешла въ общее убѣжденіе. А потому всѣ явленія хозяйства, какъ существующія въ дѣйствительности, такъ и тѣ, которыя не вышли еще изъ области стремленій и идеаловъ, должны изучаться съ этической точки зрѣнія „съ точки зрѣнія того, „какъ должно быть“. Въ каждомъ вопросѣ хозяйственной жизни отдѣленіе того „что должно быть“ отъ того „что есть“ также невозможно, какъ невозможно раздѣленіе на двѣ части сплошного теченія быстро текущей рѣки. Какое бы явленіе изъ современнаго быта мы не изучали, мы непремѣнно должны коснуться и его этической стороны.

---

21) Тоже, стр. 75.

Напримѣръ, изслѣдованіе хозяйственнаго раздѣленія труда не можетъ быть проведено такъ, чтобы приэтомъ некоснуться, какъ полезныхъ, такъ и вредныхъ, сторонъ его вліянія на здоровье и нравственное состояніе рабочихъ. Всякія изслѣдованія, задающіяся лишь цѣлью изученія причинъ существующихъ хозяйственныхъ явленій неизбѣжно сопровождаются и нравственною оцѣнкой этихъ явленій, ихъ отношенія къ благу людей [22]). Говоря объ этической точки зрѣнія, какъ единственно научной, съ которой только и должны быть изучаемы хозяйственныя явленія, Конъ утверждаетъ, что это не только можетъ быть выставляемо, какъ научное требованіе, но что такое научное требованіе и въ дѣйствительности выполнялось во всѣхъ экономическихъ изслѣдованіяхъ.

Мы представили три различныя редакціи воззрѣній на политическую экономію, какъ на этическую науку, принадлежащія тремъ самымъ авторитетнымъ представителямъ этическаго направленія. Мы можетъ теперь констатировать, что различіе въ воззрѣніяхъ этихъ трехъ экономистовъ этическаго направленія выражаются въ двухъ пунктахъ во 1) въ дѣлаемой ими характеристикѣ хозяйственныхъ явленій, какъ явленій этическихъ и 2) въ постулятахъ, которые они выводятъ изъ этой характеристики по отношенію къ системѣ, задачамъ и методамъ политической экономіи. Что касается характеристики хозяйственныхъ явленій, какъ явленій, въ тоже время, этическихъ, то мы видѣли, что Густавъ Конъ считаетъ хозяйственныя явленія *однимъ изъ видовъ этическихъ явленій*, на томъ основаніи, что всѣ акты хозяйственной дѣятельности людей являются продуктами сознательной воли человѣка, а люди всегда руководствуются извѣстными на-

---

22) Тоже. 176, 192.

мѣреніями, цѣлями и различнаго рода психологическими мотивами. Въ этомъ смыслѣ, по Кону, всѣ хозяйственныя явленія суть, въ тоже время, и этическія, окрашены, такъ сказать, въ этическую краску, независимо отъ того будутъ ли они, при этомъ, нравственно-одобрительныя, или предосудительныя. И по мнѣнію Шмоллера эпитетъ „этическій", усвоиваемый имъ за явленіями экономическими, въ такой же мѣрѣ долженъ относиться и къ явленіямъ правовымъ, политическимъ и религіознымъ—это есть родовой признакъ всѣхъ вообще явленій духовной жизни человѣка, а въ частности и ея спеціальныхъ проявленій въ формѣ общественныхъ отношеній людей между собою. Можно оспаривать оригинальность и новизну воззрѣній Кона и Шмоллера на этическій характеръ хозяйственныхъ явленій, но нельзя непризнать большой важности заключающагося въ этомъ воззрѣніи напоминанія о связи естественныхъ явленій съ явленіями психологическими и моральными, игнорированіе которой можетъ быть источникомъ многихъ методологическихъ ошибокъ въ политической экономіи. Но въ то время какъ Конъ высказанное имъ воззрѣніе систематически проводитъ черезъ все свое сочиненіе, Шмоллеръ потому же предмету выражаетъ еще другое воззрѣніе, вовсе непримѣряющееся съ первымъ. Онъ вовсе отрицаетъ существованіе хозяйственныхъ явленій, какъ особой категоріи общественныхъ явленій. Содержаніе экономическихъ явленій, по его мнѣнію, слагается „изъ явленій права и морали, нравственныхъ мотивовъ и культурныхъ идей, господствующихъ надъ всѣмъ народнымъ хозяйствомъ". Всѣ явленія хозяйственнаго оборота, цѣна, процентъ, прибыль, рабочая плата, кредитъ, которыми занимается политическая экономія—не могутъ быть признаны, по мнѣнію Шмоллера, хозяйственными явленіями—они относятся къ одной технической сторонѣ хозяйственной жизни. Но если допустить вмѣстѣ съ Шмоллеромъ, что содержаніе экономическихъ явленій состав-

ляютъ господствующія въ данное время формы права, морали и нравовъ, то въ такомъ случаѣ въ чемъ же отличіе экономическихъ явленій отъ правовыхъ, моральныхъ и т. п.? У Шмоллера, наконецъ, можно подмѣтить еще и третье воззрѣніе на этическій характеръ хозяйственныхъ явленій. Высказавъ мнѣніе о томъ, что несуществуетъ самостоятельной области хозяйственныхъ явленій, Шмоллеръ, тѣмъ неменѣе, постоянно противопоставляетъ исторически сложившіяся формы хозяйственныхъ отношеній, особенно въ области распредѣленія благъ, въ основѣ которыхъ лежатъ лишь „фактическія отношенія силъ" — началамъ права и морали „какъ этическому элементу", долженствующему видоизмѣнить существующія отношенія. Вообще, относительно этой части воззрѣній Шмоллера можно считать вполнѣ правильною ту оцѣнку, которую сдѣлалъ Книсъ, резюмировавъ свой взглядъ въ слѣдующемъ краткомъ замѣчаніи. „Въ сочиненіи посвященномъ выясненію отношенія хозяйства къ праву и морали, говоритъ Книсъ относительно разсматриваемаго нами сочиненія Шмоллера, отдѣльныя мѣста остаются темнымъ, важность другихъ факторовъ, наряду съ правомъ, умалена и, кромѣ того, многое разнородное невсегда разграничено" [23]).

Коренныя ошибки сторонниковъ этическаго направленія заключаются въ тѣхъ постулятахъ, которыя они выводятъ изъ характеристики хозяйственныхъ явленій по отношенію къ системѣ и задачамъ экономической науки. Такъ, Шмоллеръ требуетъ построенія особой этической экономіи, задача которой должна состоять въ изученіи вліянія права и морали на складъ хозяйственныхъ отношеній; конечною цѣлію такого изученія, въ свою очередь, должно быть созданіе на новыхъ этическихъ началахъ системы хозяйственной политики. Каутцъ желаетъ сдѣлать изъ политической экономіи, преслѣдующей, по его собствен-

---

23) K. Knies, Politische Oekonomie vom Gesch. Standpunct. стр. 134.

ному признанію, двѣ коренныхъ образомъ различающіяся задачи (изслѣдованіе того, что есть и что должно быть) одну науку „анатомо-терапію". Противъ этого воззрѣнія говорятъ всѣ тѣ вышеизложенные доводы самого Каутца, въ которыхъ онъ наглядно показалъ коренное различіе въ задачахъ, источникахъ познанія и методахъ двухъ различныхъ экономическихъ дисциплинъ — теоріи и хозяйственной политики, противъ него, наконецъ, говоритъ и употребленное имъ сравненіе политической экономіи съ анатомо-терапіей, противорѣчащее принятой классификаціи медицинскихъ наукъ. Какъ извѣстно, въ медицинѣ несуществуетъ анатомо-терапіи, а есть только терапія и анатомія - двѣ отдѣльныя и самостоятельныя науки, каждая со своими особыми задачами и методами. Нецѣлесообразность превращенія политической экономіи въ систему знанія, аналогичную анатомо-терапіи, на нашъ взглядъ, убѣдительно доказывается на практикѣ, системою изложенія, принятою въ сочиненіи Каутца. Стараясь постоянно предстаапть политическую экономію, какъ одну нераздѣльную этическую науку, онъ ее характеризуетъ тѣми чертами, которыя принадлежатъ ей, какъ хозяйственной политикѣ, вовсе опуская изъ виду тѣ ея особенности, въ которыхъ она должна выступать какъ теорія. Это только показываетъ, насколько неудобна и трудно выполнима проэктируемая Каутцомъ система одной экономической науки, долженствующей совмѣстить къ себѣ двѣ совершенно различныя категоріи познаній о томъ „что есть" и „что должно быть".

Въ то время какъ Каутцъ говоритъ о соединеніи въ одной системѣ двухъ различныхъ экономическихъ дисциплинъ, Конъ идетъ гораздо дальше. Основываясь на этическомъ характерѣ хозяйственныхъ явленій, онъ, какъ мы видили, утверждаетъ, что въ политической экономіи вовсе не можетъ быть рѣчи о различіи двухъ точекъ зрѣнія: отдѣленіе вопросовъ хозяйственной теоріи отъ вопросовъ хозяйственной по-

литики онъ считаетъ невыполнимымъ. Поэтому, онъ въ конечномъ результатѣ сходятся съ мнѣніемъ Каутца, что изслѣдованіе въ области хозяйственныхъ явленій „того что есть" и того „что должно быть" можетъ быть представлено только въ одной нераздѣльной дисциплинѣ. Къ этому же воззрѣнію приближается и Шмоллеръ, но онъ въ проектированной имъ одной цѣльной эконономической наукѣ, которая будетъ носить названіе прикладной экономіи (Praktische Nationalökonomie), совершенно устраняетъ теоретическіе вопросы политической экономіи.

Выраженное этими тремя экономистами требованіе созданія одной экономической науки, совмѣщающей въ себѣ разсмотрѣніе вопросовъ хозяйственной теоріи и политики можетъ имѣть свои резонныя основанія по отношенію къ одной части экономической науки — именно къ наукѣ о финансахъ или государственномъ хозяйствѣ. Ибо въ теоріи государственнаго хозяйства и въ ученіи о финансовой политикѣ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ-же — о хозяйственныхъ задачахъ государства, его органахъ и функціяхъ, а посему отдѣлить вопросы финансовой политики отъ теоріи государственнаго хозяйства было бы трудно и, въ нѣкоторой степени, нецѣлесообразно. Въ параллельной съ наукою о государственномъ хозяйствѣ — области государственнаго права такое раздѣленіе, также, съ полнымъ основаніемъ оспаривается [24]). Но легко себѣ представить, какая путаница понятій произошла-бы, если-бы экономисты разучились отличать теоретическіе вопросы отъ вопросовъ хозяйственной политики въ области политической экономіи, въ которой выдѣленіе факторовъ общественнаго хозяйства отъ роли государства служитъ непремѣннымъ условіемъ уясненія законовъ хозяйственныхъ явленій. Относительно политической экономіи можно констатиро-

---

24) Сергѣевичъ. Задачи и методы государственныхъ наукъ, стр. 27.

вать, какъ фактъ, что главнѣйшія ея успѣхи начались съ тѣхъ поръ, какъ А. Смитъ, впервые, отдѣлилъ вопросы теоріи отъ вопросовъ хозяйственной политики. Его торжество надъ меркантилистами, съ которыми онъ полемизируетъ почти по всѣмъ главнѣйшимъ вопросамъ политической экономіи, выражалось въ томъ, что онъ въ явленіяхъ народнаго хозяйства открывалъ извѣстные общественные законы, тогда какъ меркантилисты разсматривали хозяйственныя явленія со стороны ихъ зависимости отъ предписаній законодательной власти. Благодаря этому пріему А. Смитъ, между прочимъ, показалъ, что цѣнность денегъ опредѣляется общественнымъ закономъ, независимо отъ воли правительства, и отъ того, какія бы оно не давало названія выпускаемой ими монетѣ, или бумажнымъ деньгамъ соотвѣтствующаго наименованія.

При сопоставленіи этической точки зрѣнія съ теоретическою можно говорить, вопреки воззрѣнію Кона, только о противоположности, а не о единствѣ двухъ различныхъ задачъ экономическаго знанія [25]). На существующихъ системахъ разныхъ экономическихъ школъ можно съ полной наглядностью

---

25) Лучшею критикою только что приведеннаго воззрѣнія этической школы служатъ слѣдующія замѣчанія Вундта относительно общественной этики. „Противоположность двухъ задачъ обществовѣдѣнія теоретической и практической отличаетъ эту науку отъ естествознанія. Въ естествознаніи практическая область носитъ, въ тоже время, характеръ конкретныхъ явленій. Въ обществовѣденіи, напротивъ, теоретическія отрасли знанія относятся только къ конкретнымъ явленіямъ, а практическія отрасли обществовѣденія не только отличаются иногда отъ конкретныхъ фактовъ, но поставляютъ требованія и истины, которыя не были осуществлены, ни въ прошломъ, ни въ нѣстоящемъ, но которыя должны быть осуществлены въ будущемъ. То, что для всякой теоріи должно считаться компроментирующимъ ея научное значеніе (ея несогласіе съ дѣйствительностью) въ прикладной части обществовѣденія является необходимымъ условіемъ, которому должны отвѣчать ея истины. Словомъ практическія отрасли обществовѣденія не состоятъ изъ наукъ изслѣдующихъ, но изъ наукъ нормирующихъ. Одобреніе или неодобреніе тѣхъ фактическихъ хозяйственныхъ отношеній, которыя констатируетъ политическая экономія, не стоитъ по отношенію къ прикладной ея части ни въ какой принципіальной зависимости; рав-

убѣдиться, что между теоретическими воззрѣніями и соціально-политическими планами вовсе не существуетъ такого соотвѣтствія, чтобы по характеру теоретическихъ воззрѣній данной школы можно было бы съ вѣроятностью заключать объ ея воззрѣніяхъ въ области хозяйственной политики. Зная, напр., что тотъ или другой ученый раздѣляетъ извѣстныя воззрѣнія на законъ рабочей платы, прибыли и т. п, мы, на основаніи этого, не можемъ предугадать каковы соціально-политическія воззрѣнія этого ученаго на желательныя измѣненія, и преобразованія во взаимныхъ отношеніяхъ рабочихъ и предпринимателей. Школа Рикардо, съ одной стороны, и соціалистическая школа Маркса, съ другой, приблизительно одинаково понимаютъ законы распредѣленія благъ въ современныхъ хозяйствахъ цивилизованныхъ народовъ и, вообще, одинаково представляютъ себѣ фактически сложившіяся хозяйственныя отношенія, но въ то время, какъ первая является сторонницей свободы конкуренціи и политики невмѣшательства въ народно-хозяйственную жизнь, вторая требуетъ кореннаго преобразованія всего склада хозяйственной жизни во всѣхъ сферахъ общественныхъ, государственныхъ и частныхъ отношеній. Если бы Аристотель со всѣмъ своимъ греческимъ складомъ этическихъ воззрѣній призванъ былъ судить о народномъ хозяйствѣ современной Европы, то, для того чтобы отдать себѣ отчетъ въ строѣ общественно-хозяйственныхъ отношеній у европейскихъ народовъ, онъ съ удобствомъ могъ бы примкнуть къ теоретическимъ ученіямъ современныхъ эконо-

---

нымъ образомъ и характеръ требованій или цѣлей, которыя могутъ быть установлены прикладной экономіей, не зависитъ отъ теоретическихъ доктринъ, утверждающихъ существованіе тѣхъ или другихъ фактовъ. Въ основаніи знаній, составляющихъ предметъ прикладной экономіи, стоятъ требованія соціальной этики, а въ основаніи теоретическихъ знаній—исторически сложившіяся явленія. Предметомъ первыхъ служитъ добро, благо (gutes) предметомъ вторыхъ истина (wahres)". Wund. Logik. B. 2, стр. 583.

мистовъ о кредитѣ, о заработной платѣ, прибыли, о производствѣ и распредѣленіи благъ, но въ своихъ политическихъ идеалахъ, онъ, оставаясь въ душѣ грекомъ, стоялъ бы за необходимость рабства, предоставленіе всѣхъ хозяйственныхъ занятій одному классу рабочихъ и за монополизированіе умственнаго труда и политической дѣятельности высшими сословіями. Отстаивали же институтъ рабства просвѣщенные янки сѣверо-американскихъ штатовъ въ эпоху борьбы за освобожденіе, хотя въ своихъ воззрѣніяхъ на существовавшій порядокъ вещей они могли быть сторонниками теорій Рикардо и Смита. Все предыдущее разсмотрѣніе ученія объ этическомъ направленіи политической экономіи приводитъ насъ къ заключенію, что рѣчь объ этическомъ направленіи можетъ быть только въ хозяйственной политикѣ, но за то въ ней, какъ и вообще въ прикладныхъ отдѣлахъ обществовѣденія, не можетъ быть рѣчи ни о какомъ другомъ направленіи, кромѣ этическаго [26]). Именно это этическое направленіе, какъ система политики признаетъ положительной задачей государства поддержку слабыхъ въ борьбѣ за существованіе и созданіе такого хозяйственнаго порядка, въ которомъ этическія требованія участія всѣхъ, въ особенности низшихъ слоевъ народа, въ благахъ культуры нашло бы свое исполненіе. Требованіе же особаго этическаго направленія въ теоретической экономіи, на которомъ настаиваетъ историческая школа, несовмѣстно съ задачей теоретическаго изслѣдованія и противорѣчитъ элементарнымъ понятіямъ научной систематики. Вмѣстѣ съ Карломъ Менгеромъ, мы легко можемъ себѣ представить такое научное направленіе познанія, которое имѣетъ цѣлью изслѣдованіе отношенія между правомъ и моралью, съ одной стороны, и хозяйствомъ, съ другой, но объ этическомъ направленіи въ

---

26) Cp. Bischof. Lehrbuch der Nationalökonomie und Volkswirthschaftspolitik. 1878, стр. 13.

теоретической экономіи можно говорить не съ большимъ основаніемъ, чѣмъ объ экономическомъ направленіи въ этикѣ [27]).

Соціологическое воззрѣніе на политическую экономію.

Среди представителей этическаго направленія существуетъ цѣлая группа писателей, которые, не удовлетворяясь современнымъ состояніемъ теоретической экономіи, предполаютъ реформировать эту науку превращеніемъ ея въ соціологію. Самыми энергическими представителями этого направленія заявили себя - германскій ученый Шелль (Scheel) и, въ особенности, англійскій экономистъ Ингрэмъ. Въ глазахъ Шееля высшая фаза развитія для науки о народномъ хозяйствѣ наступитъ тогда только, когда она совершенно исчезнетъ, какъ самостоятельная наука о матеріальныхъ и хозяйственныхъ интересахъ и превратится въ соціологію т. е. науку, разсматривающую общество со всѣхъ сторонъ его жизни — политической, юридической, религіозной, экономической и т. п. Ингрэмъ, защищая туже мысль, мотивируетъ необходимость такого превращенія экономіи въ соціологію „тѣмъ что въ исторіи человѣчества отдѣльныя части общественной жизни представляются не самостоятельными и изолированными одна отъ другой областями, совершающими каждая свой самостоятельный процессъ развитія, но развитіе ихъ обусловливается всѣмъ складомъ общественной жизни". Такъ, напримѣръ, современное хозяйственное состояніе каждого изъ европейскихъ народовъ въ отдѣльности есть результатъ самыхъ разнообразныхъ условій, между которыми довольно значительная часть не хозяйственнаго характера. Образованіе формъ хозяйственнаго быта народа зависитъ отъ его научныхъ, этическихъ, религіозныхъ и политическихъ воззрѣній и учрежденій. Но

---

27) K Menger. Untersuchung. стр. 291. Его же, Die Irthümer des Historismus in der deutschen Nat. Oekonomie. 1884 г. стр. 51—64.

если эти причины обусловливаютъ историческій ходъ развитія хозяйственнаго быта, то онп же должны опредѣлять и его современный складъ, поэтому современный складъ хозяйственныхъ отношеній должно объяснять не одними только хозяйственными причинами, но и другими факторами общественной жизни[28]). Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Ингрэмъ считаетъ невозможнымъ построеніе раціональной теоріи народнаго хозяйства отдѣльно отъ теоріи другихъ сторонъ жизни общества. Кромѣ того, „такъ какъ хозяйственные факторы общественной жизни находятся въ процессѣ постояннаго измѣненія", то Ингрэмъ полагаетъ, что соотвѣтственно съ этимъ и соціальная экономія должна быть наукою не статической, а динамической, она должна превратиться въ теорію „преемственнаго развитія фазъ хозяйственнаго быта" [29]). Послѣдовательное проведеніе воззрѣнія Ингрема по отношенію ко всѣмъ отдѣльнымъ наукамъ объ обществѣ—правовѣденію, морали, политикѣ, ведетъ къ тому, что ни одна изъ этихъ наукъ не должна имѣть, ни своей спеціальной точки зрѣнія на общественныя явленія, ни своего особаго предмета изслѣдованія. Ибо, если политическая экономія будетъ изучать хозяйственныя явленія не иначе, какъ въ ихъ связи и взаимодѣйствіи съ явленіями политическими, правовыми, моральными и точно также и всякая другая изъ общественныхъ наукъ, въ свою очередь, будетъ слѣдовать тому же пріему, то, такимъ образомъ, въ системѣ обществѣденія не останется мѣста для отдѣльныхъ наукъ объ обществѣ, а будетъ существовать одна общественная наука,

28) См. Предисловіе Шееля къ нѣмецкому переводу рѣчи читанной Ингремомъ въ статистическомъ отдѣленіи британской ассоціаціи: „The present position und Prospect of. political ekonomy"—вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ Die nothwendiges Reform der Vokswirtschaftlehre. Iena 1879 г. стр. IV, VII, 11.

29) Ingram. A History of Political economy. Edinburgh. 1888 г. стр. 199.

которая одновременно будетъ изучать общественныя явленія со всѣхъ сторонъ. Ингрэмъ не останавливается передъ этими крайними консеквенціями, неизбѣжно вытекающими изъ его воззрѣнія. Современное развѣтвленіе науки объ общественныхъ явленіяхъ на отдѣльныя отрасли, — на науки юридическія, экономическія, политическія — онъ считаетъ признакомъ того, что наука объ обществѣ находится еще на ранней ступени развитія. Высшею стадіею развитія общественныхъ наукъ, по мнѣнію Ингрэма, будетъ уничтоженіе этихъ отдѣльныхъ отраслей обществовѣдѣнія. Ингрэма не смущаетъ и то, что принципъ раздѣленія знанія на отдѣльныя отрасли лежитъ не только въ основѣ общественныхъ наукъ, но, также и наукъ естественныхъ. И въ естествознаніи онъ желаетъ видѣть одну біологію, безъ ботаники и зоологіи, какъ въ обществовѣденіи — одну соціологію, безъ этики, экономіи и политики [30]).

Не говоря уже о томъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ соображеній Ингрэма лежитъ невѣрно понятое имъ отношеніе между исторіей вообще и теоретическими общественными науками, между статическимъ и динамическимъ изученіемъ общественныхъ явленій, особенно неудачною должна считать-

---

30) Nothwend. Reform d. Pol. Oec. 10. Предлагая въ небольшой брошюрѣ, состоящей всего изъ тридцати пяти страницъ, коренную реформу сложившагося дѣленія наукъ въ естествознаніи и обществовѣденіи, Ингрэмъ, въ тоже время, какъ въ этомъ сочиненіи, такъ и въ своемъ позднѣйшемъ курсѣ исторіи политической экономіи, плохо разбирается въ противникахъ и сторонникахъ исторической школы. Онъ считаетъ напримѣръ, сторонниками исторической школы Сиджвика, Бэджгота, Фаусета и Джевонса (A History of. p. ekonomy, стр: 221—235) — несомнѣнныхъ теоретиковъ и, вовсякомъ случаѣ, такихъ экономистовъ, которые не относятся отрицательно къ „изслѣдованію хозяйственныхъ явленій въ ихъ изолированномъ видѣ". Одинъ изъ этихъ, предполагаемыхъ Ингрэмомъ, сторонниковъ исторической школы—Сиджвикъ прямо таки отрицательно относится къ соціологическимъ воззрѣніямъ самого Ингрэма и къ его реформаторскимъ планамъ въ области политической экономіи. См. H. Sidgwigk. The Scope and Method. стр. 43—47.

ся мысль реформировать политическую экономію превращеніемъ ея въ соціологію—доктрину, которая сама находится въ еще болѣе несовершенномъ состояніи, чѣмъ политическая экономія [31]).

---

31) Вовремя печатанія этой главы нами была получена вступительная лекція молодого ученаго и сторонника исторической школы Франца Берггофъ-Изинга (Berghoff-Ising), изданная отдѣльной брошюрой, подъ заглавіемъ „Über die Historisch-etischen Richtung in der Nationalökonomie" 1889. Leipzig. Брошюра эта, заключая въ себѣ изложеніе воззрѣній Шмоллера, Книса и Кона, непредставляетъ ничего новаго, ни въ отношеніи принциповъ защищаемыхъ ея авторомъ, ни въ отношеніи аргументаціи за методологическія воззрѣнія исторической школы. Раздѣляя эти воззрѣнія, Берггофъ-Изингъ, тѣмъ неменѣе, не рѣшается окончательно порвать нить связующую современную политическую экономію съ классическою школою. По его мнѣнію, „классическій методъ долженъ быть сохраненъ въ наукѣ, въ виду того, что онъ даетъ возможность достигнуть надлежащей оцѣнки накопленныхъ историко-хозяйственными и статистическими изслѣдованіями матеріаловъ, а ошибки абстрактныхъ выводовъ можно устранить посредствомъ справокъ съ конкретными явленіями и реальною дѣйствительностью". Берггофъ-Изингъ ищетъ средины между методами классической и исторической школы, но такъ онъ, въ тоже время, нежелаетъ отказаться ни отъ одного изъ основныхъ методологическихъ воззрѣній послѣдней, то эта средина оказывается пространствомъ между двумя стульями (см. стр. 6—7; 34—36).

VII.

Критика англійской классической теоріи и ея метода историческою школою.

Въ тотъ періодъ научной разработки политической экономіи, когда еще историко-статистическія изслѣдованія хозяйственнаго быта не получили значительнаго развитія и теорія политической экономіи англійскаго происхожденія была единственной отраслью экономическаго знанія, которую разработывали ученые экономисты,—эти послѣдніе могли преувеличивать значеніе англійской экономической теоріи. Къ этому времени исключительнаго господства теоретическаго направленія въ политической экономіи относится появленіе воззрѣнія на англійскую теорію, какъ на универсальную теорію хозяйства, годную для объясненія явленій хозяйственнаго быта всѣхъ временъ и народовъ и всѣхъ стадій историческаго развитія. Это воззрѣніе въ особенности раздѣляла одна группа англійскихъ экономистовъ изъ сторонниковъ, такъ называемой, манчестерской школы, занимавшихся не столько теоретическими проблемами, сколько разными современными вопросами экономической политики. Прилагаемый этими экономистами по отношенію къ ученіямъ буржуазной экономіи эпитетъ „законы природы“ разсчитанъ былъ на то, чтобы придать больше авторитетности, въ глазахъ парламентскихъ партій, аргументамъ, черпаемымъ манчестерскою школою изъ экономическихъ ученій Смита и Рикардо для доказательства теоріи свободы торговли и государственнаго невмѣшательства. Предпринятыя германскими экономистами, начиная съ

половины нынѣшняго столѣтія, статистическія и историческія изслѣдованія въ области хозяйственнаго быта выдвигали, такимъ образомъ, рядъ новыхъ задачъ для экономической науки, открывали новыя точки зрѣнія на хозяйственныя явленія. Работы германскихъ экономистовъ исторической школы не прошли безслѣдно и для англійскихъ экономистовъ-теоретиковъ. Для послѣднихъ самъ собою возникалъ вопросъ, какое же положеніе должна занять чистая экономическая теорія, въ виду тѣхъ областей экономическаго знанія, на разработку которыхъ исключительно направлялись всѣ усилія исторической школы. И мы видимъ, что въ Англіи выступаетъ цѣлый рядъ экономистовъ-теоретиковъ, по складу своего образованія, но, въ тоже время, высоко цѣнившихъ значеніе историко-статистическихъ изслѣдованій въ области народнаго хозяйства,—Бэджготъ, Роджерсъ, Сиджвикъ, Тойнби, Джевонсъ и, отчасти, Кэрисъ,—которые, въ виду этихъ новыхъ направленій изслѣдованій, значительно расширявшихъ прежнія рамки экономической науки, задаются цѣлію точнѣе опредѣлить задачи теоретической экономіи и ея отношеніе къ новымъ областямъ экономическаго знанія. Воззрѣнія этихъ писателей на роль теоріи англійской школы въ системѣ политической экономіи формулированы ими въ слѣдующемъ рядѣ положеній. 1) Писатели эти согласны въ томъ, что „нельзя отрицать англійской теоретической экономіи и ея владѣнія должны быть за нею сохранены, но границы этихъ владѣній слѣдуетъ точнѣе опредѣлить“. Относительно фактическаго значенія англійской теоріи всѣ эти экономисты сходятся въ признаніи того факта, что она есть лишь теорія хозяйства современнаго коммерческаго періода [1]). 2) Теорія англійской школы, по ихъ мнѣнію, не есть полная философія соціальной и даже экономической жизни и, на ряду съ задачами, кото-

---

1) Bagehot, Economic Studies стр. 17, 40, 80. Toynbee, Lectures on the Industrial revolution in England стр. 29.

рыя ставитъ себѣ теорія, существуетъ еще другой рядъ задачъ экономическаго знанія, которыя входятъ въ компетенцію исторіи хозяйства и статистики. Поэтому, поле научнаго изслѣдованія, на которомъ до сихъ поръ всецѣло господствовала чистая теоретическая экономія, теперь необходимо подѣлить между нею и другими вновь возникшими отраслями экономическихъ изслѣдованій — исторіей хозяйственнаго быта и хозяйственной политикой [2]). 3) Относительно методовъ политической экономіи названные здѣсь писатели согласны въ томъ, „что между историческимъ методомъ, съ одной стороны, и правильно понимаемымъ дедуктивнымъ методомъ англійской школы, съ другой, не существуетъ ни антагонизма, ни противорѣчія" [3]). „Тщательныя дедуктивныя изслѣдованія, которыми занимаются экономисты, имѣютъ громандную важность для историка, а умственный навыкъ, пріобрѣтаемый отсюда, имѣетъ даже большую цѣну, чѣмъ знаніе самыхъ принциповъ, получаемыхъ въ результатѣ этихъ изслѣдованій, такъ какъ при помощи теоріи историкъ получаетъ возможность легче оріентироваться среди фактовъ, которые, иначе, подавляли бы его своею массою. Кажущееся иногда противорѣчіе между дедуктивною экономіею и историческою методою возникаетъ вслѣдствіе неправильнаго примѣненія дедукціи. Неправильное же пользованіе дедедукціей можетъ заключаться, или въ недостаточно тщательномъ изслѣдованіи посылокъ, лежащихъ въ основаніи заключеній политической экономіи, или же въ погрѣшностяхъ, допущенныхъ въ самомъ логическомъ процессѣ вывода. Погрѣшности въ самыхъ положеніяхъ, полученныхъ въ результатѣ такого рода небрежныхъ изслѣдованій, происходятъ отъ недостаточнаго комбинированія дидукціи съ индукціей, но злоупотребленія методомъ не говорятъ еще о его ложности" [4]).

---

2) Toynbee, стр. 3.

3) Bagehot, стр. 15; Toynbee, стр. 29.

4) Toynbee, стр. 28; Bagehot, стр. 13—15.

Что касается обширныхъ статистическихъ и историческихъ изслѣдованій, предпринятыхъ представителями исторической школы, то появленіе этихъ изслѣдованій было привѣтствуемо съ полнымъ восторгомъ англійскими теоретиками. Вотъ какъ напр. отзывается о нихъ одинъ изъ крайнихъ послѣдователей абстрактнаго направленія въ политической экономіи—Джевонсъ. „Лавеле и Клифъ-Лесли, пишетъ Джевонсъ въ одномъ изъ своихъ блестящихъ этюдовъ по теоретической экономіи, оказали такую же услугу политической экономіи, какую Мэнъ оказалъ юриспруденціи, показывая, что тотъ или другой фактъ, обычай или законъ, есть продуктъ историческаго прошлаго или давно забытаго. Но сдѣланныя Мэномъ научныя открытія въ области соціальной исторіи вовсе не давали ему повода отрицать полезность абстрактной юриспруденціи. Клифъ-Лесли и Лавеле могутъ обработывать новую любопытную отрасль экономической науки, но знанія, пріобрѣтенныя въ другой ея отрасли—въ теоретической экономіи—не теряютъ отъ этого своего значенія. Выдѣленіе одной отрасли политической экономіи въ самостоятельную науку является, въ глазахъ Джевонса, весьма утѣшительнымъ фактомъ, показывающимъ, что раздѣленіе труда проникло въ широкихъ размѣрахъ въ разработку политической экономоміи. Появленіе новой отрасли политической экономіи (т. е. исторіи хозяйственнаго быта) не уменьшаетъ, но увеличиваетъ цѣну раньше пріобрѣтенного [5]). „Между школами Рикардо и Рошера, говоритъ Сиджвикъ, не существуетъ фундаментальнаго различія относительно метода изученія исторіи хозяйственнаго быта. Самые крайніе приверженцы дедукціи среди англійскихъ экономистовъ не заходили такъ далеко, чтобы утверждать возможность конструировать apriori исторію хо-

---

5) Jevons, Fortenightly Review 1876 г. vol. XX стр. 223; см. также, стр. 264 и др.

зяйственной науки, какъ и вообще какую бы то нибыло отрасль исторіи" [6]). Въ вышеизложенныхъ воззрѣніяхъ цѣлой серіи англійскихъ экономистовъ-теоретиковъ, признавшихъ высокую важность историко-статистическихъ изслѣдованій хозяйственнаго быта, можно, по справедливости, удивляться тому чувству мѣры, которое эти писатели, въ моментъ всеобщаго увлеченія исторической школою, проявили при оцѣнкѣ значенія историко-статистическихъ изслѣдованій, оставаясь, при этомъ, вѣрными представителями той характерной англійской традиціи, которая, во имя новаго, не позволяетъ небрежнаго отношенія къ старинѣ. Въ виду широкаго развитія историко-хозяйственныхъ изслѣдованій, названные экономисты, не вступая на путь огульнаго отрицанія старой доктрины, обратились къ спокойной и тщательной оцѣнкѣ того, что раньше было достигнуты наукою, въ другомъ направленіи и иными путями.

Совсѣмъ иное положеніе заняли въ отношеніи классической экономіи германскіе корифеи исторической школы, Шмоллеръ, Книсъ, Брентано, Суставъ Конъ, а также ихъ послѣдователи, англичане, Ингрэмъ, Клифъ-Лесли, Бонами-Прейсъ. Эта группа писателей, имѣющая своихъ весьма многочисленныхъ сторонниковъ на кафедрѣ и въ литературѣ, смотритъ на труды Рикардо, Милля, Кэрнса, Джевонса, Тюнена, включая сюда и теоретическія главы въ сочиненіяхъ Ад. Смита и Рау, съ такимъ же снисходительнымъ пренебреженіемъ, какъ напр. современные естествоиспытатели смотрятъ на метафизическіе трактаты средневѣковыхъ схоластовъ.

---

6) Sidgwick, The scope and Method of. ec. scinc. стр. 32. Baegehot и Toynbee сами были авторами историко-статистическихъ трактатовъ, въ особенности заслуженною извѣстностью пользуется сочиненіе перваго изъ нихъ—„Lombard Street", (1873 г.). Въ какой мѣрѣ они близко стояли къ этого рода изслѣдованіямъ, оставаясь въ тоже время теоретиками, можно отчасти судить потому, что, камъ мы выше указывали, Ингремомъ они прямо отнесены къ представителямъ исторической школы въ политической экономіи въ Англіи, хотя совершенно неправильно. A History of P. Economy, стр. 221—235.

Мы уже видѣли раньше (гл. V, VI), что самые знаменитые представители исторической школы отрицаютъ всякую цѣлесообразность теоретическаго изслѣдованія хозяйственныхъ явленій (въ смыслѣ аналитическаго изученія этихъ явленій въ ихъ изолированномъ видѣ), мы видѣли также, что въ тѣхъ случаяхъ, когда они говорятъ объ особенной ими проэктированной теоретической экономіи, то всегда разумѣютъ подъ этимъ названіемъ, или сравнительно историческія изслѣдованія хозяйственнаго быта, или, даже, хозяйственную политику и прикладную экономію. Но характеристика методологическихъ воззрѣній исторической школы была бы неполна, если бы мы не присоединили къ вышесказанному также изложенія критическихъ воззрѣній писателей этой школы на англійскую классическую теорію политической экономіи. Приступая теперь къ изложенію этихъ критическихъ воззрѣній исторической школы, мы, для удобства обозрѣнія и оцѣнки этихъ воззрѣній, раздѣляемъ ихъ на двѣ группы: къ первой группѣ мы относемъ всѣ воззрѣнія, имѣющія своимъ предметомъ критику научныхъ результатовъ классической школы, а ко второй —воззрѣнія, направленныя на критику самого метода этой школы. Такое разграниченіе, конечно, является нѣсколько искуственнымъ, потому, что критика метода классической экономіи и критика достигнутыхъ посредствомъ этого метода научныхъ выводовъ органически между собой связаны и взаимно опираются одна на другую. Признавая важность этого соображенія, мы, тѣмъ не менѣе, считаемъ цѣлесообразнымъ отдѣльное изложеніе этихъ двухъ сторонъ критики классической школы, по другому основанію, Дѣло въ томъ, что критика воззрѣній классической школы, въ смыслѣ указанія на ея недостатки и промахи, не составляетъ еще отличительной, черты того отношенія, въ которое стала къ этой школѣ школа историческая. Цѣлая масса критическихъ замѣчаній и поправокъ къ теоріямъ классической школы дѣлалось и дѣ-

лается цѣлымъ рядомъ экономистовъ-теоретиковъ, которые никогда и не считали современное состояніе теоретическихъ ученій политической экономіи близкимъ къ полному совершенству, но они не отрицали самой теоріи, какъ особой отрасли экономическаго знанія и ея метода. Если теоретики экономисты могутъ во многихъ пунктахъ сходится въ своихъ воззрѣніяхъ съ представителями исторической школы въ критикѣ недостатковъ и даже въ признаніи полной невѣрности отдѣльныхъ теорій современной политической экономіи, то отрицаніе самыхъ задачъ и цѣлесообразности метода теоретической экономіи, на которомъ такъ настаиваютъ многіе выдающіеся представители исторической школы, составляетъ характерную особенность только этой послѣдней школы.

Останавливаясь сначала на первой сторонѣ критики классической теоріи, мы начнемъ съ изложенія самыхъ крайнихъ воззрѣній въ этомъ отношеніи. Изъ всѣхъ германскихъ экономистовъ въ самой рѣзкой оппозиціи противъ классической школы стоитъ все тотъ же Шмоллеръ Онъ утверждаетъ, что англійская школа вовсе занималась общественно-хозяйственными явленіями, но ограничивалась изслѣдованіемъ только технической стороны этихъ явленій. Шмоллеръ весьма опредѣленно говоритъ, что въ его глазахъ всѣ изслѣдованія англійской школы о цѣнѣ, рабочей платѣ, прибыли, кредитѣ, деньгахъ, обмѣнѣ и т. п. явленіяхъ хозяйственнаго оборота относятся къ вопросамъ чисто техническимъ. Это обвиненіе, съ которымъ, впрочемъ, согласны только очень немногіе сторонникъ исторической школы, весьма понятно въ устахъ Шмоллера, для котораго политическая экономія должна исчерпыватся изслѣдованіемъ „вліянія обычаевъ, права, морали и господствующихъ въ обществѣ культурныхъ идей на народное хозяйство“ [7]). Впрочемъ у Шмоллера для критики

---

7) Schmoller, Uber einige Grundfrage... стр. 42—43. Его же Zur Metho-

англійской теоріи едва ли имѣется что либо большее, кромѣ нѣсколькихъ презрительныхъ эпитетовъ, которыми онъ надѣляетъ эту школу. Изъ чтенія его многочисленныхъ библіографическихъ замѣтокъ, въ которыхъ онъ обличаетъ англійскихъ теоретиковъ [8]), выносятся впечатлѣніе, что онъ никогда ихъ серьезно не изучалъ; такъ онъ не дѣлаетъ никакого различія между школами теоретиковъ въ самой Англіи — для него Мальтусъ и А. Смитъ, Милль и Кернсъ всѣ одинаково фрайгендлеры и экономисты-техники. Обвиненія, которыя Шмоллеръ направляетъ противъ англійской школы, слишкомъ своеобразны и, какъ мы сказали, представляютъ совершенно исключительное явленіе въ ряду возраженій, дѣлаемыхъ противъ англійской теоріи другими представителями исторической школы.

Болѣе общепринятыми среди представителей исторической школы можно считать тѣ обвиненія противъ англійской теоріи, которыя развиваетъ Ингрэмъ въ своей извѣстной рѣчи, сказанной имъ въ Британской Ассоціаціи. Дедуктивное изслѣдованіе хозяйственныхъ явленій, исходящее изъ немногихъ посылокъ, говоритъ онъ относительно англійской теоріи, должно привести къ установленію единственнаго и разъ навсегда опредѣленнаго порядка хозяйственныхъ явленій,

---

dologie der Socialwissenschaften. Iahrbuch fur Gesetzg und Volkswirth. 1883, стр. 244.

8) Какую, однако, цѣну имѣютъ всѣ эти фрагментарные нападки Шмоллера на англійскихъ теоретиковъ въ глазахъ самого автора можно судить потому, что всѣ библіографическія замѣтки, въ которыхъ они разбросаны, были тщательно имъ собраны и подъ общимъ заглавіемъ „Zur Literaturgeschichte der Staats und Socialwissenschaften“ (1888 г. Leipzig) — изданы отдѣльною книгою, въ видѣ юбилейнаго дара В. Рошеру, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его профессорской дѣятельности. „Теперь, говоритъ Шмоллеръ, во введеніи къ этому изданію, наши политико-экономы, какъ и наши генералы безспорно признаны первыми во всѣмъ мірѣ“. Не отрицая высокой компетентности нѣмецкихъ экономистовъ и генераловъ, мы можемъ только замѣтить, что если бы тактическіе пріемы послѣднихъ походили на тѣ аргументы, съ помощью которыхъ Шмоллеръ атакуетъ теоретическую экономію англійской школы, то едва ли германская армія считала бы за собою столько побѣдъ.

тогда какъ дѣйствительная хозяйственная жизнь представляетъ постоянную смѣну однихъ организацій другими. Вмѣстѣ съ формами мѣняются и самыя коренныя основы хозяйственной организаціи обществъ. Какимъ же образомъ можно примирить задачу дедуктивной экономіи—установленіе одного порядка явленій для всѣхъ временъ и народовъ,—(какъ это будьто бы дѣлаетъ классическая теорія) съ тѣмъ несомнѣннымъ фактамъ, что человѣческое общество проходитъ въ своемъ развитіи цѣлый рядъ историческихъ періодовъ, существенно отличающихся между собою. Какимъ образомъ теоріей, построенной на основаніи современныхъ хозяйственныхъ формъ и частной собственности, можно объяснять хозяйственныя явленія того періода, когда господствующею была форма общинной собственности [9])? Распредѣленіе благъ, говоритъ другой экономистъ исторической школы, измѣняется въ различныя эпохи и на различныхъ стадіяхъ соціальнаго развитія, а этотъ фактъ никоимъ образомъ не можетъ быть примѣренъ съ ученіями абстрактной политической экономіи [10]). Послѣ положеній, развитыхъ въ первой части этого сочиненія, не представляется затрудненія въ отвѣтѣ на эти общія возраженія противъ экономической теоріи. Если нѣкоторые экономисты и преувеличивали область примѣненія англійской теоріи, считая эту теорію одинаково удобною для уясненія явленій всѣхъ историческихъ періодовъ хозяйства, то это не означаетъ, что она не пригодна для объясненія явленій современнаго хозяйственнаго оборота. То, что для Ингрэма и Клифъ-Лесли кажется трудно примиримымъ, весьма просто примиряется однимъ изъ наиболѣе осторожныхъ и вдумчивыхъ экономистовъ исторической школы—Бруно Гильдебрандтомъ. Въ одномъ мѣстѣ его сочиненія, уже раньше нами ци-

---

9) Ingram., Nothwendige Reform. стр. 22.

10) Cliff. Lesly, On the philosophical Method of Political economy. стр. 242.

тированномъ, мы читаемъ: „экономическая школа Адама Смита существенно отличается отъ школы Канта и Руссо тѣмъ, что она выходила не изъ философскихъ началъ, какъ физіократы, но скорѣе она построяла свою систему на совокупности наблюденій и фактовъ практической жизни. Система А. Смита выдавала себя за всеобщее ученіе о человѣческомъ хозяйствѣ, *а на самомъ дѣлѣ она была лишь выраженіемъ денежнаго хозяйства, которое только что успѣло упрочить свое господство въ Европѣ*“ [11]).

Отъ этихъ общихъ возраженій противъ англійской экономической теоріи мы перейдемъ теперь къ обозрѣнію возраженій противъ отдѣльныхъ ученій этой теоріи. Среди экономистовъ исторической школы наиболѣе систематическую критику отдѣльныхъ ученій классической экономіи представили Клифъ-Лесли [12]) и, въ самое послѣднее время, Брентано. Клифь-Лесли категорически заявляетъ, что отвѣты, даваемые этою школою на вопросы о законахъ производства, обмѣна и распредѣленія благъ представляютъ только кажущіеся рѣшеніе задачи, самая же задача отъ нея ускользаетъ и лежитъ несравненно глубже [13]). Абстрактная теорія англійскихъ экономистовъ, вопервыхъ, не выясняетъ природы богатства. Теорія эта опускаетъ изъ виду, что существуетъ огромное разнообразіе различныхъ родовъ благъ и каждый изъ нихъ различается по своимъ экономическимъ функціямъ. Земля, дома́, предметы питанія, одежда, домашняя утварь, оружіе, животныя, монета, статуи и книги—все это суть различные роды богатства, которые, въ свою очередь

---

11) Политическая экономія настоящаго и будущаго. Рус. пер. стр. 274.

12) См. собраніе его сочиненій подъ общимъ заглавіемъ „Essys in political and moral philosophie. 1879. Его статьи: On the philosaphical Method of Political economy“. „Political economy of A. Smith“. „Economy Scicnce and Statistics“. Political economy and Sociology. и др.

13) On the ptilosoph. Method стр. 217.

представляютъ большое разнообразіе видовъ. О такомъ разнообразіи благъ можно говорить по отношенію къ хозяйственному быту всякой современной страны, но характеръ народнаго богатства измѣняется съ каждою новою стадіею общественнаго развитія и одна изъ наиболѣе важныхъ отраслей хозяйственной исторіи должна состоять въ изслѣдованіи процесса развитія новыхъ видовъ хозяйственныхъ благъ и того глубокаго вліянія, какое они оказываютъ, какъ на матеріальное, такъ и на моральное состояніе націй. Блага временъ Юлія Цезаря въ Римѣ стольже отличаются по своей природѣ отъ благъ среднихъ и новыхъ вѣковъ, насколько различны историческія условія каждой изъ этихъ эпохъ. Можно констатировать, также, глубокое различіе въ томъ, что является богатствомъ для современнаго европейца и восточнаго человѣка. Для послѣдняго, какъ извѣстно, оно представляется исключительно въ видѣ золота, драгоцѣнныхъ камней и т. п. сокровищъ... Теоретическая экономія, продолжаетъ далѣе Клифъ-Лесли, которая рѣшаетъ всѣ эти вопросы при помощи гипотезы „желанія богатства“ (desir of wealth) есть безсодержательная абстракція, такъ какъ богатство въ общей формѣ не существуетъ, а существуютъ только индивидуальныя богатства и, такъ сказать, субъективныя. Абстрактная теорія, разсматривающая хозяйственныя блага исключительно со стороны ихъ мѣновой стоимости, совершенно невыясняетъ намъ различныхъ перемѣнъ въ состояніи народнаго богатства, ни тѣхъ общественныхъ законовъ и законовъ соціальной эволюціи, которые ими управляютъ. Желаніе богатства есть общее названіе для громаднаго разнообразія стремленій, чувствованій и потребностей, весьма различныхъ по своему экономическому характеру и дѣйствію на народное благосостояніе. Поэтому въ политической экономіи, претендующей имѣть реальное значеніе, общая гипотеза „желанія богатства“ должна уступить мѣсто подробному изслѣдованію мотивовъ хо-

зяйственной дѣятельности, въ томъ видѣ, какъ они проявляются у отдѣльныхъ индивидовъ, у различныхъ народовъ и въ разныхъ состояніяхъ общества. Далѣе, какъ будто желая начертить программу историческаго изслѣдованія народнаго хозяйства, Лесли продолжаетъ. Въ историческомъ порядкѣ хозяйственнаго развитія голодъ и жажда суть первыя мотивы „стремленія къ богатству". Желаніе обладать скотомъ (A desir for cattle) есть главная форма стремленія къ богатству на самой ранней ступени соціальной жизни, желаніе обладать землею (a desir for land) является мотивомъ стремленія къ богатству въ послѣдующій земледѣльческій періодъ. Но и желаніе обладать землей есть само по себѣ названіе для самыхъ различныхъ чувствъ, цѣлей и преоставленій весьма измѣнчивыхъ въ разные вѣка, въ разныхъ странахъ, у различныхъ классовъ и индивидумовъ. Во Франціи и въ Англіи страстное желаніе къ пріобрѣтенію поземельной собственности служитъ причиною поднятія цѣнъ на землю въ этихъ странахъ гораздо выше ея доходности, но эта страсть къ земельному пріобрѣтенію навсегда составляла національную особенность обоихъ народовъ и она можетъ исчезнуть, если вызванное ею поднятіе цѣнъ достигнетъ слишкомъ высокой степени, наконецъ, страсть эта всеобща у французовъ, тогда какъ у англичанъ она распространена сравнительно въ ограниченномъ кругу населенія [14]).

Указывая на недостаточность и невѣрность всѣхъ вообще посылокъ, на которыхъ экономическая теорія основываетъ своя выводы, Клифъ-Лесли останавливается на особенно подробномъ разсмотрѣніи извѣстнаго положенія теоретической экономіи, что прибыль и заработная плата въ разныхъ занятіяхъ стремятся къ одному уровню. Онъ допускаетъ, что эта посылка, изъ которой исходятъ главныя заключенія те-

---

14) Тоже, стр. 220—221.

оріи распредѣленія и обмѣна, приблизительно вѣрна только для той переходной экономической стадіи, которою А. Смитъ опредѣленно ограничилъ ея примѣненіе. Но и для этого періода она терпитъ значительныя ограниченія по отношенію къ занятіямъ, требующимъ долгой и спеціальной подготовки, также по отношенію къ тѣмъ занятіямъ, на которыя не оказываетъ вліянія спекуляція и другія причины колебанія цѣнъ, а между ними—главная эмиграція; другими словами, вышеуказанная посылка можетъ быть приложена въ сужденіи о весьма небольшомъ числѣ промышленныхъ занятій, находящихся въ стаціонарномъ состояніи. Разсмотрите, говоритъ Лесли, всю сложность причинъ, которыя въ современномъ коммерческомъ мірѣ вліяютъ на цѣну какого либо единичнаго товара и судите о возможности опредѣленія относительной прибыли мануфактуриста, или торговца какимъ нибудь товаромъ. Если фабриканту ситцевъ требуется рѣшить, поднимется ли въ ближайшій сезонъ цѣна на хлопокъ, то ему для этого, необходимы слѣдующіе данные. Вопервыхъ онъ долженъ узнать размѣръ запаса хлопка у другихъ мануфактуристовъ и торговцевъ своей страны, а также у иностранныхъ и колоніальныхъ торговцевъ. Далѣе составивъ себѣ представленіе о приблизительномъ размѣрѣ спроса на ситецъ, ему надо опредѣлить, ожидаютъ ли другіе купцы паденія или возвышенія цѣнъ. По торговымъ бюллетенямъ въ Ливерпулѣ онъ долженъ, также, справиться о состояніи биржевой спекуляціи на хлопокъ, о размѣрахъ запаса этого товара и ожидаемыхъ грузахъ изъ за океана. Кромѣ того, онъ долженъ еще узнать состояніе цѣнъ на хлопокъ въ Новомъ Орлеанѣ и другихъ портахъ и имѣть свѣдѣнія о предполагаемомъ размѣрѣ урожая хлопка въ Индіи, Египтѣ и Соединенныхъ Штатахъ. Какъ ни многочисленны собранныя имъ данныя и они окажутся недостаточными для разрѣшенія поставленной задачи, акъ какъ фабриканту ситцевъ необходимо еще знать состо-

ніе валюты, денежнаго рынка, размѣры потребленія ситца, которые, въ свою очередь, зависятъ отъ цѣнъ и спроса на другіе роды тканей. Клифъ-Лесли даетъ понять, что если столь сложная масса причинъ опредѣляетъ такую простѣйшую вещь, какъ паденіе или возрастаніе цѣны въ одинъ фартингъ на фунтъ пряжи, въ теченіи мѣсяца, то мыслимо ли при помощи простѣйшаго приложенія абстрактной доктрины о равенствѣ прибыли и рабочей платы придти къ опредѣленію законовъ весьма сложныхъ явленій въ области распредѣленія благъ. Признавъ положеніе о равенствѣ прибыли въ разныхъ занятіяхъ, говоритъ Лесли, мы, дабы быть послѣдовательными, должны быть готовымъ признать также, весьма далекое отъ дѣйствительности, положеніе, что каждый промышленникъ, или рабочій способенъ дѣлать подобнаго рода разсчеты относительно преимуществъ различныхъ занятій и что предприниматели способны также вычислить относительную разницу въ прибыли въ различныхъ отрасляхъ производства, что также далеко отъ дѣйствительности. К. Лесли считаетъ также мало основательными и неоправдываемыми дѣйствительностью всѣ тѣ ограниченія, которыми Д. Ст. Милль и Беджготъ обставили ученіе о равенствѣ прибыли и рабочей платы въ разныхъ занятіяхъ. Они придали такую форму этому ученію, что прибыль и заработная плата, хотя фактически неравны во всѣхъ занятіяхъ, но постоянно стремятся приблизиться къ равенству, при чемъ это стремленіе выражается постояннымъ перемѣщеніемъ труда и капитала отъ занятій менѣе выгодныхъ къ занятіямъ болѣе выгоднымъ. Однако и въ такой редакціи тезисъ о равенствѣ прибыли, по мнѣнію Клифъ-Лесли, весьма далекъ отъ истины, ибо если бы была доказана его вѣрность, то было бы также доказано, что эмиграція изъ Европы въ Америку давно должна была бы уравнять рабочую плату въ обоихъ этихъ странахъ, чего, однако, въ дѣйствительности ненаблюдается. Не соглашаясь ни съ одной изъ

редакцій, въ которой разные экономисты старались представить посылку теоретической экономіи о равенствѣ прибыли и заработной платы, Лесли приходитъ къ слѣдующему заключительному выводу, на которомъ, по его мнѣніж, должна остановится политическая экономія. Высота прибыли и рабочей платы такъ измѣнчива въ различныхъ занятіяхъ, что нѣтъ возможности знать, каковъ дѣйствительно уровень прибыли въ разныхъ занятіяхъ въ данный моментъ времени. Поэтому трудно вообразить себѣ, какъ даже банкиры и маклера могутъ опредѣлить существующую прибыль въ разныхъ занятіяхъ, а еще труднѣе представить себѣ, чтобы они были въ состояніи предвидѣть высоту ожидаемой прибыли въ разныхъ занятіяхъ [15]). На основаніи всѣхъ этихъ критическихъ замѣчаній относительно англійской классической теоріи политической экономіи Клифъ Лесли считаетъ доказаннымъ два положенія: 1) что абстрактный и апріорный методъ въ политической экономіи недаетъ намъ объясненія законовъ, отъ которыхъ зависитъ величина народнаго богатства и его распредѣленіе и 2) что философскій методъ, посредствомъ котораго дѣйствительно достигается познаніе экономическихъ законовъ долженъ быть методомъ историческимъ и задача этого метода должна состоять въ изученіи хозяйственной исторіи въ связи со всѣми другими сторонами народной жизни [16]).

Въ самое послѣднее время мы встрѣчаемъ полное повтореніе возраженій Клифа-Лесли противъ ученій классической школы, съ нѣкоторыми незначительными воріантами, вь сочиненіи другаго выдающагося противника этой школы Луйо Брентано [17]). Его главное возраженіе противъ англійской теоріи, также какъ и Лесли, это то, что всѣ ея поло-

15) Clitte Leslie. On the plilos. Method стр. 233—234.

16) Тоже, стр. 241.

17) См: Lujo Brentano, Dic Klassische Nationalökonomie. Leipzig. Dunker und Huwblot. 1888 г. Вступительная рѣчь, читанная въ Вѣнскомъ университетѣ.

женія находятся въ противорѣчіи съ индивидуальными явленіями хозяйственной дѣйствительности. Одинъ изъ главныхъ предметовъ его нападокъ все таже посылка о стремленіи прибыли и азработной платы въ разныхъ занятіяхъ къ равенству. „Въ дѣйствительной жизни, которую я изучалъ въ Германіи и Англіи, говоритъ Брентано, я видѣлъ, что каждое ремесло, каждая отрасль промышленности имѣетъ своихъ рабочихъ, заработокъ которыхъ часто не представляетъ ни малѣйшаго соотвѣтствія съ заработками въ другихъ занятіяхъ. Я видѣлъ, что въ годы кризиса силезскій ткачъ вовсе не бросалъ своего ремесла, а выбивался изъ силъ и не спалъ ночей, чтобы выколотить изъ себя и своихъ дѣтей тѣ гроши, которые ему нужны для пропитанія. Сапожникъ, по большей части, остается сапожникомъ на всю жизнь и не превращается въ прядильщика, хотя бы заработокъ послѣдняго представлялъ въ данное время гораздо больше выгодъ". Другимъ примѣромъ для доказательства несостоятельности абстрактныхъ теорій объяснить хозяйственныя явленія, въ глазахъ Брентана служитъ извѣстная теорія поземельной ренты Андерсена и Рикардо. Ученіе о рентѣ, какъ излишкѣ цѣнности продукта получаемаго на участкахъ высшаго плодородія по сравненію съ участкомъ самаго низшаго плодородія, находящагося подъ обработкой, по его мнѣнію, находится въ полномъ противорѣчіи съ хозяйственной дѣйствительностью прошлаго вѣка. При опредѣленіи, въ эпоху отживающаго феодальнаго строя, играло роль не только различіе въ плодородіи, или въ положеніи участковъ, но въ гораздо большей мѣрѣ, цѣлая масса субъективныхъ причинъ, заключающихся во взаимныхъ отношеніяхъ крѣпостныхъ къ господамъ. Слѣдствіемъ этого было то, что участки меньшаго плодородія могли давать большую ренту, сравнительно съ участками большаго плодородія, могли также давать ренту участки почти вовсе неплодородные. „Все это съ точки зрѣнія классической теоріи должно было счи-

таться невозможнымъ“. (стр. 14—15). Но и въ современную намъ эпоху, когда уже слѣды феодализма исчезли, наблюдается такое-же несовпаденіе теоріи съ фактами дѣйствительности. Изслѣдованія современнаго положенія англійскаго землевладѣнія показываютъ намъ, что продажныя цѣны на землю и арендная плата не находятся въ безусловномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительною доходностью земли. Въ особенности это наблюдается относительно мелкихъ арендъ. Мелкіе арендаторы не съ тою цѣлью и нанимаютъ землю, чтобы получить правильную прибыль. Они ищутъ въ нанимаемомъ участкѣ помѣщенія для труда, не находящаго другаго занятія. По этому они довольны и тѣмъ, что получаютъ обыкновенную заработную плату и сверхъ того небольшую долю прибыли, хотя и не полную прибыль, которую потребвалъ-бы капиталистъ. Тоже самое бываетъ и съ покупными цѣнами на мелкіе участки. Брентано приходилось нерѣдко видѣть въ Эльзасѣ, что эти цѣны превышаютъ на 50% капитализированную цѣнность годичнаго продукта, получаемаго съ этихъ участковъ. Но классическая экономія знаетъ только стремленіе къ наибольшей выгодѣ, но не къ независимому источнику дохода, кромѣ того ея субъектъ стремящійся къ наибольшей выгодѣ есть капиталистъ, а не крестьянинъ. А между тѣмъ ошибки теоріи вели къ печальнымъ результатамъ для практики; при организиціи кредита и при наслѣдованіи цѣны на земли опредѣлялись по капитализаціи чистаго дохода и этимъ путемъ создавалась крайняя задолженность мелкой собственности. Другая ложная теорія, тѣсно связанная съ недостатками абстрактнаго метода, — это ученіе о, такъ называемомъ, заработномъ фондѣ, утверждающее, что высота заработной платы предопредѣляется размѣрами капитала, предназначеннаго для содержанія рабочаго класса. Теорія эта въ одно время сдѣлала господствующимъ въ самомъ законодательствѣ принципъ о безуспѣшности и даже вредѣ прави-

тельственнаго содѣйствія улучшенію участи рабочихъ классовъ.

Убѣдившись на основаніи предшествующаго ряда соображеній въ неудовлетворительномъ состояніи современной экономической теоріи, Брентано, подобно К.-Десли, видитъ единственное средство для поднятія ее на надлежащую научную высоту въ историко-статистическихъ изслѣдованіяхъ хозяйственнаго быта, которыя одни въ состояніи дать намъ отвѣты на вопросы такъ неудовлетворительно рѣшаемые классической теоріей. „*Теорія народнаго хозяйства*, по мнѣнію Брентано, *должна быть замѣнена исторіей хозяйства*“ [18]).

Обозрѣвая всю эту критику теоріи классической школы, мы, съ своей стороны, считаемъ достаточнымъ относительно ея ограничиться слѣдующими замѣчаніями:

1) Одна часть тѣхъ хозяйственныхъ явленій, на которыя Клифъ-Лесли и Брентано указываютъ, какъ на противорѣчащія положеніямъ классической теоріи, по нашему мнѣнію, удобно объясняется этою же самою теоріей. Это мы, въ особенности, можемъ сказать относительно тѣхъ явленій хозяйственнаго оборота, которыя Брентано приводитъ, какъ противорѣчащія теоріи ренты Рикардо. Что Рикардо и его послѣдователи не думали прилагать свою теорію къ объясненію явленій феодальнаго хозяйства, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, какъ несомнѣнно и то, что Рикардо не могъ быть неизвѣстенъ тотъ фактъ, что участки низшаго плодородія, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ давать бо́льшую ренту, сравнительно съ участками высшаго плодородія, и что могутъ давать ренту даже участки почти вовсе не плодородные. Всѣ эти факты не могли быть неизвѣстны Рикардо по той

---

18) C. Lesly. On the Philosoph. Method, стр. 239; Brentano, Classische Nationaloekonomie, стр. 29.

простой причинѣ, что они предвидены въ самой его теоріи ренты. Рента по теоріи Рикардо есть экономическій фактъ, вытекающій изъ соотношенія слѣдующаго рода причинъ: 1) относительнаго плодородія почвы разныхъ участковъ земли, 2) разности въ разстояніи земельныхъ участковъ отъ рынка сбыта 3), а при одинаковомъ разстояніи отъ рынка, разности въ степени дешевизны и удобства путей сообщенія (шоссе, обыкновенныя дороги, желѣзныя дороги, вліяніе тарифовъ), 4) степени культуры самой земли (система хозяйства, степень ея интензивности). По отношенію къ данному поземельному участку одни изъ этихъ причинъ могутъ одновременно дѣйствовать въ направленіи увеличивающемъ ренту, другія—уменьшающемъ, и въ конечномъ результатѣ логически возможно, а фактически бываетъ такое соотношеніе между дѣйствіями всѣхъ этихъ причинъ, при которомъ участки меньшаго плодородія даютъ ренту, а участки высшаго плодородія ее не даютъ, какъ напр. въ томъ случаѣ, когда эти послѣдніе весьма удалены отъ рынка, или же соединены съ нимъ первобытными путями сообщенія: въ такомъ именно положеніи находится хлѣбородная область нашей Сибири по отношенію къ англійскимъ и голландскимъ хлѣбнымъ рынкамъ. Только невѣрное, или же, по крайней мѣрѣ, одностороннее пониманіе теоріи Рикардо могло привести Брентано къ заключенію, что поземельная рента есть исключительно излишекъ цѣнности продукта, получаемаго съ участковъ высшаго плодородія, по сравненію съ участками низшаго плодородія, находящимися подъ обработкой. Также безусловно нельзя согласиться съ возраженіями, которыя К. Лесли и Брентано дѣлаютъ противъ положенія теоріи о тенденціи прибыли и заработной платы къ равенству. Конечно ткачъ не оставляетъ своей спеціальности при первомъ пониженіи заработной платы въ этой отрасли производства, но разъ это пониженіе сдѣлается хроническимъ, то, если не сами ткачи, то ихъ сыновья и дѣти постараются

обратиться къ такимъ занятіямъ, въ которыхъ заработная плата, въ силу экономической конъюнктуры, стремится къ повышенію, или же, по крайней мѣрѣ, находится на обыкновенномъ уровнѣ.

2. Другая часть аргументовъ К. Лесли и Брентано заключается въ цѣломъ рядѣ поправокъ къ теоріямъ классической школы. Таковы замѣчанія Брентано относительно ренты получаемой съ мелкихъ участковъ и покупной цѣны этихъ участковъ. Эти поправки, почерпнутыя изъ наблюденій фактовъ хозяйственной жизни, охотно могли бы быть приняты къ свѣденію теоретиками, еслибъ они гораздо раньше не были сдѣланы Д. С. Миллемъ [19]) (въ 1848 г.) и цѣлымъ рядомъ другихъ экономистовъ-теоретиковъ, которые, въ виду этихъ замѣченныхъ ими ошибокъ, вовсе, однако, не думали отрицать цѣлесообразности абстрактнаго и теоретическаго направленія въ хозяйственныхъ изслѣдованіяхъ. Что касается указанія на ошибочность теоріи заработнаго фонда, въ которой повинна классическая школа, то ея ошибочность была доказана такими чистыми теоретиками, какъ Торнтонъ, Родбертусъ, и Брентано, въ данномъ случаѣ, достаточно было только сослаться на этихъ экономистовъ. Вообще же относительно частныхъ ошибокъ, допущенныхъ классическою теоріей, надо имѣть въ виду, что отъ такихъ ошибокъ не можетъ быть гарантированъ ни одинъ родъ научнаго изслѣдованія, въ томъ числѣ и имѣющія такую высокую цѣну въ глазахъ Лесли и Брентано, историко-статистическія изслѣдованія хозяйственнаго быта, а потому совершенно несправедливо дѣлать заключеніе на основаніи такого рода частныхъ ошибокъ о несостоятельности цѣлаго направленія въ наукѣ.

19) См. Д. С. Основанія политической экономіи. Русск. пр. 2-е изд. I т. Выясненіе вліянія соперничества, обычая и другихъ фактовъ на ренту и цѣны предметовъ въ гл. IV и XVI. См. также соотвѣтствующія разъясненія у Кэрнса въ его „Some Leading Principles of Political economy. 1873 г. I. Part. Chap. III; IV Part. ch I.

3. Ставя въ вину экономической теоріи, что она не объясняетъ вліянія на складъ хозяйственныхъ отношеній, въ различныя эпохи, разныхъ формъ богатства и тѣхъ или другихъ національныхъ особенностей даннаго народа, а также господствующихъ моральныхъ настроеній, сословныхъ стремленій и т. п., К. Лесли и Брентано предъявляютъ, тѣмъ самымъ, такія требованія къ теоріи, выполненіе которыхъ составляетъ прямую задачу хозяйственной исторіи и статистики. Они опускаютъ изъ виду, что „абстрактная теорія“ по существу своей задачи не претендуетъ представить полную и детальную картину хозяйственнаго быта, потому что она изслѣдуетъ хозяйственныя явленія съ одной спеціальной точки зрѣнія—со стороны ихъ типическихъ формъ. Оба автора, предписывая для теоретической экономіи программу чисто историческихъ изслѣдованій хозяйственнаго быта (какъ, напр. изслѣдованіе исторически смѣнявшихся формъ богатства), очевидно смѣшиваютъ задачи экономической теоріи съ задачами хозяйственной исторіи и бытоописанія, оба сходясь въ томъ воззрѣніи, что „теорія хозяйства должна быть замѣнена исторіей хозяйства“

Критика англійской теоріи политической экономіи исторической школою, не смотря на многія преувеличенія, въ которыя впадали при этомъ представители этой школы, была, тѣмъ не менѣе, во многихъ отношеніяхъ плодотворна для дальнѣйшаго развитія теоретической экономіи. Это, въ особенности, мы должны сказать о разъясненіяхъ сдѣланныхъ экономистами-историками относительно связи хозяйственныхъ явленій со всѣмъ складомъ общественной жизни даннаго времени. Разъясненія эти были приняты во вниманіе послѣдующимъ поколѣніемъ теоретиковъ и на основаніи ихъ сдѣланы соотвѣтствующія поправки въ классической теоріи и самое

значеніе теоретической экономіи было сведено въ надлежащія границы; при этомъ выяснился ея, до нѣкоторой степени, временный и мѣстный характеръ, хотя въ смыслѣ отличномъ отъ того, въ какомъ себѣ это представляли экономисты исторической школы[20]). Но на этомъ пути критики погрѣшностей экономической теоріи—экономисты исторической школы могли идти рука объ руку съ экономистами-теоретиками, такими, какъ Милль, Кернсъ, Германъ, Сиджвикъ, которые, также, во многихъ отношеніяхъ исправляли и дополняли экономическую теорію, унаслѣдованную ими отъ предшествующаго поколенія экономистовъ. Можно было указывать ошибки, отрицать отдѣльныя выводы теоріи, какъ это и дѣлали названные экономисты, не отрицая при этомъ исходныхъ моментовъ самой теоріи, какъ особаго рода научнаго изслѣдованія и тѣхъ методологическихъ пріемовъ, безъ которыхъ не мыслимо самое существованіе этого рода изслѣдованій. Но историческая школа выступила именно на этотъ послѣдній путь и отнеслась безусловно отрицательно къ самому методу теоретической экономіи.

Отрицательное отношеніе къ методу классической теоріи выражется въ томъ, что историческая школа считаетъ въ корнѣ ошибочною мысль о возможности примѣненія конкретно—дедуктивнаго метода къ изслѣдованію хозяйственныхъ явленій, того метода, на которомъ основано построеніе теоретической экономіи. Критика дедукціи, какъ метода теоретическаго изслѣдованія въ политической экономіи, не отличается однако обиліемъ аргументовъ и такою обстоятельностію, которая обнаружена историческою школою въ критикѣ отдѣльныхъ ученій классической теоріи. Для того чтобы мнѣніе исторической школы о несостоятельности дедуктивного метода въ политической экономіи могло претендовать на научный авто-

20) См. выше приведенныя методологическія воззрѣнія Беджгота и Тойнби

ритетъ, оно должно было бы опираться на такое или иное рѣшеніе соотвѣтствующей проблемы изъ теоріи познанія — (какой научный методъ болѣе всего отвѣчаетъ специальнымъ свойствамъ народно-хозяйственныхъ явленій?) — такимъ именно путемъ шелъ Д. С. Милль, защищая противоположное воззрѣніе о необходимости дедуктивнаго метода въ политической экономіи. Конечно, дедуктивный методъ фактически примѣнялся въ экономическихъ изслѣдованіяхъ гораздо раньше, чѣмъ онъ получилъ санкцію отъ экономистовъ методологовъ, имъ въ широкихъ размѣрахъ пользовались физіократы, А. Смитъ и Рикардо, но англійскіе экономисты-методологи признали его права гражданства только послѣ предварительнаго рѣшенія цѣлаго ряда проблемъ изъ теоріи познанія, въ примѣненіи ея къ изслѣдованію общественныхъ явленій и специальнаго вида этихъ явленій—экономическихъ. Слѣдуя этимъ путемъ, Д. С. Милль, въ своей „Логикѣ", доказалъ, что чрезвычайная сложность общественныхъ явленій дѣлаетъ невозможнымъ суммарное изученіе ихъ во всей совокупности, и что для изслѣдователя не остается другого выбора, какъ обратиться къ аналитическому изученію общественныхъ явленій по отдѣльнымъ ихъ категоріямъ и по отдѣльнымъ сторонамъ общественной жизни. Милль былъ весьма далекъ отъ мысли выдавать законы одной части общественныхъ явленій (хозяйственныхъ) за законы всей общественной жизни, но онъ доказалъ, что только аналитическимъ путемъ изслѣдованія законовъ отдѣльныхъ категорій явленій, изъ которыхъ слагается жизнь современнаго общества, можно достигнуть познанія законовъ, управляющихъ дѣятельностью всего сложнаго общественнаго организма. Остановившись, затѣмъ, специально на хозяйственной жизни общества, Милль выяснилъ какіе мотодологическіе пріемы вытекаютъ изъ самой задачи изолированнаго изслѣдованія этой важной стороны социальной жизни, онъ показалъ какъ неудовлетворительны резуль-

таты получаемыя при помощи индукціи и почему дедукція и, въ часности, спеціальный ея видъ, конкретно-дедуктивный методъ—долженъ имѣть широкое примѣненіе при рѣшеніи вопросовъ теоретической экономіи.

Историческая школа въ своей критикѣ экономической дедукціи неоказалась на высотѣ предстоявшей ей задачи. Эта критика вовсе не отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя налагались на представителей исторической школы современнымъ положеніемъ ученія о дедуктивномъ методѣ, въ томъ видѣ какъ оно формулировано Д. Ст. Миллемъ, Кэрнсомъ и другими ихъ сторонниками. Недостаточно сказать, что методологическія ученія Милля и его школы—историческою школою не опровергнуть, но къ этому надо еще прибавить, что среди выдающихся представителей исторической школы мы не встрѣчаемъ даже надлежащаго знакомства съ этими ученіями, которыя они просто или отрицаютъ, или игнорируютъ.

Воззрѣнія разныхъ представителей исторической школы на дедукцію въ политической экономіи представляютъ всѣ степени отрицательнаго отношенія къ ней, начиная съ извѣстнаго условнаго признанія значенія этого метода (въ ученіи Книса) и оканчивая полнымъ отрицаніемъ (Шмоллеръ, Брентано и другіе). Книсъ, представляющій среди экономистовъ исторической школы счастливое исключеніе своимъ обстоятельнымъ знакомствомъ съ методологическимъ ученіемъ Милля, признаетъ значеніе за дедуктивными ученіями политической экономіи на столько, на сколько они оправдываются индивидуальными фактами дѣйствительной жизни, другими словами, онъ видитъ силу и значеніе конкретно-дедуктивнаго метода и, такъ сказать, центръ тяжести въ его третьей стадіи—въ процессѣ повѣрки. Ингрэмъ признаетъ значеніе дедукціи для теоретическихъ изслѣдованій уже въ меньшей степени, чѣмъ Книсъ. По воззрѣнію Ингрэма чрезвычайная сложность общественно-хозяйственныхъ явленій служитъ

достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы отводить ей роль второстепеннаго и вспомогательнаго способа изслѣдованія по отношенію къ наблюденію. Примѣненіе дедукціи къ экономическимъ изслѣдованіямъ должно состоять не въ провѣркѣ наблюденіемъ выводовъ, полученныхъ дедуктивнымъ путемъ, а наоборотъ. Законы строенія и развитія народнаго хозяйства должны изучаться путемъ наблюденія, какъ современныхъ, такъ и прошлыхъ хозяйственныхъ состояній, а назначеніе дедукціи состоять въ провѣркѣ результатовъ индукціи выводами изъ основныхъ свойствъ человѣческой натуры и законовъ внѣшней природы. Словомъ, отрицая цѣлесообразность прямаго дедуктивнаго метода Милля, Ингрэмъ настаиваетъ на примѣненіи обратно дедуктивнаго метода, въ видѣ дополненія къ наблюденію и выводамъ, полученнымъ индуктивнымъ путемъ. „Законъ, по его выраженію, есть генерализированіе факта, а наука—построеніе цѣлой системы—этихъ законовъ“ 21). Относительно предпочтенія оказываемаго Ингремомъ обратной дедукціи передъ прямою—мы можемъ только замѣтить, что это воззрѣніе находится въ тѣсной связи съ его пониманіемъ задачи политической экономіи, которую, какъ мы видѣли, онъ смѣшиваетъ съ задачами исторіи и соціологіи. Какъ извѣстно, Д. С. Милль, представившій, въ своей „Системѣ Логики“, подробный анализъ обратно-дедуктивнаго метода, ограничиваетъ его примѣненіе областью историческихъ изслѣдованій. Конечно, вопросъ о примѣненіи этого метода къ рѣшенію проблемъ теоретической экономіи заслуживаетъ того, чтобы сдѣлаться предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, но Ингремъ, какъ и Брентано, раздѣляющій тоже воззрѣніе, не представили другихъ основаній своей мысли, кромѣ того, которое заключается въ приведенныхъ фразахъ. Крайнюю лѣвую въ отрицаніи пригодности вообще

21) Ingram, Die Nothwend. Reform. der Volkswirthschaftslehre, стр. 5, 20, 21.

дедуктивнаго метода въ политической экономіи составляютъ Шмоллеръ, Клифъ Лесли, Брентано, Гасбахъ. Они считаютъ индукцію единственнымъ цѣлесообразнымъ методомъ изслѣдованія законовъ народнаго хозяйства, причемъ иногда называютъ этотъ методъ историческимъ[22]). Наблюденіе и только одно наблюденіе, по мнѣнію Шмоллера, должно служить и основаніемъ и провѣркою ученій политической экономіи. Шмоллеръ рѣшительно не согласенъ съ однимъ изъ элементарныхъ положеній научной методологіи, что наблюденіе въ сферѣ общественныхъ явленій приводитъ къ установленію законовъ эмпирическихъ, а неточныхъ, такъ какъ оно недаетъ никакой гарантіи, въ томъ, что вѣрное для наблюдаемаго случая, вѣрно и для всѣхъ подобнаго рода случаевъ. Онъ держится другого мнѣнія „что разъ наблюденіе даннаго явленія, какъ въ колиственномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, произведено правильно, то необходимо допустить, что повтореніе одинаковыхъ качественно и количественно причинъ будетъ вызывать одни и тѣже, разъ наблюденныя, слѣдствія. На этомъ законѣ нашего мышленія, полагаетъ онъ, должна быть построена вся теоретическая наука о народномъ хозяйствѣ“ [23]). Но опять же и Шмоллеръ, кромѣ этихъ краткихъ замѣчаній, не приводитъ другихъ основаній своей мысли о возможности въ области народнаго хозяйства, посредствомъ „правильныхъ въ количественномъ и качественномъ отношеніи наблюденій“ прійти къ познанію основныхъ законовъ хозяйственныхъ явленій. Именно эту то возможность и отрицаетъ Д. С. Милль, возражая противъ мнѣній крайнихъ индуктивистовъ, придающихъ большое значеніе количе-

---

22) L. Brentano. Arbeiterversicherungszwang. Deutsche Zeit-und Streit-Frage 1881 г. стр. 20—23. Hassbach. Рецензія на сочинен. Э. Сакса „Aufgabe und Methòd. d. Pol. Oek.“ Jahrbuch f. Gesetz. Verwalt. und Volkswirth. 1885.

23) G. Schmoller. Jahrbuch. f. Gesetz.... Zur Methodologie der Staats—und Socialwissenschaft. стр. 978.

ству наблюдаемыхъ случаевъ. „Ненаучные изслѣдователи, говоритъ онъ, склонны весьма много полагаться на число случаевъ. Въ большинствѣ людей степень увѣренности въ заключеніяхъ соразмѣряется только съ массою опытовъ, на которыхъ эти заключенія, повидимому, основываются. Эти люди несоображаютъ, что если къ прежнимъ случаямъ прибавляются новыя того же рода т. е. отличающіеся лишь въ обстоятельствахъ признанныхъ несущественными, то къ достовѣрности заключенія не прибавляется ничего“ [24]). А между тѣмъ наблюденіе общественныхъ явленій побольшей части поставлено въ такого рода неудобныя условія, подрывающія значеніе индукціи, какъ орудія изслѣдованія законовъ хозяйственныхъ явленій. (См. гл. IV). Конечно, индукція есть незамѣнимый методъ для полученія законовъ статистики и исторіи, и по этому совершенно послѣдовательною является защита исключительнаго господства этого метода въ обществовѣденіи тѣми экономистами исторической школы, которые отождествляютъ политическую экономію съ хозяйственной исторіей и политикой, но эти экономисты необъяснили и непоказали какимъ образомъ изъ наблюденія конкретныхъ историко-хозяйственныхъ явленій, путемъ индукціи, можно прійти къ познанію основныхъ общественно-хозяйственныхъ законовъ—законовъ типическихъ формъ хозяйственныхъ явленій.

Обычныя ссылки представителей исторической школы на авторитетъ Бэкона въ подтвержденіе своего мнѣнія объ исключительной роли индукціи въ общественно-хозяйственныхъ изслѣдованіяхъ едвали имѣютъ какое нибудь основаніе въ дѣйствительныхъ воззрѣніяхъ Бэкона на значеніе этого метода. Мнѣніе объ исключительномъ преклоненіи Бэкона передъ индукціей, по меньшей мѣрѣ, преувеличено. Бэконъ,

---

24) См. также R. Whately. Introductory Lectures on political-economy. 1855 г. London. стр. 156.

которому индуктивный методъ изслѣдованія обязанъ тѣмъ значеніемъ, какое онъ получилъ въ наукѣ у народовъ новаго времени, никогда не считалъ индукцію универсальнымъ методомъ изслѣдованія. На ряду съ индукціей онъ придавалъ равное значеніе и абстрактному изслѣдованію[25]). Онъ только обусловливаетъ, чтобы спекулятивныя изслѣдованія основывались не на произвольныхъ аксіомахъ, а на истинахъ, почерпнутыхъ путемъ предварительной индукціи изъ наблюденія. Бэконъ возстаетъ противъ схоластической спекулятивной философіи, которая исходила изъ разныхъ метафизическихъ положеній (субстанція, качество, дѣйствіе, рѣдкость и т. п.), но не противъ силлогизма вообще, какъ способа научнаго изслѣдованія. Напротивъ, въ силлогизмѣ онъ видитъ средство экономизировать силы изслѣдователя; этотъ пріемъ мышленія, въ глазахъ Бэкона, даетъ возможность выводить изъ извѣстныхъ фактовъ неизвѣстное. Назначеніе же индукціи, по Бэкону, должно состоять, между прочимъ, въ приготовленіи аксіомъ или принциповъ, которые затѣмъ служатъ основою силлогизма. Такимъ образомъ можно констатировать близкое сродство въ основныхъ воззрѣніяхъ Бэкона и Д. С. Милля на роль обоихъ методовъ—дедукціи и индукціи— въ научныхъ изслѣдованіяхъ.

---

25) „Человѣкъ въ своей двойной роли интерпретатора природы и существа, подчиняющаго природу своимъ цѣлямъ, уясняетъ и реализируетъ свои умственныя концепціи въ той лишь мѣрѣ, на сколько онъ успѣваетъ открыть порядокъ господствующій въ природѣ *путемъ наблюденія и абстрактнаго мышленія*—больше этого онъ не въ силахъ сдѣлать; ибо онъ не располагаетъ силою, которая могла бы прервать цѣпь причинъ, связующихъ явленія, онъ не можетъ побѣждать натуру иначе, какъ ей повинуясь, такимъ образомъ двѣ цѣли—знаніе и подчиненіе природы своимъ цѣлямъ совпадаютъ между собою въ однихъ и тѣхъ же пунктахъ и если онъ не достигаетъ значительныхъ результатовъ, то именно вслѣдствіе незнанія причинъ явленій. Oevres des Francois Bacon. Француз. переводъ Lassal. Dijon. 1790 г. Введеніе стр. 70. Томъ 4-й стр. 45—50; 78—80 стр. и др.

Мы здѣсь почти некасались характеристики тѣхъ, собственно, полемическихъ пріемовъ, которыми Шмоллеръ, К. Лесли, Ингрэмъ и др., защищая индукцію, пользуются для дискредитированія воззрѣній своихъ противниковъ, мы только отмѣтимъ тотъ фактъ, что на ненаучность этихъ пріемовъ указывали даже болѣе безпристрастные изъ экономистовъ исторической школы. „Экономисты исторической школы, говоритъ одинъ изъ ея сторонниковъ, склонны защищать индукцію въ высшей степени ненаучнымъ способомъ, поверхностно и притомъ съ крайней нетерпимостью по отношенію къ своимъ противникамъ" [26]).

---

26) Bella Wiss. Zu Logik der Nationalökomie. Zeilschr. für. gesamte Staatwissensch. 1875 г. стр. 527.

VIII.

Эгоизмъ, какъ основная посылка теоретической политической экономіи и вопросъ о мотивахъ хозяйственной дѣятельности.

Какъ мы видѣли, историческая школа параллельно съ нападками на дедуктивный методъ въ политической экономіи ведетъ отдѣльную атаку противъ нѣкоторыхъ основныхъ посылокъ, на которыхъ построена система ученій классической экономіи. На сколько критическія замѣчанія представителей исторической школы направлены противъ отдѣльныхъ посылокъ классической теоріи, хотя бы и съ цѣлію доказать ихъ полную невѣрность, то здѣсь уже рѣчь идетъ не объ общей нецѣлесообразности дедуктивною метода, а о томъ, въ какой мѣрѣ правильно пользовались дедукціей классическіе экономисты. Представители исторической школы, полемизируя и противъ дедуктивнаго метода и противъ основныхъ посылокъ классической теоріи, желаютъ этимъ показать, что, если даже допустить пригодность чистой дедукціи для теоретическаго изслѣдованія, то все таки выводы классической школы ложны, потому что они основаны на ошибочныхъ посылкахъ. Возраженія исторической школы противъ вѣрности посылокъ классической экономіи переносятъ вопросъ на ту почву, на которой ведутся споры между самими послѣдователями дедуктивнаго метода. Понятно, что сужденія, имѣющія цѣлью указать неточность, или, даже, совершенную невѣрность положеній служащихъ посылками для той или другой экономической теоріи, должны имѣть особенную важность въ глазахъ теоретиковъ-экономистовъ.

Раньше мы уже встрѣчались съ отдѣльными возраженіями исторической школы противъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ положеній, лежащихъ въ основѣ классической теоріи. Намъ остается еще разсмотрѣть критику одной изъ самыхъ важныхъ посылокъ, на которой возведено зданіе теоретической экономіи — „посылки эгоизма". Роль этой посылки въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ первостепенной важности; разъ была бы доказана фактическая невѣрность той мысли, что эгоизмъ есть основной мотивъ хозяйственной дѣятельности и одинъ изъ главныхъ устоевъ хозяйственнаго оборота, то все зданіе теоретической экономіи классической школы было бы поколеблено, тогда какъ доказанная невѣрность, напр., положенія о стремленіи прибыли и заработной платы во всѣхъ отрасляхъ приложенія труда и капитала, къ равенству повела бы только къ нѣкоторымъ, хотя и существеннымъ, поправкамъ въ теоріи политической экономіи. Разсужденія исторической школы по вопросу объ эгоизмѣ, какъ основной посылкѣ классической теоріи и о мотивахъ хозяйственной дѣятельности вообще, заслуживаютъ особеннаго вниманія еще и потому, что они относятся къ психологіи хозяйственныхъ отношеній — т. е. къ той сторонѣ хозяйственныхъ явленій, которую всегда старалась выдвинуть на первый планъ въ своихъ изслѣдованіяхъ эта школа, создавшая даже особое этическое или психологическое направленіе въ политической экономіи. Вопросъ о мотивахъ хозяйственной дѣятельности и о роли эгоизма въ хозяйственныхъ отношеніяхъ въ особенности, — вовсе небылъ затронутъ съ методологической стороны писателями классической школы. Тюрго, Ад. Смитъ, Рикардо, создавая научную конструкцію теоретической экономіи, молча исходили изъ „посылки эгоизма", вовсе не объясняя тѣхъ основаній, по которымъ они принимали эту посылку за исходный пунктъ своихъ выводовъ. Поэтому, при послѣдующемъ пересмотрѣ классической теоріи

возникалъ цѣлый рядъ вопросовъ относительно того, есть ли эгоизмъ единственный мотивъ хозяйственной дѣятельности, въ состояніи ли привести ничемъ нестѣсненное господство этого мотива въ хозяйственныхъ отношеніяхъ къ обезпеченію интересовъ всѣхъ лицъ и всѣхъ классовъ общества, не находится ли, наконецъ, теорія политической экономіи, основанная на предположеніи господства этого мотива въ хозяйственной жизни въ противорѣчіи съ дѣйствительностью? Эти и тому подобные вопросы ставились и разсматривались представителями двухъ различныхъ направленій въ политической экономіи. Ученію о мотивахъ хозяйственной дѣятельности и выясненію методологическаго значенія „посылки эгоизма“ въ политико-экономическихъ изслѣдованіяхъ посвятили достаточно вниманія теоретики-экономисты Д. С. Милль и Кэрнсъ, а въ послѣднѣе время, Вагнеръ, Шеффле, Сиджвикъ, Дитцель, Саксъ и Даргюнъ. Въ свою очередь и экономисты исторической школы, Книсъ, Шмоллеръ, К. Лесли, Брентано и др., критиковавшіе классическую теорію, также отводили много мѣста подробной критикѣ „теоріи эгоизма“, представивъ, при этомъ, свою особую систему воззрѣній на психологію хозяйственныхъ отношеній. Критическія замѣчанія исторической школы относительно „посылки эгоизма“ оказали несомнѣнно благотворное вліяніе на дальнѣйшее направленіе теоретическихъ изслѣдованій въ политической экономіи. Тѣмъ не менѣе, если только, при современномъ состояніи экономической науки, можетъ быть рѣчь объ особенной категоріи знаній, которую можно было бы назвать „психологіей общественно-хозяйственныхъ отношеній“, то должно признать, что установленіе нѣкоторыхъ изъ положеній относящихся къ этой области составляетъ заслугу группы экономистовъ-теоретиковъ, а отнюдь не представителей исторической школы. Неудовлетворительность результатовъ достигнутыхъ въ области „хозяйственной психологіи“ историческою школою, сравнительно да-

же съ тѣмъ немногимъ, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи школою англійскихъ и германскихъ теоретикъ-экономистовъ, по нашему мнѣнію, находитъ свое объясненіе въ неправильности, какъ общихъ методологическихъ воззрѣній исторической школы на задачу теоретической экономіи, такъ, и въ частности, неправильности тѣхъ пріемовъ, которые были примѣняемы ею при анализѣ мотивовъ хозяйственной дѣятельности.

1. Правильной оцѣнкѣ различныхъ категорій хозяйственныхъ явленій въ отношеніи психологическихъ мотивовъ, изъ которыхъ они вытекаютъ, а также надлежащей оцѣнкѣ „посылки эгоизма“ въ политической экономіи, мѣшало обычное у исторической школы смѣшеніе теоретической точки зрѣнія съ прикладною. Дѣло въ томъ, что вопросъ о роли эгоизма или хозяйственнаго разсчета, выражающагося въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній стремленіемъ достигать возможно большихъ результатовъ посредствомъ затраты возможно меньшаго количества труда,—заключаетъ въ себѣ двѣ совершенно различныя проблемы, изъ которыхъ одна относится къ теоріи политической экономіи и другая къ хозяйственной политикѣ. Въ данномъ случаѣ теоретическое изслѣдованіе должно было рѣшить вопросъ о томъ, дѣйствительно ли на эгоизмѣ основаны тѣ акты хозяйственной дѣятельности, которыя разсматривала классическая теорія и, если да—то дѣйствительно ли тѣми именно послѣдствіями выражается эгоистическая дѣятельность людей въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній какія констатировала классическая школа въ своихъ ученіяхъ о производствѣ, распредѣленіи и обращеніи благъ. Въ задачу теоретическаго изслѣдованія вовсе не входило одобреніе, или осужденіе эгоизма, какъ мотива хозяйственной дѣятельности, оно должно было только признать, или не признать его фактическою силою, на которой основанъ хозяйственный оборотъ. Но желательны ли тѣ послѣд-

ствія, къ которымъ приводитъ эгоизмъ въ области хозяйственныхъ отношеній, что лучше обезпечиваетъ хозяйственные интересы и благосостояніе общества эгоизмъ, или альтруизмъ, какія сферы въ интересахъ общаго блага всего цѣлесообразнѣе подчинить извѣстнаго рода предписаніямъ, основаннымъ на началѣ альтруизма—все это вопросы, относящіеся къ соціальной политикѣ и къ прикладной, а не къ теоретической экономіи. Историческая школа этихъ двухъ сторонъ вопроса неотдѣляла одну отъ другой и результатомъ этого смѣшенія фактической роли эгоизма въ хозяйственныхъ отношеніяхъ съ соціально-политическимъ идеаломъ было неправильное пониманіе этою школою тѣхъ экономическихъ системъ, которыя въ теоретической части основывались на „посылкѣ эгоизма". Это надо сказать относительно двухъ экономическихъ системъ, весьма рѣзко отличающихся между собою и являющихся предметомъ постоянной критики исторической школы, - системѣ А. Смита и — соціалистовъ. Систему А. Смита историческая школа, иначе, называла „системой эгоизма и индивидуализма", или „системой естественнаго права". При этомъ историческая школа недѣлала никакого различія между воззрѣніемъ А. Смита на фактическую роль эгоизма съ сферѣ хозяйственныхъ отношеній и тѣми его воззрѣніями, въ которыхъ онъ старается согласовать положеніе вещей, вытекающее изъ самому себѣ предоставленнаго хозяйственнаго оборота, съ требованіями морали, общественнаго блага и государственными интересами. А. Смитъ дѣйствительно, и въ своихъ теоретическихъ ученіяхъ, и въ своихъ соціально-политическихъ планахъ, исходилъ изъ предположенія объ эгоистическомъ образѣ дѣйствій людей въ области народнаго хозяйства. Но въ обоихъ случаяхъ отношеніе А. Смита къ эгоизму далеко неодинаковое. Въ тѣхъ частяхъ своего трактата, гдѣ онъ анализируетъ явленія хозяйственнаго оборота и старается формулировать законы ими управляющіе, А Смитъ

придерживается того воззрѣнія, что основнымъ факторомъ хозяйственной дѣятельности, подъ вліяніемъ котораго слагаются такія явленія, какъ цѣна, рента, прибыль, денежное обращеніе и т. п., — служитъ личный интересъ или эгоизмъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ хозяйственныхъ классовъ. Что же касается прикладной части трактата А. Смита и его этическихъ воззрѣній на современныя ему хозяйственныя отношенія, то позднѣйшія весьма обстоятельныя изслѣдованія его міровоззрѣнія, основанныя на тщательномъ изученіи текста его сочиненій, недопускаютъ сомнѣнія въ томъ, что А. Смитъ небылъ такимъ безусловнымъ панегиристомъ индивидуализма, какимъ представляетъ его историческая школа, начиная съ Фридриха Листа и оканчивая ея современными представителями. А. Смитъ вовсе несчитаетъ лучшею экономической политикою для всѣхъ народовъ и вовсѣ историческіе моменты — предоставленіе всѣхъ хозяйственныхъ отношеній свободной игрѣ личнаго интереса или эгоизма. Правда, онъ многократно говоритъ: „что считается благоразумнымъ въ дѣятельности каждаго отдѣльнаго лица то неможетъ быть безразсуднымъ въ образѣ дѣйствія всего народа“. Но къ этому аргументу онъ прибѣгаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ желаетъ доказать выгоды свободы торговли и свободы хозяйственной дѣятельности для Англіи, т. е. той системы политики, которая въ ту пору дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ отвѣчала національнымъ интересамъ его отечества. А. Смитъ думалъ, что въ этихъ предѣлахъ личный интересъ отдѣльныхъ лицъ вполнѣ совпадаетъ съ благомъ всего общества. Но, что А. Смитъ не думалъ выдавать политику свободы торговли и невмѣшательства за лучшую политику для всѣхъ временъ и народовъ, это видно изъ его энергической защиты полезности для своего времени Кромвелевскаго акта о мореплаваніи. Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ соціальной политикѣ А Смитъ не доходилъ до отождествленія интере-

совъ личности съ интересами общества [1]). Весьма справедливо замѣчаетъ относительно прикладной части сочиненія А. Смита Сиджвикъ, что „приписывать А. Смиту догматическую теорію естественнаго права абсолютной независимости личности въ промышленной жизни, какъ это дѣлаютъ въ послѣднее время германскіе писатели—это значитъ строить исторію экономическихъ ученій изъ своего разума, а не на основаніи фактическаго содержанія, представляемаго этими ученіями“ [2]). Какъ бы то ни было, но характеризуя ученія А. Смита, какъ „систему индивидуализма и эгоизма“, историческая школа доказывала только несостоятельность извѣстныхъ принциповъ хозяйственной политики. Но доказанная невѣрность и теоріи „lessez faire“ и индивидуализма, какъ принципа соціальной организаціи, ничего неговоритъ еще о вѣрности, или ложности „посылки эгоизма“, въ теоретическомъ изслѣдованіи хозяйственныхъ явленій. Между этими двумя частями доктрины А. Смита несуществуетъ органической зависимости. А потому и послѣ этой критики принциповъ хозяйственной политики въ ученіи А. Смита, оставался открытымъ вопросъ о томъ, насколько правильно поступалъ онъ, исходя изъ предположенія объ эгоистическомъ образѣ дѣй-

---

1) У него мы читаемъ самыя энергическія выраженія, говорящія объ антогонизмѣ между отдѣльными хозяйственными классами. „Ничто болѣе непримиримо съ званіемъ правителя, говоритъ онъ, кавъ качества купца. Какъ правитель онъ имѣетъ тѣже интересы, какъ и вся страна, но, какъ купецъ, онъ со своими интересами стоитъ въ полномъ антагонизмѣ съ интересами всего народа“. „Интересы предпринимателя въ какой либо отдѣльной отрасли торговли, или производства совершенно отличны и противоположны интересамъ общества“. См. А. Смитъ „О богатствѣ народовъ“. Рус, пер. 2 ч. стр. 280, 573 и др. Мѣста въ сочиненіяхъ А. Смита, подрывающія воззрѣніе на него, какъ на сторонника безусловной свободы торговли, тщательно собраны и освѣщены въ соч. проф. И. И. Янжула „Англійская свободная торговля“ 1876 г. стр. отъ 174 по 182 и Onken. „A. Smith und J. Kant“, 1877 г. стр. 131—134; 209 по 228. Knies. P. Oek. vom gesch. Stand. стр. 223—227.

2) Sidgwick, The Scope and Meth. стр. 7. H. Dietrl, Beiträge zue. Methodik. стр. 28—29.

ствій людей въ своихъ теоретическихъ объясненіяхъ такихъ явленій хозяйственнаго оборота, какъ цѣна, денежное обращеніе, рента, заработная плата, процентъ и т. п.

Что признаніе эгоизма фактической силою, двигающею механизмъ современныхъ хозяйственныхъ отношеній не означаетъ еще одобренія съ соціально-политической точки зрѣнія послѣдствій проявленія этой силы въ условіяхъ нестѣсняемаго внѣшними предписаніями хозяйственнаго оборота, какъ это бываетъ въ случаѣ господства въ широкихъ размѣрахъ политики невмѣшательства—въ этомъ наглядно можно убѣдиться на системѣ соціалистовъ. Такъ, представители соціализма Марксъ и Ротбертусъ во всѣхъ своихъ теоретическихъ ученіяхъ исходили изъ „посылки эгоизма", фактическую роль эгоизма въ хозяйственной жизни они даже преувеличивали; но они отрицали его пригодность въ качествѣ принципа соціальной политики и вовсе не отводили ему никакого мѣста въ своихъ планахъ хозяйственной организаціи общества, которую они разсчитывали построить исключительно на началѣ альтруизма.

2. Не смотря на тѣ методологическія ошибки, которыя допускала историческая школа въ своихъ воззрѣніяхъ на „хозяйственный эгоизмъ", въ общей массѣ того, что было написано на эту тему историческою школою—ею было высказано не мало сужденій, которыя относятся къ изслѣдованію теоретической части вопроса о мотивахъ хозяйственной дѣятельности. Въ сужденіяхъ этихъ было много вѣрного. А именно, представители исторической школы справедливо утверждали, что эгоизмъ не есть единственный мотивъ хозяйственной дѣятельности, что въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній имѣютъ мѣсто всѣ тѣ мотивы, чувства и стремленія, какія мы наблюдаемъ и въ другихъ сферахъ человѣческой жизни. Правы были также представители исторической школы, когда они указывали на „альтруизмъ и лю-

бовь къ ближнему, какъ на второй полюсъ, возлѣ котораго вращается хозяйственная жизнь", причемъ они совершенно вѣрно считали семью и государство альтруистическими союзами, имѣющими извѣстныя функціи въ хозяйственной жизни. Высказавъ эти совершенно вѣрныя сужденія, историческая школа, тѣмъ неменѣе, неуспѣла надлежащимъ образомъ эксплуатировать ихъ для своихъ изслѣдованій въ области „хозяйственной психологіи". Ей не удалось, ни разграничить въ хозяйственной жизни сферы дѣятельности эгоизма и альтруизма, ни классифицировать различныя группы хозяйственныхъ явленій въ отношеніи психологическихъ мотивовъ хозяйственной дѣятельности. Причина этого, на нашъ взглядъ, заключалась въ обычномъ у исторической школы пріемѣ суммарно разсматривать общественныя явленія, не отдѣляя, при этомъ, хозяйственныхъ явленій отъ правовыхъ и моральныхъ и неразграничивая, также, различныхъ сферъ общественно-хозяйственныхъ отношеній. Примѣненіе этого пріема къ изслѣдованію мотивовъ хозяйственной дѣятельности выразилось въ слѣдующей формы. Разсматривая какое нибудь хозяйственное явленіе напр. полученіе прибыли капиталистомъ, заработной платы рабочимъ, писатели классической школы обыкновенно утверждаютъ, что капиталисты, помѣщающіе свой капиталъ въ предпріятіе, желаютъ получить возможно больщій %, рабочій нанимающій свой трудъ, желаетъ получить за него возможно большую плату—каждый изъ нихъ предпочитаетъ большую выгоду меньшей, оба желаютъ и поступаютъ эгоистично. Писатели же исторической школы на это говорятъ: мы согласны съ тѣмъ, что оба, и капиталистъ и рабочій, имѣютъ въ виду лишь свой личный интересъ, но мы погодимъ называть этотъ мотивъ дѣятельности эгоистическимъ, пока не узнаемъ для какой цѣли скопляетъ капиталистъ свои капиталы и на что расходуетъ заработную плату рабочій,— если первый изъ нихъ накопляетъ капиталы съ тѣмъ, чтобы

ихъ пожертвовать благотворительному обществу, а второй имѣетъ въ виду потратить свой заработокъ на содержаніе семьи, то мы должны будемъ признать, что оба они, предприниматель и рабочій, руководствовались не личнымъ интересомъ, а интересами и выгодами другихъ лицъ, словомъ, въ основѣ ихъ хозяйственныхъ хлопотъ лежитъ альтруизмъ. Вмѣсто того, чтобы отвѣчать на вопросъ, на какомъ психическомъ мотивѣ основываются коммерческія отношенія предпринимателей между собою и къ рабочимъ, историческая школа характеризуетъ отношенія этихъ лицъ къ своей семьѣ, или объясняетъ ихъ благотворительныя дѣянія, имѣющія мало общаго съ ихъ хозяйственной дѣятельностью [3]). Такимъ образомъ, хозяйственный моментъ (въ отношеніяхъ предпринимателей и рабочихъ), который долженъ составлять предметъ изслѣдованія, совершенно опускается изъ виду, а то, что выдается за его изслѣдованіе, на дѣлѣ есть рѣшеніе совсѣмъ другого вопроса. Но, если признать правильность такой постановки вопросовъ, то пришлось бы совершенно отрицать существованіе эгоистическихъ мотивовъ въ хозяйственной дѣятельности людей, потому что въ дѣйствительности весьма рѣдко могутъ случаться такіе люди, которые не дѣлились бы своимъ доходомъ отъ труда, или капитала со своими ближними, руководствуясь родствомъ, дружбой, милосердіемъ, гуманностью, или желаніемъ общей пользы. Основываясь на такого рода научномъ пріемѣ изслѣдованія, Книсъ, не можетъ допустить, чтобы человѣкъ, который, какъ гражданинъ, является патріотомъ, какъ семейный человѣкъ, относится съ любовью къ своей семьѣ, въ тоже время, могъ поступать эгоистично по отношенію къ другимъ людямъ въ сферѣ хозяйственныхъ интересовъ [4]). Не рѣшаясь, такимъ образомъ, признать эгои-

3) Knies. Pol. Oek. vom Gesch. Meth. стр. 239—240.

4) Тоже, стр. 232. Kautz. Nationalökonomik als Wissenschaft. стр. 16-.

стическій характеръ ни за одною изъ категорій хозяйственныхъ дѣйствій въ хозяйственномъ оборотѣ, историческая школа впадаетъ въ противорѣчіе съ своими воззрѣніями въ области хозяйственной политики, настаивая на необходимости государственнаго вмѣшательства въ отношенія между хозяйственными классами. Ибо, если эгоистическіе мотивы въ области хозяйственныхъ отношеній находятся въ такомъ равновѣсіи съ мотивами альтруистическими, какъ это утверждаетъ Книсъ, то какъ примирить это мнѣніе съ требованіемъ государственнаго вмѣшательства, составляющаго одинъ изъ основныхъ принциповъ историко-этической школы, которая предполагаетъ этимъ путемъ внести больше справедливости въ хозяйственныя отношенія. Тогда уже Бастіа и манчестерская школа являются гораздо болѣе послѣдовательными, когда они, признавая гармонію хозяйственныхъ отношеній, какъ существующій фактъ, считаютъ наиболѣе цѣлесообразною политику невмѣшательства.

Обращаясь къ самому содержанію воззрѣній исторической школы на роль эгоизма въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, мы должны выдѣлить въ нихъ то, что относится къ оцѣнкѣ эгоизма и мотивовъ хозяйственной дѣятельности съ точки зрѣнія соціальной политики и исторіи — отъ тѣхъ критическихъ замѣчаній, въ которыхъ она старается доказать ошибочность „посылки эгоизма“, какъ методологическаго пріема теоретико-хозяйственныхъ изслѣдованій и несостоятельность классической теоріи, насколько послѣдняя основывается на этой посылкѣ.

Въ сужденіяхъ первой категоріи справедливо осуждаются исторической школою попытки объяснять явленія народнаго хозяйства, во всемъ ихъ составѣ, „теоріей эгоистическихъ дѣйствій людей“, и, въ тоже время, доказывается неправильность утилитарной теоріи индивидуалистовъ и школы Бэнтама, отождествлявшей интересы личности и общества—

которая служила основаніемъ цѣлой системы хозяйственной политики. Мы разумѣемъ здѣсь тѣ сужденія исторической школы, которыя выражены были ею въ формѣ слѣдующихъ положеній [5]).

1) Ошибочно думать, что эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ и стремленіе индивидуумовъ къ возможно полному удовлетворенію своихъ хозяйственныхъ интересовъ обезпечиваетъ достиженіе хозяйственнаго благосостоянія всего общества. (Книсъ, стр. 227).

2) Утвержденіе, что люди въ своей хозяйственной дѣятельности всегда и неизмѣнно руководствуются эгоистическими побужденіями равнозначительно съ отрицаніемъ всѣхъ болѣе благородныхъ мотивовъ въ хозяйственной жизни,—такое утвержденіе неправильно и потому, что человѣкъ въ своихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ никогда небываетъ независимъ отъ другихъ сторонъ общественной жизни, гдѣ преобладаютъ другіе мотивы. (Стр. 232).

3) Ошибочно представлять всѣ другіе болѣе благородные мотивы, какъ проявляющіеся только въ видѣ реакціи противъ разныхъ уродливыхъ формъ хозяйственнаго эгоизма. Всѣ нравственные и психическіе мотивы дѣйствуютъ одновременно, и хозяйственныя явленія суть результаты ихъ совмѣстнаго дѣйствія (стр. 232).

4) Историческое объясненіе хозяйственныхъ явленій не должно исходить изъ какого нибудь одного начала,—все равно будетъ ли это эгоизмъ или альтруизмъ, но должно основываться на наблюденіи хозяйственной жизни и на цѣлой психологіи человѣка (стр. 235).

5) Не всѣ формы хозяйственнаго эгоизма предосудительны. Отъ такого проявленія этого чувства, которое находится въ противорѣчіи съ любовью къ ближнему, съ лю-

---

5) Knies. Pol. Oek. vom Gesch. Standpunct.

бовью къ своей семьѣ и къ отечеству, надо отличать эгоизмъ, выражающійся въ чувствѣ самосохраненія и обязанности къ самому себѣ—содержать себя своимъ трудомъ (Selbstliebe, Selbsterhaltungstrieb). Эта послѣдняя форма эгоизма не только незаключаетъ въ себѣ ничего неодобрительнаго съ точки зрѣнія морали, но даже оправдывается религіей въ извѣстномъ евангельскомъ изреченіи: возлюби ближняго своего, какъ самого себя" [6]).

6) Одного эгоизма недостаточно для осуществленія всѣхъ цѣлей народнаго хозяйства. Неограниченное господство эгоизма въ народномъ хозяйствѣ, въ особенности въ области распредѣленія продуктовъ національнаго производства, было бы равнозначительно съ разрушеніемъ государства, семьи и общества [7]).

Нельзя сомнѣваться въ правильности выставленныхъ историческою школою положеній, сдѣлавшихся теперь общими мѣстами въ экономической наукѣ. Теорія старавшаяся объяснить всѣ явленія народнаго хозяйства и весь процессъ хозяйственной исторіи—однимъ началомъ индивидуализма и эгоизма не имѣетъ уже больше защитниковъ, ни въ теоретическихъ, ни въ историческихъ наукахъ. Равнымъ образомъ и въ области хозяйственной политики нѣтъ уже больше защитниковъ ученія о тождествѣ интересовъ личности и общества, которое въ свое время выставлялось въ видѣ аргумента за политику „lessez faire, lessez passer". Если, однако, политика государственнаго невмѣшательства имѣетъ на практикѣ примѣненіе въ отдѣльныхъ странахъ, то теоретическое ея обоснованіе кореннымъ образомъ измѣнило свою первоначальную редакцію. Теперь въ политической экономіи за политикою невмѣшательства

---

6) См. также Roscher. Grundriss стр. 3 и введеніе къ 12-му изд. его Volkswirthschaftslehre.

7) Knies. стр. 243.

признается относительное значеніе системы, которая при однихъ историческихъ условіяхъ можетъ быть благодѣтельна, а при другихъ гибельна для народнаго хозяйства.

Въ произшедшей перемѣнѣ въ воззрѣніяхъ на принципы хозяйственной политики вообще экономическая наука больше всего обязана исторической школѣ. Но стремленія исторической школы клонились нетолько къ тому, чтобы показать несостоятельность принциповъ индивидуализма въ хозяйственной политикѣ и индивидуалистическаго воззрѣнія на хозяйственную исторію,— въ выше изложенныхъ положеніяхъ она видѣла также достаточныя доказательства ложности теоретической части ученій классической школы, насколько эта послѣдняя въ своихъ теоріяхъ исходила изъ предположенія объ эгоистическомъ образѣ дѣйствій людей въ хозяйственной сферѣ. „Ученіе, признающее эгоизмъ единственнымъ основаніемъ для полученія законовъ народнаго хозяйства Книсъ считаетъ заблужденіемъ унаслѣдованнымъ отъ того времени когда вся задача государства сводилась только къ охранѣ личности и собственности, а народъ представлялся простымъ агрегатомъ независимыхъ другъ отъ друга индивидуумъ“ [8]). Историческая школа осуждала классическую теорію въ виду того очевиднаго факта, что хозяйственныя отношенія основаны на двухъ началахъ—эгоизма и альтруизма, тогда какъ эта послѣдняя исходила изъ предположенія господства въ хозяйственномъ оборотѣ одного эгоистическаго начала. Въ этомъ и заключался доводъ по которому историческая школа отказывалась признавать научное значеніе за классическою теоріей.

Историческяя школа, въ данномъ случаѣ, неразличала двухъ совершенно различныхъ вопросовъ, на которыхъ не могло быть одинаковыхъ отвѣтовъ. А именно: 1) въ какой мѣрѣ политическая экономія, какъ полная система знаній, дол-

---

8) Knies. стр. 242.

женствующая объяснить всѣ явленія народнаго хозяйства, можетъ основываться на признаніи одного изъ двухъ началъ хозяйственныхъ отношеній, игнорируя другое — и 2) насколько права была классическая теорія, которая, въ предѣлахъ спеціально ею преслѣдуемой задачи, исходила изъ посылки эгоизма.

Историческая школа въ правѣ была обвинить классическую школу въ томъ, что послѣдняя въ своихъ теоріяхъ игнорировала, или просмотрѣла хозяйственныя явленія альтруистическаго характера. Но была ли ошибка происходившая отъ этого опущенія такого свойства, что она должна была лишить научнаго значенія теорію классической школы? Неубѣждаютъ ли критическія замѣчанія исторической школы скорѣе въ той мысли, что классическая экономія незаключаетъ въ себѣ объясненія всѣхъ вообще явленій народнаго хозяйсева, а есть лишь теорія одной изъ сферъ хозяйственныхъ отношеній?

Для того чтобы рѣшить, правы ли были экономисты классической школы, принимавшіе эгоизмъ за основную посылку своихъ теоретическихъ построеній, необходимо отвѣтить на слѣдующіе три вопроса: 1) въ чемъ состоитъ та область хозяйственныхъ явленій, которую имѣла въ виду объяснить классическая школа, 2) дѣйствительно ли явленія входившія въ кругъ ея изслѣдованій вытекаютъ изъ эгоизма и 3) насколько предположеніе объ эгоистическомъ образѣ дѣйствій людей въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній соотвѣтствовало задачѣ теоретическаго изслѣдованія хозяйственныхъ явленій?

1) Прежде всего мы должны здѣсь констатировать, что хозяйственныя явленія, которыя классическая школа включила въ кругъ своихъ изслѣдованій и желала дать имъ теоретическое объясненіе при помощи „посылки эгоизма“ были слѣдующія: цѣна товаровъ, кредитъ и мѣновой оборотъ, деньги, банки, процентъ, рента, заработная плата, прибыль, доходъ, капиталъ. Всѣ эти явленія, вытекаютъ изъ отно-

14*

шеній частно-хозяйственныхъ предпріятій между собою, а также изъ отношеній между отдѣльными хозяйственными классами и отдѣльными группами индивидовъ среди той части общества, которая занята хозяйственною дѣятельностью. Что же касается отношеній между хозяйственными классами и классами посвящающими свой трудъ занятіямъ не хозяйственнымъ—служенію религіозному культу, наукѣ, государственной службѣ, то они лишь косвенно были затронуты въ классическихъ теоріяхъ А. Смита и Д. С. Милля, насколько въ трактатахъ этихъ послѣднихъ шла рѣчь о государственномъ бюджетѣ, о вознагражденіи разныхъ классовъ общества за услуги нехозяйственнаго свойства, и вовсе не затронуты были въ сочиненіяхъ чистыхъ теоретиковъ-Рикардо и его школы: Джевонса, Тюнена, Вальраса, Кэрнса и другихъ. Конечно, теорія, занимавшаяся указаннымъ кругомъ явленій невключала въ сферу своего изслѣдованія альтруистическихъ хозяйственныхъ дѣйствій; она не имѣла въ виду объяснить, ни хозяйственныхъ отношеній отдѣльныхъ лицъ къ своей семьѣ, ни отношеній отдѣльныхъ лицъ къ государству, ни многосторонней роли государства въ хозяйственной жизни страны.

2) Насколько рѣчь шла о той сферѣ хозяйственныхъ отношеній, которая была предметомъ изслѣдованія для классической теоріи, то классическіе экономисты были вполнѣ правы, утверждая, что всѣ эти отношенія основаны на стремленіи къ возможно большей выгодѣ посредствомъ возможно меньшей затраты трудовой энергіи, на предпочтеніи своихъ интересовъ чужимъ,—словомъ на эгоизмѣ. Ни обыденный опытъ, ни самый точный психологическій анализъ не могутъ открыть въ области явленій хозяйственнаго оборота ничего другого, кромѣ индивидуальнаго эгоизма. Всякій банкиръ желаетъ получить на свой капиталъ возможно большій процентъ, всякій предприниматель, въ той или другой области производства, старается добыть возможно боль-

шую прибыль посредствомъ возможно меньшихъ затратъ и издержекъ производства, также и всякій рабочій предпочитаетъ наниматься у того предпринимателя, который назначаетъ самую высшую плату и т. п. То или другое частное лицо нетолько само въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ руководствуется хозяйственнымъ интересомъ, но оно и всѣ свои разсчеты построяетъ на предположеніи, что и всѣ другія лица, участвующія въ хозяйственномъ оборотѣ, поступаютъ точно такимъ же образомъ въ силу того же мотива. Такъ какъ всѣ люди, прикосновенные къ хозяйственнымъ дѣламъ знаютъ, что хозяйственный оборотъ основанъ на „выгодѣ“ „хозяйственномъ интересѣ“, то это вноситъ извѣстнаго рода опредѣленность въ хозяйственныя отношенія, относительно видовъ, плановъ, разсчетовъ и ожиданій соотвѣтствующихъ результатовъ: всякій знаетъ что и съ нимъ будутъ поступать въ силу одного разчета коммерческой выгоды, которому самъ онъ слѣдуетъ въ отношеніяхъ къ другимъ[9]). Передъ единообразнымъ разсчетомъ, основанномъ на эгоизмѣ, въ хозяйственномъ оборотѣ сглаживается разница въ общественномъ положеніи лицъ, разница въ національности, религіи и т. п. д. и устанавливается своего рода равенство всѣхъ лицъ, участвующихъ въ хозяйственномъ оборотѣ[10]).

---

9) Іерингъ считаетъ эгоизмъ не только фактическимъ основаніемъ современнаго хозяйственнаго оборота, но думаетъ также, что эгоизмъ есть главный, если неединственный, мотивъ осуществленія идеи равенства въ гражданскомъ оборотѣ. „Нѣтъ закона, говоритъ онъ, далѣе, который устанавливалъ бы цѣны для ремесленниковъ, фабрикантовъ или торговцевъ, а между тѣмъ они устанавливаютъ и держатъ цѣны. И дѣлаютъ они это потому. что иначе поступать не могутъ. Кто же ихъ принуждаетъ? „Никто другой какъ личный ихъ эгоизмъ. Конкуренція представляется соціальнымъ саморегуляторомъ эгоизма. Забота о будущемъ является индивидуальнымъ саморегуляторомъ эгоизма. Всѣ имущественные договоры построены на эгоизмѣ“.

10) Деньги, говоритъ Іерингъ, истинный апостолъ равенства; тамъ гдѣ рѣчь идетъ о деньгахъ смолкаютъ всѣ соціальные, политическіе, религіозные и національные предразсудки и различія.

Правда, и въ хозяйственномъ оборотѣ встрѣчаются случаи явнаго отступленія отъ принциповъ хозяйственнаго интереса, когда то или другое частное лицо вступаетъ въ хозяйственныя отношенія къ своимъ близкимъ роднымъ, друзьямъ, къ людямъ возбуждающимъ его любовь, симпатію или состраданіе. Подъ вліяніемъ подобнаго рода альтруистическихъ чувствъ кредиторъ можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ссужать людямъ нуждающимся свои капиталы безмездно, или же за низшія противъ рыночныхъ цѣнъ проценты, предприниматель, подъ вліяніемъ гуманныхъ побужденій, можетъ выплачивать рабочимъ плату высшую противъ той нормы, которая опредѣляется закономъ спроса и предложенія. Конечно, пишетъ одинъ изъ современныхъ теоретиковъ, болѣе другихъ занимавшійся выясненіемъ „посылки эгоизма", — мы посылаемъ дѣтей не къ тѣмъ изъ духовныхъ, которые берутъ самую низшую плату за конфирмацію, не всегда обращаемся къ такому врачу или адвокату, который беретъ самый низшій гонораръ, но когда мы покупаемъ молитвенникъ, или медикаментъ, или юридическое сочиненіе, то отправляемся въ ту лавку, въ которой назначаютъ самыя низшія цѣны на эти предметы. Какъ бы ни часты были такія отступленія отъ хозяйственнаго разсчета, но не такимъ путемъ, и не въ силу такихъ мотивовъ возникаетъ и функціонируетъ вся масса хозяйственныхъ предпріятій въ коммерческомъ оборотѣ. Но также и въ тѣхъ случаяхъ когда эгоизмъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ хозяйственной жизни, проявляясь въ формѣ стремленія къ возможно большей выгодѣ, онъ невсегда еще ведетъ къ хозяйственному образу дѣйствій. Къ этому, именно, пункту относятся возраженія экономистовъ исторической школы противъ возможности прійдти къ познанію законовъ народнаго хозяйства посредствомъ „посылки эгоизма". Желаніе обладать хозяйственными благами, говоритъ Клифъ-Лесли, во многихъ случаяхъ ведетъ къ такимъ спо-

собамъ пріобрѣтенія, которые не имѣютъ ничего общаго съ хозяйственною дѣятельностью, напр., къ войнѣ, грабежу, обману и т. п. Блудный сынъ, растратившій свое отцовское наслѣдство находился подъ вліяніемъ, конечно, не хозяйственныхъ побужденій, а страсти къ развлеченію, мотовству и роскоши, т. е. тѣхъ мотивовъ, которые многихъ отвлекаютъ отъ трудовой жизни. Наконецъ, среди такихъ людей, которые не выражаютъ желанія отступать отъ хозяйственнаго образа дѣйствій въ стремленіи къ обладанію хозяйственными благами, далеко не у всѣхъ встрѣчается знаніе положенія хозяйственныхъ дѣлъ, условій рынка и надлежащее пониманіе своихъ интересовъ, а при отсутствіи этихъ условій, ихъ хозяйственныя стремленія невсегда выражаются въ такомъ образѣ дѣйствій, который съ хозяйственной точки зрѣнія можно было бы считать наиболѣе для нихъ выгоднымъ [11]). Ошибка относительно вѣрности тѣхъ или другихъ средствъ для достиженія хозяйственныхъ цѣлей влечетъ за собою тѣже послѣдствія, какъ и полное незнаніе условій хозяйственнаго оборота. По смыслу возраженій исторической школы—въ виду многочисленныхъ отступленій въ хозяйственномъ оборотѣ отъ логики хозяйственнаго разсчета, надо вовсе отказаться отъ мысли достигнуть познанія законовъ хозяйстаенныхъ явленій посредствомъ „посылки эгоизма“.

3) Отвѣтъ на послѣднія возраженія исторической школы заключается въ рѣшеніи вопроса о томъ, насколько методологическій пріемъ классической экономіи, основанный на представленіи объ эгоистическомъ образѣ дѣйствій людей въ хозяйственной сферѣ—отвѣчаетъ задачѣ теоретическаго изслѣдованія,—т. е. задачѣ, которая лежала въ основѣ классической экономіи. Если бы классическіе экономисты въ сво-

---

11) C. Lesly. On The Phil. Method. стр. 222.

ихъ изслѣдованіяхъ имѣли въ виду нарисовать полную картину современнаго хозяйственнаго быта въ его конкретныхъ формахъ, то въ такомъ случаѣ съ ихъ стороны было бы большою ошибкою представлять всѣ явленія хозяйственной жизни основанными на эгоизмѣ или отмѣченными печатью хозяйственнаго интереса. Но та задача, которую классическіе экономисты преслѣдовали въ своихъ теоретическихъ ученіяхъ была гораздо болѣе узкая. Они также могли видѣть, что хозяйствееныя потребности не у всѣхъ тѣхъ людей, которые ихъ испытываютъ, вызываютъ чисто хозяйственныя стремленія и невсегда люди удовлетворяютъ своимъ потребностямъ въ хозяйственныхъ благахъ — хозяйственнымъ путемъ и хозяйственными средствами, *но только именно этотъ послѣдній образъ дѣйствій исключительно составлялъ предметъ ихъ изслѣдованія*. Это, однако, незначитъ, чтобы явленія нарушающія правильный ходъ хозяйственныхъ дѣлъ и которыя съ точки зрѣнія „хозяйственности" могутъ быть признаны отрицательными, — также невходили въ область теоретическаго изслѣдованія, или лежали за предѣлами его задачи. Теоретическая экономія, въ предѣлахъ той задачи, которую ставила себѣ классическая экономія, старалась подвести подъ общіе законы и всякія замѣшательства и растройства имѣющія мѣсто въ сферѣ національнаго производства, обращенія и распредѣленія продуктовъ (хозяйственные кризисы), на сколько они, при предположеніи хозяйственнаго образа дѣйствій заинтересованныхъ классовъ общества, зависятъ отъ общихъ условій даннаго хозяйственнаго строя. Послѣ того какъ въ экономической литературѣ было выяснено, что классическая экономія имѣла въ виду дать намъ неполную теорію народнаго хозяйства, а только представить законы основныхъ функцій и тенденцій, изъ которыхъ слагается хозяйственная жизнь, мы должны признать, что принятіе ею эгоизма за основную посылку своихъ теоретическихъ выводовъ вполнѣ отвѣчало

поставленной задачѣ [12]). Правильность этого методологическаго пріема была бы опровергнута въ томъ случаѣ, еслибы было доказано, что общіе законы политической экономіи могутъ быть построены иначе, какъ въ видѣ теоріи отдѣльныхъ функцій, или теоріи отдѣльныхъ причинъ этихъ явленій (см. гл. IV) [13]).

---

12) Хозяйственныя явленія, пишетъ Милль, которыя суть результаты многихъ разнообразныхъ мотивовъ, политическая экономія разсматриваетъ, какъ будто бы они вытекали изъ одного желанія богатства. Она изслѣдуетъ законы хозяйственной дѣятельности, притомъ предположеніи, что человѣкъ есть существо, которое по необходимости своей природы, предпочитаетъ большую массу богатства меньшей. Это не значитъ, что бы какой либо экономистъ былъ бы такъ наивенъ, чтобы считалъ людей въ дѣйствительности имѣющими такую натуру, но это есть единственный методологическій пріемъ, посредствомъ котораго могутъ быть выведены законы политической экономіи. J. S. Mill. Essays. стр. 139.

13) Экономисты теоретики, такъ или иначе, касавшіеся вопроса о роли эгоизма въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, обыкновенно принимаютъ стремленіе въ области хозяйственной дѣятельности къ достиженію возможно-большихъ результатовъ посредствомъ возможно меньшого количества издержекъ— за выраженіе хозяйственнаго эгоизма. Совсѣмъ другого воззрѣнія придерживается одинъ изъ компетентнѣйшихъ экономистовъ въ методолическихъ вопросахъ—Генрихъ Дитцель. Становясь въ этомъ пунктѣ на точку зрѣнія Книса и Каутца, Дитцель говоритъ, что если рабочій желаетъ получить за свой трудъ возможно болѣе высокую плату, то еще незначитъ, что онъ поступаетъ эгоистично, потому что онъ могъ добиваться осуществленія своихъ хозяйственныхъ интересовъ, имѣя въ виду благо своей семьи. Точно также нельзя сказать, что купецъ собирающій капиталы, или ландлордъ взимающій высокую арендную плату за свои земли преслѣдуютъ эгоистическія цѣли, если оба они, при этомъ, имѣютъ въ виду пользу своихъ семействъ, поддержаніе величія своего рода, или же, напримѣръ, желаютъ употребить собранныя хозяйственнымъ путемъ средства на дѣла общественной благотворительности. Но если ни объ этомъ купцѣ, ни о ландлордѣ нельзя сказать, что они поступаютъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ эгоистично, то за то несомнѣнно надо признать, что они преслѣдутъ свои хозяйственные интересы, слѣдуютъ логикѣ хозяйственнаго разсчета. Основываясь на этомъ соображеніи, Дитцель и предлагаетъ замѣнить терминъ „эгоизмъ“ терминомъ „хозяйственный разсчетъ“ или „хозяйственный интересъ“. Этимъ способомъ онъ надѣется устранить психологическую сторону вопроса, которая представляетъ свои трудности. Ибо, принимая эгоизмъ за основной мотивъ хозяйственной дѣятельности, говоритъ онъ, мы тѣмъ самымъ ставимъ чисто методологическіе вопросы по-

Но если классическая теорія, по методологическимъ основаніямъ, вправѣ была, въ предѣлахъ своей задачи, исходить изъ представленія объ эгоистическомъ образѣ дѣйствій людей въ хозяйственной области, то вовсе неправильно было отождествлять ее съ политической экономіей вообще, такъ какъ она въ томъ видѣ какъ вышла изъ рукъ англійскихъ экономистовъ, являлась теоріей только одной, хотя и самой обширной, сферы хозяйственныхъ отношеній, вытекавшихъ изъ свободной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Какъ справедливо замѣчали экономисты исторической школы—Листъ, Гильдебрандтъ, Рошеръ и Книссъ, классическая теорія игнорировала альтруистическія формы ходяйственныхъ отношеній, она вовсе не включена въ сферу своего изслѣдованія хозяйственной роли семьи, корпорацій, союзовъ и государства, но и индивидуальную хозяйственную дѣятельность она разсматривала только съ одной стороны, на́ сколько она являлась выраженіемъ хозяйственнаго эгоизма. Возраженія исторической школы противъ „посылки эгоизма" въ экономической теоріи убѣждали теоретиковъ позднѣйшаго времени въ той мысли, что классическая теорія, хотя иногда и выдавалась ея по-

---

литической экономіи въ зависимость отъ успѣховъ психологіи, отъ того удается ли послѣдней точно разграничить сферу дѣйствія эгоистическихъ мотивовъ отъ альтруистическихъ. Но Дитцель напрасно полагаетъ, что вопросъ о мотивахъ хозяйственной дѣятельности можетъ быть какимъ нибудь образомъ изолированъ отъ вопросовъ психологическихъ. А становясь на точку зрѣнія Книса и Каутца въ своей характеристикѣ мотивовъ хозяйственной дѣятельности, онъ допускаетъ туже ошибку, въ которую впадали оба эти экономисты. Психологическій характеръ того или другого момента хозяйственной дѣятельности, какъ это между прочимъ наглядно выяснилъ Даргюнъ, опредѣляется ближайшими, а неотдаленными цѣлями, преслѣдуемыми даннымъ лицомъ. Поэтому капиталистъ добывающійся возможно болѣе высокой прибыли, рабочій требующій самую высокую плату, какую только согласится ему дать капиталистъ—оба поступаютъ эгоистично во взаимныхъ отношеніяхъ, хотя бы они имѣли въ виду подѣлиться своими доходами съ своими родными или другими людьми. Съ этой точки зрѣнія, которая есть единственно правильная, предлагаемый Дитцелемъ терминъ „хозяйственный разсчетъ" ничего неизмѣняетъ и является

слѣдователями за полную теорію народнаго хозяйства, на самомъ дѣлѣ не исчерпывала всѣхъ категорій хозяйственныхъ явленій. Въ этомъ смыслѣ въ критическихъ замѣчаніяхъ исторической школы заключалась для экономистовъ-теоретиковъ цѣлая программа новыхъ теоретическихъ изслѣдованій, которыя должны были ближайшимъ образомъ повести къ преобразованіямъ въ самой системѣ политической экономіи. Выполнителями этой програмы явились германскіе экономисты—Шеффле, Вагнеръ, Лоренцъ Штейнъ, Саксъ, Дитцель, воспитанные въ духѣ англійской теоретической школы, но усвоившіе, въ тоже время, результаты достигнутые исторической школою. Названные германскіе теоретики, сдѣлавъ предметомъ теоретическаго изслѣдованія область государственнаго хозяйства и хозяйства общественныхъ союзовъ, старались, при этомъ, связать результаты этихъ изслѣдованій съ выводами классической теоріи.

Переходя теперь къ послѣдовавшему преобразованію системы теоретической экономіи, вызванному этимъ расширеніемъ области теоретическихъ изслѣдованій, мы отмѣтимъ только важнѣйшіе шаги сдѣланные въ этомъ направленіи германскими теоретиками. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ Адольфу Вагнеру. Въ своемъ сочиненіи „Allgemeine oder theoretische Volkswirthschaftslehre“ (1876 г.), А. Вагнеръ представилъ изложеніе теоретической экономіи по системѣ весьма отличной отъ той, какая была общепринятой у англійскихъ экономистовъ. Характерная особенность теоретическихъ воззрѣній Вагнера заключается въ томъ, что онъ въ современномъ строѣ народнаго хозяйства культурныхъ народовъ различаетъ три системы хозяйственныхъ отношеній, хотя и тѣсно

лишь инымъ названіемъ хозяйственнаго эгоизма. Dietzel, Beiträge zur Methodik стр. 33-42. См. Проф. Исаевъ. Составныя части и методы пол. экономіи. Стр. 29.

связанныя, но существенно различающіяся между собою: частно-хозяйственную, каритативную и общественно-принудительную. Эти три хозяйственныя системы, составляющія интегральныя части народнаго хозяйства, независимо отъ того, что одни изъ нихъ являются продуктомъ искуственно расчитанной и планомѣрной организаціи (Kunstgebilde), а другія существуютъ какъ естественные образованія (reines Naturgebilde), весьма отличаются между собою въ отношеніи преобладающихъ въ нихъ мотивовъ хозяйственной дѣятельности. Въ то время какъ частно-хозяйственныя отношенія въ хозяйственномъ оборотѣ основываются на личномъ интересѣ, или эгоизмѣ, хотя и модифицируемомъ вліяніемъ другихъ мотивовъ, каритативная система, или система частной и общественной благотворительности, основывается цѣликомъ на началѣ „симпатіи, любви и состраданія"; третья хозяйственная система, общественно-принудительная, къ которой отнесена Вагнеромъ вся область хозяйственныхъ отношеній государства и общинъ, покоится на началѣ общественнаго интереса.

Понятно, что наука о народномъ хозяйствѣ, которая должна была заключать въ себѣ теоретическое объясненіе всѣхъ трехъ системъ хозяйственныхъ отношеній, немогла вмѣщаться въ рамкахъ англійской классической теоріи. Политическая экономія классической школы, которая была теоріей сферы хозяйственнаго оборота и отношеній отдѣльныхъ лицъ и классовъ общества, соединенныхъ между собою системой общественно-хозяйственнаго раздѣленія труда, являлась въ реформированной системѣ А. Вагнера только одною частью теоретической экономіи подъ именемъ ученія о частно-хозяйственной системѣ народнаго хозяйства [14]. Ад. Вагнеромъ не только были намѣчены новыя начала для пост-

---

14) См. A. Wagner, Allgemeine oder theoretische Volkswirthschaftslehre, 1876 г. стр. 53—62; 157—171.

роенія системы политической экономіи, но они были имъ частью и проведены въ названномъ выше курсѣ „Общей или теоретической экономіи“.

Наряду съ Вагнеромъ, заслуга теоретическаго объясненія альтруистическихъ хозяйственныхъ явленій и включенія ихъ въ систему теоретической экономіи принадлежитъ также Шеффле. Подобно Вагнеру, онъ констатируетъ цѣлый рядъ такихъ хозяйственныхъ дѣяній, въ основѣ которыхъ лежитъ любовь къ ближнему, сознаніе общаго интереса, вдохновеніе наукой и искуствами, честолюбивыя побужденія и т. п. Всѣ эти мотивы, по воззрѣнію Шеффле, получаютъ свое выраженіе въ трехъ системахъ отношеній, изъ которыхъ слагается народное хозяйство. Именно, каждый отдѣльный человѣкъ одновременно принадлежитъ къ тремъ различнымъ сферамъ хозяйственныхъ отношеній. Въ одной онъ ведетъ свои дѣла, слѣдуя строгому расчету полученія возможно большей выгоды, въ другой, онъ, при посредствѣ общественной власти, (въ качествѣ члена общины и государства) служитъ пользѣ общества и въ третьей, въ силу гуманитарныхъ побужденій и самопожертвованія — онъ стремится къ возможно полному удовлетворенію потребностей другихъ. Такимъ образомъ, по Шеффле, въ основѣ всѣхъ вообще хозяйственныхъ отношеній между людьми и всѣхъ разнообразныхъ формъ организаціи народнаго хозяйства лежитъ не одно, а три начала [15]). Сходясь въ этомъ пунктѣ съ воззрѣніемъ исторической школы, Шеффле, какъ и Вагнеръ, въ отличіе отъ этой послѣдней усматриваетъ задачу теоретическаго изслѣдованія въ изолированномъ изученіи каждой изъ трехъ категорій хозяйственныхъ явленій. Съ этой точки зрѣнія онъ старался представить хозяйственную роль семьи и государства, какъ особого рода альтруистиче-

15) Schaffle. Geselschaftliche System der menschlichen Wirthchaft. 3 Aufgale. S. 198.

скихъ союзовъ имѣющихъ важное значеніе въ сферѣ распредѣленія продуктовъ національнаго производства [16]).

Новыя начала научной систематики теоретической экономіи, установленныя Вагнеромъ и Шеффле, послужили фундаментомъ для другой схемы хозяйственныхъ явленій—въ отношеніи къ мотивамъ хозяйственной дѣятельности, которую представилъ проф. Эмиль Саксъ. Саксъ различаетъ двѣ силы дѣйствующія въ народномъ хозяйствѣ — индивидулизмъ и коллективизмъ, къ которымъ могутъ быть сведены всѣ хозяйственныя явленія. Подъ индивидуализмомъ онъ разумѣетъ „идею личности“ „врожденное стремленіе у каждаго человѣка разсматривать себя какъ центральный пунктъ соціальнаго міра, оцѣнивать всѣ вещи и людей по отношенію къ своей личности“. Коллективизмомъ онъ называетъ соединеніе индивидуумовъ въ одно общественное цѣлое, которое всегда функціонируетъ какъ орудіе для достиженія цѣлей общаго блага [17]). Въ коллективизмѣ личность отдѣльнаго индивидуума стушевывается, она входитъ въ составъ цѣлаго болѣе высшаго порядка, ставящаго себѣ свои особыя цѣли, независимо отъ индивидуальныхъ цѣлей и стремленій отдѣльныхъ индивидовъ. Тогда какъ въ сферѣ индивидуализма отдѣльная личность является сама для себя цѣлію, въ сферѣ коллективизма стремленія отдѣльныхъ лицъ служатъ не собственнымъ личнымъ цѣлямъ, а цѣлямъ общества [18]). Формами хозяйственнаго коллективизма являются—государство, община, корпорація. Въ отличіе отъ Вагнера и Шеффле, Саксъ въ обоихъ областяхъ хозяйства, какъ въ коллективизмѣ, такъ и въ индивидуализмѣ, различаетъ три мотива хозяйственной дѣя-

---

16) Ср. стр. 69 этого сочиненія.

17) E. Sax. Das Wesen und die Aufgaben der Notionalökonomie 1884. стр. 49—50.

18) Тоже стр. 65.

тельности—эгоизмъ, альтруизмъ и мутуализмъ, и соотвѣтственно имъ онъ отмѣчаетъ три категоріи хозяйственныхъ отношеній, имѣющихъ мѣсто, какъ въ сферѣ индивидуализма, такъ и въ сферѣ коллективизма—отношенія эгостическія, альтруистическія и мутуалистическія. Схема представленная Саксомъ отличается еще и тѣмъ отъ схемы Вагнера и Шеффле, что онъ кромѣ извѣстныхъ уже двухъ категорій хозяйственныхъ явленій альтруистическихъ и эгоистическихъ выдѣляетъ еще третью категорію явленій мутуалистическихъ. Подъ мутуализмомъ онъ разумѣетъ такого рода эгоистическія стремленія, которыя въ тоже время совпадаютъ съ интересами другихъ лицъ, по причинамъ независящимъ отъ даннаго лица и заключающимся въ самыхъ основаніяхъ хозяйственной организаціи. Примѣромъ подобнаго рода отношеній можетъ служить общественно-хозяйственное раздѣленіе труда, гдѣ всякое лицо избирающее то или другое занятіе, или ремесло имѣетъ въ виду свои личные интересы, но тѣмъ самымъ приноситъ пользу всему обществу, обезпечивая его снабженіемъ извѣстнаго рода продуктами. На мутуалистическомъ началѣ, по мнѣнію Сакса, основываются образованіе цѣнъ въ хозяйственномъ оборотѣ, существованіе обществъ страхованія, взаимные поземельные банки и всякаго рода промышленныя товарищества. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на отмѣченныхъ Саксомъ индивидуалистическихъ формахъ альтруизма и эгоизма въ народномъ хозяйствѣ—скажемъ только, что Саксъ относитъ къ нимъ тѣже явленія, которыя Вагнеръ размѣщаетъ между двумя системами—каритативной и частно-хозяйственной. Болѣе неожиданнымъ въ схемѣ Сакса является то, что онъ открываетъ существованіе всѣхъ трехъ альтруистическихъ, эгоистическихъ и мутуалистическихъ началъ въ системѣ коллективизма. Съ тѣхъ поръ, какъ начали отмѣчать хозяйственную роль государства въ народномъ хозяйствѣ въ экономической литературѣ, установилось воззрѣніе, по которому государство представля-

лось исключительно органомъ альтруистической хозяйственной дѣятельности. Саксъ же показываетъ, что въ сферѣ государственнаго хозяйства имѣютъ мѣсто тѣ же три мотива, управляющіе и индивидуальною дѣятельностью. Саксъ отмѣчаетъ, какъ эгоистическую, всю ту дѣятельность государства, которая направлена на преслѣдованіе своихъ интересовъ въ ущербъ другимъ государствамъ: подчиненіе себѣ другихъ народовъ въ рабство, завоеваніе колоній, вся меркантилистическая политика, также, является примѣромъ эгоистической хозяйственной дѣятельности государства. Торговыя договорыя между государствами, примиряющіе интересы двухъ и болѣе государствъ, устанавливаютъ между ними мутуалистическія отношенія. Преобладающую же роль въ отношеніи государства къ обществу его составляющему—играетъ альтруизмъ, который, однако, иногда также выступаетъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ государствъ между собою, но гораздо рѣже[19]). Раздѣленіе явленій государственнаго и общественнаго хозяйства по мотивамъ хозяйственной дѣятельности на три категоріи —явленія эгоистическія, альтруистическія и мутуалистическія—положены Саксомъ въ основаніе его обширнаго трактата „Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft“, который предлагаетъ полную реформу существующей систематики научнаго матеріала въ ученіи о государственномъ хозяйствѣ.

Основываясь на выводахъ Сакса, а можетъ быть и независимо отъ нихъ, извѣстный вѣнскій процессуалистъ Антонъ Менгеръ, далъ весьма оригинальное съ этической точки зрѣнія освѣщеніе „организаціи хозяйства“ въ проэктахъ соціалистовъ разныхъ фракцій[20]). Подобно тому, какъ

19) Тоже, стр. 58—67.

20) Anton Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. Stuttgart. 1886, стр. 163—168 и др.

историческая школа считала хозяйственную роль государства проявленіемъ чистаго альтруизма въ народномъ хозяйствѣ, школа соціалистовъ тоже самое думала относительно проэктированной ею хозяйственной организаціи общества, долженствующей замѣнить теперешній свободный, самому себѣ предоставленный хозяйственый оборотъ. Такъ, Луи Бланъ и Лассаль въ своихъ проэктахъ, подъ девизомъ „право на весь продуктъ труда“, расчитывали построить будущія отношенія на началахъ братства, солидарности и ими замѣнить современную конкуренцію и современный хозяйственный эгоизмъ. Антонъ Менгеръ выяснилъ, что эгоистическія стремленія, находящія свое выраженіе въ современномъ общественномъ быту въ формѣ конкуренціи и борьбы за существованіе,—занимаютъ также довольно видное мѣсто въ проэктированныхъ Луи Бланомъ и Лассалемъ ассоціаціяхъ. Менгеръ показалъ, что въ такихъ ассоціяхъ, располагающихъ общимъ капиталомъ, участники которыхъ должны „пользоваться продуктами по потребностямъ, а работать по способностямъ“ — внутреннія отношенія между отдѣльными членами будутъ основаны на альтруизмѣ т. е. здѣсь не будетъ мѣста конкуренціи отдѣльныхъ лицъ и условій для возникновенія прибавочной стоимости; — но что касается взаимныхъ отношеній между ассоціаціями, то они будутъ зиждиться на конкуренціи и эгоизмѣ, но только это будетъ эгоизмъ коллективныхъ единицъ, а не индивидуумовъ. По принципу положенному въ основу этихъ ассоціацій, взаимныя отношенія между ними будутъ подчинены условіямъ свободнаго договора и конкуренціи, —а въ такомъ случаѣ результатомъ этого будетъ то, что одни общины будутъ получать на счетъ другихъ прибавочную стоимость. Такимъ образомъ и при существованіи общественной собственности на землю и капиталъ прибавочная стоимость, на устраненіе которой расчитана была проэктированная соціалистами общественная организація,

будетъ существовать, но въ другой формѣ: она составитъ доходъ не частныхъ лицъ, но отдѣльныхъ ассоціацій. Относительно же другой соціалистической системы, требующей осуществленія „права рабочаго на весь продуктъ труда", Менгеръ находитъ, что она въ несравненно большей мѣрѣ основывается на эгоизмѣ, чѣмъ современный правовой порядокъ; ибо при послѣдовательномъ проведеніи принципа, по которому всякій долженъ получать только то, что онъ самъ въ состояніи заработать, были бы лишены всякихъ средствъ къ жизни дѣти, старики и больные, тогда какъ существованіе ихъ обезпечено дѣйствующимъ нынѣ имущественнымъ правомъ, и въ этомъ отношеніи современный правовой порядокъ, не смотря на многіе недостатки связанныхъ съ нимъ учрежденій, представляетъ большія преимущества сравнительно съ обществомъ проэктированнымъ соціалистами.

Вопросъ о разграниченіи эгоистическихъ и альтруистическихъ явленій въ сферѣ народнаго хозяйства, съ теоретической точки зрѣнія, въ послѣднее время былъ предметомъ спеціальнаго, весьма обстоятельнаго и интереснаго обсужденія въ монографіи Лотаря Даргуна, приведшаго, какъ намъ кажется, къ удовлетворительному разрѣшенію затронутыхъ авторомъ вопросовъ. Даргунъ подвергнулъ тщательному разсмотрѣнію тѣ критеріи, на которыхъ должно основываться опредѣленіе психологическаго характера различныхъ актовъ хозяйственной дѣятельности, причемъ онъ сдѣлалъ объясненія вполнѣ убѣдительныя для всякаго теоретика и долженствующія разъ на всегда устранить ту путаницу понятій, которою экономическая наука въ этомъ пунктѣ обязана была, отчасти, исторической школѣ. Именно, Даргунъ категорически разъяснилъ, что психологическій характеръ того или другого акта хозяйственной дѣятельности (альтруистической или эгоистической) опредѣляется всегда ближайшею цѣлію, на которую онъ былъ расчитанъ и кото-

рую всегда легко бываетъ констатировать [21]). Такимъ образомъ, для сужденія о психологическомъ характерѣ даннаго хозяйственнаго дѣйствія безразлично – имѣютъ ли хозяйственные поступки, являющіеся въ ближайшихъ своихъ цѣляхъ и результатахъ эгоистическими, какія либо отдаленныя выгоды для другихъ лицъ и наоборотъ — альтруистическія по своимъ ближайшимъ цѣлямъ хозяйственныя дѣйствія, не влекутъ ли въ своихъ отдаленныхъ послѣдствіяхъ какихъ либо выгодъ для лицъ, дѣйствовавшихъ въ данномъ случаѣ исключительно въ чужихъ интересахъ. Пользуясь этимъ пріемомъ при опредѣленіи характера хозяйственныхъ явленій, мы получаемъ возможность правильно оцѣнить явленія торговаго рынка, образованія цѣнъ, мѣновой цѣнности и т. п., считая относящіяся сюда хозяйственныя дѣйствія эгоистическими по своимъ ближайшимъ еффектамъ, не смотря на отдаленныя цѣли и послѣдствія, которыя индивидуумы участвующіе въ хоз. оборотѣ могли имѣть въ виду. Одинъ изъ нихъ могъ имѣть въ виду лишь благо своей семьи, другой казны и т. п., но всѣ они въ отношеніи къ лицамъ соприкосновеннымъ хозяйственному обороту слѣдовали хозяйственному образу дѣйствій т. е. поступали эгоистически. Святой Криспинъ, о которомъ разсказываетъ легенда, что онъ кралъ кожу, чтобы дѣлать изъ нее бѣднымъ сапоги, поступалъ эгоистически съ хозяйственной точки зрѣнія—равно также эгоистическими надо считать всѣ труды и хлопоты отца семейства, старающагося заключать возможно болѣе выгодныя хозяйственныя сдѣлки, съ тѣмъ чтобы образовать приданое своей дочери, хотя послѣдняго рода назначеніе, которое онъ даетъ своимъ пріобрѣгеніямъ, относится къ его альтруистическимъ дѣяніямъ [22]).

---

21) Lothar Dargun. Egoismus und Altruismus in der Nationalökonomie. Leipzig. 1885 г. стр. 3.

22) Dargun, стр. 12—15.

Относительно сдѣланнаго Даргуномъ разграниченія эгоистическихъ и альтруистическихъ хозяйственныхъ явленій мы должны замѣтить, что оно коренным образомъ отличается отъ опредѣленія эгоистическихъ и альтруистическихъ дѣяній, принятого въ нравственной философіи. Причина этого несовпаденія заключается въ самомъ различіи тѣхъ началъ и критеріевъ, на которыхъ основывается оцѣнка психологическаго характера человѣческихъ дѣяній въ этикѣ и экономіи. Для опредѣленія моральнаго характера человѣческихъ дѣйствій рѣшающее значеніе имѣютъ внутреннія побужденія, мотивы и намѣренія данныхъ лицъ, нравственное значеніе дѣяній которыхъ мы желаемъ оцѣнить; но что касается актовъ хозяйственной дѣятельности, то ихъ психологическое значеніе оцѣнивается по эффектамъ и вызываемымъ ими перемѣнамъ въ сферѣ экономическихъ фактовъ и отношеній. Поэтому съ экономической точки зрѣнія полученіе процентовъ на капиталъ, продажа продукта по самой высокой цѣнѣ, какую только согласится уплатить покупатель, сокращеніе заработной платы въ данномъ предпріятіи до самаго низшаго уровня, допускаемаго закономъ спроса и предложенія—все это будутъ эгоистическіе акты, хотя бы ихъ совершалъ чадолюбивый отецъ семейства, побуждаемый заботами о благѣ и обезпеченіи своей семьи, или благотворитель движимый самыми высокими побужденіями, который задался цѣлію собрать капиталъ на какія-либо общеполезныя дѣла: школы, больницы и т. п. Точно также, если, наприм., дано экономисту опредѣлить—какого рода хозяйственнымъ дѣяніемъ, эгоистическимъ или альтруистическимъ, слѣдуетъ считать обыкновенный фактъ, когда данное лицо дѣлится своими доходами, или капиталами съ своей семьей, или жертвуетъ ихъ на дѣла благотворительности, то, принимая во вниманіе лишь отношенія этого лица въ данномъ случаѣ къ своей семьѣ, или къ лицамъ пользующимся его благодѣяніемъ, и вовсе не разсматривая цѣлаго

ряда его хозяйственныхъ отношеній къ третьимъ лицамъ, къ его рабочимъ, кредиторамъ, конкурентамъ и т. п. (въ которыя онъ вступаетъ для добыванія содержанія своей семьѣ)—экономистъ не затруднится отнести эти хозяйственныя дѣянія къ разряду альтруистическихъ. Но если разсмотрѣть внутреннія побужденія заставляющія данное лицо доставлять содержаніе своей семьѣ, то здѣсь можетъ оказаться, что такими побужденіями могла быть вовсе не любовь и привязанность къ ней, а, наприм., боязнь общественнаго мнѣнія, простое тщеславіе, или расчетъ воспользоваться приданнымъ своей жены, завоевавши предварительно ея расположеніе. Хотя хозяйственное значеніе всѣхъ этихъ различнаго рода побужденій одинаково, но для нравственной оцѣнки отношенія даннаго лица къ своей семьѣ, характеръ тѣхъ или другихъ внутреннихъ мотивовъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Нравственно добрыми не могутъ считаться всѣ тѣ альтруистическіе акты хозяйственной дѣятельности, которые для даннаго лица служатъ только средствами достиженія эгоистических цѣлей: основаніе богадѣльни въ надеждѣ получить орденъ, участіе въ благотворительныхъ концертахъ для рекламированія себя съ цѣлію получить, затѣмъ, платное занятіе [23]).

Постоянно имѣя въ виду при оцѣнкѣ психологическихъ основъ хозяйственныхъ явленій два раньше выясненныя начала—различіе между моральной и хозяйственной точкой зрѣнія и опредѣленіе этическаго характера каждаго даннаго акта хозяйственной дѣятельности по ближайшей цѣли, накоторую онъ расчитанъ—Даргунъ прослѣдилъ проявленіе различныхъ мотивовъ хозяйственой дѣятельности черезъ всѣ хозяйственныя отношенія въ современной исторической формѣ народнаго хозяйства, съ такимъ проникновеніемъ въ частности и съ такою обстоятельностью, которая не была превзойдена

23) Ср. Dargun, стр. 17—18; 82—90.

ни кѣмъ изъ предшествовавшихъ ему изслѣдователей этого вопроса, хотя, конечно, болѣе раннія по времени изслѣдованія А. Вагнера, Шеффле, Сакса и Дитцеля сослужили ему добрую службу.

Всѣ акты хозяйственной дѣятельности по психологическимъ мотивамъ, лежащимъ въ ихъ основаніи, Даргунъ сводитъ къ двумъ категоріямъ. Одни изъ нихъ -- эгоистическіе и имѣютъ своею цѣлію личное благо, другіе же — альтруистическіе и расчитаны для блага другихъ лицъ или, иными словами, первые основываются на стремленіи къ доставленію матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей, а вторые на стремленіи обезпечить пользованіе этими средствами другимъ лицамъ. Вмѣстѣ съ Саксомъ и Іерингомъ, Даргунъ отмѣчаетъ, кромѣ того, обширную группу хозяйственныхъ дѣйствій — мутуалистическихъ, т. е. такихъ, въ которыхъ стремленіе къ личной пользѣ совпадаетъ съ хозяйственными интересами другихъ лицъ. Это явленія смѣшаннаго характера, частью эгоистическія, частью альтруистическія, при чемъ одинъ изъ этихъ элементовъ можетъ въ нихъ быть преобладающимъ. Какъ намъ кажется, Даргюнъ совершенно правильно утверждаетъ, что мутуалистическія явленія, съ точки зрѣнія психологической, нельзя считать третьею самостоятельною категоріей явленій хозяйственной жизни, такъ какъ явленія этого порядка (мутуалистическія) всегда оказываются въ первой своей стадіи чисто эгоистическими [24]). Концессіонеръ построившій желѣзную дорогу приноситъ тѣмъ значительныя выгоды для нѣкоторой части населенія прилегающихъ къ ней мѣстностей, облегченіемъ сбыта продуктовъ, доставленіемъ заработка для свободныхъ рабочихъ рукъ, но онъ бралъ концессію на постройку дороги непотому, чтобы желалъ непремѣнно доставить эти выгоды для мѣстнаго населенія, но ис-

---

24) Dargun. стр. 19, 61.

ключительно имѣя въ виду хорошій дивидентъ на свой капиталъ. Или другой примѣръ. Городское общество, для того чтобы ослабить кражи и грабежи въ городѣ, устраиваетъ ночлежный пріютъ или дешевые столовые для чернорабочихъ, и преслѣдуя, такимъ образомъ, собственные интересы — обезпеченіе неприкосновенности личности и собственности — приноситъ несомнѣнную пользу бѣднѣйшей части населенія. Хотя въ послѣднемъ случаѣ къ эгоистическимъ побужденіямъ могутъ примѣшиваться и стремленія чисто гуманитарного свойства. Впрочемъ, относительно того, какія явленія хозяйственнаго оборота слѣдуетъ считать мутуалистическими, существуютъ различныя воззрѣнія. Ірингъ, напримѣръ, проводитъ такое различіе между эгоистическими, альтруистическими и мутуалистическими явленіями въ гражданскомъ оборотѣ: обмѣнъ онъ считаетъ типомъ эгостическаго явленія, дареніе типомъ альтруистическаго, а товарищества (societas - корпораціи, союзы) — типомъ мутуалистическаго. Даргунъ признаетъ мутуалистическій характеръ за союзами низшого порядка — каковы акціонерныя общества и т. п., но онъ, съ полнымъ основаніемъ, возражаетъ противъ отнесенія къ типу мутуалистическихъ явленій — союзовъ высшого порядка, каковы государство и церковь, отличающіеся, по его мнѣнію, преобладаніемъ въ нихъ альтруистическихъ началъ [25]). Роль мутуалистическихъ отношеній въ общественной жизни, какъ извѣстно, много преувеличивали, также, сторонники утилитарной теоріи нравственности, отголосокъ которой, отчасти, слышится въ воззрѣніяхъ Іеринга. Если трудности связанныя съ разграниченіемъ мутуалистическихъ отношеній въ сферѣ народнаго хозяйства отъ сродныхъ съ ними альтруистическихъ и эгоистическихъ и не совсѣмъ еще побѣждены, то за то не можетъ быть сомнѣнія

---

25) Dargun. стр. 62—65.

въ томъ, что въ области хозяйственной политики мутуалистическія отношенія даютъ плодотворную почву для весьма удобнаго проведенія такихъ мѣропріятій общей пользы, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ личная выгода не многихъ лицъ.

Даргунъ настолько придаетъ значеніе изслѣдованіямъ въ области хозяйственной психологіи, насколько они доставляютъ возможность добыть извѣстные данные для построенія теоріи народнаго хозяйства. Прійдя къ тому заключенію, что всѣ вообще отношенія въ народномъ хозяйствѣ слагаются изъ двухъ категорій явленій—эгоистическихъ и альтруистическихъ, Даргунъ, подобно Вагнеру и Шеффле, доказываетъ, что полная теорія народнаго хозяйства должна заключать въ себѣ объясненіе обоихъ этихъ категорій хозяйственныхъ явленій. Невозражая въ принципѣ противъ того, что извѣстные экономическіе законы можно добыть, исходя изъ предположенія о стремленіи людей къ возможно полному осуществленію своихъ хозяйственныхъ интересовъ, при условіяхъ нестѣсненнаго внѣшнимъ принужденіемъ хозяственнаго оборота,—Даргунъ находитъ только, что стремленіе къ осуществленію хозяйственныхъ интересовъ невсегда принимаетъ форму хозяйственнаго эгоизма, какъ это допускала классическая теорія. „То что въ настоящее время называется политической экономіей, говоритъ онъ, есть теорія „ничемъ не стѣсненнаго проявленія хозяйственнаго интереса, не экономія вообще, но только одна часть того, чѣмъ она должна быть“. Она объясняетъ „явленія хозяйственнаго оборота и взаимныя отношенія между активными хозяйственными классами. Но и внѣ хозяйственнаго оборота существуетъ цѣлая обширная область несомнѣнно хозяйственныхъ явленій, которыя могутъ быть подведены только подъ начала альтруизма. Признавая важность того методологическаго пріема, защищаемаго Миллемъ, что если данное явленіе зависитъ отъ совмѣстнаго дѣйствія двухъ или

болѣе причинъ, то причины эти и ихъ законы должны быть изучаемы отдѣльно, Даргунъ настаиваетъ на необходимости построенія теоріи альтруистическихъ хозяйственныхъ явленій, которая вмѣстѣ съ разработанной уже теоріей эгоистическихъ явленій и должна будетъ составить полную теорію народнаго хозяйства.

Затѣмъ Даргунъ переходитъ къ классификаціи тѣхъ явленій народнаго хозяйства, которыя опущены были изъ виду теоретической экономіей и которыя должны быть объяснены альтруистической теоріей. Всѣ формы хозяйственнаго альтруизма, по его мнѣнію, одинаково относятся къ сферѣ распредѣленія благъ. Альтруизмъ въ этой области выражается въ уступкѣ хозяйственныхъ благъ лицамъ, которые въ обмѣнъ за это недоставляютъ никакого хозяйственнаго эквивалента. Если бы содержаніе всѣхъ классовъ общества было основано на заработкѣ, тогда цѣлые обширные слои поселенія, существованіе которыхъ является условіемъ здоровой жизни общества, были бы осуждены на вымираніе (старики, дѣти, больные). Такъ какъ безмездная уступка хозяйственныхъ благъ въ однихъ случаяхъ носитъ добровольный характеръ, а въ другихъ случаяхъ является обязательной въ смыслѣ принужденія къ тому органами общественной власти, то, соотвѣтственно этому, Даргунъ различаетъ въ народномъ хозяйствѣ формы свободнаго, или добровольнаго и формы принудительнаго, или организованнаго, альтруизма.

1) Въ ряду альтруистическихъ отношеній, основанныхъ на либеральныхъ актахъ, первое мѣсто занимаетъ семья. Въ ученіи о распредѣленіи, которое многіе экономисты считаютъ настолько важнымъ, что даже готовы все содержаніе политической экономіи ограничить однимъ этимъ ученіемъ, семья несомнѣнно должна занять очень видное мѣсто. По статистическимъ изслѣдованіямъ оказывается на 100 человѣкъ работоспособныхъ 68 неспособныхъ къ труду въ Ан-

гліи, 59 въ Германіи, 45 во Франціи. Такимъ образомъ, почти половина народонаселенія въ Англіи и Германіи содержится на счетъ общаго бюджета другой работоспособной части общества. Существованіе большей части этихъ лицъ потребляющихъ, но не работающихъ, состоящей изъ стариковъ, дѣтей, и, частью, женщинъ, обезпечивается семейнымъ союзомъ.[26]). Хозяйственная дѣятельность отца семейства, является альтруистической только въ отношеніи къ семьѣ, поскольку онъ выручку, полученную имъ хозяйственнымъ путемъ, отдаетъ на содержаніе семьи, но въ другомъ моментѣ, т. е. въ отношеніи ко всѣмъ третьимъ лицамъ, съ которыми онъ состоитъ въ комерческихъ отношеніяхъ, она является эгоистической, основанной на расчетѣ и интересѣ. Онъ можетъ какъ ему угодно распорядиться полученными имъ доходомъ, но мотивы, которыми онъ будетъ руководствоваться при распредѣленіи не зависятъ уже отъ мотивовъ хозяйственной дѣятельности въ сферѣ пріобрѣтенія благъ.

2) Добровольная уступка хозяйственныхъ благъ внѣ семейныхъ отношеній. Сюда должны быть отнесены траты обычныя въ жизни каждаго человѣка, принимающія форму гостепріимства и выражающіяся, также, въ разнаго рода взаимныхъ любезныхъ услугахъ между друзьями, товарищами и т. п. Единичные относящіеся сюда факты могутъ казаться мелкими и нестоющими вниманія, но въ своей массѣ они образуютъ значительную величину въ хозяйственномъ бюджетѣ общества.

3) Каритативная система (по Вагнеру и Шеффле), или добровольная частная благотворительность, которая въ нѣкоторыхъ странахъ достигаетъ огромныхъ размѣровъ.

4) Организованными формами альтруизма въ народномъ хозяйствѣ являются: общества (Verein), корпораціи, товари-

---

26) Dargun, стр. 50.

щества и, наконецъ, государство. Цѣль и идеалъ каждаго союза благо всѣхъ его членовъ. Въ каждомъ изъ этихъ союзовъ на альтруистическомъ началѣ основаны взаимныя отношенія между членами. Эгоистическое начало имѣетъ мѣсто и въ общественныхъ союзахъ, но оно выражается въ отношеніяхъ союза къ лицамъ внѣ его стоящимъ. Отношенія между органами различныхъ союзовъ напоминаютъ взаимныя отношенія частныхъ лицъ въ хозяйственномъ оборотѣ т. е. они основаны на преслѣдованіи хозяйственной выгоды, хотя бы даже въ ущербъ интересамъ другихъ союзовъ. Чѣмъ меньше союзъ и чѣмъ больше лицъ находится внѣ его, отношенія которыхъ основаны на хозяйственномъ разсчетѣ, тѣмъ больше хозяйственная дѣятельность союза принимаетъ характеръ чисто эгоистическій. По этому государство, какъ такой союзъ, который заключаетъ въ себѣ огромное количество членовъ, является типомъ организованнаго альтруизма, по преимуществу. Въ государствѣ, вполнѣ отвѣчающемъ своему назначенію, эгоистическая дѣятельность имѣетъ мѣсто въ отношеніяхъ его къ другимъ государствамъ, преслѣдующимъ благо другихъ народовъ, а по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, входящимъ въ его составъ, насколько дѣло идетъ о такого рода цѣляхъ и стремленіяхъ этихъ лицъ, которыя не входятъ въ задачу государственнаго союза [27]). Но бываетъ такъ, что дѣятельность государства принимаетъ эгоистическій характеръ и въ отношеніи къ своимъ членамъ; это бываетъ, когда государство теряетъ изъ виду свою цѣль, становится орудіемъ партіи, преслѣдуетъ интересы какого-либо отдѣльнаго класса въ ущербъ интересамъ цѣлаго общества, или же интересы незначительнаго меньшинства, но въ этихъ случахъ самый принципъ государства нарушенъ.

27) Dorgun стр. 56.

До сихъ поръ мы излагали результаты теоретическихъ изслѣдованій Даргуна о мотивахъ хозяйственной дѣятельности, въ которыхъ онъ старался выяснить фактическую роль альтруистическихъ и эгоистическихъ хозяйственныхъ дѣйствій въ современномъ складѣ народно-хозяйственныхъ отношеній. Но у него же мы находимъ нѣсколько прекрасно написанныхъ страницъ, посвященныхъ оцѣнкѣ „эгоизма и альтруизма", какъ принциповъ хозяйственной организаціи, съ точки зрѣнія соціальной политики. Содержаніе мыслей Даргуна по этому предмету заключается въ слѣдующемъ. Вопросъ о томъ, что лучше обезпечиваетъ достиженіе хозяйственнаго благосостоянія общества—эгоизмъ или альтруизмъ, совершеннѣе ли матеріальныя потребности общества могутъ быть удовлетворены эгоистическою или альтруистическою формою хозяйственной организаціи, словомъ, вопросъ объ относительной пользѣ альтруизма и эгоизма въ народно-хозяйственныхъ отношеніяхъ представляетъ такую важность для соціальной политики, что мы должны поставить его въ ряду главнѣйшихъ проблемъ современной экономической науки. Всѣ другіе вопросы хозяйственной политики находятся въ органической зависимости отъ этой проблемы; она образуетъ ось, вокругъ которой вращаются вопросы хозяйственной политики будущаго[28]).

До сихъ поръ въ хозяйственномъ быту всѣхъ историческихъ народовъ альтруизмъ покоился на эгоистической основѣ. А именно активные хозяйственные члены общества не только себя содержатъ своимъ трудомъ, но и доставляютъ также содержаніе для лицъ неспособныхъ къ труду (дѣти, старики больные), составляющихъ почти половину населенія каждаго государства. Поэтому весьма вѣрно замѣчаніе Герберта Спенсера, что если бы каждый человѣкъ незаботился

28) Dargun, стр. 90.

самъ о себѣ соотвѣтствующимъ образомъ, а специально въ хозяйственной области непреслѣдовалъ эгоистическихъ цѣлей, то всѣ бы погибли и не было бы для кого предпринимать хозяйственныхъ заботъ. Такъ какъ вовсѣхъ извѣстныхъ человѣческихъ обществахъ эгоизмъ и альтруизмъ существовали паралельно, при чемъ всегда альтруизмъ ставилъ извѣстныя границы эгоизму, то отсюда слѣдуетъ, что на основаніи историческаго опыта нельзя еще опредѣлить, къ какого рода результатамъ привело бы господство, въ чистомъ видѣ, одного эгоизма или одного альтруизма въ хозяйственномъ строѣ. На сколько рѣчь идетъ объ исторически существующихъ обществахъ, то эгоизмъ выказывалъ себя не только отрицательными сторонами, а альтруизмъ не только своими хорошими сторонами въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній. Многократно было указываемо въ экономической литературѣ на невыгодныя для общества послѣдствія хозяйственной дѣятельности, основанной на эгоизмѣ, выражающіяся въ формахъ распредѣленія продуктовъ и въ томъ просторѣ, которымъ пользуются отдѣльные люди съ дурными инстинктами для неправеднаго пріобрѣтенія. Но смотря на эти недостатки эгоизма въ его крайнихъ проявленіяхъ, должно признать, что огромная масса хозяйственныхъ интересовъ общества, какъ это было указано выше, можетъ быть обезпечена только благодаря эгоистической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ.

Какъ на солнцѣ есть пятна, такъ и альтруизмъ нечуждъ нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ въ историческихъ формахъ его примѣненія. Даргунъ указываетъ на древній Римъ, представлявшій удивительный примѣръ народнаго хозяйства, гдѣ пролетаріи жили на счетъ остальной части общества. Бытъ современныхъ народовъ, также, представляетъ примѣры деморализированія нищихъ и ослабленія личной энергіи въ классѣ пролетаріевъ вслѣдствіе неразборчивой частной или государственной благотворительности. Вліяніе тарифной системы въ совре-

менномъ государствѣ можетъ служить, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, примѣромъ отрицательнаго вліянія альтруизма на общественные интересы: введеніе покровительственныхъ пошлинъ, ближайшимъ образомъ, выражается созданіемъ монополіи отечественныхъ промышленниковъ и искуственнымъ увеличеніемъ ихъ прибыли, причемъ интересы всей массы потребителей приносятся въ жертву незначительному меньшинству. Задачи хозяйственной политики во всѣхъ случаяхъ сводятся къ рѣшенію вопроса, лучше ли, при данныхъ условіяхъ мѣста и времени, общее благо будетъ обезпечено преобладаніемъ эгоизма, или альтруизма въ той или другой отрасли народнаго хозяйства. При современномъ положеніи обществознанія безконечная трудность и сложность этого вопроса, вызывающія даже сомнѣніе, что онъ когда либо можетъ быть рѣшенъ, имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что эгоизмъ и альтруизмъ разсматриваются, какъ одинаково важныя начала для обезпечиванія хозяйственнаго благополучія общества. Несомнѣнно только одно, что съ прогрессомъ нашихъ знаній роль альтруизма въ хозяйственной области общественной жизни все расширяется. Органомъ его водворенія въ хозяйственномъ строѣ является государственное законодательство. И хотя расширеніе господства альтруизма въ хозяйственныхъ отношеніяхъ и нельзя еще считать началомъ водворенія полнаго благосостоянія, невозможнаго на землѣ, но несомнѣнно, что въ немъ заключается сила, которая должна весьма много послужить для общаго блага.

Представленный очеркъ ученія о мотивахъ хозяйственной дѣятельности показываетъ, въ какой тѣсной зависимости находится конструкція теоретической экономіи отъ такого или иного пониманія психологическихъ основаній хозяйственныхъ явленій. Школа историческая и школа новѣйшихъ теоретиковъ одинаково искали въ психологіи основаній для постро-

енія теоретической экономіи, но на сторонѣ послѣдней, какъ мы старались показать, была правильность методологическихъ пріемовъ, которой недоставало исторической школѣ. Та система, которую старались придать теоретической экономіи Вагнеръ, Шеффле, Саксъ и др., также признающіе классическую теорію въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неудовлетворительной, можетъ считаться несовсѣмъ еще законченной и недостаточно опредѣлившеюся въ своихъ границахъ, но данное въ ихъ сочиненіяхъ направленіе разработкѣ теоретическихъ вопросовъ политической экономіи, какъ мы думаемъ, должно считаться единственно правильнымъ.

IX.

Заключеніе объ исторической школѣ.

Мы видѣли, что различія въ основныхъ ученіяхъ разсматриваемыхъ въ предыдущихъ очеркахъ двухъ школъ—классической и исторической—сводятся къ различіямъ въ ихъ методологическихъ воззрѣніяхъ. Характерная черта методологическихъ воззрѣній исторической школы заключается въ томъ, что она сводитъ задачи науки о народномъ хозяйствѣ,—къ экономической политикѣ и къ хозяйственной исторіи; другими словами, она желаетъ сдѣлать изъ политической экономіи—то прикладную науку, безъ чистой теоріи, то чисто историческую науку. Въ обоихъ случаяхъ она, или вовсе игнорируетъ задачи теоретическаго изслѣдованія въ области хозяйственныхъ явленій, или же, если иногда и признаетъ необходимость этого рода изслѣдованій, то въ своемъ пониманіи теоретической экономіи смѣшиваетъ ея задачу съ задачами хозяйственной политики. Свои нападки на теоретическое направленіе и дедуктивный методъ въ политической экономіи историческая школа соединяла съ тѣмъ нерасположеніемъ, которое она питала къ раціоналистической философіи конца 18 в. во Франціи и къ школѣ естественнаго права. Раціоналистическая философія дѣйствительно оказала вліяніе на первыхъ основателей экономической науки. Но, во первыхъ, раціоналистическая философія, при всѣхъ ея недостаткахъ, заключала въ себѣ и извѣстное творческое начало, съ которымъ тѣсно связано возникновеніе теоретическихъ отраслей обществовѣдѣнія, а въ томъ числѣ и политической

экономіи. А, во вторыхъ, вліяніе отрицательныхъ сторонъ раціоналистической философіи можно констатировать въ ученіи физіократовъ и въ особенности основателя физіократической школы Эдгарда Кэне построившого свою экономическую теорію на ученіи о „produit net“ и своихъ представленіяхъ „о естественныхъ правахъ человѣка“, а также въ воззрѣніяхъ утопическихъ соціалистовъ [1]). Что же касается А. Смита, то заимствованный имъ отъ раціоналистической школы дедуктивный методъ принялъ въ его трактатѣ „О богатствѣ народовъ“ позитивную форму выводовъ, построенныхъ на положеніяхъ добытыхъ индуктивнымъ путемъ, или же на очевидныхъ и общеизвѣстныхъ фактахъ.

Во всякомъ случаѣ преобладаніе дедуктивнаго метода и теоретическаго направленія въ экономической наукѣ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія представляло само по себѣ односторонность. Историческая школа, выдвинувъ на первый планъ индуктивный методъ „перегибала палку въ другую сторону“. Направивъ все свое вниманіе на изученіе хозяйственной исторіи и хозяйственнаго быта современныхъ народовъ, историческая школа представляла собою плодотворную реакцію противъ исключительнаго преобладанія теоретическаго направленія въ политической экономіи. Ближайшимъ результатомъ обширныхъ изслѣдованій въ области хозяйственной исторіи была постановка на научную почву ученій о хозяйственной политикѣ, что также составляетъ несомнѣнную заслугу исторической школы. Но въ своихъ нападкахъ на недостатки теоретическаго направленія, сказавшіеся въ клас-

1) Далеко не всѣмъ физіократамъ присущи были недостатки философской докритины Кэне. Гурне, напримѣръ, какъ видно изъ отзыва о немъ Тюрго (Eloge de Gournay) вовсе нераздѣлялъ ученія о produit net, а являясь авторомъ извѣстнаго изреченія: „lessez faire, lessez passez“, онъ тѣмъ неменѣе въ своихъ воззрѣніяхъ на политику невмѣшательства ближе стоялъ къ А. Смиту, чѣмъ къ манчестерской школѣ.

сической экономіи, историческая школа, по нѣмецкой пословицѣ „выплескивала вмѣстѣ съ водою и ребенка“ (Das Kind mit dem Bade ausschütten), доходя до полнаго отрицанія теоретической экономіи. Но отъ окончательнаго абсурда историческую школу спасала лишь ея непослѣдовательность. Отрицая въ принципѣ методъ классической экономіи, представители исторической школы, въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось рѣшать чисто теоретическіе вопросы,—въ своихъ ученіяхъ о цѣнѣ, цѣнности, кредитѣ, прибыли—фактически пользуются дедуктивнымъ методомъ, пріемами Рикардо и его школы. Такъ, Рошеръ построяетъ свою теорію процента и прибыли на капиталъ изъ элементовъ заимствованныхъ имъ частью у Сэ, частью у Сеніора т. е. у чистыхъ теоретиковъ. Книсъ примыкаетъ къ теоріи цѣнности Германа, неимѣющей ничего общаго ни съ исторіей, ни съ статистикой, но которая является продуктомъ чистой, и по выраженію, Бемъ-Баверка, не совсѣмъ удачной, абстракціи [2]). „Достаточно сравнить, говоритъ Луиджи Косса два первые тома „Основаній политической экономіи“ В. Рошера съ сочиненіями выдающихся германскихъ теоретиковъ Германа и Рау, дабы убѣдиться, что въ этомъ учебникѣ не сдѣлано ни какихъ сколько нибудь существенныхъ измѣненій въ основныхъ теоріяхъ этихъ выдающихся экономистовъ, хотя ихъ и причисляютъ къ совершенно другой школѣ [3]).

---

2) Eugen Böhm-Bawerk. Kapital und Kapitalzins. Innsbruck, 18‹8›9 г. Введеніе.

3) Luigi Cossa. Einleitung in das Studium der Wirthschaftslehre. 1880 г. Нѣмец. пер. стр. 49.

X.

Критика экономическихъ системъ и ихъ классификація.

Въ предыдущихъ очеркахъ намъ неоднократно приходилось отмѣчать неправильности въ пониманіи отдѣльныхъ экономическихъ ученій, вслѣдствіе смѣшенія чисто теоретической точки зрѣнія съ прикладной—таже причина, какъ мы думаемъ, была источникомъ односторонней критической оцѣнки цѣлыхъ экономическихъ системъ. Для примѣра мы остановимся здѣсь на критической оцѣнкѣ т. наз. научнаго соціализма исторической школою и, частью, экономистами другихъ направленій.

Обыкновенный пріемъ экономистовъ исторической школы заключается въ томъ, что она разсматриваетъ соціализмъ, какъ соціальнополитическую систему. Что такое соціализмъ спрашиваетъ Морицъ Маіеръ въ своей исторіи политической экономіи—и вотъ какъ онъ опредѣляетъ эту экономическую школу. „Соціализмъ есть система противоположная современному хозяйственному и правовому порядку, въ которой вещественныя средства производства т. е. земля и капиталъ находятся не въ частной собственности, но составляюъ публичную, или общую собственность народа. По системѣ соціалистовъ не должны имѣть мѣста, ни частныя предпріятія расчитанныя на прибыль, ни наемные рабочіе вознаграждаемые на условіяхъ рабочаго контракта, ни производство продуктовъ, зависящее отъ игры спекуляціи, ни распредѣленіе продуктовъ производства, регулируемое лишь закономъ спроса и предложенія. Вмѣсто этихъ началъ современнаго

хозяйственнаго строя все производство, по системѣ соціалистовъ, должно быть планомѣрно организовано верховнымъ управленіемъ страны, количество производимыхъ продуктовъ соразмѣрено съ потребностями общества, а сами продукты распредѣляться между производителями по расчету потребностей отдѣльныхъ членовъ общества, а несоотвѣтственно законамъ спроса и предложенія. Въ этомъ состоитъ квинтъ-эссенція экономическаго соціализма. Этотъ соціализмъ есть экономическая система, составляющая полную противоположность экономическому индивидуализму ученія А. Смита и его школы[1]). Подобно Морицу Майеру и другіе экономисты исторической школы, разсматривающіе соціализмъ, какъ систему хозяйственной политики, видятъ коренное отличіе этой системы отъ ученія А. Смита только въ томъ, что обѣ эти школы выставили противоположные принципы желательной организаціи народнаго хозяйства: начало личное и общественное. По этому историческая школа при оцѣнкѣ этихъ двухъ системъ видитъ разрѣшеніе поставленной ими проблемы въ относительномъ оправданіи обоихъ принциповъ общественной организаціи. Теоретическое и практическое рѣшеніе вопросовъ поставленныхъ обоими системами, по мнѣнію исторической школы, сводится къ тому, что не исключительно индивидуализмъ, или общественное начало должны служить принципами общественной организаціи, но что въ каждомъ данномъ случаѣ рѣчь должна идти лишь о мѣрѣ и степени проведенія въ жизнь того или другого начала[2]).

Противоположное этому другое воззрѣніе на соціализмъ состоитъ въ томъ, что его разсматриваютъ исключительно

---

1) M. Mayer. Die neuere Nationalökonomie in Ihre Hauptrichtungen. 1885. стр. 63, 64.

2) Тоже стр. 214. „Съ этой же точки зрѣнія смотритъ на соціализмъ Schäffle, Die Guintessenz des Socialismus, 1878. стр. 3. и др.

какъ систему экономической теоріи и совершенно игнорируютъ его соціально политическую сторону, которую охарактиризовалъ Маіеръ въ выше проведенныхъ выраженіяхъ. На такую точку зрѣнія, между прочимъ, становится Брентано. Смотря на соціализмъ исключительно, какъ на теорію, объясняющую фактически сложившіяся хозяйственныя отношенія, Брентано высказываетъ воззрѣніе, что между соціалистической и классической школой вовсе не существуетъ діаметтральной противоположности. Напротивъ обѣ школы весьма близки въ томъ отношеніи, что они выходятъ изъ однихъ общихъ имъ обоимъ методологическимъ пріемовъ изслѣдованія [3]).

Оба эти воззрѣнія на соціализмъ, являясь, каждое въ отдѣльности, одностороннимъ, игнорируютъ то, что это экономическое ученіе представляетъ двѣ отдѣльныя системы. Одна изъ нихъ имѣетъ своимъ предметомъ уясненіе хозяйственныхъ явленій и отношеній существующихъ въ современномъ мѣновомъ европейскомъ хозяйствѣ. Содержаніе этой части соціализма составляетъ коментированіе фактически существующихъ типовъ хозяйственныхъ отношеній и преимущественно отношеній между общественными классами. Система соціалистическихъ ученій этого порядка отвѣчаетъ на вопросъ: „что есть и почему"; она относятся къ той теоретической экономіи, которая, по словамъ Кэрнса, „не имѣетъ ничего общаго ни съ принципомъ „lessez faire, lessez passez" ни съ коммунизмомъ, ни съ теоріей „свободы договора". Она стоитъ совершенно въ нейтральномъ отношеніи къ этимъ практическимъ системамъ хозяйственной политики [4]). На ряду

---

3) Lujo Brentano. Deutsche Zeit—und Streit Frage. Arbeiterverscherungszwang 1881 г. стр. 12.

4) Cairnes. Log. Meth. стр. 20. Цѣлое экономическое общество въ Парижѣ смотритъ на соціализмъ, какъ исключительно систему хозяйственной политики. См. дебаты этого общества по вопросу о томъ, находится ли соціа-

съ этимъ существуютъ экономическія ученія соціалистовъ совершенно другого порядка—это цѣлая экономическая программа соціальной реформы и переустройства исторически сложившихся хозяйственныхъ отношеній, которая отвѣчаетъ на вопросъ: „что должно быть“ (was soll sein). Для оцѣнки каждой изъ этихъ двухъ системъ требуются совершенно различныя мѣрила. При опредѣленіи достоинства теоретическихъ воззрѣній соціализма изслѣдователь долженъ рѣшить, насколько изображеніе въ соціалистическихъ теоріяхъ существующаго порядка хозяйственныхъ отношеній соотвѣтствуетъ дѣйствительности и насколько вѣрны въ этомъ смыслѣ ихъ теоріи цѣнности и распредѣленія благъ, имѣющія цѣлью изобразить современный строй хозяйственныхъ отношеній [5]). При разсмотрѣніи системы практической политики соціализма мы должны изслѣдовать вопросъ: приведетъ ли осуществленіе ихъ плана соціальной реформы къ бо́льшему экономическому благополучію общества, если да, то не будетъ ли полученный

лизмъ въ противорѣчіи съ политической экономіей. Всѣ ораторы дебатировавшіе по этому вопросу, согласились съ слѣдующей формулой, предложенной г. Limousin. „Политическая экономія есть наука о производствѣ, обмѣнѣ и распредѣленіи благъ. Соціализмъ же есть теорія, требующая вмѣшательства законодательной власти въ сферу производства и распредѣленія съ цѣлію достигнуть большей производительности труда и распредѣленія продуктовъ по возможности сообразующагося съ справедливостью. Политическая экономія и соціализмъ другъ другу не противорѣчатъ: *соціализмъ есть или, покрайней мѣрѣ, долженъ быть формою прикладной политической экономіи* (une forme de l'economie politique appliquee). Journal des economistes. Іюль 1887 г. стр. 103—114.

5) Toynbee, выше цит. соч. „Абстрактная экономія неотвѣтственна за смѣшеніе многими мыслителями законовъ явленій съ практическими правилами на нихъ основанными,—она есть чистая наука. Журналы и члены парламента очень часто смѣшиваютъ чистую науку съ правилами политики. Гластонъ очень часто въ доводахъ поземельного акта 1887 г. былъ обвиняемъ въ разрушеніи законовъ политической экономіи. Но законы политической экономіи можно разрушить неболѣе, чѣмъ законы физики. Говоря о разрушеніи экономическихъ законовъ, журналисты, по большей части, разумѣютъ правила политики рекомендующей полную свободу договора“ стр. 29.

выигрышъ въ экономическомъ благосостояніи сопровождаться ущербомъ для не менѣе важныхъ моральныхъ интересовъ — подавленіемъ свободы личности и т. п.

Хотя выводы теоріи въ ученіи одной и той же школы вліяютъ на характеръ практическихъ ея приложеній, тѣмъ неменѣе, такая органическая зависимость между теоріей и политикой далеко не безусловна. Экономисты, раздѣляющіе одинаковыя воззрѣнія на существующія хозяйственныя отношенія, могутъ имѣть совершенно различныя воззрѣнія по вопросамъ хозяйственной политики. Примѣромъ этому могутъ служить тѣже соціалистическіе экономисты. Такъ, Родбертусъ и Марксъ пришли къ тождественнымъ выводамъ въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ въ ученіи о прибавочной стоимости, въ воззрѣніи на капиталъ; оба одинаково оцѣниваютъ вліяніе экономическихъ факторовъ на складъ соціальныхъ отношеній, а между тѣмъ, какая громадная противоположность замѣчается въ практической части ихъ ученій, въ ихъ планахъ экономическихъ реформъ! Первый изъ нихъ былъ противникомъ началъ государственности и всѣ надежды возлагалъ на интернаціональный союзъ рабочихъ. Второй—Родбертусъ — видѣлъ въ современномъ Прусскомъ государствѣ могущественнѣйшій органъ для проведенія соціальной реформы, всего ждалъ отъ экономическаго законодательства и сильнаго монархическаго правительства, самъ былъ нѣкоторое время министромъ одного изъ самыхъ консервативныхъ министерствъ. По своимъ соціально-политическимъ воззрѣніямъ Родбертусъ можетъ считаться основателемъ того направленія въ соціально-экономической политикѣ, представителемъ котораго въ современной Германіи является могущественнѣйшій государственный человѣкъ нашего времени — князь Бисмаркъ.

Такое же, до нѣкоторой степени, сходство въ теоретическихъ воззрѣніяхъ, соединенное съ кореннымъ различіемъ

въ вопросахъ хозяйственной политики, наблюдается при сравненіи англійской классической школы съ соціалистическою. Такъ, что касается теоріи, то обѣ школы согласны въ томъ, что въ современномъ общественномъ строѣ, основанномъ на началѣ частной собственности на землю и капиталъ и господствѣ системы конкуренціи заработная плата представляетъ постоянную тенденцію къ тому уровню, при которомъ она обезпечиваетъ минимумъ средствъ существованія (Рикардо), что всякое увеличеніе заработной платы обусловливаетъ уменьшеніе прибыли на капиталъ и т. п. Противоположность же въ соціально-политическихъ воззрѣніяхъ обоихъ школъ выражается въ томъ, что школа классическая считаетъ существующій строй хозяйственныхъ отношеній вполнѣ отвѣчающимъ цѣлямъ общественнаго благосостоянія и совѣтуетъ во всемъ положиться на саморегулирующую силу индивидуальнаго интереса, вполнѣ обезпечивающую, по ея мнѣнію, достиженіе желательныхъ улучшеній въ хозяйственномъ быту народу,—школа же соціалистовъ, напротивъ, признаетъ существующій складъ хозяйственныхъ отношеній противорѣчащимъ потребностямъ культурнаго развитія общества и требуетъ коренныхъ перемѣнъ въ самыхъ основаніяхъ современнаго юридическаго и экономическаго строя. Признавая вмѣстѣ съ классическою школою „посылку эгоизма“ вполнѣ цѣлесообразнымъ методологическимъ пріемомъ при изученіи современныхъ хозяйственныхъ отношеній, соціалисты, въ противоположность классическимъ экономистамъ, отрицаютъ эгоизмъ и конкуренцію, какъ принципы организаціи общества и предлагаютъ реформировать народное хозяйство, положивъ въ основу его начало альтруизма и солидарности.

Въ послѣднее время безупречную въ методологическомъ отношеніи критику соціалистической системы, основанную на строгомъ разграниченіи теоретической отъ прикладной части ученій послѣднихъ - представили Антонъ Менгеръ и Бемъ-

Баверкъ, не смотря на то, что далеко не со всѣми выводами послѣдняго можно согласиться[6]).

Характерный случай неправильной оцѣнки цѣлой экономической системы, вслѣдствіе смѣшенія теоретической точки зрѣнія съ практическою, представляетъ критика ученій А. Смита Фридрихомъ Листомъ. Появленіе „Національной системы политической экономіи“ Ф. Листа безспорно составило эпоху въ исторіи ученій о хозяйственной политикѣ. Заключающіяся въ этомъ сочиненіи воззрѣнія на задачи и принципы хозяйственной политики легли въ основаніе современной прикладной экономіи. Въ хозяйственной политикѣ Листъ видѣлъ „могущественное средство цивилизовать націи находящіяся въ состояніи варварства, націи слабыя и малыя дѣлать великими и сильными и прежде всего—обезпечивать возможность ихъ существованія и дальнѣйшаго прогресса“. Въ виду этой цѣли, „политическая экономія, по Листу, должна быть національной педагогикой, могущественнымъ средствомъ экономическаго воспитанія народа“. Листъ, какъ извѣстно, нарисовалъ цѣлую программу хозяйственной политики примѣнительно къ различнымъ періодамъ въ исторіи хозяйственнаго развитія народа. Подобно тому какъ каждый возрастъ въ жизни отдѣльнаго человѣка долженъ имѣть свою систему воспитанія и развитіе промышленности требуетъ неодинаковыхъ мѣропріятій со стороны правительственной власти въ различные моменты историческаго развитія народа—въ одни изъ этихъ моментовъ цѣлесообразною можетъ быть политика покровительства, въ другіе—политика свободы торговли и невмѣшательства. Вѣнцомъ экономической системы Листа было его ученіе о продуктивныхъ си-

---

6) См. выше цитир. соч. Антона Менгера. Böhm-Bawerk. Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien. 1884. Ср. мою рецензію на это сочиненіе въ Библіографіи изд. Демид. Юрид. Лицеемъ. Выпускъ 3-й.

лахъ, которымъ онъ старался объяснить выгоды протекціонистической политики и введенія тарифовъ для націй отставшихъ въ своемъ промышленномъ развитіи и для современной ему Германіи, въ особенности. Страны, въ которыхъ существуетъ протекціонистическая система должны уплачивать высокія цѣны за иностранные и туземные продукты покровительствуемыхъ отраслей промышленности; народъ отъ этого несетъ большіе потери, но теряя въ мѣновыхъ цѣнностяхъ, онъ выигрываетъ въ развитіи своихъ продуктивныхъ силъ, ибо подъ охраною тарифной системы въ странѣ могутъ возникнуть несуществовавшія прежде отрасли производства, образоваться капиталы, развиться техническіе пріемы, искусство и ловкость въ промышленныхъ классахъ населенія,—а это Листъ и называетъ продуктивными силами націи.

Свое ученіе о продуктивныхъ силахъ, которое вполнѣ было пригодно для объясненія цѣлесообразности цѣлой категоріи мѣропріятій по отношенію къ народному хозяйству, Листъ, сдѣлалъ исходнымъ началомъ критики системы А. Смита. Нападки на ученія А. Смита о свободѣ торговли Листъ соединилъ съ критикою теоретическихъ воззрѣній послѣдняго. Листъ обвиняетъ А. Смита въ матеріализмѣ, индивидуализмѣ и космополитизмѣ, ставитъ ему въ упрекъ, что онъ въ основу своихъ теоретическихъ построеній положилъ понятіе о хозяйственныхъ благахъ—о цѣнности—и предлагаетъ, съ своей стороны, построить всю теоретическую экономію на ученіи о продуктивныхъ силахъ. По теоріи продуктивныхъ силъ богатство націи должно опредѣляться не количествомъ матеріальныхъ благъ, находящихся въ ея распоряженіи, но способностью производить эти блага. Критиками Ф. Листа, въ свою пору, было достаточно выяснено къ какого рода несообразнымъ выводамъ привело бы такое своеобразное понятіе о богатствѣ. Тогда пришлось бы считать милліонера, но неспособнаго къ производительной дѣятельности, нищимъ, а

нищаго, но способного человѣка богачемъ. „Названіе продуктивныхъ силъ богатствомъ, говоритъ Рау, основано на смѣшеніи дѣйствительнаго богатства съ его причинами. Конечно, самое прочное богатство націи то, которое добыто ея собственнымъ трудомъ. Что владѣніе продуктивными силами ведетъ къ богатству это вѣрно настолько, насколько подъ продуктивными силами разумѣются, также, движимыя и недвижимыя вещи (капиталъ); что же касается „трудовой энергіи“, „рабочихъ силъ“ и „духовнаго образованія“, то они не могутъ составить богатства, а только служатъ средствомъ для его пріобрѣтенія“ [7]). Если, по выраженію Гильдебрандта, „Листова теорія (продуктивныхъ силъ) не имѣетъ подъ собою почвы и совершенно неспособна произвести какую либо реформу въ наукѣ“, то причину этого надо искать въ томъ, что Листъ думалъ построить теоретическую экономію на началахъ заимствованныхъ имъ изъ хозяйственной политики — т. е. онъ дѣлалъ прямую методологическую ошибку [8]). Мы не касаемся здѣсь весьма преувеличенныхъ нападокъ Листа на „теорію свободной торговли“. А. Смита. Мы только замѣтимъ, что тѣже принципы, въ силу которыхъ Листъ рекомендовалъ для Германіи тарифную систему, давали достаточное основаніе доказывать пользу свободы торговли для современной А. Смиту Англіи [9]).

---

7) Karl Rau. Zur Kritik über F. Leist's nationales System der Politischen Oekonomie. Heidelberg. 1843. стр. 27.

8) Гильдебрандтъ. Полит. экон. настоящаго и будущ. стр. 59—61.

9) Относительно этого пункта полемики Листа противъ А. Смита проф. Онкенъ говоритъ: Нельзя безъ внутренняго волненія подумать о великомъ нѣмецкомъ экономистѣ, который былъ снѣдаемъ ненавистью противъ А. Смита, между тѣмъ какъ, при спокойномъ отношеніи, онъ могъ бы заимствовать у него остроумныя аргументы для своей точки зрѣнія. Onken. „Adam Smith und Emanuel Kant“. стр. 221 и стр. II введенія.

Мы уже видѣли, что проведеніе строгого разграниченія между вопросами хозяйственной теоріи и хозяйственной политики является однимъ изъ основныхъ требованій правильной критической оцѣнки ученій всякой данной экономической школы, системы, а также воззрѣній того или другого экономиста. Это же методологическое требованіе должно имѣть первенствующее значеніе въ критической исторіи политической экономіи при опредѣленіи отношеній между экономическими школами и связи соединяющей ихъ въ процессѣ развитія научной мысли. Намъ думается, что въ проведеніи строгого разграниченія началъ теоріи, политики и исторіи въ составѣ экономическихъ ученій заключается тотъ основной принципъ, на которомъ должна быть построена классификація экономическихъ школъ. Именно, для того чтобы оріентироваться въ массѣ экономическихъ системъ, мы должны прежде всего опредѣлить какую категорію задачъ экономическаго знанія рѣшаетъ или имѣетъ въ виду рѣшить каждая данная экономическая система т. е относится ли она къ вопросамъ теоріи, хозяйственной политики, или исторіи хозяйства. По отношенію къ задачамъ изслѣдованія экономическія школы можно подраздѣлить, или, по системамъ хозяйственной теоріи, или, по системамъ хозяйственной политики, при чемъ окажется, что болѣе разработанныя экономическія системы (какъ напр. школы классическая, историческая и соціалистическая) слагаются изъ двухъ паралельныхъ системъ т. е. одною частью своихъ ученій относятся къ хозяйственной политикѣ, а другою къ теоріи, а потому при оцѣнкѣ экономическихъ системъ въ этихъ двухъ различныхъ отношеніяхъ требуется примѣнять радикально противоположные критеріи. Но другія экономическія системы являются, въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ, системами хозяйственной политики (какъ напр. система меркантилистовъ и протекціонистическое ученіе Фридриха Листа), или чистой теоріи, какъ напр. теоретическія ученія Менгера

о цѣнности и Бемъ-Баверка о капиталѣ,—такихъ ученыхъ, которые никогда не занимались вопросами хозяйственной политики и умѣли точно отдѣлять отъ этихъ послѣднихъ—чисто теоретическіе проблеммы. Далѣе, окажется, что каждая система теоретическихъ воззрѣній имѣетъ своимъ предметомъ объясненіе явленій опредѣленной исторической формаціи хозяйственной жизни. Большинство экономическихъ системъ расчитано на объясненіе хозяйственнаго быта современныхъ намъ культурныхъ народовъ, но существуютъ системы теоретическихъ воззрѣній, имѣющихъ своимъ предметомъ объясненіе явленій хозяйственнаго состоянія народовъ прошлаго времени. Таковы напр. теоретическія изслѣдованія Родбертуса въ области классической экономіи Греціи и Рима (теорія ойкоснаго хозяйства). Изслѣдованія Арнольда и Эндемана относительно феодальнаго хозяйства. Очевидно, что различія въ воззрѣніяхъ школъ относящихся къ различнымъ историческимъ эпохамъ вытекаютъ изъ того, что школы эти занимаются объясненіями не однихъ и тѣхъ же, а различныхъ фактовъ и формъ хозяйственнаго быта. Но и системы экономическихъ теорій разныхъ школъ, относящихся къ одной и той же исторической эпохѣ и къ одной и той же серіи хозяйственныхъ явленій и преслѣдующихъ одну и туже задачу—теоретическаго объясненія явленій – представляютъ коренныя различія, не меньшія тѣхъ, которыя вытекаютъ изъ различія въ самыхъ задачахъ экономическаго изслѣдованія (хозяйственная политика, или теорія). Основаніе этого различія коренится въ особенностяхъ метода и пріемовъ научнаго изслѣдованія. Таковы напр. различія въ воззрѣніяхъ между чисто теоретическими системами соціалистовъ (Родбертусъ, Марксъ) и индивидуалистовъ (Бастіа). Классифицируя экономическія школы по предложенному здѣсь основанію, мы должны будемъ одни и тѣже школы относить къ совершенно различнымъ группамъ въ хозяйственной политикѣ и теоретической

экономіи. Школы—классическая и соціалистическая по своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ окажутся въ одной группѣ, но, по защищаемымъ ими принципамъ хозяйственной политики, они будутъ отнесены къ двумъ противоположнымъ практическимъ системамъ: „хозяйственной свободы“ и—„всесторонняго вмѣшательства“ въ частнохозяйственныя отношенія.

КОНЕЦЪ.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строк. сверху.	Напечатано.	Слѣд. читать.
22	20	преувеличенными авторитетами	превеличеннымъ авторитетомъ
27	29	унивирсальная	универсальная
30	7	основываются	основывается
40	30	тоже	также
50	6	лицъ	лицѣ
52	7	трѣмя	тремя
86	32	литографированныхъ курсахъ	литографированномъ курсѣ
124	3	на производство благъ	на удовлетвореніе хозяйственныхъ потребностей
125	23	послѣ слова дѣйствительности"	пропущено: по методологическимъ основаніямъ.
127	4	не	ни
I41	7	заключались	заключалось
156	19	выражаются	выражается
161	13	ими	имъ
174	27	сторонникъ	сторонники

ТЕЗИСЫ

къ сочиненію „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ“ В. Левитскаго.

1. Коренныя различія въ воззрѣніяхъ главнѣйшихъ экономическихъ школъ сводятся—или къ различію въ задачахъ, преслѣдуемыхъ этими школами, или къ различію въ методахъ изслѣдованія.

2. Формулированіе задачъ и методовъ науки о народномъ хозяйствѣ должно основываться на изученіи всѣхъ школъ и направленій въ этой наукѣ.

3. Оцѣнивая научное значеніе основныхъ экономическихъ школъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что политическая экономія въ современномъ своемъ состояніи представляетъ неоднородную по своимъ задачамъ и методамъ науку. А именно, она слагается изъ трехъ категорій экономическихъ знаній: теоретическихъ, историческихъ и прикладныхъ.

4. Смѣшеніе исторической школою различныхъ задачъ политической экономіи является причиною важныхъ недоразумѣній въ этой наукѣ, которыя могутъ быть сведены къ тремъ группамъ.

А) Воззрѣніе на политическую экономію, какъ на науку чисто историческую (В. Рошеръ и К. Книсъ).

Б) Воззрѣніе на политическую экономію, какъ на науку чисто прикладную (Шмоллеръ, Каутцъ, Конъ).

В) Воззрѣніе, отождествляющее политическую экономію съ социологіей (Шеель, Ингремъ).

5. Методологическія ошибки, лежащія въ основѣ воззрѣній исторической школы, являются причиною неправильной оцѣнки ею научнаго значенія классической школы.

6. Причины неправильнаго воззрѣнія на классическую школу заключаются также въ неточномъ опредѣленіи сферы хозяйственныхъ явленій,

объясняемыхъ классическою теоріей, и въ недостаточномъ уясненіи главныхъ критеріевъ послѣдней: а) ея психологическихъ основаній и б) ея историческаго характера.

7. Классическая экономія есть теорія одной, хотя и самой обширной, области хозяйственныхъ явленій въ системѣ народнаго хозяйства, основанныхъ на эгоизмѣ или хозяйственномъ интересѣ. Ея естественное дополненіе представляютъ труды германскихъ теоретиковъ, (Шеффле, Ад. Вагнера, Сакса, Даргуна и др.), включившихъ въ область теоретическаго изслѣдованія—общественно-хозяйственныя явленія альтруистическаго характера.

8. Что касается методовъ теоретическаго изслѣдованія, то, соглашаясь съ воззрѣніемъ, что теоретическія изслѣдованія общественно-хозяйственныхъ явленій требуютъ соединеннаго приложенія индукціи и дедукціи, мы утверждаемъ при этомъ, что самый способъ сочетанія этихъ методовъ имѣетъ видъ отличный отъ того, въ которомъ представляетъ намъ роль обоихъ этихъ методовъ ученіе Дж. Ст. Милля о провѣркѣ дедуктивныхъ выводовъ.

9. Строгое разграниченіе началъ теоріи, политики и исторіи въ составѣ экономическихъ ученій представляетъ тотъ основной принципъ, на которомъ должна быть построена классификація экономическихъ школъ.

По опредѣленію юридическаго факультета Московскаго университета печатать разрѣшается 27 сентября 1890 года. Деканъ *В. Легонинъ.*

Ярославль. Типо-литогр. Г. Фалькъ, Духовская ул., соб. домъ.

ГОРОДЪ УГЛИЧЪ ВЪ XVII В.

Выпись съ писцовыхъ книгъ письма и мѣры стольника Михаила Ѳедоровича Самарина да подъячаго Михаила Русинова 182 и 183 и 184 годовъ.

Городъ Угличъ, на р. на Волгѣ, на берегу, на осыпи, рубленой въ двѣ стѣны въ сосновомъ лѣсу, обламы тесаны въ брусъ, крытъ тесомъ. Ровъ въ глубину отъ городовой стѣны у Никольскихъ воротъ 8 саж. Черезъ ровъ мостъ сосновой, наружу, съ перилы, вдоль 18 саж., поперегъ 3 саж. Противъ мосту башня о шти углахъ, а въ ней ворота, затворы деревяные на пятахъ, на вратахъ образъ Живоначальныя Троицы Сергіево Видѣніе, засовы у воротъ и у калитки, и кольца затворные, и замки желѣзные, рѣшетка запускная деревянная. Въ башнѣ мосту 5 саж., изнутри города на воротахъ образъ Благовѣрнаго Царевича Димитрія да Благовѣрнаго князя Романа Углицкихъ въ кіотѣ. Да отъ Никольскихъ воротъ налѣво городовой стѣны до Наугольной башни, что къ торгу, 31 саж., а около тое Наугольные башни отъ городовой стѣны до городовой стѣны полъ девяты саж. А отъ Наугольной башни до Спаскихъ воротъ городовые стѣны 34 саж. безъ трети. На воротахъ образъ Всемилостиваго Спаса въ кіотѣ, ворота на пятахъ створчатыя, засовы у воротъ и у калитки и колца желѣзные, изнутри города на воротахъ образъ Успеніе Пречистые Богородицы въ кіотѣ. И противъ Спаскихъ воротъ черезъ ровъ мосту 19 саж., поперегъ 3 саж. съ чтв. Въ воротахъ мосту жъ 5 саж. Рѣшетка запускная деревянная. Около воротъ до городовой стѣны 7 саж. съ чтв. Отъ Спаскихъ воротъ къ Волгѣ р. до Наугольной башни, которая стоитъ на обрубѣ городовой стѣны, 30 саж. Отъ городовые стѣны кругомъ башни до городовой же стѣны 9 саж. съ полъ саж. А отъ Наугольной башни обрубъ насыпанъ землею внизъ по р. Волгѣ во всю городовую стѣну отъ Волги р., а вышина тому обрубу 4 саж., а въ иномъ мѣстѣ и больше. А отъ Наугольной башни по обрубу городовой стѣны внизъ

Волги р. до Глухой Середней башни 52 саж., а около башни до городовой же стѣны 5 саж. съ чтв. А отъ той башни по обрубу жъ до Наугольной башни, что у церкви Благовѣрнаго Царевича Димитрія, городовой стѣны 40 саж. съ полъ саж. А отъ городовой стѣны около башни до городовые же стѣны 8 саж. безъ полъ-полъ трети. А отъ Наугольной башни до Выходной башни городовые стѣны 8 саж. съ полъ саж. Башня рублена о четырехъ углахъ, въ лапу, а за городовую стѣну выпущено той башни саж. безъ трети. На ней калитка къ Волгѣ р., у калитки засовъ желѣзной съ замкомъ. А отъ городовой стѣны около той башни до городовой же стѣны полъ четверты саж. А отъ тое башни вверхъ возлѣ Каменаго ручья до Глухой башни городовые стѣны 26 саж. съ полъ саж., а осыпи противъ той стѣны изъ Каменнаго ручья до городовой стѣны 12 саж. съ полъ саж. А около той башни до городовой стѣны 5 саж. съ чтв. А отъ башни городовой стѣны до Глухой башни 27 саж. Около башни до городовой стѣны 5 саж. А отъ башни городовой стѣны до Наугольной башни 25 саж. безъ полъ чтв. Около башни до городовой стѣны 8 саж. съ чтв. Отъ той Наугольной башни до проѣзжихъ Никольскихъ воротъ городовой стѣны 23 саж. А около Никольскихъ воротъ до городовой стѣны 10 саж.

И всего около города 366 саж. съ полъ саж. и полъ полъ трети

А Никольскія и Спаскія ворота и Наугольныя глухія башни рублены въ лапу о шти углахъ, а вышина тѣмъ башнемъ отъ осыпи до обламовъ—6 саж., обламы саж. съ полтретью да кровли съ стропиломъ и съ караульнями по 7 саж., а индѣ и меньше. А городовой стѣнѣ вышина и съ обламы по 3 саж. съ полъ саженью, а въ иномъ пряслѣ и больше. А по всему городу во всѣхъ пряслахъ поперегъ городовой стѣны межъ стѣнъ 2 саж., а противъ обламовъ 2 саж. съ чтв. Городъ и башни, и проѣзжія ворота крыты тесомъ. Да по городу жъ на всѣхъ пряслахъ и въ башняхъ лѣстницы потайныя всходныя, а подъ кровлею по всему городу катки сосновыя. Да въ башняхъ же и въ проѣзжихъ воротахъ съ городовой стѣны проходныя двери. Да по всему жъ городу противъ обламовъ изнутри перила дощатые, забраны въ бабки. Да на городъ же 8 лѣстницъ большихъ всходныхъ. Да по городу жъ и въ башняхъ и въ проѣзжихъ воротахъ въ три ряда бойницы да въ городовомъ же во всякомъ перерубѣ дверцы на пятахъ, входъ къ нижнимъ бойницамъ.

А крѣпостей у города: по правую сторону Никольскихъ проѣзжихъ воротъ отъ мосту къ Каменному ручью надолобъ на 30 саж. Отъ Никольскихъ же воротъ на лѣвую сторону отъ мосту жъ къ торгу надолобъ 21 саж. съ полъ саженью. Да къ Волгѣ р. надолобъ же отъ Спаскихъ воротъ 25 саж. А тѣ всѣ надолобы во мно-

гихъ мѣстахъ огнили и развалились. Въ городѣ отъ Никольскихъ воротъ къ Волгѣ р. вдоль 85 саж., поперегъ города отъ Спаскихъ воротъ къ Каменному ручью 70 саж.

Да по городу жъ нарядъ. Въ Никольскихъ воротѣхъ: пушка мѣдная, на станкѣ, длина саж. съ полъ вершкомъ, по кружалу ядро вѣсомъ гривенка безъ чтв., къ ней 40 ядеръ; пушка желѣзная, на станкѣ, вдоль саж. безъ полъ чтв., ядро вѣсомъ полторы гривенки, къ ней 30 ядеръ. Въ Наугольной башнѣ, что у торга, пушка желѣзная затинная, чешуйчатая, вдоль саж. безъ полъ чтв., въ станкѣ на колесахъ, по кружалу ядро вѣсомъ полъ гривенки, къ ней 30 ядеръ. Въ Спаскихъ воротахъ: пушка литая, желѣзная, вдоль саж. безъ трети, по кружалу ядро вѣсомъ полъ пяты гривенки, въ станкѣ на колесахъ, къ ней 19 ядеръ; пушка затинная, желѣзная, чешуйчатая, въ станкѣ, вдоль сажень безъ полъ чтв., ядро вѣсомъ полъ гривенки, къ ней 30 ядеръ. Въ Наугольной башнѣ, у Волги р., пушка затинная, желѣзная, чешуйчатая, вдоль саж. безъ полъ чтв., ядро вѣсомъ полъ гривенки, въ станкѣ на колесахъ, къ ней 30 ядеръ. Да въ Наугольной башнѣ, что внизъ Волги р., пушка затинная, желѣзная, чешуйчатая, вдоль саж. безъ полъ чтв., ядро вѣсомъ полъ гривенки, въ станкѣ на колесахъ, къ ней 30 ядеръ. Да въ Наугольной же башнѣ, что у Каменнаго ручья, пушка затинная, желѣзная, чешуйчатая, въ станкѣ на колесахъ, вдоль саж. безъ полъ чтв., ядро вѣсомъ полъ гривенки.

И всего къ тѣмъ пушкамъ, которыя стоятъ въ воротехъ и по городу 230 ядеръ.

Да въ казнѣ, въ палатѣ за соборною церковью, подъ предѣломъ Похвалы Причистыя Богородицы, пушка мѣдная, безъ станку, вдоль саж. съ третью, по кружалу ядро вѣсомъ полъ пяты гривенки, къ ней 26 ядеръ; пушка желѣзная, безъ станку, вдоль саж. съ третью, по кружалу ядро вѣсомъ 10 гривенокъ; пушка желѣзная, вдоль саж. съ полъ полъ чтв., ядро по кружалу 10 гривенокъ; пушка желѣзная, вдоль саж. съ третью безъ полъ полъ чтв., ядро по кружалу вѣсомъ 7 гривенокъ съ полугривенкою; пушка желѣзная, мѣрою саж. и полъ полъ чтв., ядро по кружалу 10 гривенокъ; пушка желѣзная, длина саж. съ третью безъ полъ полъ чтв., по кружалу ядро полъ осьмы гривенки; двѣ пушки желѣзныя, мѣрою въ длину по 2 аршина, ядро къ нимъ по кружалу вѣсомъ полпяты гривенки. Пушка мѣдная, мѣрою полъ сажени въ станкѣ, безъ колесъ, ядро вѣсомъ чтв. гривенки; пушка желѣзная, затинная, станокъ и замокъ изломанъ и заржавѣло, къ стрѣльбѣ негодится. 9 пушекъ желѣзныхъ, затинныхъ, чешуйчатыхъ, мѣрою длина полъ сажени безъ получтв., безъ станковъ, ядра къ нимъ вѣсомъ по полугривенки, а къ тѣмъ пушкамъ въ казнѣ розпымъ вѣсомъ 570 ядеръ. Въ казнѣ же 35 стволовъ самопальныхъ да 31 замокъ, стволы и

замки изоржавѣли и изломаны, и казенныхъ щуруповъ у многихъ стволовъ нѣтъ, къ стрѣльбѣ не годятся. Да въ казнѣ же 118 усѣчковъ дробовыхъ, желѣзныхъ, 2000 рогатокъ желѣзныхъ да свинцу по вѣсу на таможенной контаръ 46 пудъ, да зелья, которое годится къ стрѣльбѣ, 30 пудъ, да стараго зелья, которое къ стрѣльбѣ не годится, 50 пудъ, а то все зелье всыпано въ новыя бочки и кади.

Въ городѣ жъ погребъ казенный построенъ вновь въ сосновомъ лѣсу, длина 3 саж. съ чтв., поперегъ 3 саж. безъ полъ полъ трети, выходъ каменной, длина и поперешникъ по саж., двери и засовъ желѣзной, замокъ висящей; надъ погребомъ анбаръ сосновой, покрытъ тесомъ, длина 4 саж., поперегъ 3 саж. съ полъ полъ третью, двери створчатыя деревянныя, на крюкахъ, замокъ висящей. Отъ казеннаго погреба и отъ Спаскихъ воротъ къ соборной церкви мостъ наружу въ длину 21 саж., поперегъ 3 саж.

Въ городѣ жъ Соборная церковь Преображеніе Господне, каменная, на высокихъ папертяхъ, объ одной главѣ, своды съ перететивіемъ, съ столбовъ развершена съ закомарами, покрыта по закомарамъ тесомъ, а глава на деревяныхъ дугахъ покрыта чешуею деревяною. А по сказкѣ выборныхъ старожиловъ Угличанъ посацкихъ людей Гарасима Потапова съ товарищи, строенье та соборная церковь Благовѣрнаго Великаго князя Андрея Васильевича Углицкаго, а въ которомъ году строена сказали неупомнятъ. А въ той церкви изстари было стѣнное писмо, нынѣ обетчало и подписей не знать.

А мѣстныхъ иконъ: образъ Благолѣпнаго Преображенія Господня, обложенъ серебромъ басемного дѣла, золоченъ, въ кіотѣ. У Спасова образа вѣнецъ съ короною рѣзной, золоченъ, цата рѣзная золочена, въ прикладѣ крестъ золотъ съ кафимскими зерны, у Пророковъ вѣнцы и цаты рѣзные, у Архангеловъ и у Апостоловъ пять вѣнцовъ рѣзныхъ, серебряные, золочены, пелена дороги красные, опушка дороги зеленые, крестъ нашито кружево кованое золотное, свѣча поставная восковая, насвѣшникъ литой оловяной. Да въ томъ же кіотѣ: образъ Отечества писанъ по золоту, а по сторонамъ въ моленіи Іоаннъ Богословъ да Симеонъ Богопріимецъ, пелена дороги желтые, свѣча поставная восковая, насвѣшникъ жестяной. Образъ Благовѣрнаго Царевича Князя Димитрія, на немъ убрусецъ полотняной. Да въ Соборной же церкви на правой сторонѣ въ стѣнѣ въ углу рака Благовѣрнаго Царевича Димитрія, которая прислана съ Москвы въ прошломъ 139 году, оклеена атласомъ золотнымъ, покровъ серебряной изарбатной, по немъ травы цвѣтныя, другой покровъ атласъ глаткой, лазоревой. На ракѣ жъ поставленъ образъ Благовѣрныхъ Князей Царевича Димитрія да князя Романа Углецкихъ, обложенъ серебромъ, вѣнцы и цаты рѣзные золоченые, въ прикладѣ крестъ аспидной обложенъ

серебромъ, другой—серебряной рѣзной, золоченъ. Около раки рѣшетка деревяная крашена. Образъ Пречистыя Богородицы Страстныя въ кіотѣ, вѣнецъ съ короной серебряной, глаткой, золоченъ у Богородицы убрусецъ шитъ по красному атласу золотомъ и серебромъ съ пронизью жемчужною, у Превѣчнаго Младенца ожерельеце жемчужное да въ прикладѣ крестъ серебряной золоченъ, съ финихтомъ, на закрѣпкахъ четыре зерна жемчужны жъ бурминскихъ, на поляхъ окладъ мѣдной гладкой золоченъ, на той же на иконѣ покровецъ тафта червчата, по концамъ низано жемчугомъ, пелена камка цвѣтная, опушка тафта зеленая струйчатая, подсвѣшникъ деревяной, писанъ сусальнымъ золотомъ. На налоѣ: образъ Воскресенія Христова да образъ Преображеніе Господне шти листовые обложены серебромъ золочены. Образъ Алексѣя Человѣка Божія съ житіемъ. Образъ Всемилостиваго Спаса писанъ на золотѣ, въ подножіе въ моленіи Зосима и Саватіе Соловецкіе, цата серебряная золочена басемного дѣла, пелена дороги зеленые, передъ иконою свѣча поставная восковая, насвѣшникъ жестяной. Образъ Пречистые Богородицы Одигитрія писанъ по золоту, пелена дороги желтые, на иконѣ убрусецъ полотняной, свѣча поставная восковая, насвѣшникъ жестяной. Образъ Святителя Николая поясной писанъ по золоту, во облацѣхъ образъ Спасовъ да Пречистые Богородицы, пелена дороги зеленые, свѣча поставная восковая, насвѣшникъ жестяной. А тѣ иконы въ одномъ кіотѣ. Надъ сѣверными дверми образъ Спасовъ, въ моленіе Преподобный Михайло Малеинъ да Алексѣй Человѣкъ Божій обложенъ серебромъ золоченъ, окладъ басемного дѣла. Образъ Нерукотвореннаго Спаса, образъ Благовѣрныхъ Князей Царевича Димитрія да Князя Романа Углецкихъ, убрусецъ по кіоту полотняной, пелена участкова ветха, свѣча поставная деревяная. На налоѣ образъ Пречистые Богородицы Страстные пятилистовая въ кіотѣ. Въ четырехъ тяблахъ Деисусы и Праздники, и Пророки, и Праотцы полные. А тѣ всѣ иконы и царскія двери строеніе Угличанина посацкаго человѣка Грязнова Селиванова. Паникадило мѣдное о двадцати о четырехъ шанданѣхъ, яблоко писано красками, кисть большая разныхъ шелковъ, на кисти ворворка обвита золотомъ; паникадилцо жъ мѣдное о шти шанданцѣхъ, кисть шелковая съ золотомъ. Да въ церкви жъ у праваго столпа: образъ Живоначальные Троицы въ моленіи Благовѣрный Царевичъ Князь Димитрій съ принесеніемъ, въ кіотѣ. Двери царскія съ Евангелисты, сѣнь и столбцы рѣзные, золочены сусалнымъ золотомъ. На сѣверныхъ дверѣхъ Благоразумный Разбойникъ. У царскихъ дверей завѣса выбойчатая. На престолѣ: одежда бархатъ рытой зеленой, а съ трехъ странъ камка желтая, Евангеліе печатное, по образу Евангелисты и вся дцка серебряные чеканные золочены съ каменіемъ, съ нижнею страну окрыто

атласомъ червчатымъ, наугольники и средина серебряная жъ рѣзная золочена, застешки серебряныя. Крестъ на престолѣ обложенъ серебромъ чеканного дѣла золоченъ, ширинка тафтяная накищена золотомъ. За престоломъ: образъ Пречистые Богородицы Одигитріе, вѣнецъ и цата серебряные рѣзные золочены, на другой странѣ Образъ Святителя Николая, на иконѣ покровъ тафтяной червчатой На престолѣ: покровъ камка лазоревая; крестъ и копіе, и трость, и подписи шиты золотомъ; сосуды церковные серебряные; воздухъ, а на немъ агнецъ Божій и Ангели Господни шиты золотомъ и серебромъ по червчатому атласу, а около Агнца Божія и Ангеловъ вѣнцы обнизаны жемчугомъ, опушка атласъ зеленой; кадило серебряное чеканное; ковшъ серебряной внутри золоченъ; крестъ выносной деревянной рѣзной золоченъ сусалнымъ золотомъ; другое Евангеліе окрыто бархатомъ цвѣтнымъ, Евангелисты серебряные золоченые, застешки мѣдныя. На жертвенникѣ: сосуды оловеные; два покровца атласные червчатые; кресты шитые сребромъ; воздухъ атласъ желтый; крестъ шитъ серебромъ; другіе покровцы камчатые ветхи; чаша водосвятная; крапило; укропникъ; ковшъ; четыре подноса мѣдные; два блюда оловянныхъ. Надъ горнимъ мѣстомъ: образъ Живоначальной Троицы Сергіево Видѣніе. Въ олтарѣ жъ надъ царскими дверми: образъ Святителя Николая да Святыя Мученицы Парасковьи, нареченные Пятницы, вѣнцы серебряные.

Да въ ризницѣ: ризы камчатыя червчатыя, оплечье участокъ золотной, опушка атласъ зеленой, подризникъ дороги желтые, оплечье камчатое червчатое, поручи атласъ золотной по червчатой землѣ; опушка атласъ зеленой, пугвицы оловянныя; патрахель атласъ золотной, опушка атласъ зеленой, пугвицы оловянныя, стихарь протодіаконской камчатой червчатой, ветхъ, оплечье и поручи атласъ золотной по лазоревой землѣ, ризи дорогильныя, оплечье атласъ золотной, патрахель камчатая зеленая; ризы красныя дорогилныя, оплечье атласъ золотной, патрахель камка червчатая жъ, ризы дорогилныя зеленыя, оплечье атласъ золотной, опушка дороги двоелишные, патрахиль камка красная, поручи бархатныя золотныя, опушка бѣлая тафтяная, стихарь діаконской дорогилной красной, оплечіе атласъ золотной, уларь камчатной красной, стихарь киндачной зеленой, оплечье и поручи тафта рудожолтая, подризникъ киндашной рудожелтой; оплечье тафтяное зеленое; стихарь киндяшной лазоревой; оплечье и поручи тяфтяные, зеленые, уларь камка алая, всѣ ветхи. А тѣ ризы и стихари, и поручи государева жалованья. Ризы камкасейныя полосатыя, оплечье атласъ золотной, ризы дорогилныя рудожелтыя, оплечье камчатое зеленое, ризы камка лазоревая, оплечье шито золотомъ и серебромъ по зеленому атласу, двое ризы полотняныя бѣлыя, ризы миткалинныя,

ризы камчатыя лазоровыя, оплечье бархатъ рытный по зеленой землѣ, ветхи, патрахель камчатая зеленая, стихарь тафтяной брусничной, оплечье камчатое цвѣтное, патрахель камчатая зеленая ветха, три подризники бѣлые полотняные, поясъ служебный шелковый, стихарь дорогилной желтой, оплечье атласное червчатое. А тѣ ризы и стихари, и патрахель, и поручи данье вкладчиковъ.

Да въ Соборной же церкви книгъ старой печати: Евангеліе Воскресное толковое, Апостолъ, двѣ Треоди Постныя и Цвѣтная, Псалтирь со вослѣдованіемъ, Канонникъ, Служебникъ въ полдесть. А тѣ книги жалованныя блаженыя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Руссіи. Да книгъ же вкладчикова данія Угличанъ посадскихъ людей: Уставъ крупной печати, два Пролога въ годъ, дванадесять Миній мѣсячныхъ, Октай на осмь гласовъ, Потребникъ большой, Минея общая, Часословъ въ десть, двѣ Псалтыри въ полдесть, Соборникъ въ полдесть, Книга Кормчая. Да книгъ же новой печати: три Служебника, Потребникъ, Часословецъ. Да письменныхъ книгъ: Апостолъ, Октай на осьмь гласовъ, Шестодневъ, четыре Трефолоя во весь годъ.

Да въ той же соборной церкви въ правомъ углу носила обиты сукномъ червчатымъ, въ которыхъ принесли съ Москвы прежнюю раку Благовѣрнаго Царевича Князя Димитрія.

Въ соборной же церкви на херугови пелена дорогилная червчатая, фонарь выносной слудяной штиугольной. Да въ трехъ окнахъ оконницы слудяныя длинныя.

Да въ той же церкви на правой сторонѣ предѣлъ Благовѣрныхъ Князей Бориса и Глѣба, а въ немъ: мѣстной образъ Бориса и Глѣба съ Великимъ Княземъ Владиміромъ въ кіотѣ, на кіотѣ образъ Живоначальныя Троицы, по обѣ стороны въ моленіе Святые, свѣча поставная восковая, насвѣшникъ жестяной, Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по золоту. На сѣверныхъ дверяхъ Благоразумный Разбойникъ. Деисусовъ семь иконъ. На престолѣ: одежда крашенинная, Евангеліе кіевской печати, крестъ обложенъ серебромъ, покровъ киндяшной. За престоломъ образъ Пречистые Богородицы Владимірскіе, на другой странѣ Михайло Архангелъ. Сосуды церковные оловяные и воздухъ и покровцы дорогилные зеленые. Да въ томъ же предѣлѣ на правой странѣ рака деревяная, въ ней мощи Благовѣрнаго князя Романа Углецкого, съ приходной стороны обложена серебромъ, золочена мѣстами, по концамъ обложена мѣднымъ окладомъ золоченымъ. На ракѣ написанъ образъ Благовѣрнаго Князя Романа на золотѣ, вѣнецъ и цата рѣзные серебряные золочены, ожерелье жемчужное, пуговки серебряныя, покровъ камка лазоревая. Надъ ракою жъ образъ Пречистые Богородицы Владимірскіе обложенъ серебромъ басемнаго дѣла золоченъ, вѣнецъ сканной. Образъ Благовѣрнаго

Князя Романа Углецкого, вѣнецъ серебряной чеканой, цата рѣзная золочена. У раки жъ лампада мѣдяпая на желѣзномъ шанданѣ.

Да къ той же Соборной церкви съ лѣвой страны предѣлъ Похвалы Пречистыя Богородицы, а въ немъ: мѣстный образъ Похвалы Пречистыя Богородицы. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. Деисусовъ семь иконъ поясныхъ. На престолѣ: Евангеліе печатное окрыто бархатомъ чернымъ, Евангелисты серебряные золоченые, крестъ обложенъ серебромъ басемнаго дѣла золоченъ, одежда и покровъ крашенинная, сосуды церковные оловяные, воздухъ и покровцы дорогильные, укропникъ мѣдный.

Да книгъ: Служебникъ въ полдесть, Треоди постная и цвѣтная, Минея общая, Псалтырь со послѣдованіемъ, Апостолъ, Шестодневъ въ десть, Часословецъ въ четь. А тѣ книги жаловапыя блаженые памяти Великаго Государя Царя и Великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Руссіи. Да въ томъ же предѣлѣ Служебникъ новый печатной.

У соборной церкви у паперти стѣны и столпы каменые безъ сводовъ, мосты деревяные, да на той же паперти колокольница рубленая шатровая, на ней благовѣстной колоколъ 20 пудъ, другой благовѣстной колоколъ 15 пудъ, 2 колокола въ 8 пудъ, 2 жъ колокола меншихъ зазвоныхъ полчетверта пуда, да на той же колокольнѣ часы боевые. А писанъ тѣмъ колоколамъ вѣсъ по сказкѣ протопопа Іакова съ братьею.

Церковь Соборная теплая деревяная съ трапезой Алексѣя Человѣка Божія, а въ ней: образъ мѣстной Алексѣя Человѣка Божія, образъ Преображеніе Господне, образъ Благовѣрнаго Царевича Димитрія да Благовѣрнаго Князя Романа. Двери царскія со святители, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. На сѣверныхъ дверяхъ Благоразумный Разбойникъ. На престолѣ: одежда выбойчатая, покровъ киндяшной, Евенгеліе писмяное, Евангелисты мѣдные, крестъ деревяной писанъ. За престоломъ: образъ Пречистые Богородицы Владимірскія, а по другую страну Святителя Николая. На жертвенникѣ одежда выбойчатая. Паникадило мѣдное небольшое, кисть шелковая.

Въ той же церкви предѣлъ Благовѣрнаго Князя Романа Углецкаго, а въ немъ: образъ мѣстной Благовѣрнаго Царевича Князя Димитрія да Благовѣрнаго Князя Романа Углецкихъ. Двери царскія со святители, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ, На сѣверныхъ дверѣхъ Благоразумный Разбойникъ. На престолѣ: Евангеліе письменое въ полдесть, Евангелисты мѣдные, 2 креста благословящіе. За престоломъ: образъ Пречистые Богородицы Владимірскіе, на ней убрусъ полотняной, на другой странѣ Ильи Пророка. На жертвенникѣ одежда выбойчатая.

А государева жалованья годовыя руги денежной и хлѣбной по прежнимъ писцовымъ книгамъ Якова Кондырева да подъячего Василія Архипова 139 года написано: протопопу 14 р., за столовой кормъ, по царевичѣ Димитріѣ на трои поминки, рубль, 3 алт., хлѣба 20 чтв. ржи, овса тожъ; протодіакону да тремъ попомъ по 7 р., за столовой кормъ по 21 алт., по 3 д. человѣку, хлѣба по 10 чтв. ржи, овса тожъ; діакону 4 р., за столовой кормъ 11 алт., 3 д., хлѣба 8 чтв. ржи, овса тожъ; двумъ діакономъ по 3 р. съ полтиною, за столовой кормъ по 2 гривны человѣку, хлѣба по 10 чтв. ржи, овса тожъ; пономарю да просвирницѣ, кутейнику по рублю, за столовой кормъ по 3 алт. человѣку, хлѣба пономарю 6 чтв. ржи, овса тожъ, кутейнику 10 чтв. ржи, овса тожъ; просвирницѣ 9 чтв. ржи; да на кутью и на просвиры 17 чтв. безъ четврк. ржи; да десяти человѣкомъ сторожамъ на сермяги 3 р. да на соль 10 алт., хлѣба по 5 чтв. ржи, овса тожъ человѣку. Да въ соборъ благовѣрному князю Роману Углецкому за воскъ за 3 пуда за 25 гривенокъ: 4 р., 11 алт. 4 д. А по грамотѣ Великого Государя изъ приказу Большаго Дворца за приписью дьяка Андрея Семена 166 г., какова прислана о денежномъ жалованьѣ на Углечь воеводѣ князю Михайлу Кугушеву, а велѣно по той великого государя грамотѣ протопопу съ братьею государево денежное жалованье на 166 годъ выдать и впредь давать на Углечѣ изъ таможенныхъ доходовъ въ полы ихъ окладовъ, а за воскъ сполна безъ московскія волокиты. Да по той же Великаго Государя грамотѣ велѣно давать къ церкви Похвалы Пресвятыя Богородицы на Углечѣ изъ таможенныхъ доходовъ въ полы окладу: попу по 2 р. да за воскъ по 20 алт. по 5 д. на годъ безъ московскія жъ волокиты; да имъ же протопопу съ братьею за хлѣбъ за половину жъ окладу за чтв. овса давать деньгами по 4 алт., а рожь по грамотѣ жъ Великаго Государя за его жъ Андреевою приписью 166 года, какова прислана въ Юхотскую волость къ Ивану Зыкову, велѣно давать рожь протопопу съ братьею на 166 годъ и впредь давать въ полы окладовъ въ Юхотской волости въ селѣ Никольскомъ и въ селѣ Покровскомъ изъ десятинного хлѣба безъ московскія же волокиты. Да по той же грамотѣ въ церкви Похвалы Богородицы велѣно давать государево хлѣбное жалованье въ полы жъ окладу: попу по 6 чтв. съ четврк. ржи, на просвиры 2 чтв., просвирницѣ чтв. безъ полуосьмины. А по сказкѣ протопопа Якова съ братьею за рукою въ предѣлѣ Похвалы Пречистыя Богородицы служитъ онъ же протопопъ съ братьею и причетники по очередно.

Да за ними же государева жалованья по тѣмъ же писцовымъ книгамъ. За протопопомъ Иваномъ: пст. Власова, пст. Василкова, пст. Яковлева; за протодіакономъ Симеономъ: пст. Кузнецово, пст. Рослево, пст. Слизово, пст. Ползыцы, пст. Борисцово, пст. Березники, пст. Иванъково, пст. Малѣево; за попомъ Евтихеемъ, прозвище

за Оглоблею, пст. Капустино, пст. Полрихи, пст. Медвежей Дубъ, пст. погосты. За попомъ Микиѳоромъ: пст. Гусево, пст. Копылово, пст. Меньшое Гусево; за протопоповымъ внукомъ въ попово мѣсто: пст. Никитино, пст. Кучино, пст. Лѣсная. Діаконскихъ пст.: Осиплево, пст. Фомино, пст. Красной Починокъ, пст. Пановка.

И всего за протопопомъ съ братьею по его Яковлевымъ книгамъ: 25 пст.. а въ которомъ уѣздѣ и стану, и сколько четвертныя пашни, и сѣна, и лѣсу и того въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ не написано. Да Спаской же протопопъ Яковъ съ братьею подалъ съ писцовыхъ книгъ Северьяна Давыдова да подъячаго Осипа Трофимова 137 и 138 годовъ выпись, за приписью дьяка Григорія Протопопова, въ Городскомъ стану написано: за Спаскимъ протопопомъ съ братьею, по приправочнымъ книгамъ письма и мѣры князя Дмитрія Бѣльскаго съ товарыщи: пст. Василцово, паш. л. пор. серед. земли 15 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 20 коп. Пст. Василцовское Заполье, Гусево тожъ, паш. перелог. серед. земли 3 чтв. да л. пор. 16 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 15 коп. Пст. Бережокъ, Бакшеево и Кучино тожъ, паш. перелог. серед. земли 5 чтв. да л. пор. 20 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 25 коп. Пст. Красное Раменье, Копылово тожъ, паш. л. пор. серед. земли 15 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 20 коп. Пст. Пятека, а Вятека Лѣсная тожъ, паш. л. пор. серед. земли 10 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 15 коп. Пст. Глызина, а Малѣевское тожъ, паш. л. пор. серед. земли 10 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 10 коп. Пст. Збоевъ Поч., Капустино тожъ, паш. л. пор. серед. земли 10 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 10 коп. Пст. Есиплецово, Соболево тожъ, паш. перелог. серед. земли 5 чтв. да л. пор. 15 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 10 коп. Пст. Красное, паш. перелог. серед. земли 3 чтв. да л. пор. 12 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 20 коп. Пст. Власцово, паш. л. пор. серед. земли 12 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 10 коп. Пст. Кузнецово, паш. перелог. серед. земли 7 чтв. да л. пор. 12 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 20 коп. Пст. Дорки, паш. л. пор. серед. земли 12 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 10 коп. Пст. Яковлево, паш. перелог. серед. земли 7 чтв. да л. пор. 8 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 20 коп. Пст. Расловль, паш. перелог. 3 чтв. да л. пор. 12 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 20 коп. Пст. Толыпмово, паш. л. пор. серед. земли 12 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 12 коп. Пст. Борисцово, паш. л. пор. серед. земли 12 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 10 коп. Пст. Фомино, паш. перелог. серед. земли 5 чтв. да л. пор. 10 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 15 коп. Пст. Медвѣжій Дубъ, паш. перелог. серед. земли 5 чтв. да л. пор. 7 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 10 коп. Пст. Лупандино, Гусевка тожъ, паш. л. пор.

серед. земли 10 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 7 коп. Пст. Останковъ Поч., Подсередихино тожъ, паш. л. пор. серед. земли 10 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 7 коп. Пст. Хомки, Фирсовское тожъ, паш. л. пор. серед. земли 5 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 5 коп. Пст. Персюкино, Никитино тожъ, паш. л. пор. серед. земли 5 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 10 коп. Пст. Слизова, паш. л. пор. серед. земли 7 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 7 коп.; л. пашен. и непашен. 5 дес. Пст. Поповское, паш. л. пор. серед. земли 3 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 10 коп. Да за нимъ же протопопомъ съ братьею, что̀ де ему дано при государѣ царѣ и великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ всеа Руссіи до Московскаго раззоренія на богомолье по царевичѣ князѣ Димитріѣ Іоанновичѣ Углецкомъ изъ порозжихъ земель Третьяковскаго помѣстья Перского: пст., что̀ было слц., Иваново, на рчк. на Корожечнѣ, паш. перелог. 10 чтв. да л. пор. 40 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 20 коп. Пст. Гусарниково, Гуряково тожъ, паш. пах. изд. серед. земли 3 чтв. да л. пор. 7 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 20 коп. Да Ильинского пом. Иванова сына Колитинскаго да Андреевского пом. Дмитріева сына Карабузина пст. Строевичи, а Ермаки тожъ, паш. перелог. серед. земли 5 чтв. да л. пор. 20 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 20 коп. Пст. Дмитріево, паш. л. пор. серед. земли 12 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ.

И всего за протопопомъ съ братьею 28 пст., а въ нихъ: паш. пах. изд. серед. земли 3 чтв. да перелог. 58 чтв. да л. пор. 342 [1]) чтв. И обоего, паш. пах. изд. и перелог., и л. пор. серед. земли 403 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 378 коп., л. пашен. и непашен. 5 дес. А сошнаго письма впустѣ полъ сохи и полъ полъ чтв. сохи, и перешло за сошнымъ письмомъ 9 чтв. съ полуосьминою.

Да въ Кацкомъ стану тое жъ соборные церкви Всемилостивого Спаса за протопопомъ же съ братьею, что̀ ему дано на богомолье по Царевичѣ Князѣ Димитріи Іоанновичѣ Углецкомъ до московского раззоренія изъ порозжихъ земель Литвина Станиславова пом. Олжинскаго: пст., что̀ была дер., Улкина, паш. перелог. серед. земли 17 чтв. да л. пор. 26 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 30 коп.; л. пашен. 3 дес. Пст., что̀ была дер., Ковшакова, паш. л. пор. серед. земли 28 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 20 коп.

И всего за протопопомъ написано въ Кацкомъ стану, 2 пст., а въ нихъ: паш. перелог. серед. земли 17 чтв. да л. пор. 54 чтв. И обоего, паш. л. пор. 71 чтв. въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 50 коп., л. пашен. 3 дес. А сошного письма впу-

---

1) Слѣдуетъ: 339.

стѣ пол пол чтв. и пол пол пол чтв. сохи, и перешло за сошным писмом 5 чтв. съ полуосмипою и съ четврк. паш. И тѣ пст. нынѣ не мѣряны и немежеваны, потому что Северіана Давыдова приправошныхъ книгъ не дано.

Да въ городѣ жъ Церковь Благовѣрнаго Царевича Князя Димитрія деревяная, рублена о шти углахъ, шатровая, объ одной главѣ, а въ церкви мѣстныхъ иконъ: образъ Живоначальной Троицы, передъ нимъ свѣча поставная восковая. Образъ Благовѣрнаго Царевича Князя Димитрія обложенъ серебромъ басемного дѣла, золоченъ, вѣнцы и цаты чеканные золочены, ожерелье жемчужное, въ прикладѣ 178 крестовъ серебряныхъ, пелена тафта зеленая, опушка тафта червчатая, свѣча поставная деревяная; да прикладные жъ казны въ ящикѣ: 3 золотыхъ червонныхъ да левокъ серебряной, да 2 чети ефимошные, да денегъ: 27 алтынъ, 4 деньги золоченыхъ копѣекъ, да прикладныхъ денегъ 25 рублевъ, 4 алтына. Образъ Николая Чудотворца съ дѣяніемъ, свѣча поставная восковая, насвѣшникъ жестяной. Да межь поставныхъ свѣчъ налой деревяной, одежда сукно червчатое, на налоѣ въ ковчегѣ часть мощей Благовѣрнаго Царевича Князя Димитрія, а ковчегъ обитъ бархатомъ червчатымъ, затворы серебряные золочены съ чернью, на ковчегѣ 4 орѣшка въ кіотцахъ, на немъ покровъ атласъ червчатой. Вверхъ по лѣвую сторону ца скихъ дверей, Образъ Пречистые Богородицы Одигитрія, вѣнцы серебряные басемнаго дѣла золочена, пелена дороги червчатыя, крестъ шитъ золотомъ и серебромъ, опушка дорогильная желтая, свѣча поставная восковая, насвѣшникъ жестяной. Да Деисовъ въ первомъ тяблѣ 11 иконъ да въ другомъ тяблѣ Праздниковъ Господнихъ и Богородичныхъ 12 иконъ, въ третьемъ тяблѣ Пророковъ 11 иконъ. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. На сѣверныхъ дверяхъ Благоразумный Разбойникъ. У царскихъ дверей завѣса выбойчатая. На престолѣ: одежда бархатъ золотной персицкой, Евангеліе печатное окрыто бархатомъ червчатымъ, Евангелисты мѣдные, крестъ обложенъ серебромъ золоченъ, ширинка тафтяная бѣлая шита и накищена золотомъ, покровъ камчатой и червчатой, опушка камка лазоревая. За престоломъ: Образъ Пречистые Богородицы Владимерскія, на другой странѣ Святителя Николая, на ней убрусъ полотняной. Двои сосуды оловяные, воздухи и покровцы атласные червчатые, кресты на воздухѣ и на покровцахъ золотные, кадило мѣдное, чаша водосвятная мѣдная, воздухъ да покровецъ камка кисылбаская золотная, ветхи. Ризы камчатыя бѣлыя, оплечье бархатъ золотной персицкой, подризникъ дорогильной двоеличной, оплечье бархатъ рытой, поручи бархатныя золотныя персицкія, стихарь діаконской дорогилной двоеличной, оплечье камчатное лазоревое мелкотравное, патрахиль бархатъ персицкой трав-

чатой, уларь бархатъ цвѣтной, ризы дорогилныя желтыя двоеличныя, оплечье камка лазоревая мелкотравная, стихарь зеленой киндячной, оплечье и поручи бархатъ персидской травчатой, уларь атласъ персидской золотной, патрахиль дорогилная двоеличная, все ветхи. А по сказкѣ попа Степана тѣ ризы и стихари государева жалованья блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Ѳедоровича всея Россіи. Да вновь дано государева жалованья: ризы камка зеленая цвѣтная, оплечье бархатъ золотной, опушка атласъ алой, стихарь дорогилной желтой двоеличной, оплечье бархатъ рытой травчатой по бѣлой землѣ, патрахиль бархатъ золотной, пуговицы серебряныя, кисти съ золотомъ, стихарь камчатой зеленой, оплечье бархатъ золотной, опушка атласъ алой, двои поручи бархатъ золотной, опушка атласъ зеленой, пугвицы серебряныя, уларь бархатъ золотной, опушка атласъ зеленой, кисти шелковыя съ золотомъ; два пояса шелковые. Да въ той же церкви у праваго крылоса Спасовъ образъ, въ моленіи Благовѣрный Царевичъ Димитрій да Благовѣрный князь Романъ Углецкіе, въ кіотѣ, вѣнцы рѣзные серебряные золочены. Плащаница, на ней вышитъ образъ Благовѣрнаго Царевича Князя Димитрія, вѣнецъ и ризы шиты золотомъ и серебромъ по лазоревой землѣ, а тропарь и кондакъ шитъ по червчатой камкѣ, ожерельеце жемчужное, на плащаницѣ жъ покровъ камчатой цвѣтной мелкотравной, крестъ нашитъ круживо серебряное кованое, трость и копіе и подпись шиты серебромъ, а плащаница и покровъ покрыты покровомъ выбойчатымъ, передъ плащаницею лампада мѣдная. Паникадило мѣдное о двѣнадцати шанданѣхъ, яблоко деревяное, кисть шелковая съ золотомъ. Строеніе блаженные памяти Великого Государя Царя и Великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи. Подъ церковью надъ убіеніемъ Благовѣрнаго Царевича князя Димитрія гробница деревяная, покровъ киндячной зеленой. Да въ колокольницѣ благовѣстной колоколъ полчетверти пуда да въ дву зазвонныхъ колоколахъ 32 гривенки. Церковь огорожена заборомъ.

Другая церковь теплая деревяная построена вновь во имя Архистратига Михаила, въ ней: образъ Чудо Архистратига Михаила, царскія двери со святители, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. Деисусовъ 9 иконъ. На сѣверныхъ дверяхъ Адамле изъ рая изгнаніе. Паникадило мѣдное о трехъ шанданѣхъ. На престолѣ одежда выбойчатая, покровъ крашенинной. За престоломъ Образъ Пречистые Богородицы Владимерскія, а по другую страну Святителя Николая. Кадило мѣдное ветхо. А государева жалованья годовыя руги по прежнимъ книгамъ: попу 10 р., хлѣба 12 чтв.; діакону: 6 р., хлѣба 10 чтв.; дьячку: 3 р. хлѣба 7 чтв.; пономарю: полтора р., хлѣба 6 чтв.; просвирницѣ рубль, хлѣба 2 чтв. ржи и овса потомужъ человѣку; да на просвиры по 3

чтв. ржи даютъ по окладу сполна. Да и впредь по грамотѣ Великого Государя изъ Приказу Большаго Дворца за приписью дьяка Андрея Селина 166 года велѣно давать тожъ.

Да въ городѣ жъ съѣзжая изба съ прирубомъ на подклѣти съ сѣпми, рубленые, покрыты тесомъ. У Никольскихъ воротъ изба караульная ветха. Мѣсто дворовое Ѳедора Буторина, что было дяди его родного Ильи Буторина, вдоль полпяты саж., поперегъ 4 саж.; да его жъ лавочное мѣсто, вдоль 3 саж., поперегъ 2 саж. А нынѣ на томъ мѣстѣ поставлена изба головъ московскихъ стрѣлцовъ Петра да Ларіона Лопухиныхъ, а владѣютъ къ своему двору и то мѣсто велѣно крестьяномъ ихъ очистить и избу снесть. Дв. головъ московскихъ стрѣлцовъ Петра да Ларіона Лопухиныхъ, вдоль полдесяты саж., поперегъ 6 саж., а въ немъ дворникъ, Алексѣевского монастыря кр., Гришка Моисѣевъ. Мѣсто дворовое, что было князь Микиты Мезецкаго, съ иными пустырями дано Живоначальные Троицы Сергіева монастыря подъ дв. вмѣсто прежнего ихъ дв., которой взятъ подъ Соборную деревяную теплую Церковь и подъ городовую стѣну, того мѣста вдоль 17 саж., поперегъ 9 саж. И не достало противъ писцовыхъ прежнихъ книгъ въ поперешникѣ 2 саж. Мѣсто дворовое пус., подлѣ дв. Василья да Ивана да Якова Болотейныхъ, дано подъ дв. Спасо Новаго монастыря, что на Москвѣ, вмѣсто взятого ихъ двороваго мѣста, что близъ церкви Благовѣрнаго Царевича Князя Димитрія, по мѣрѣ противъ прежнихъ писцовыхъ книгъ вдоль 13 саж., поперегъ 7 саж., въ другомъ концѣ 5 саж. Дв. Василья да Ивана да Якова Болотейныхъ, что былъ губного старосты Семена Болотейна по старымъ писцовымъ книгамъ вдоль 6 саж., поперегъ 3 саж. Мѣсто дворовое пус. углечанъ Ермолая да Алексѣя Ѳедоровыхъ дѣтей, Дмитрія да Артемья, да Арсенья Мартьяновыхъ дѣтей Терпигоревыхъ, что было дѣда ихъ Семена Терпигорева, вдоль 7 саж., поперегъ полшесты саж. Дв. пушкаря Ивана Голосова, вдоль 6 саж. безъ трети, поперегъ 6 саж. У него пасынки Васька 22, Ѳедотка 19 лѣтъ. Дв. пушкаря Якушка Мокѣева, вдоль 6 саж. безъ трети, поперегъ полчетверты саж. Промежъ тѣхъ пушкарскихъ дв. переулокъ поперегъ 2 саж. Мѣсто дворовое пус. Василья Тихонова сына Кашкина, что было отца его Тихона, позади пушкаря Якошки Мокѣева двора, вдоль полшесты саж., поперегъ полпяты саж. Мѣсто дворовое пус. Ѳедора да Микиѳора Ивановыхъ дѣтей Чемашевыхъ, возлѣ Васильева двора Кашкина, вдоль 8 саж., поперегъ къ колодезю 4 саж. А дано имъ то мѣсто за ихъ дворъ, который очищенъ къ Соборной церкви, а того ихъ двора, который взятъ къ церкви, вдоль 6 саж., поперегъ тожъ. Мѣсто дворовое пус. Ѳедора Васильева сына Потопчина, что

было отца его Василія Потопчина, по угору, отъ Өедорова да отъ Никиөорова двора Чумашевыхъ, вдоль 10 саж., поперегъ 4 саж. Дв. стольника Ивана Өедорова сына Погожева, что̀ было отца его Өедора Погожева вдоль 15 саж. безъ трети, поперегъ 13 саж. Мѣсто дворовое пус. Якова Петрова сына Загрязкого, подлѣ Иванова двора Погожева, вдоль 12 саж., поперегъ 6 саж. А писанъ тотъ дв. за нимъ по даной князь Михайла Кугушева 169 года вмѣсто взятого его Яковлева двора, который очищенъ для городового строенія. Мѣсто порозжее отъ Большой улицы подлѣ переулка къ Иванову дв. Погожева вдоль 11 саж. съ третью, въ другомъ концѣ отъ лавошныхъ мѣстъ къ Яковлеву дв. Загрязкого вдоль 10 саж. съ третью, поперегъ 13 саж. да отъ Соборные Церкви уступя 14 саж. По обѣ стороны Большія улицы пасацкія порозжія мѣста подъ лавки противъ прежнихъ писцовыхъ книгъ вдоль по обѣ стороны по 20 саж., поперегъ по 2 саж. Да позади лавочныхъ мѣстъ посадскаго жъ порозжего мѣста и съ тѣмъ, что̀ былъ дв. б. Тишки Өедорова Епопечникова, вдоль 20 саж., поперегъ къ суходолу 15 саж. Дв. воеводцкой вдоль до царевичевы палаты 14 саж. съ чтв., поперегъ 10 саж. съ третью. Да возлѣ воевоцкого двора палата каменная Царевича Димитрія не покрыта, вдоль 5 саж. съ третью, поперегъ 5 саж. Подъ нею 2 погреба каменныхъ. Дв. Александра да Якова Прокоөьевыхъ дѣтей Третьяковыхъ, что̀ прежде сего былъ Богдана Ушакова, а писано то дворовое отца ихъ мѣсто за нимъ по даной за рукою воеводы Ильи Грязнова 157 года, вдоль 10 саж., поперегъ 6 сажень съ полсаженью, а на томъ ихъ дворѣ живетъ дворникъ пушкарь Демка Даниловъ сынъ Рѣзвой, у него сынъ Петрушка 2 лѣтъ. Дв. Тимоөея Елизарева сына Маракушева, вдоль 10 саж., поперегъ 6 саж. Мѣсто порозжее, позади Тимоөеева двора Маракушева да Александра да Якова Третьяковыхъ, вдоль 12 саж. безъ трети, поперегъ 9 саж. съ полтретью. Мѣсто дворовое пус. Николы Чудотворца Улеймanскаго монастыря вдоль полсемы саж., поперегъ 4 саж. Мѣсто порозжее, что былъ Богоявленской Дѣвичь монастырь и церковь Богоявленіе Господне, а вдоль того мѣста 15 саж. съ третью, поперегъ 13 саж. съ третью. Дв. Алексѣевского монастыря вдоль 11 саж. съ чтв., поперегъ полъосмы саж. И передъ прежнимъ прибыло во дв. длиннику 6 саж. съ чтв., поперегъ полтретьи саж. Да позади тогожъ дв. огородной земли 9 саж. безъ полтрети, поперегъ полъосмы саж. А по сказкѣ Алексѣевскаго монастыря игумена Өеодосія прибылая земля во дворѣ и въ огородѣ ихъ же монастырская, которая была подъ ихъ монастырскими четырмя кельями, да Богоявленского дѣвичья монастыря земля, что̀ имъ дано по государевѣ жалованной грамотѣ покамѣста на томъ мѣстѣ

будетъ церковь построиться, и тое землю и церкви и монастыря отдать. Мѣсто дворовое Кирилова монастыря Бѣлозерского вдоль 10 саж., поперегъ 7 саж. А отъ городовые стѣны, гдѣ пришли жилые дв., отмѣряно до дв. по 3 саж., а ближе того къ городовой стѣнѣ дв. пригораживать не велѣно. Дв. Царевичскаго попа Степана да сына его дьякона Алексѣя, противъ съѣзжiя избы, вдоль двора и огорода 15 саж. съ полусаж., поперегъ 13 саж. съ полусаж. Мѣсто пус. отъ Соборные деревяные теплые церкви Алексѣя Человѣка Божiя до Церкви Архангела Михаила вдоль 23 саж. безъ полтрети, поперегъ отъ городовой стѣны до воеводцкого дв. 10 саж. съ третью. Да за городомъ на Дровяной площади у красного мосту Губная изба двойня съ сѣньми на подклѣтахъ, къ ней пригорожена тюрьма тыномъ сосновымъ, а въ ней 2 избы. А по мѣрѣ тое губные избы и тюрьмы вдоль 11 саж., поперегъ 9 саж.

Да на Угличѣ жъ на посадѣ противъ Никольскихъ воротъ: Церковь Успенiя Пресвятые Богородицы древяная съ трапезою о дву шатровыхъ главахъ да въ той же церкви предѣлъ Іоанна Златоустого, въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Успенiя Пречистые Богородицы въ кiотѣ, обложенъ серебромъ басемного дѣла золоченъ вѣнецъ чеканый съ короною, 5 вѣнцовъ рѣзныхъ, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Царскiя двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. На сѣверныхъ дверяхъ Благоразумный Разбойникъ. Да въ предѣлѣ: образъ Іоанна Златоустого, вѣнецъ серебряный басемного дѣла золоченъ. У Спасова образа вѣнецъ серебряный рѣзной золоченъ, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ Священномученика Антипы штилистовой, обложенъ серебромъ басемнаго дѣла золоченъ, въ мѣдномъ кiотѣ. Царскiя двери со Святители, сѣнь и столбцы писаны на прозелени. Образъ Пречистые Богородицы Одигитрiя въ кiотѣ съ затворами обложенъ серебромъ басемного дѣла, вѣнецъ у Пречистые Богородицы съ короною, а у Превѣчнаго младенца вѣнецъ и цата рѣзной золоченъ, пелена атласъ червчатой, опушка дороги зеленые. Образъ Ильи Пророка, образъ Святителя Николая. Въ первомъ тяблѣ Деисусовъ 13 иконъ, въ другомъ тяблѣ Праздниковъ Господскихъ и Богородичныхъ 19 иконъ. Поникадило мѣдное о осми шанданѣхъ. На престолѣ: одежда выбойчатая, Евангелiе старой печати въ десть, Евангелисты серебряные золочены, крестъ писанъ обложенъ серебромъ золоченъ, покровъ атласъ травчатой, опушка тафта желтая. За престоломъ: Образъ Пречистые Богородицы Знаменiе, на другой странѣ Іоанна Златоустого да Святителя Николая. Сосуды церковные оловяные, воздухъ дорогилной, покровцы атласъ травчатой ветхи. На жертвеникѣ: одежда выбойчатая, кадило да укропникъ мѣдный.

Въ предѣлѣ Іоанна Златоустого на престолѣ: одежда крашенинная, Евангеліе писмяное ветхо, окрыто бархатомъ рытымъ, Евангелисты мѣдные, крестъ обложенъ мѣдью, покровъ крашениной, сосуды церковные оловяные, воздухъ киндяшной, покровцы камчатые зеленые, кадило, укропникъ мѣдные. На жертвенникѣ: одежда и у царскихъ дверей завѣса крашенинная.

Да книгъ: Евангеліе толковое недѣльное, другое повседневное, Прологи въ годъ, 2 Треоди постная и цвѣтная, Апостолъ, 2 Октая, Псалтирь со возслѣдованіемъ, Потребникъ полный, 12 Миней мѣсячныхъ, 2 Потребника меньшихъ въ полдесть, Житіе Святителя Николая, Псалтирь налойная, Часовникъ, Служебникъ, всѣ старой печати. Служебникъ въ полдесть новой печати, Сенадикъ писменый.

Ризы камка зеленая, оплечье камчатое, опушка дороги червчатые, патрахель атласъ золотной, опушка тафтяная ветха, пугвицы мѣдныя, подризникъ дорогилной зеленой, оплечье опушка дороги двоеличные, поручи атласъ золотной, ветхи, опушка атласъ червчатой, пугвицы мѣдныя. Ризы дорогилныя двоеличныя, оплечье шито золотомъ и серебромъ, опушка дороги полосатые, ризы полотняныя бѣлыя, оплечье камчатое цвѣтное, патрахель камчатая цвѣтная, пугвицы мѣдныя, патрахель камчатая лазоревая, пугвицы мѣдныя, поясъ служебной шелковой, чаша водосвятная мѣдная луженая, блюдо оловяное.

Въ трапезѣ: Образъ Воскресеніе Христово въ кіотѣ, вѣнецъ съ короною и цата серебряные чеканного дѣла, 5 вѣнцовъ рѣзныхъ, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ Вторагo Христова Пришествія о страшномъ судѣ въ кіотѣ, передъ нимъ паникадило небольшое мѣдное. Образъ Пречистые Богородицы Тихвинскія въ кіотѣ, вѣнцы рѣзные. Въ паперти образъ Спасовъ съ Деисусы въ кіотѣ.

Около церкви огорожено заборомъ въ рѣжъ, по мѣрѣ городьбы вдоль 11 саж., поперегъ 6 саж. съ третью.

Кладбища у той церкви пѣтъ.

Колоколница шатровая, на ней благовѣстной колоколъ по подписи 14 пудъ 2 чтв., другой 5 пудъ 2 чтв., третей колоколъ 2 пуда 2 чтв.; 2 колокола зазвонныхъ вѣсу въ нихъ полтора пуда.

А по сказкѣ попа Михайла да приходскихъ людей то церковное строеніе образы и книги, и ризы, и колокола прежняго попа Ѳеодота съ дѣтьми и приходскихъ людей.

Да противъ Никольскихъ воротъ Церковь Святителя Николая деревяная съ трапезою теплая, а въ ней: образъ Святителя Николая съ житіемъ, поля обложены басемнымъ окладомъ, а межъ житіемъ около ризъ обложено рѣзнымъ окладомъ, вѣнецъ и цата рѣзные жъ золочены, пелена дороги зеленые, опу-

ника выбойчатая, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Царскія двери со Святители, сѣнь и столбцы писаны на празелени. На престолѣ: одежда выбойчатая, крестъ благословящей обложенъ мѣдью, покровъ выбойчатой ветхъ. А Евангеліе и сосуды церковные, и всякую служебную утварь во время святаго пѣнія переносятъ изъ холодной церкви. За престоломъ: образъ Пречистыя Богородицы Тихвинскія, на другой странѣ Святителя Николая, по ней убрусецъ бѣлой полотняной. У царскихъ дверей завѣса крашенинная.

Да въ церкви жъ предѣлъ Сергія Радонежскаго Чудотворца: образъ Живоначальные Троицы Сергіево видѣніе обложенъ серебромъ басемного дѣла золоченъ, вѣнцы рѣзные золочены жъ. Двери царскія съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. Одежда на престолѣ выбойчатая, покровъ крашенинной ветхъ. Завѣса у царскихъ дверей крашенинная. На жертвенникѣ одежда выбойчатая. Деисусовъ 8 иконъ.

Кладбища у тое церкви отъ надолобъ до проѣзжія Болшія Московскія дороги 26 саж. съ чтв. да кладбища жъ въ другую сторону къ Каменному ручью 36 саж. Да къ той же церкви кладбища, что̀ была церковь Іоанна Златоустаго, а на престольномъ мѣстѣ часовня, вдоль кладбища 18 саж. съ полсаж., поперегъ 10 саж. Да церковные же земли по мѣрѣ вдоль по переулку 30 саж., поперегъ къ Каменному ручью 18 саж. А на ней живутъ нищіе, а оброкъ съ той земли платятъ Ростовского Митрополита дьяку Алексѣю Устинову.

Да у той же церкви дв., что̀ былъ попа Ѳедота, а нынѣ тѣмъ дворомъ владѣетъ онъ же Алексѣй Устиновъ по духовнымъ, а въ немъ живетъ братъ его Ивашко Устиновъ, у него сынъ Гришка 13 лѣтъ, вдоль дв. и огорода по старымъ писцовымъ книгамъ 19 саж., поперегъ 9 саж. А нынѣ сверхъ прежнего прибыло длиннику 4 саж., поперегъ 2 саж. И та земля велѣно ему очистить къ посаду.

А государева жалованья годовые руги къ той церкви по 4 р. да за воскъ 4 алт. съ д., хлѣба 9 чтв. ржи, овса тожъ; да на просвиры 2 чтв. съ осьминою ржи. Дв. богадѣленной ружной на посадской землѣ, на немъ 2 избы да 7 житницъ. Колодезь вдоль по улицѣ и съ огородомъ 28 саж. съ чтв., поперегъ 26 саж. съ полъсаж. А на немъ живутъ богадѣленные нищіе.

Церковь Усѣкновенія Честныя Главы Іоанна Предтечи древяная съ трапезою шатровая, въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Живоначальныя Троицы въ кіотѣ, вѣнецъ съ короною рѣзной золоченъ, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ Усѣкновенія Іоанна Предтечи обложенъ серебромъ басемного дѣла золоченъ въ кіотѣ, вѣнцы сканные, цаты рѣзныя золочены, въ прикладѣ крестъ серебряной

свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по золоту. На сѣверныхъ дверяхъ Адамле изгнаніе. На престолѣ: одежда дорогилная полосатая, крестъ и трость, и копіе, и подписи шиты золотомъ по краснымъ дорогамъ, Евангеліе печатное въ десть окрыто зеленымъ рытымъ бархатомъ, Евангелисты серебряные рѣзные золочены, средина и наугольники, и застешки серебряные, крестъ обложенъ серебромъ золоченъ, покровъ выбойчатой. За престоломъ: образъ Пречистые Богородицы Одигитрія обложенъ серебромъ басемного дѣла, вѣнцы рѣзные золочены, ожерельеце жемчужное, на другой странѣ образъ Іоанна Богослова да Іоанна Златоустаго. Сосуды церковные оловяные, воздухъ бархатъ зеленой рытой, крестъ, трость и копіе, и подписи шиты золотомъ и серебромъ, опушка отласъ лазоревой, покровцы бархатъ зеленой рытой, опушка отласъ лазоревой травчатой, другіе покровцы и воздухъ дорогилные двоеличные. На жертвенникѣ одежда выбойчатая.

Да въ той же церкви предѣлъ Апостола Θилиппа, а въ немъ мѣстныхъ иконъ: образъ Спаса Нерукотвореннаго въ кіотѣ, свѣча поставная восковая, надсвѣшникъ жестяной. Образъ Апостола Θилиппа даСвященномученика Ипатія въ кіотѣ,вѣнцы и цаты рѣзные серебряные золочены. Образъ Спасовъ да въ моленіи Благовѣрный Царевичъ Димитрій, Благовѣрный Князь Романъ, Священномученикъ Антипа, Алексѣй Человѣкъ Божій, а передъ нимъ свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ преподобныхъ Паисія и Касіана Углецкихъ. Образъ Пречистые Богородицы Казанскіе въ кіотѣ штилистовой въ окладѣ басемного дѣла золоченъ, вѣнецъ и цата рѣзные. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ, завѣса крашенинная. На сѣверныхъ дверяхъ Благоразумный Разбойникъ. На престолѣ одежда выбойчатая, крестъ писанъ по вохрѣ. За престоломъ: образъ Пречистые Богородицы Тихвинскіе, на другой странѣ Святителя Николая. Покровъ на престолѣ и на жертвенникѣ одежда выбойчатые. Въ первомъ тяблѣ Деисусовъ 13 иконъ, въ другомъ тяблѣ Праздниковъ Господскихъ и Богородичныхъ 14 иконъ. Паникадило мѣдное о двунатцати шанданѣхъ, кисти шелковыя. Другое паникадильцо малое о шести шанданѣхъ.

Да книгъ: Полъуставъ, Евангеліе недѣльное толковое, 2 Пролога въ годъ, Треоди постная и цвѣтная, 2 Октая, Шестодневъ, Минея Общая съ празники, Потребникъ, Апостолъ, другая Минея общая, двѣ Минеи Сентябрь да Декабрь, все старыя печати въ десть, Служебникъ, Псалтырь налойная, Канонникъ, житіе Святителя Николая, Часовникъ въ полдесть, Служебникъ новой печати, Трефолой писмяной въ полудесть, Канонникъ печатной.

Ризы камчатыя червчатыя, мелкотравныя, оплечье бархатъ

золотной, опушка дороги полосатые, патрахель камка червчатая, опушка тафта желтая, пугвицы оловяныя, стихарь киндяшной, поручи шиты золотомъ и серебромъ по зеленому отласу, пугвицы серебряныя, ризы киндяшныя зеленыя, оплечье отласъ червчатой, патрахель камка, пугвицы оловяныя, поручи отласныя красныя, пугвицы оловяныя, 2 пояса служебные шелковые, 2 чаши водосвятныя мѣдныя лужены, блюдечко оловяное, 2 кадила мѣдныя, 2 укропника мѣдные. Въ трапезѣ: образъ Спаса Нерукотвореннаго въ кіотѣ, свѣча поставная деревяпая писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ Пречистые Богородицы Казанскія, по ней убрусецъ полотняной бѣлой, свѣча поставная деревяная, насвѣшникъ жестяной. Да въ тяблѣ Деисусовъ 15 иконъ, паликадьцо мѣдное о двѣнадцати шанданѣхъ.

Церковь Рожества Христова теплая съ трапезою, въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Рожество Христово въ кіотѣ, у Богородицы вѣнецъ съ короною чеканной и золоченъ, въ прикладѣ крестъ серебряной и на той же иконѣ 5 вѣнцовъ рѣзныхъ золочены; убрусецъ бѣлой. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ; на престолѣ одежда и покровъ выбойчатые. За престоломъ образъ Пречистые Богородицы Тихвинскія, на другой странѣ Святителя Николая, на ней убрусецъ полотняной, воздухъ и покровцы выбойчатые. Сосуды церковные оловяные. На жертвенникѣ одежда выбойчатая. У царскихъ дверей завѣса крашенинная. Деисусовъ 14 иконъ. Паликадило неболшое мѣдное о 9 шанданѣхъ, кисть шелковая.

Предѣлъ Трехъ Святителей, въ немъ мѣстныхъ иконъ: образъ Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго въ кіотѣ, вѣнцы серебряные, свѣча восковая неболшая, насвѣшникъ жестяной. Двери царскія со святители, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. На престолѣ и на жертвенникѣ: одежда и покровъ выбойчатые, сосуды церковные деревяные, воздухъ и покровцы крашенинные. У царскихъ дверей завѣса крашенинная.

Да книгъ: Псалтырь писмяная въ полдесть ветха, Уставъ писмяной ветхъ.

Колокольница деревяная шатровая, на ней благовѣстной колоколъ вѣсу 7 пудъ съ полпудомъ, другой 5 пудъ, въ дву колоколахъ 4 пуда, въ зазвонныхъ въ дву колоколахъ пудъ.

А у тое церкви кладбища отъ посадцкихъ огородовъ по олтарямъ и черезъ Болшую Ярославскую дорогу къ Каменному ручью 25 саж., поперегъ отъ Святыхъ Воротъ подлѣ Ярославской дороги 30 саж.

Да тое жъ церковные земли къ Каменному ручью 16 саж., а подлѣ кладбища 17 саж. А на той церковной землѣ живутъ богадѣленные нищіе изъ оброку.

А государева жалованья годовыя руги къ той церкви попу 3 р. да за воскъ 2 алт. 5 д., хлѣба 10 чтв. ржи и овса тожъ; да на просвиры 2 чтв. съ полъ осминою ржи; да просвирницѣ чтв. съ полъ осминою ржи. А писана та руга къ церкви Ѳилиппа Апостола.

Да у Филипповскаго жъ мосту богадѣленная изба на посадцкой землѣ, а построилъ тое богадѣленную избу Углечанинъ посадцкой человѣкъ Ивашко Сергѣевъ сынъ Сыромятникъ, а въ ней живутъ нищіе, кормятся мирскимъ поданьемъ.

Церковь Соборъ Пречистые Богородицы деревяная теплая съ трапезою шатровая объ одной главѣ, а въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Пречистые Богородицы Честнаго Ея Собора, обложенъ серебромъ басемного дѣла золоченъ, вѣнецъ съ короною и цата рѣзные золочены съ каменемъ, убрусецъ и ожерелье жемчужное, у Ангеловъ и у Святыхъ 7 вѣнцовъ рѣзныхъ золоченыхъ, въ прикладѣ 10 крестовъ серебряныхъ, свѣча поставная восковая писана, насвѣшникъ литой оловяной. Образъ Святыхъ Мученикъ Ѳлора и Лавра, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. Образъ Святителя Николая да Ѳилиппа Митрополита, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ Соборъ Пречистые Богородицы обложенъ серебромъ басемного дѣла золоченъ, вѣнцы рѣзные залочены. Образъ Святыхъ мученикъ Ѳлора и Лавра да Священномученика Власія на налоѣ. Образъ Пречистые Богородицы Владимірскіе обложенъ серебромъ золоченъ, вѣнцы и подписи рѣзные золочены. На сѣверныхъ дверяхъ Благоразумный Разбойникъ. Деисусовъ 11 иконъ. Паликадило мѣдное объ осми шанданѣхъ, кисть шелковая съ золотомъ. На престолѣ одежда выбойчатая, Евангеліе печатное окрыто бархатомъ зеленымъ, Евангелисты серебряные золочены, другое Евангеліе новой печати въ полдесть по обрѣзу золотомъ и крыто съ участкомъ серебрянымъ, Евангелисты мѣдные, крестъ кипарисной обложенъ серебромъ золоченъ, покровъ отласъ червчатой, опушка дороги зеленые. За престоломъ: Образъ Пречистые Богородицы Владимірскія, на другой странѣ Святителя Николая. Сосуды церковные оловяные, воздухъ тафта бѣлая, крестъ нашитъ золотомъ, обнизанъ жемчугомъ, опушка дороги двоелишные, покровцы атласъ червчатой, опушка тафта зеленая. На жертвенникѣ: одежда выбойчатая, 2 кадила, 2 укропника, 2 чаши водосвятныя мѣдныя луженыя, 4 шандана мѣдные жъ, вѣнцы обручалные деревяные.

Да книгъ: Уставъ писмяной, Евангеліе толковое Воскресное, Потребникъ, Шестодневъ, Минея общая, 2 Служебника въ полдесть, Псалтырь налойная, Часовникъ. А тѣ книги старой печати,

Апостолъ въ десть, Минея общая съ празники, Псалтырь со вослѣдованіемъ, Треоди постная и цвѣтная, Служебникъ въ полдесть новой печати, 2 Минеи мѣсячныхъ Іюль да Генварь въ полдесть писмяныя.

Ризы тафтяныя двоеличныя, оплечье атласъ цвѣтной, опушка тафта зеленая, стихарь дорогильной зеленой, оплечье и поручи камчатые цвѣтные, ризы дороги рудожелтыя ветхи, оплечье отласъ золотной, опушка дороги полосатые; ризы кумашныя, оплечье бархатъ рытой зеленой, опушка отласъ червчатой, пугвицы мѣдныя.

Въ трапезѣ по обѣ стороны входныхъ дверей Ангели Господни да мѣстныхъ иконъ: Образъ Воскресеніе Христово, образъ Втораго Христова Пришествія; на лѣвой странѣ: образъ Отечество, образъ Живоначальные Троицы, въ моленіи святые, а передъ ними свѣчи поставныя писаные, насвѣшники жестяные, пелены крашенинные. Въ трапезѣ жъ Деисусовъ 15 иконъ. Паликадило мѣдное небольшое, кисть шелковая. Херуговъ дорогильная двоеличная, опушка дороги зеленые. Въ паперти надъ дверьми Деисусовъ 15 иконъ, по правую сторону образъ Спасовъ о страшномъ судѣ, образъ мученика Мины съ житіемъ и съ чудесы, по лѣвую сторону: образъ Спасовъ, на престолѣ славы образъ Спасовъ съ дѣяніемъ о чистой душѣ, обѣ иконы въ одномъ кіотѣ. Въ паперти жъ 14 окончинъ слюдныхъ.

Колокольница рубленая съ шатромъ, на ней благовѣстной колоколъ 7 пудъ безъ чтв., другой 4 пуда 2 чтв., третей 2 пуда, четвертой полтора пуда, въ дву зазвонныхъ пудъ, 5 гривенокъ.

А по сказкѣ попа Мины та церковь и мѣстные образы и книги, и ризы, и колокола строеніе его попово все и мирское.

Кладбище у той церкви позади олтарей отъ улицы къ Волгѣ р. 37 саж., въ другомъ концѣ къ Волгѣ жъ р. 39 саж. безъ трети, отъ Святыхъ воротъ до огорода вдовы Каптелиніи 36 саж.

Государева жалованья годовые руги попу р. да за воскъ 4 алт. съ д., хлѣба 5 чтв. ржи, овса тожъ. А писана та руга по грамотамъ великаго государя изъ приказу Большаго Дворца за приписью дьяка Андрея Селина 166 года къ церкви Ѳлора и Лавра. И той церкви нѣтъ, а образъ Ѳлора и Лавра поставленъ въ церкви Собора Пречистые Богородицы, и то мѣсто прозвище Ѳлоровской приходъ.

Дв. попъ Мина Кондратьевъ, у него дѣти: Ивашко женатъ, Ивашко меньшой 20 лѣтъ. Вдоль двора и огорода 40 саж., поперегъ 9 саж., въ заднемъ концѣ въ огородѣ 8 саж.

Церковь Благовѣщенія Пресвятые Богородицы древяная съ трапезою теплая шатровая объ одной главѣ, въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Благовѣщеніе Пресвятые Богородицы, вѣнцы серебряные залочены, по ней убрусецъ бѣлой полотняной, пелена дорогильная двоелишная, опушка тафта

зеленая. Образъ Святителя Николая, образъ Святыхъ женъ Мироносицъ, образъ Пречистые Богородицы Печерскіе въ кіотѣ, передъ ними свѣчи поставныя деревяныя писаныя. Образъ Ѳилиппа Митрополита. Царскія двери со Апостолы, сѣнь и столбцы писаны по золоту. На престолѣ: одежда выбойчатая, Евангеліе въ полдесть писмяное, Евангелисты мѣдные, крестъ мѣдной, покровъ выбойчатой. За престоломъ: Образъ Пречистые Богородицы Владимірскіе, на другой странѣ образъ Іоанна Предтечи и Апостоловъ Петра и Павла да Святителя Николая. Сосуды церковные деревяные, воздухъ и покровцы выбойчатые. Деисусовъ 7 иконъ.

Да книгъ старой печати: Потребникъ, Шестодневъ, 2 Пролога на полгода, Служебникъ новой печати, Минея общая съ Праздники, Треоди постная и цвѣтная, Минея Декабрь мѣсяцъ въ полдесть печатная жъ.

Двои ризы полотняныя, 2 патрахели ветхи, поручи камка золотные, опушка дороги червчатые, пугвицы оловяныя.

Въ трапезѣ образъ Воскресенія Христово въ кіотѣ да образъ Благовѣрнаго Царевича Князя Димитрія да князя Романа въ моленіи, образъ Священномученика Антипы и Власія. Образъ Спасовъ. На престолѣ образъ Тихона Чудотворца да Преподобнаго Паисія Углецкаго въ кіотѣ.

На колокольницѣ 3 колокола, вѣсу въ нихъ 4 пуда.

Кладбища у тое церкви вдоль отъ попова двора къ порозжей посадцкой землѣ 39 саж., поперегъ по олтарямъ 17 саж., въ другомъ концѣ отъ Волги р. 26 саж. А возлѣ того кладбища промежъ улицъ порозжіе посадцкіе земли вдоль 30 саж., поперегъ 25 саж.

Да на церковной же землѣ: дв. попа Михайла, у него сынъ Васька 18 лѣтъ, вдоль двора и огорода по прежнимъ писцовымъ книгамъ 30 саж., поперегъ 9 саж. Да позади его двора церковное жъ дворовое мѣсто попа Леонтія, вдоль 30 саж., поперегъ 6 саж. А владѣетъ тѣмъ дворовымъ мѣстомъ онъ же попъ Михайло да у него жъ попа Михайла примѣрено посадцкіе земли къ кузницамъ вдоль 33 саж. съ чтв., поперегъ 8 саж. И та земля очищена въ посадъ.

А государева жалованья руги по прежнимъ книгамъ къ той церкви попу 4 р., 9 чтв. ржи, овса тожъ; да на просвиры 2 чтв. съ полуосминою, за воскъ 15 алт. И нынѣ дьякона нѣтъ и руги діаконской покамѣста дьякона не будетъ не давать. Мѣсто дворовое посадскаго человѣка Савки Крупеникова, что владѣетъ насильствомъ попъ Михайло, вдоль 15 саж., поперегъ 11 саж. И то мѣсто отдано сыну его Савкину Петрушкѣ Крупеникову по родству.

Церковь Покрова Пречистыя Богородицы въ предѣлѣ Макарія Египтенина деревянная съ трапезою объ одной шатровой главѣ, а въ церкви мѣстныхъ

иконъ: образъ Покрова Пречистые Богородицы въ кіотѣ, въ прикладѣ ожерельце жемчужное, пелена отласная червчатая, опушка тафта лазоревая, свѣча поставная древяная писана. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. Образъ Живоначальные Троицы. На сѣверныхъ дверяхъ Мученикъ Христофоръ. На престолѣ: одежда выбойчатая, Евангеліе печатное въ десть, крыто вишневымъ бархатомъ рытымъ, Евангелисты мѣдные, крестъ писанъ обложенъ серебромъ золоченъ. За престоломъ образъ Пречистые Богородицы Владимірскіе. Сосуды церковные оловяные, воздухъ и покровцы дорогилные.

Да въ предѣлѣ образъ Макарія Египтенина обложенъ серебромъ, да на той же иконѣ Благовѣрный Царевичъ Князь Димитрій да Благовѣрный Князь Романъ Углецкіе да Тихонъ Чудотворецъ, вѣнцы и цаты рѣзные золочены; у Царевичева образа ожерельеце жемчужное, пелена отласъ червчатой, опушка тафта лазоревая, подсвѣшникъ желѣзной. Двери царскія съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. Образъ Козьмы и Доміана да Священномученика Власія, обложенъ серебромъ золоченъ. Одежда на престолѣ выбойчатая, крестъ писаной, покровецъ черной. За престоломъ образъ Знаменіе Пречистые Богородицы. Деисусовъ въ тяблѣ 11 иконъ. Паникадилцо мѣдное о 12 шанданѣхъ, кисть шелковая.

Да книгъ: Евангеліе толковое недѣльное, Апостолъ, Октай на восмь гласовъ, Треоди постная и цвѣтная, Псалтырь со вослѣдованіемъ, Минея общая, Служебникъ въ полдесть, Часовникъ въ четверть, все старой печати, Служебникъ новой печати въ полдесть, Ермолой пѣвчей, трефолой писмяной ветхъ.

Кадило мѣдное, ризы и стихарь полотняные, поясъ служебной нитяной.

Въ трапезѣ образъ Пречистые Богородицы Карсунскіе на золотѣ, ожерелье низаное жемчужное, убрусецъ бѣлой полотняной, пелена выбойчатая. Деисусъ на 3 цкахъ. Паникадилцо мѣдное о 4 шанданѣхъ.

Колоколница рубленая, на ней 4 колокола, вѣсу въ нихъ 16 пудъ, 20 гривенокъ.

У тое церкви служитъ попъ Михайло переходя изъ Благовѣщенской церкви.

А по сказкѣ попа Михайла та церковь и образы, и книги, и ризы, и колокола строеніе приходцкихъ людей.

А у той церкви кладбища отъ церкви къ городовому старому валу 24 саж., отъ Рыбенской дороги къ Волгѣ р. 22 саж., по другую сторону церкви къ городу 12 саж., поперегъ позади колоколницы 16 саж.

Да у тое жъ церкви мѣсто дворовое пус., что̀ было попа Евтиѳѣя, вдоль 35 саж., поперегъ 8 саж. А церковнымъ доходомъ и по-

повскимъ дворовымъ мѣстомъ владѣетъ Благовѣщенской попъ Михайло.

Государева жалованья по прежнимъ книгамъ годовые руги къ церкви преподобнаго Макарія попу 3 р. да за воскъ 20 алт., 5 д., хлѣба 10 чтв. ржи, овса тожъ; да на просвиры 2 чтв. съ полуосминою ржи да за стряпню чтв. съ полуосминою.

Церковь Вознесеніе Господне, въ предѣлѣ Обрѣтеніе Честныя Главы Іоанна Предотечи древяная, холодная, рубленая клѣцки объ одной главѣ, въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Вознесеніе Господне обложенъ серебромъ золоченъ въ кіотѣ, передъ нимъ свѣча восковая, насвѣшникъ жестяной. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны на золотѣ. На сѣверныхъ дверяхъ Благоразумный Разбойникъ. На престолѣ: одежда выбойчатая, Евангеліе печатное въ десть, Евангелисты мѣдные, окрыто камкою цвѣтною, крестъ обложенъ серебромъ золоченъ. За престоломъ: образъ Пречистые Богородицы Одигитрія, по другую сторону Святителя Николая, на ней убрусецъ бѣлой. Сосуды церковные оловяные, покровъ на престолѣ камчатой, опушка тафтяная ветха, воздухъ бархатъ зеленой рытой, покровцы дорогилные двоелишные. На жертвенникѣ одежда выбойчатая.

Въ предѣлѣ: образъ Третіе Обрѣтеніе Честныя Главы Іоанна Предтечи обложенъ серебромъ золоченъ въ кіотѣ. Царскія двери со Святители, сѣнь и столбцы писаны на вохрѣ. Одежда жъ на престолѣ выбойчатая, Евангеліе въ десть писмяное ветхо, Евангелисты мѣдные, покровъ дорогилной ветхъ. На жертвенникѣ одежда выбойчатая. Деисусъ въ первомъ тяблѣ 11 иконъ, въ другомъ тяблѣ Празниковъ Господскихъ и Богородичныхъ 13 иконъ. Паникадило мѣдное о 8 шанданѣхъ, другое паникадилцо неболшое о 6 шанданѣхъ, кадило, укропникъ мѣдные.

Въ трапезѣ: образъ Срѣтеніе Господне, образъ Рожества Пречистые Богородицы, свѣща поставная писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ Вознесеніе Господне, на немъ убрусецъ полотняной да образъ Пречистые Богородицы Владимірскія; у Пречистые Богородицы вѣнецъ и цата рѣзная золочена серебряная, у Превѣчнаго Младенца цата басемного дѣла золочена. Образъ Святителя Николая поясной.

Да книгъ: Евангеліе толковое недѣльное, Октай на осмь гласовъ, треоди постная и цвѣтная, Апостолъ, Минея общая съ Празники, 5 миней мѣсечныхъ, книга Ефремъ Сиринъ, Часовникъ, Псалтырь налойная въ полдесть, Часословъ въ десть старой печати, Служебникъ новой печати, книга житіе Святителя Николая.

Ризы дорогилныя двоелишныя, оплечье бархатъ золотной, опушка таѳта двоеличная, стихарь полотняной, патрахель обьярь золотная, пугвицы оловяныя, поручи кумашные, ризы полотняныя, опле-

чье выбойчатое ветхи, патрахель бархатная ветха, чаша водосвятная мѣдная.

Да книгъ же писмяныхъ: Евангеліе толковое въ десть, Треоди цвѣтная въ десть, Полуставъ въ полдесть, Ермолой пѣвчей.

Церковь древяная соборъ Архангела Михайла да въ предѣлѣ Алексѣя митрополита съ трапезою теплая о дву шатровыхъ главахъ, а въ церкви мѣстныхъ иконъ: образъ Соборъ Архистратига Михаила въ кіотѣ, на немъ убрусецъ полотняной бѣлой, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по золоту. На престолѣ: одежда выбойчатая, крестъ писаной, покровъ выбойчатой. За престоломъ: образъ Пречистые Богородицы Владимірскіе, на другой странѣ Святителя Николая. Сосуды церковные оловяные. На жертвенникѣ одежда выбойчатая. У царскихъ дверей завѣса крашенинная.

Въ предѣлѣ образъ Алексѣя Митрополита въ кіотѣ, вѣнецъ рѣзной, цата басемного дѣла золочена, убрусецъ бѣлой полотняной, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Царскія двери со Святители, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. Одежда на престолѣ выбойчатая. Въ первомъ тяблѣ Деисусовъ 13 иконъ, въ другомъ тяблѣ Празниковъ Господскихъ и Богородичныхъ 14 иконъ. Паникадило мѣдное о 16 шанданѣхъ, кистъ шелковая, другое паникадильцо мѣдное жъ меньшое о 6 шанданѣхъ.

Колокольница рубленая, на ней 6 колоколовъ, вѣсу въ нихъ 18 пудъ, 17 гривенокъ.

Дв. пус. попа Марка, вдоль дв. и огорода 30 саж., поперегъ 6 саж., въ заднемъ концѣ въ огородѣ 5 саж. А попъ Марко за бунтъ сосланъ въ ссылку въ Казань, а служитъ у тои церкви попъ Григорей.

Кладбища отъ улицы возлѣ дворовъ 46 саж. да въ тужъ сторону по улицѣ къ протодьяконову дв. 22 саж. А отъ большой улицы возлѣ проѣзжего переулка къ посадскимъ дв. 31 саж. съ полусаж.

А государева жалованья годовые руги по прежнимъ книгамъ: попу 3 р. да за воскъ 20 алт., 5 д., хлѣба 10 чтв. ржи, овса тожъ; да на просвиры 2 чтв. съ полуосминою ржи. А писана та руга къ церкви Алексѣя Митрополита.

Церковь древяная Воздвиженія Честнаго Креста о 2 главахъ, въ предѣлѣ Великомученицы Варвары, а въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня въ кіотѣ, пелена выбойчатая, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Двери царскія съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. Образъ Максима Исповѣдника. На сѣверныхъ дверяхъ Мученикъ Христоѳоръ. Одежда на престолѣ выбойчатая, Евангеліе на пре-

столѣ печатное въ десть, окрыто камкасеею, Евангелисты серебряные золочены, крестъ на престолѣ обложенъ серебромъ, покровъ на престолѣ бархатной ветхъ. За престоломъ: образъ Пречистые Богородицы Одигитрія, на другой странѣ Благовѣрнаго Царя Костантина и матери его Елены, по ней убрусецъ отласъ цвѣтной. Сосуды церковные оловяные, воздухъ кумачной, покровцы таотяные лазоревые. На жертвеникѣ одежда выбойчатая.

Въ предѣлѣ образъ Великомученицы Варвары съ мученіемъ въ кіотѣ, вѣнецъ серебряной рѣзной золоченъ съ каменемъ, пелена выбойчатая, свѣча поставная деревяная, насвѣшникъ жестяной. Царскія двери со Святители, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. На престолѣ: одежда выбойчатая, покровъ крашениной, Евангеліе писмяное, Евангелисты мѣдные, крестъ писанъ. За престоломъ: образъ Пречистые Богородицы Знаменіе и по другую страну Великомученицы Варвары. На жертвенникѣ одежда выбойчатая. Деисусовъ въ первомъ таблѣ 13 иконъ, въ другомъ таблѣ Празниковъ Господскихъ и Богородичныхъ 12 иконъ. Паникадило железное о 8 шанданахъ, кадило, чаша водосвятная мѣдные.

Книги старой печати въ десть: Уставъ, Евангеліе толковое недѣлное, Евангеліе толковое повседневное, Шестодневъ, Апостолъ, Треоди цвѣтная и постная, Прологъ на полгода, да съ Сентября Минея общая съ празники, Служебникъ въ полдесть, Часовникъ въ четверть. Да новой печати: Трефолой на три мѣсяца съ Сентября, Минея Апрѣль мѣсяцъ писмяная въ десть, Псалтырь налойная въ полдесть, Служебникъ въ полдесть новой печати, житіе Святителя Николая, Ермолой пѣвчей, Служебникъ писмяной, Прологъ писмяной съ Марта на три мѣсяца въ десть ветхъ. Ризы кумачныя, оплечье камкасейное, опушка киндякъ зеленой, ризы выбойчатыя, 2 патрахели да поручи кумашныя, поясъ служебной нитяной.

Да въ трапезѣ по обѣ стороны входныхъ дверей Ангелы Господни, да мѣстныхъ иконъ: образъ Отечество, образъ Усѣкновенія Честныя Главы Іоанна Предтечи, образъ Благовѣрнаго Царевича Димитрія да Благовѣрнаго Князя Романа въ моленіи, надъ ними Деисусъ въ одномъ кіотѣ, пелена выбойчатая; по лѣвую сторону образъ Святителя Николая, образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, въ подножіи Великомученики Никита и Димитрій и Георгій и Ѳеодоръ Тиронъ, образъ Великомученицы Екатерины, Варвары, Парасковьи, Каптелины, образъ Пречистыя Богородицы Печерскія съ Преподобными въ одномъ кіотѣ, пелена выбойчатая, а передъ тѣми иконами подсвѣшники деревяные писаные, насвѣшники жестяные.

Церковь Димитрія Селунскаго древяная теплая съ трапезою, а въ ней: образъ Всемилостиваго Спаса Деисус-

ной древняго писма, образъ Димитрія Селунскаго въ кіотѣ, окладъ басемной золоченъ, вѣнецъ и цата рѣзные золочены, пелена выбойчатая. Двери царскія со Святители, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. На сѣверныхъ дверяхъ Благоразумный Разбойникъ. На престолѣ: одежда выбойчатая, Евангеліе писмяное въ полдесть, Евангелисты мѣдные, крестъ обложенъ мѣдью, покровъ крашенинной. За престоломъ: образъ Пречистыя Богородицы Владимирскія, по другую страну Святителя Николая.

Да въ трапезѣ Деисусовъ 6 иконъ древняго писма, у нихъ пелены выбойчатыя.

Колокольница на столбахъ покрыта тесомъ, на ней благовѣстный колоколъ 8 пудъ безъ чтв., другой—6 пудъ да въ трехъ колоколахъ меншихъ по сказкѣ попа Ѳѳонасія и прихожанъ Кирюшки Гребенщикова съ товарищи полъпяты пуда.

Да по его жъ поповѣ и приходскихъ людей сказкѣ строеніе тѣ церкви и образы, и книги, и ризы, и колокола, и всякое строеніе церковное приходскихъ людей и вкладчиковъ.

Кладбища у тѣхъ церквей: вдоль возлѣ проѣзжія дороги 40 саж., поперегъ отъ Алексѣевскаго монастыря къ городьбѣ дороги 23 саж. безъ трети.

Государева жалованья годовыя руги попу 41 ал , 4 д., хлѣба 5 чтв. съ осминою и съ четврк. ржи, овса тожъ; просвирницѣ чтв. безъ полуосмины ржи. А писана та руга къ церкви Димитрія Селунскаго по грамотамъ Великаго государя изъ приказу Болшого Дворца за приписью дьяка Андрея Селина 166 года.

Церковь Святителя Николая Чудотворца древяная шатровая объ одной главѣ, что на Пѣтуховѣ. А въ ней мѣстныхъ иконъ: Образъ Святителя Николая съ житіемъ въ кіотѣ обложенъ серебромъ золоченъ, вѣнецъ да двѣ цаты рѣзныя серебряныя золочены. Въ прикладѣ 11 крестовъ серебряныхъ, цата небольшая рѣзная серебряная, крестъ раковинной обложенъ серебромъ, пелена камка червчатая, крестъ и трость, и копье, и подписи шиты золотомъ, опушка таѳта лазоревая, кисти шелковыя съ золотомъ, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ оловяной. Образъ Втораго Христова Пришествія писанъ на золотѣ въ кіотѣ, вѣнецъ серебряные басемного дѣла золочены, свѣча деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны на празелени, вѣнцы серебряные басемного дѣла золочены. Образъ Рожество Христово въ кіотѣ, вѣнцы рѣзные, пелена камка червчатая; крестъ, трость и копіе, и подписи шиты золотомъ, опушка таѳта лазоревая, кисти шелковыя съ золотомъ, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ оловяной. Образъ Воскресеніе Христово въ кіотѣ, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ Преподобнаго

Паисія и Касіана Углецкихъ. Деисусовъ въ первомъ тяблѣ 11 иконъ, Спасовъ образъ обложенъ серебромъ золоченъ, вѣнецъ рѣзной серебряной, у Деисусовъ у 11 вѣнцы серебряные басемного дѣла золочены; въ другомъ тяблѣ Празниковъ Господскихъ и Богородичныхъ 13 иконъ, вѣнецъ у Боголѣпнаго Преображенія Господня серебряной золоченъ; въ третьемъ тяблѣ образъ Пречистыя Богородицы Знаменіе, вѣнецъ серебряной золоченъ да 12 иконъ Пророковъ. Передъ всѣми Деисусы подсвѣшники деревяные подъ сусалнымъ золотомъ, шанданцы жестяные. Надъ тяблами образъ Отечество. Паликадило мѣдное о 12 шанданѣхъ, яйцо построфокамилово, ворворка хрусталная, кисть шелковая съ золотомъ, 2 паликадильца меншихъ мѣдныхъ, въ обѣихъ 12 шандановъ, кисти шелковыя съ серебромъ. Одежда на престолѣ выбойчатая, Евангеліе крупной печати, на предней цкѣ написаны образъ Спасовъ и Пречистыя Богородицы, Іоанна Предтечи, Евангелисты и вѣнцы, и окладъ рѣзные серебряные золочены съ каменемъ, застежки серебряные, крестъ на престолѣ писанъ по золоту обложенъ серебромъ золоченъ съ каменемъ, другой крестъ обложенъ серебромъ золоченъ съ каменемъ. ширинка тафтяная, покровъ на престолѣ тафта зеленая, крестъ нашитъ серебряного кружева. У царскихъ дверей завѣса тафта зеленая. За престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Владимерскія, на другой странѣ Святителя Николая, убрусецъ тафта червчатая, по убрусцу вышиты золотомъ: „Владичице прими молитву рабъ своихъ“, крестъ выностой болшой писанъ по золоту. Сосуды церковные оловяные, воздухъ отласъ червчатой, крестъ и херувимы, и трость, и копіе, и подписи шиты серебромъ, опушка тафта зеленая, покровцы отласные, крестъ шиты золотомъ и серебромъ. Одежда на жертвенникѣ выбойчатая, 2 кадила, укропникъ, чаша водосвятная, блюдо мѣдное.

Книги: Уставъ полной, Евангеліе толковое недѣлное, Октай на осмь гласовъ, Апостолъ, Прологи въ годъ, Треоди постная и цвѣтная, Потребникъ, Минея общая, Трефолой на шесть мѣсяцевъ, Шестодневъ, а тѣ книги въ десть старой печати. Служебникъ, Псалтырь налойная, житіе Святителя Николая въ полдесть старой печати, Служебникъ, Часословецъ новой печати, Ермолой пѣвчей, Псалтырь со вослѣдованіемъ писмяная ветха въ полдесть, Святцы съ тропари и кондаки писмяная ветхи, Минеи мѣсечныя: Сентябрь, Генварь, Апрѣль, Августъ ветхи писмяные въ полдесть.

Ризы тафта лазоревая, оплечье камка червчатая, опушка дороги червчатые, стихарь бумазейной бѣлой, оплечье и поручи, и опушка дороги полосатые, патрахель бархатъ зеленой рытой, опушка дороги червчатые, пугвицы оловяные, поручи камка червчатая, опушка тафтяная, пугвицы мѣдныя, поясъ служебной шел-

ковой, рызы кутня полосатая, оплечье отласъ травчатой цвѣтной ветхи, вѣнцы обручалные деревяные по золоту.

Церковь Рождество Пресвятыя Богородицы теплая съ трапезою клѣцки ветха, а въ ней: мѣстной образъ Рождество Богородицы въ кіотѣ, вѣнцы и цаты рѣзные серебряные золочены, въ прикладѣ 2 креста да вѣнецъ и цата басемного дѣла золочены, свѣча поставная восковая, насвѣшникъ оловяной, пелена дороги червчатые ветхи. Двери царскія со Святители, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. Образъ Святителя Николая въ кіотѣ, пелена изуфрь черная, крестъ и трость, и копіе, и подписи шиты золотомъ. На престолѣ: одежда выбойчатая, Евангеліе въ десть новой печати, окрыто участкомъ серебрянымъ, крестъ писанъ на празелени, покровъ камкасея цвѣтная. За престоломъ: образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, на другой странѣ Рожество Богородицы, у Богородицы и у Превѣчного Младенца вѣнцы серебряные золочены съ каменемъ, передъ образомъ лампада мѣдная. Сосуды церковные оловяные, воздухъ киндяшной зеленой ветхъ, покровцы бархатъ рытой червчатой, опушка дороги червчатые ветхи. На жертвенникѣ одежда и у царскихъ дверей завѣса крашениная, кадило мѣдное. Деисусовъ въ тяблѣ 11 иконъ.

На колокольницѣ 8 колоколовъ, а по сказкѣ прихожанъ посадскихъ людей Игнашки Шапошникова съ товарыщи благовѣстной колоколъ 10 пудъ, другой 7 пудъ, третей и четвертой по 5 пудъ, въ менщихъ въ четырехъ колоколахъ 4 пуда.

А строеніе тѣ церкви и образы, и книги, и ризы, и колокола, и всякое строеніе церковное приходскихъ людей.

Кладбища у тѣхъ церквей вдоль подлѣ Ефремовской дороги 45 саж., поперегъ отъ тое Ефремовскія дороги 39 саж.

А у тое церкви служитъ попъ Гаврило Остафьевъ.

Дв. вдовы попадьи Антониды Ивановы дочери, у нея дѣти: Степка въ дьячкахъ, Ивашко 13 лѣтъ, Ганка 7 лѣтъ, живетъ на купленой на посадской землѣ, вдоль дв. и огорода 37 саж., поперегъ 10 саж. съ чтв., въ заднемъ концѣ въ огородѣ 7 саж. съ чтв.

Государева жалованья годовыя руги попу 3 р., за воскъ 4 алт. съ д., хлѣба 9 чтв. ржи, овса тожъ; да на просвиры 2 чтв. ржи. А писана та руга къ той церкви по грамотѣ Великаго Государя изъ приказу Большаго Дворца за приписью дьяка Семена Кудрявцева 179 году, Августа въ 22 день, а велѣно попу государево жалованіе деньги давать на Угличѣ изъ таможенныхъ доходовъ, а хлѣбъ въ Юхоцкой волости противъ иныхъ церквей въ полы окладу, а на просвиры сполна.

Церковь Василія Кесарійскаго древяная клѣтцки шатровая объ одной главѣ, въ ней два предѣла Зосимы и Савватія Соловецкихъ да Кирила Бѣлозерска-

го Чудотворца не священы. А въ церкви мѣстныхъ иконъ: образъ Василія Великаго съ житьемъ въ кіотѣ обложенъ серебромъ, вѣнцы и цаты серебряные чеканные золочены, въ житіи вѣнцы и подписи рѣзные серебряные золочены, въ прикладѣ 4 креста серебряныхъ золоченыхъ, на закрѣпкахъ зерна жемчужныя кафимскія, 32 креста серебряныхъ, пелена дороги двоелишные. Образъ Василія Кесарійскаго и Зосимы и Саватія Соловецкихъ и Кирила Бѣлозерскихъ Чудорворцовъ въ кіотѣ. Образъ Пречистыя Богородицы Тихвинскія со святыми въ кіотѣ, передъ нимъ свѣчи поставныя деревянныя писаныя. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по золоту. На сѣверныхъ дверяхъ Благоразумный Разбойникъ. Деисусовъ въ первомъ таблѣ 15 иконъ, въ другомъ таблѣ Празниковъ Господскихъ и Богородичныхъ 12 иконъ. Паникадило мѣдное о 12 шанданахъ, кисть шелковая. На престолѣ: одежда выбойчатая, Евангеліе печатное въ десть окрыто бархатомъ зеленымъ рытымъ, Евангелисты серебряные золочены, крестъ обложенъ серебромъ золоченъ съ каменемъ, другой крестъ писанъ, покровъ выбойчатой. За престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Владимерскія, на другой странѣ Святителя Николая. Сосуды церковные оловяные, воздухъ и покровцы бархателные цвѣтные, опушка киндяшная.

Книги новой печати: Псалтырь со вослѣдованіемъ, Апостолъ, Шестодневъ, Минея общая съ празники, Треоди цвѣтная старой печати, Треоди постная, писмяная въ десть, служебникъ старой, другой новой печати, двѣ Псалтыри налойныхъ въ полдесть, Потребникъ печатной, Часовникъ старой печати, книга Іоанна Златоустаго писмяная въ полдесть.

Ризы дорогилныя двоеличныя, оплечье камка цвѣтная, опушка дороги полосатые, подризникъ полотняной, оплечье выбойчатое, патрахель дороги червчатые, опушка тафта лазоревая, пугвицы оловяныя, ризы киндяшныя зеленыя, оплечье дороги двоеличные, опушка киндякъ лазоревой, патрахель выбойчатая, пугвицы оловяныя, ризы крашениныя, оплечье, выбойчатое. Кадило, укропникъ мѣдные, чаша водосвятная да чаша малая мѣдныя луженыя, блюдо оловяное.

Церковь Срѣтеніе Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа съ трапезою теплая объ одной главѣ, а въ ней: Образъ Срѣтеніе Господне въ кіотѣ, вѣнцы серебряные рѣзные золочены, пелена кумашная, свѣча поставная деревяная, насвѣшникъ жестяной. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. Одежда на престолѣ выбойчатая, на престолѣ крестъ писанъ по вохрѣ. За престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, на другой странѣ Святителя Николая. Со-

суды церковные оловяные, воздухъ отласъ червчатой, крестъ шитъ золотомъ, опушка камчатая, другой воздухъ выбойчатой.

Колоколница рубленая, а на ней 5 колоколовъ: благовѣстной колоколъ 10 пудъ, другой 8 пудъ, третей 2 пуда, 2 колокола зазвонныхъ 2 пуда.

Кладбища у тое церкви огорожено заборомъ. На вратахъ Деисусовъ 9 иконъ, на другой странѣ на той же дцкѣ Образъ Покрова Пречистыя Богородицы.

А строеніе церковное все приходскихъ людей. А кладбища у тое церкви вдоль отъ проѣзжего переулка къ попову двору 26 саж. съ полсаженью, поперегъ 22 саж. Государева жалованья годовыя руги попу 3 р., хлѣба 10 чтв. ржи, овса тожъ; на просвиры 2 чтв. съ полуосминою. А писана та руга въ прежнихъ книгахъ къ церкви Богоявленія Господня и Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи, а нынѣ тѣхъ церквей нѣтъ. А у церквей Срѣтенія Господня и Василія Кисариского попу съ причетники безъ государева жалованья быть немочно, мѣсто скудное.

Дв. попа Максима, у него сынъ Аѳонька во дьячкахъ, вдоль дв. и огорода 27 саж. съ полсаженью, поперегъ 12 саж. безъ трети, въ заднемъ концѣ 8 саж. съ чтв.

Церковь Верховныхъ Апостолъ Петра и Павла шатровая объ одной главѣ, а въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Верховныхъ Апостолъ Петра и Павла въ кіотѣ обложенъ серебромъ золоченъ, вѣнцы и подписи рѣзные серебряные золочены, цаты серебряныя, въ прикладѣ 2 креста серебряные, пелена тафтяная червчатая, опушка дороги зеленые, свѣча поставная восковая, насвѣшникъ жестяной. Образъ Софіи Премудрости Божіи въ кіотѣ, пелена киндяшная червчатая, подсвѣшникъ желѣзной. Образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія въ кіотѣ обложенъ серебромъ золоченъ, вѣнцы и подписи серебряные рѣзные золочены, цаты серебряныя, убрусецъ и ожерелье у Пречистыя Богородицы низаны жемчугомъ, пелена тафта червчатая, крестъ и трость, и копіе, и подписи шиты серебромъ, опушка тафта желтая, свѣча поставная восковая, насвѣшникъ жестяной. Образъ Благовѣрнаго Царевича Князя Димитрія да Благовѣрнаго Князя Романа Углецкихъ въ кіотѣ обложенъ серебромъ золоченъ, вѣнцы и цаты рѣзные серебряные. У Благовѣрнаго Царевича Князя Димитрія ожерельеце жемчужное, въ прикладѣ крестъ серебряной, пелена тафта червчатая, опушка киндяшная, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Деисусовъ въ первомъ тяблѣ 15 иконъ, въ другомъ тяблѣ Празниковъ Господскихъ и Богородичныхъ 14 иконъ, въ третьемъ тяблѣ Пророковъ 15 иконъ. Три паликадила мѣдныхъ, въ нихъ 60 шандановъ, у дву яблоки стекляныя, у третьего яйцо построфокамилово, кисти шелковыя. Царскія двери съ Евангелисты, писаны по

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 19.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литог. Г. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.
1891.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 19-го Юридической Библіографіи.

И. Я. Фойницкій, Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ, С.-Петербургъ, 1889 г., 503 стр.

Имя И. Я. Фойницкаго, профессора уголовнаго права въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, занимаетъ почетное мѣсто среди русскихъ криминалистовъ. Его капитальные труды: „Мошенничество по русскому праву“ и „Курсъ уголовнаго судопроизводства“, его цѣнная работа „Ссылка на западѣ“ и рядъ талантливыхъ журнальныхъ статей создали ему прочную научную репутацію, авторитетъ выдающагося криминалиста. Значеніе этой репутаціи увеличивается еще тѣмъ, что она въ равной мѣрѣ распространяется на обѣ отрасли данной науки, т. е. какъ на право, такъ и на процессъ, при чемъ одинаковая научная сила сказывается какъ въ спеціальныхъ монографіяхъ, такъ и въ трудахъ общаго систематическаго характера. „Курсъ уголовнаго судопроизводства“, представляющій первую половину обширнаго всесторонняго труда по данному предмету, запечатлѣнъ такимъ же талантомъ, какъ и „Мошенничество по русскому праву“. Знаменательно также и то, что научное творчество И. Я. Фойницкаго не ослабѣваетъ съ годами, какъ случается съ большинствомъ нашихъ ученыхъ; напротивъ, оно представляетъ непрерывную дѣятельность, нисколько не падающую качественно, какъ показываетъ трудъ, лежащій передъ нами.

Появленіе въ свѣтъ работы, посвященной ученію о наказаніи, представляется особенно пріятнымъ; русскіе криминалисты до сихъ поръ занимались по преимуществу ученіемъ о преступленіи, почему во многихъ вопросахъ о наказаніи въ нашей литературѣ замѣчается отсталость сравнительно съ успѣхами науки на Западѣ. Сочиненіе г. Фойницкаго, воспроизведенное по новѣйшимъ трудамъ Запада, стоитъ на уровнѣ современнаго зна-

нія и такимъ образомъ пополняетъ чувствительный пробѣлъ въ нашей наукѣ. По словамъ автора, его сочиненіе сложилось изъ работъ, въ разное время задуманныхъ и выполненныхъ; основанія его, взятыя изъ университетскаго общаго курса уголовнаго права, пополнились работами по спеціальному курсу тюрьмовѣдѣнія и изслѣдованіями въ области института ссылки. Вѣроятно, въ виду такого характера труда авторъ и не сообщилъ ему названія „курса"; дѣйствительно, разсматриваемое сочиненіе, при всей своей солидности, не отвѣчаетъ природѣ „курсовъ". Послѣдніе предполагаютъ не только стройность системы, но и соотвѣтствіе частей, которыя должны быть болѣе или менѣе равномѣрны, такъ-чтобы одна часть не была развита, изложена слишкомъ пространно въ ущербъ другой. Въ „Ученіи же о наказаніи" нѣкоторые отдѣлы изложены кратко, сжато, въ размѣрахъ „Учебника", какъ напр. „Помилованіе", „Отказъ потерпѣвшаго", „Тѣлесныя наказанія", „Имущественныя взысканія", другіе же почти подходятъ къ монографіямъ, какъ напр. „Ссылка" и особенно „Тюремное заключеніе". Правда, эти два послѣдніе вопроса по самому своему содержанію предполагаютъ болѣе широкій объемъ, чѣмъ первые, но это, конечно, не исключаетъ возможности сообщенія извѣстной соразмѣрности частямъ „курса". Недостатокъ этой соразмѣрности въ трудѣ г-на Фойницкаго уменьшаетъ его, такъ сказать, практическое значеніе, какъ руководства для студентовъ, но нисколько не умаляетъ его научнаго достоинства, которое только выиграло отъ пространнаго, обстоятельнаго изложенія тѣхъ именно отдѣловъ ученія о наказаніи, въ которыхъ, главнымъ образомъ, чувствуется отсталость русской науки. Названный выигрышъ тѣмъ больше, что ученіе о ссылкѣ и тюремномъ заключеніи выдѣляется какъ по самостоятельности автора въ обработкѣ вопросовъ, такъ и по новизнѣ данныхъ, особенно цѣнныхъ для исторіи нашего права. Такъ напр., изъ соч. г. Фойницкаго, почерпнувшаго свѣдѣнія въ мало доступныхъ архивахъ, мы узнаемъ, что мысль о необходимости серьезной реформы ссылки, организованной уст. о ссыльныхъ 1822 г., возникла уже въ царствованіе Николая I, при чемъ

однимъ изъ показателей неудовлетворительности ссылки послужилъ огромный $^0/_0$ совершавшихся ссыльными преступленій, побудившій правительство даже допустить смертную казнь для ссыльныхъ посредствомъ негласныхъ рескриптовъ на имя Сибирскихъ генералъ-губернаторовъ (стр. 288—289). Затѣмъ, тамъ же раскрывается вредная для состоянія ссылки роль неспособныхъ къ труду, которыхъ уже въ 1834 году въ одной Западной Сибири насчитывалось до 10,000 человѣкъ; нынѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ они составляютъ до $42^0/_0$ числа ссыльныхъ (стр. 287). Наконецъ, въ сочиненіи г-на Фойницкаго мы почерпаемъ интересныя данныя и что касается исторіи возникновенія арестантскихъ ротъ и ссылки на житье (стр. 289—291), которая, какъ оказывается, введена не уст. о ссыльн. 1822 г., а закономъ 1839 г. (стр. 282, 289—291). Интересъ новизны этихъ свѣдѣній, по нашему мнѣнію, не уничтожается тѣмъ, что они нѣсколько раньше были сообщены авторомъ въ его статьѣ— „Управленіе ссылки" (Сборникъ Госуд. знаній, т. VIII), такъ какъ послѣдняя, какъ помѣщенная въ специальномъ періодическомъ изданіи, очевидно, сдѣлалась извѣстной очень немногимъ.

Не менѣе цѣнно въ тѣхъ же отношеніяхъ и ученіе автора о правѣ наказанія. Сущность этого кореннаго въ уголовномъ правѣ ученія г. Фойницкаго сводится къ слѣдующему. По его основной идеѣ, говоритъ авторъ, наказаніе представляетъ собою принужденіе, проявляющееся въ различныхъ формахъ физическаго и психическаго воздѣйствія на личность учинившаго преступное дѣяніе, причиняющаго или обѣщающаго причинить ему какое либо лишеніе, страданіе. Принужденіе, заключающееся въ наказаніи, слѣдуетъ за учиненіемъ преступнаго дѣянія, представляющаго нарушеніе, отрицаніе того порядка жизни, который установился между людьми, и такимъ образомъ является мѣрой охраненія правопорядка отъ нарушеній его. Необходимость охраненія лежитъ въ существованіи самаго правопорядка, оно примѣняется независимо отъ какихъ либо посторонних цѣлей, оно неизбѣжно слѣдуетъ за преступнымъ посягательствомъ, составляя его необходимый результатъ. Но этимъ необходимость наказанія

и основаніе права на него не устанавливается; охраненіе правопорядка можетъ быть достигнуто или мѣрами объективными, какъ это уже и практикуется въ гражданскомъ правѣ, или мѣрами субъективными, мѣрами личнаго воздѣйствія, какъ это имѣетъ мѣсто въ уголовномъ правѣ. Требуется, слѣдовательно, доказать необходимость сихъ послѣднихъ мѣръ. Для этого достаточно выяснить себѣ природу субъекта и объекта карательнаго отношенія и цѣлей, преслѣдуемыхъ наказаніемъ. Такимъ образомъ, вопросъ о правѣ наказанія распадается на вопросы о субъектѣ и объектѣ его; съ первымъ связанъ вопросъ объ основахъ права наказанія, съ вторымъ—вопросъ о цѣляхъ и свойствахъ наказанія (стр. 2—4).

Въ современномъ правовомъ строѣ, въ которомъ надъ всѣми общественными кружками возвышается и господствуетъ государственная власть, объединившая ихъ прежнюю власть наказанія въ своихъ рукахъ, право послѣдняго принадлежитъ единственно и исключительно государству, какъ его субъекту. Но это право есть вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность государства, отъ осуществленія которой оно не можетъ воздерживаться; это—обязанность предъ частными лицами, потерпѣвшими отъ преступленія, и передъ всѣмъ обществомъ (стр. 8). Основы права наказанія коренятся въ потребностяхъ человѣка, какъ особи и какъ члена общежитія; потребности эти могутъ быть сведены къ тремъ категоріямъ: 1) матеріальнаго существованія, 2) чувственныя или сенсуальныя и 3) интелектуальныя. Первыя вызываютъ реакцію, отпоръ противъ всего того, что вредитъ матеріальному существованію личности и государства; вторыя, руководимыя указаніями совѣсти, сообщаютъ названной реакціи характеръ нравственной необходимости, третьи, какъ вытекающія изъ свойства человѣческаго ума сравнивать и уравнивать встрѣчающіяся явленія, выдвигаютъ требованіе о соотвѣтствіи между вредомъ и репрессіею. Всѣ эти потребности, вмѣстѣ взятыя, и составляютъ искомое основаніе, дѣйствительный источникъ наказанія. Но этимъ еще не разрѣшается вопросъ, почему послѣднее должно носить личный характеръ, обращаясь къ причиненію страданія нака-

зываемому. Этотъ вопросъ выясняется природой предмета наказанія (стр. 9—24). Наказаніе обусловливается преступнымъ дѣяніемъ и примѣняется къ преступнику, который, такимъ образомъ, есть предметъ карательнаго отношенія; но самое понятіе преступнаго дѣянія имѣетъ двѣ стороны; оно, во-первыхъ, есть нарушеніе блага, одного изъ жизненныхъ условій правопорядка, оно, во-вторыхъ, есть личный актъ, дѣяніе вмѣняемое, могущее быть отнесеннымъ на счетъ учинившей его личности. Первый моментъ—объективный, представляя огромную важность, какъ указаніе предѣловъ карательной дѣятельности, не доказываетъ однако необходимости наказанія какъ потому, что наказаніе не возстановляетъ нарушеннаго блага, такъ и потому, что оно назначается послѣ нарушенія, не предупреждая таковаго (стр. 27—29).

Необходимость наказанія, какъ мѣры личнаго воздѣйствія, такимъ образомъ, доказывается вторымъ моментомъ—субъективнымъ или, говоря иначе, личными условіями преступленій. И дѣйствительно, въ ряду причинъ или условій преступной дѣятельности, которыхъ можно различать три группы: a) условія космическія--почва, климатъ, раса, предметы питанія, полъ, возрастъ, b) условія общественныя—какъ напр.—цѣны съѣсныхъ припасовъ, общественныя бѣдствія, система правленія, величина налоговъ, состояніе путей сообщенія, торговли и т. д. и c) условія личныя, заключающіяся въ особомъ складѣ волевой дѣятельности человѣка,--послѣднія играютъ довольно видную роль. Наглядныя доказательства вліянія на преступленія личныхъ условій можно видѣть, напр. въ томъ, что при повышеніи цѣнъ на съѣстные припасы цифра имущественныхъ преступленій повышается не сразу, а по истеченіи нѣкотораго промежутка времени или же въ томъ, что изъ личныхъ преступленій, управляемыхъ закономъ жаркихъ мѣсяцевъ, болѣе тяжкія выпадаютъ на болѣе поздніе мѣсяцы и наоборотъ; въ обоихъ этихъ случаяхъ задерживающею силою можетъ быть только волевая дѣятельность человѣка, его способность къ выбору, его внутренній отпоръ неблагопріятнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Вотъ эти

то личныя условія преступленій и образуютъ такъ наз. *состояніе преступности*, которое и есть предметъ наказанія. Послѣднее, какъ вызываемое личной причиной, очевидно должно носить и личный характеръ, при чемъ специальная природа его при практическомъ примѣненіи, подсказываемая началомъ цѣлесообразности, должна сообразоваться съ особенностями такихъ личныхъ причинъ или состояній. Уголовно-позитивныя изслѣдованія показываютъ, что эти особенности сводятся частью къ *состояніямъ волевой способности*, зависящимъ отъ вліянія на нее страстей, отъ слабости ея энергіи или апатіи или же отъ ложныхъ данныхъ, лежащихъ въ ея основѣ, частью къ *привычкамъ*, сложившимъ характеръ виновнаго и вліяющимъ на волевую способность, на развитіе наклонности къ преступленію. Различіе въ факторахъ преступленій вызываетъ и различіе въ типахъ преступниковъ, которыхъ можно свести къ тремъ: 1) лица порочной организаціи, какъ прирожденной, такъ и благопріобрѣтенной, 2) случайные, совершающіе преступленія подъ вліяніемъ страсти, увлеченія, неосмотрительности и т. п. и 3) преступники привычки или профессіональные. Сообразно такому различію въ природѣ преступниковъ, наказаніе, сохраняя свою общую черту — принужденіе, при практическомъ своемъ примѣненіи, всегда стремящемся къ достиженію пользы, разнообразится въ своихъ видовыхъ чертахъ: въ первомъ случаѣ оно задается ближайшимъ образомъ цѣлью безопасности, прибѣгая къ физическому захвату личности, пока не устранится ея опасность для общества, во второмъ случаѣ, по отношенію къ преступникамъ случайнымъ, не нуждающимся въ исправленіи, оно задается цѣлью устрашенія, въ третьемъ—исправленія. Но эти различныя цѣли не раздѣляются механически: всѣ онѣ только въ большей или меньшей степени существуютъ въ каждомъ наказаніи (стр. 40 — 66).

Мы изложили сущность интереснаго ученія г. Фойницкаго о правѣ наказанія; переходя теперь къ его оцѣнкѣ, прежде всего замѣтимъ, что опредѣленіе природы наказанія, какъ принужденія, не имѣетъ исчерпывающаго значенія. По словамъ са-

маго автора, карательное принужденіе можетъ быть или *непосредственное*, заключающееся въ физическомъ воздѣйствіи на личность преступника, или *посредственное*—психическое или духовное принужденіе, создающее для личности мотивы дѣятельности, которымъ она вольна слѣдовать или неслѣдовать; къ такому психическому принужденію относится угроза наказаніемъ, но оно въ весьма значительной степени заключается, при современномъ состояніи наказанія, и въ исполненіи послѣдняго, направляющемся также къ прививкѣ личности полезныхъ для общежитія мотивовъ (стр. 49—50). Итакъ, понятіе принужденія у г. Фойницкаго, какъ и у Листа (Lehrbuch, 1888 года, стр. 25), распадается на два: принужденіе въ тѣсномъ смыслѣ или непосредственное и принужденіе въ широкомъ смыслѣ или посредственное, куда относится какъ угроза наказаніемъ, такъ и психическое или духовное воздѣйствіе на личность при исполненіи наказанія. Не трудно видѣть, что понятіе „принужденія" не соотвѣтствуетъ этому послѣднему значенію наказанія. Если въ наказаніи скрывается и чисто духовная сторона, психическое воздѣйствіе на личность, расчитанное на ея добрую волю, то понятно, что здѣсь скорѣе можно говорить о порицаніи или осужденіи, а не о принужденіи. Не желая признать въ наказаніи этого момента и стремясь непремѣнно природу его свести къ принужденію, авторъ доказываетъ многократно, что порицаніе принадлежитъ къ области нравственности, принужденіе къ области права, порицаніе исходитъ отъ общества, наказаніе—отъ государства, понятіе порицанія довольствуется одною стороною—порицающею безъотносительно къ судьбѣ лица, поступокъ котораго порицается, понятіе же наказанія, какъ отношенія правоваго, включаетъ въ себѣ обѣ стороны, предполагая государство, его примѣняющее, и личность, ему подпавшую (стр. 16, 25, 50). Но несостоятельность этихъ доводовъ г. Фойницкаго лучше всего подтверждается его самопротиворѣчіемъ; элементъ порицанія, говоритъ онъ, входитъ въ каждое наказаніе, насколько назначеніемъ его государство и общество осуждаютъ преступный поступокъ; правда, по его словамъ,

всякое наказаніе идетъ дальше простаго порицанія, тѣмъ не менѣе оказывается, что простой выговоръ остается еще въ системѣ наказаній, примѣняясь чаще всего къ такимъ лицамъ, для которыхъ онъ самъ по себѣ представляется лишеніемъ чувствительнымъ, именно къ несовершеннолѣтнимъ (стр. 50). Такимъ образомъ, по признанію самого автора, порицаніе, во 1-хъ, присуще каждому наказанію, во 2-хъ, въ ряду наказаній есть и такія, какъ напр. выговоръ, въ которыя одинъ только этотъ элементъ и входитъ. Напрасно, авторъ для подкрѣпленія своихъ доводовъ какъ бы хочетъ сказать, что выговоръ занимаетъ мѣсто въ ряду наказаній лишь въ видѣ наслѣдія прошлаго; напротивъ, если успѣхи культуры несомнѣнны, то есть полное основаніе думать, что со временемъ, при болѣе высокомъ этическомъ уровнѣ общества, наказанія, ограничивающіяся однимъ порицаніемъ или осужденіемъ, пріобрѣтутъ болѣе широкое значеніе. Вмѣстѣ съ расширеніемъ круга лицъ, для которыхъ выговоръ самъ по себѣ будетъ представлять чувствительное лишеніе, послѣдній, очевидно, долженъ пріобрѣсть и большій объемъ примѣненія. Тогда онъ будетъ играть видную роль не только какъ дисциплинарная мѣра, что́ можно видѣть и теперь, но и какъ мѣра общаго характера; не даромъ же нашъ уст. о наказ. выговоры, замѣчанія и внушенія ставитъ на ряду съ другими наказаніями такого характера (ст. 1-я). Не даромъ также, по свидѣтельству самаго автора, Римскій тюремный конгрессъ въ числѣ наказаній, способныхъ замѣнить краткосрочное заключеніе, представляющее важные недостатки, рекомендовалъ выговоры (стр. 70).

Невѣрно также замѣчаніе автора, что порицаніе довольствуется одною стороною порицающею безотносительно къ судьбѣ порицаемыхъ; мы видимъ, что порицаніе не остается безъ вліянія на судьбу послѣднихъ не только тогда, когда исходитъ отъ органовъ церкви, обращающихся къ своей паствѣ, но и тогда, когда оно является выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Въ обоихъ этихъ случаяхъ между обществомъ, откуда исходитъ порицаніе, и данною личностью устанавливается обыкновенно извѣстное отношеніе, которое далеко не остается безъ вліянія на

ея судьбу, отражаясь иногда весьма чувствительно и даже трагически на нравственномъ состояніи порицаемаго, на его здоровьи, дѣятельности и средствахъ жизни. Шаткость оспариваемаго замѣчанія автора видна также изъ самопротиворѣчія: „Кромѣ принужденія карательнаго, говоритъ онъ, въ распоряженіи общежитія для охраненія правопорядка имѣются иные виды *личнаго* принужденія, ограничивающагося причиненіемъ личности страданія или лишенія въ меньшей степени; сюда принадлежатъ частью предпринимаемыя государствомъ, каковы мѣры гражданскаго принужденія, частью находящіяся въ распоряженіи общества, каковы напр. выраженныя во внѣ послѣдствія общественнаго порицанія" (стр. 52). Въ этихъ строкахъ г. Фойницкій признаетъ, что порицаніе, исходящее отъ общества, есть ничто иное, какъ видъ личнаго принужденія, причиняющій страданія или лишенія тому, противъ кого оно направляется, откуда слѣдуетъ, во 1-хъ, что принужденіе, вопреки прежнимъ словамъ автора, принадлежитъ не только къ области права, но и морали, во 2-хъ, что порицаніе вліяетъ несомнѣнно на судьбу порицаемаго. Очевидное противорѣчіе, въ которое впадаетъ авторомъ, объясняется, думается намъ, тѣмъ, что онъ непомѣрно расширилъ понятіе „принужденія", распространивъ его и на такую сторону наказанія, въ которой преобладаетъ духовный, моральный моментъ, ближе всего отвѣчающій понятію „порицанія". И въ самомъ дѣлѣ, сдерживающая сила угрозы наказаніемъ, т. е. вліяніе ея на воздержаніе отъ преступленія, по признанію самаго г. Фойницкаго, есть духовная, т. е. нравственная; еще Монтескье справедливо замѣтилъ, что сильнѣйшій мотивъ, удерживающій отъ преступленій, есть стыдъ и страхъ порицанія, а Беккарія добавилъ, что этотъ мотивъ создается народнымъ просвѣщеніемъ, которое есть лучшее средство предупрежденія преступленій. Эта вліятельная сила угрозы, конечно, почти не распространяется ни лицъ глубоко-испорченныхъ, особенно на преступниковъ привычки, но она сохраняетъ полное свое значеніе, что касается преступниковъ случайныхъ и вообще всѣхъ гражданъ, не чуждыхъ началъ нравственности, которые, однако,

нерѣдко попадаютъ въ условія, благопріятныя преступленію. Такъ какъ кругъ лицъ этой послѣдней категоріи куда шире круга лицъ первой категоріи, то и сфера моральнаго вліянія порицанія, заключающагося въ угрозѣ наказаніемъ, самая обширная. По словамъ самаго автора, порядокъ общежитія далеко не исключительно держится на карательномъ принужденіи, послѣднее оказывается нужнымъ лишь для немногихъ, большинство опредѣляется къ полезной для общежитія дѣятельности помимо принужденія (стр. 50). Такимъ образомъ, въ наказаніи необходимо видѣть не только элементъ принужденія, но и порицанія; первый, главнымъ образомъ, выступаетъ въ физическомъ воздѣйствіи на личность, проявляющемся въ актѣ исполненія наказанія. второй же—въ сдерживающемъ духовномъ вліяніи, оказываемомъ на громадное большинство гражданъ угрозою наказанія; затѣмъ, этотъ послѣдній моментъ выступаетъ также и при исполненіи наказанія, чаще всего соединяясь съ первымъ моментомъ (тюремное воспитаніе), а иногда и исчерпывая собою все содержаніе наказанія (выговоръ, замѣчаніе). Нѣтъ сомнѣнія, что правильная тюремная дѣятельность не можетъ опираться на одно принужденіе; здѣсь на первый планъ должно быть выдвинуто нравственное воздѣйствіе, въ числѣ средствъ котораго, конечно, не послѣднее мѣсто займетъ порицаніе или осужденіе всего того, что несовмѣстно съ добропорядочнымъ поведеніемъ. Такое порицаніе или осужденіе будетъ ничѣмъ инымъ, какъ отрицательнымъ способомъ прививки личности, внѣдренія въ нее мотивовъ, полезныхъ для общежитія. Приведенное опредѣленіе природы наказанія, представляющееся намъ наиболѣе правильнымъ, пожалуй, вызоветъ упрекъ въ эклектизмѣ; но ссылка на эклектизмъ, по нашему мнѣнію, не можетъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ вся задача сводится къ болѣе широкому выясненію природы явленія, стремящемуся къ исключенію односторонности, къ исключенію натянутыхъ обобщеній. Менѣе всего названный упрекъ можетъ исходить отъ нашего автора; послѣдній самъ во многихъ случаяхъ, напр. при рѣшеніи такихъ вопросовъ—какъ основаніе наказанія и его цѣль, не колеблется соединить нѣсколько

началъ (стр. 24, 65—66), осуждая попытку большинства философовъ и ученыхъ свести все построеніе къ одному основанію и осуждая совершенно справедливо тамъ, гдѣ данное явленіе или институтъ покоится на нѣсколькихъ началахъ или преслѣдуетъ одновременно нѣсколько задачъ.

Вслѣдъ за опредѣленіемъ природы наказанія авторъ предлагаетъ рѣшеніе вопроса объ основаніи права наказанія. Это рѣшеніе также страдаетъ, по нашему мнѣнію, внутренней шаткостью. И въ самомъ дѣлѣ, г. Фойницкій, самъ того не замѣчая, указываетъ два основанія права наказанія: во 1-хъ, необходимость охраны правопорядка отъ нарушеній (стр. 3), во 2-хъ, потребности человѣка, какъ особи и члена общежитія, названныхъ трехъ категорій (9, 24). Первое изъ нихъ, согласно его собственному ученію, можно бы назвать ближайшимъ, второе—отдаленнымъ (стр. 8—9), однако авторъ только за вторымъ признаетъ значеніе основы наказанія, относительно же перваго прямо говоритъ, что имъ необходимость наказанія и основанія права на него не устанавливается, ибо изъ необходимости охраненія порядка вытекаетъ лишь необходимость мѣръ объективныхъ, а не мѣръ личнаго воздѣйствія или субъективныхъ. Это послѣднее свое замѣчаніе г. Фойницкій подкрѣпляетъ ссылкой на то, что въ гражданскомъ правѣ, вмѣсто прежнихъ мѣръ личнаго воздѣйствія, теперь господствуютъ исключительно объективныя мѣры (стр. 3—4). Но этотъ доводъ мало убѣдителенъ: изъ того, что въ гражданскомъ правѣ господствуютъ объективныя мѣры охраны, еще не слѣдуетъ исключительная необходимость лишь этихъ мѣръ для охраненія правопорядка. Самъ авторъ заявляетъ, что въ прежнія эпохи почти вся область гражданскаго права охранялась мѣрами личнаго воздѣйствія (стр. 4), т. е. правопорядокъ и въ этой области нарушеній поддерживался субъективными мѣрами, затѣмъ, онъ же, въ противорѣчіе съ самимъ собой, признаетъ, что и въ современномъ гражданскомъ правѣ многія мѣры запечатлѣны личнымъ характеромъ, представляясь видомъ личнаго принужденія, ограничивающагося причиненіемъ личности страданій или лишеній

въ меньшей степени (стр. 52). И дѣйствительно, трудно признать исключительно объективный характеръ гражданскихъ мѣръ взысканія; падая на имущество, послѣднія, какъ и имущественныя наказанія, отражаются и на личности, причиняя ей нерѣдко весьма серьезныя и тяжелыя лишенія, страданія. Такимъ образомъ, необходимость ограниченія охраны правопорядка лишь объективными мѣрами ничѣмъ не доказана, а если такъ, то все дальнѣйшее разсужденіе г. Фойницкаго о наказаніи, какъ мѣрѣ личнаго воздѣйствія, имѣетъ своей задачей опредѣленіе лишь предмета наказанія, а не его основанія; послѣднее установлено авторомъ вмѣстѣ съ признаніемъ наказанія необходимой мѣрой охраны правопорядка отъ нарушеній, охраны, настоятельность которой лежитъ въ существованіи самаго правопорядка (стр. 3). Любопытно, что указывая далѣе на потребности человѣка, какъ на дѣйствительный источникъ наказанія, и присоединяя сюда вопросъ о личномъ характерѣ уголовной репрессіи, г. Фойницкій это послѣднее дѣлаетъ не въ видахъ обоснованія наказанія, а для выясненія его предмета (стр. 24). Логическая послѣдовательность требовала такого же соотношенія ученій и въ первомъ случаѣ; подобое построеніе было бы тѣмъ естественнѣе, что авторъ въ другомъ мѣстѣ прямо высказываетъ взглядъ, сводящій основу наказанія къ интересамъ общежитія, къ условіямъ правопорядка. „Будучи творцемъ психическаго принужденія, Фейербахъ, говоритъ онъ, имѣетъ въ тоже время крупное значеніе какъ представитель государственности наказанія; онъ указывалъ, что послѣднее есть не моральное возмездіе, а мѣра гражданская, вызванная практическими потребностями общежитія и основанная на положительномъ законѣ, которому подчиненъ судья; поэтому теорія Фейербаха называется также теоріею положительнаго закона“ (см. прим. на стр. 58) [1]).

---

[1]) Въ такомъ именно смыслѣ принимаетъ ученіе автора и профессоръ Таганцевъ, который въ указаніи послѣдняго на условія общежитія уже видитъ рѣшеніе вопроса объ основѣ наказанія, а потому и не прибавляетъ сюда разсужденія автора о личномъ характерѣ уголовной репрессіи (Лекціи по рус. уголов. праву, вып. III, стр. 1123—1124).

Нельзя также признать правильнымъ и взглядъ автора на предметъ наказанія, какъ на „личное состояніе преступности“; этотъ взглядъ также односторонен, какъ и противоположный, который ограничиваетъ предметъ наказанія преступнымъ дѣяніемъ, совершенно исключая личность его виновника. Источникомъ карательной дѣятельности, конечно, является преступное дѣяніе, а не „состояніе преступности“; она возникаетъ не раньше совершенія преступнаго дѣянія, по его поводу. Какъ бы лицо не было испорчено и сколько бы оно не причинило вреда интересамъ общежитія, оно остается безъ наказанія, пока его вредное поведеніе не проявится въ уголовно-запрещенномъ дѣяніи. Поэтому многія лица, болѣе преступно настроенныя и приносящія гораздо большій вредъ общежитію, чѣмъ иные преступники, избѣгаютъ уголовнаго преслѣдованія и кары только потому, что не попадаются въ уголовно-запрещенныхъ дѣяніяхъ. Если бы предметомъ карательной дѣятельности было бы „личное состояніе преступности“, то послѣдняя должна бы была распространяться и на такихъ субъектовъ; а между тѣмъ мы этого не видимъ. Съ другой стороны, съ принятіемъ взгляда автора, карательная дѣятельность стала бы на весьма шаткую почву при опредѣленіи мѣры наказанія. И въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя должна была бы, вопреки мнѣнію г. Фойницкаго, сообразоваться не съ преступнымъ дѣяніемъ, а со степенью испорченности субъекта, съ глубиной его преступнаго состоянія, правильное опредѣленіе которыхъ не только для судьи, видящаго преступника лишь нѣсколько часовъ, но и для тюремнаго администратора, хотя бы это былъ ученый и опытный психологъ, при современномъ состояніи науки психологіи совершенно недостижимо. Мы сказали—вопреки мнѣнію г. Фойницкаго—потому, что онъ именно указываетъ на преступное дѣяніе, какъ на предѣлъ карательной дѣятельности, т. е. какъ на мѣру наказанія (стр. 28, 51, ср. 16). Логическая непослѣдовательность автора, лучше всего опровергающая его ученіе, краснорѣчиво подтверждается и его послѣднимъ трудомъ „Преступленія личныя и имущественныя“; здѣсь г-нъ Фойницкій, излагая эти преступленія, предлагаетъ

намъ исключительно ученіе о преступномъ дѣяніи, а не о личныхъ условіяхъ или состояніяхъ преступности, вызывающихъ названныя преступленія [1]).

Приведенное общее построеніе ученія г. Фойницкаго объ основаніи и цѣли наказанія вызываетъ еще два возраженія, главнымъ образомъ, со стороны точности разграниченія понятій. Классифицируя типы преступниковъ, нашъ авторъ, какъ мы видѣли, различаетъ три категоріи послѣднихъ: 1) лица порочной организаціи, какъ прирожденной, такъ и благопріобрѣтенной, 2) преступники случайные и 3) преступники привычки, которыхъ онъ дѣлитъ на исправимыхъ и неисправимыхъ (стр. 47—48). Эта классификація не совпадаетъ съ той, которую авторъ называетъ далѣе (стр. 65—66); здѣсь онъ также различаетъ три категоріи преступниковъ, но подъ именемъ неисправимыхъ разумѣетъ лицъ, не отвѣчающихъ задачамъ исправленія, какъ третьяго типа, такъ и перваго, рекомендуя по отношенію ко всѣмъ таковымъ преступникамъ примѣненія наказанія, проникнутаго ближайшимъ образомъ цѣлью безопасности. Послѣднее положеніе автора находится въ прямомъ противорѣчіи съ ранѣе высказаннымъ имъ взглядомъ, требующимъ исключенія наказанія по отношенію къ преступникамъ первой категоріи (стр. 46). Такимъ образомъ, г. Фойницкій не выдерживаетъ разъ принятой терминологіи и вноситъ въ свое ученіе неточность, путаницу; эта путаница усугубляется еще и тѣмъ, что къ преступникамъ перваго типа благопріобрѣтенной порочной организаціи, исключающей вмѣняемость, онъ относитъ не только тѣхъ, у коихъ этотъ порокъ созданъ болѣзнями, но и тѣхъ, у коихъ онъ созданъ развратной жизнью, т. е. моральными причинами (стр. 46). Но моральныя причины вообще говоря едва ли могутъ быть отнесены къ факторамъ органической порочности, исключающей способность къ вмѣненію; скорѣе всего, они являются факторами духовной порочности, создающей про-

---

[1]) Указаніе на самопротиворѣчіе автора по данному вопросу см. также и у г. Таганцева (Лекціи, III, стр. 1203).

фессіональныхъ преступниковъ или преступниковъ привычки, вообще признаваемыхъ способными ко вмѣненію. Поэтому, о развратной жизни, какъ о факторѣ, рождающемъ и преступниковъ перваго типа, лучше всего, думается намъ, было бы не говорить.

Опредѣляя затѣмъ исправленіе, какъ одну изъ цѣлей наказанія, г. Фойницкій понимаетъ его въ смыслѣ юридическаго, соціальнаго перевоспитанія, отвергая теорію исправленія, какъ религіозно-нравственнаго перерожденія наказываемаго (стр. 60—61). Едва ли такое опредѣленіе „исправленія" можно признать правильнымъ; соціальное перевоспитаніе не есть что либо противоположное религіозно-нравственному, какъ это хочетъ доказать авторъ. Первое, предполагающее превращеніе негоднаго члена общежитія въ годнаго, полезнаго для общежитія, невозможно безъ второго; исправленіе, понимаемое въ смыслѣ приспособленія къ *честной жизни* (стр. 61), требуетъ привитія преступнику извѣстнаго строя нравственныхъ началъ, насажденія въ его душѣ послѣднихъ, какъ мотивовъ, полезныхъ для общежитія. Никакая сколько нибудь цѣлесообразная тюремная дѣятельность невозможна безъ такого нравственнаго воздѣйствія и, какъ извѣстно, всѣ пенитенціарныя системы ставятъ религіозно-нравственное воспитаніе, какъ одну изъ своихъ коренныхъ задачъ. Эту мысль въ другомъ мѣстѣ выражаетъ самъ авторъ, но онъ думаетъ устранить возникающее противорѣчіе замѣчаніемъ, что ознакомленіе съ нравственными началами существенно отличается отъ нравственнаго воспитанія, которое стремится къ тому, чтобы арестантъ опредѣлялъ свою дѣятельность этими началами (стр. 384—385). Несостоятельность приведеннаго замѣчанія лучше всего доказывается собственными же разсужденіями автора, въ которыхъ онъ требуетъ не одного только ознакомленія съ нравственными принципами, но „ревностныхъ заботъ о нравственномъ образованіи", которое, между прочимъ, способно было бы противодѣйствовать дурному, иногда вредному для общежитія, направленію умственнаго образованія (тамъ-же). Правильнѣе, такимъ образомъ, понимать исправленіе въ смыслѣ нравственно-соціальнаго

перевоспитанія, а не въ смыслѣ только соціальнаго или нравственнаго.

Въ изложеніи наказанія въ историческомъ его развитіи наше вниманіе останавливаютъ слѣдующія мѣста. Кровная месть, по мысли г. Фойницкаго, не была наказаніемъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. реакціей непосредственно противъ преступника; это была лишь война между родами, при которой съ преступникомъ обходились какъ съ непріятелемъ, какъ съ врагомъ, принося его въ жертву, обращая въ рабство и т. д. Нарушенія въ предѣлахъ одного и того же общественнаго кружка представлялись маловѣроятными, но если и происходили, то разрѣшались въ порядкѣ дисциплинарномъ, властью отеческою или начальническою (стр. 62 и слѣд.). Мы не можемъ согласиться съ приведеннымъ взглядомъ автора. Исторія русскаго права показываетъ намъ, что месть была не только войной между родами или общинами, но и личной реакціей со стороны потерпѣвшаго; такъ, за личное оскорбленіе и побои полагалась месть личная: „иже ли себѣ не можетъ мстити, то взяти ему за обиду 3 гривны“ (Русск. Правда, Акад. списокъ, ст. 2) [1]. Затѣмъ, едва ли вѣрны предположенія, что нарушенія въ предѣлахъ одного и того же общественнаго кружка представлялись мало вѣроятными, а если и происходили, то разрѣшались въ порядкѣ дисциплинарномъ. Первое опровергается дальнѣйшимъ заявленіемъ самаго автора, что опасность каждой отдѣльной личности для общежитія въ періодъ кровной мести была наибольшая (стр. 63); если огромна была опасность особи для чужихъ родовъ, то непонятно, почему эта опасность совершенно исчезала въ предѣлахъ одного и того же рода, который могъ быть довольно многочисленнымъ. Что же касается втораго предположенія, то оно еще допустимо при отождествленіи общественнаго кружка съ семьей; но едва ли всѣ преступленія въ предѣлахъ родовъ или общинъ разрѣшались единоличной отеческой или начальнической властью; скорѣе можно думать, что

---

[1]) См. также Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русск. права, вып. II, стр. 22.

нѣкоторые изъ нихъ въ ту эпоху, о которой говоритъ авторъ, а именно въ эпоху общественнаго уклада вѣдались судомъ рода или общины, который дѣйствительно уже встрѣчается въ это время; такъ, въ періодъ Русской Правды община по нѣкоторымъ преступленіямъ обсуждаетъ уголовные иски (Карам. списокъ, ст. 4 и 5) [1]). Не можемъ также согласиться съ заявленіемъ автора, что наказаніе заключеніемъ совершенно неизвѣстно ни древне-германскому, ни древне-русскому праву (стр. 74, 79, 314) и что этому послѣднему неизвѣстно также тѣлесное наказаніе, которое у насъ насаждается лишь татарскимъ вліяніемъ (стр. 79). Это мнѣніе, весьма распространенное въ литературѣ, едва ли не объясняется недостаточнымъ историческимъ изслѣдованіемъ данныхъ вопросовъ или, по крайней мѣрѣ, скудостью сюда относящихся источниковъ. Справедливо, конечно, что наказаніе заключеніемъ не было распространено въ древне-германскомъ правѣ, въ которомъ господствовали главнымъ образомъ денежныя пени, а затѣмъ тѣлесныя кары, смертная казнь и лишеніе мира; но трудно допустить, чтобы оно совершенно не практиковалось. Въ средніе вѣка въ Германіи, какъ замѣчаетъ Гуго Мейеръ, не было недостатка въ башняхъ, въ срубахъ, въ цѣпяхъ и т. д. (Thurm, Blockhaus, Eisen) для исполненія нетяжкихъ наказаній [2]); точно также и въ нашемъ древнемъ правѣ нерѣдко встрѣчаются „погреба", „порубы или срубы", какъ названія мѣстъ заключенія [3]). Правда, г. Фойницкій полагаетъ, что эти послѣдніе были не наказаніемъ въ собственномъ смыслѣ, а лишь мѣрой предварительнаго или гражданскаго заключенія (стр. 314), но его мнѣніе опирается лишь на то, что въ тѣхъ двухъ памятникахъ, которые онъ цитируетъ, „погребъ" дѣйствительно упоминается въ указываемомъ имъ значеніи. Поэтому оно намъ не представляется убѣдительнымъ тѣмъ болѣе, что, во 1-хъ, въ на-

[1]) См. также В.-Будановъ, тамъ-же, стр. 251.

[2]) Lehrbuch, 1888 г., стр. 95, прим. 33.

[3]) См. Фойницкій. разбир. соч., стр. 314; Сергѣевскій, Наказаніе въ русскомъ правѣ 17 в., стр. 173 и слѣд.

мятникахъ разсматриваемой эпохи есть указаніе на практику заключенія, какъ наказанія въ собственномъ смыслѣ (см. В.-Будановъ, ib., стр. 25), а во вторыхъ, что авторъ впадаетъ въ самопротиворѣчіе: говоря о тѣхъ формахъ, въ которыя переходило личное наказаніе времени Русской Правды—потокъ, г. Фойницкій, между прочимъ, называетъ и заключеніе (стр. 79, а также 193). Трудно также допустить, чтобы Россіи въ первую историческую эпоху, весьма низкую въ культурномъ отношеніи, были чужды тѣлесныя наказанія, составляющія необходимую принадлежность данной эпохи у всѣхъ народовъ Запада. Умолчаніе о нихъ нашихъ тогдашнихъ памятниковъ, вѣроятно, объясняется другими причинами, а не тѣмъ, чтобы они не практиковались. Впрочемъ, это умолчаніе не безусловное; въ нѣкоторыхъ спискахъ Русск. Правды вмѣсто словъ „на потокъ" стоитъ „на бой", что́, очевидно, указываетъ на примѣненіе тѣлесныхъ наказаній (см. В.-Будановъ, тамъ-же). Нельзя поэтому принять мнѣнія, которое приписываетъ происхожденіе у насъ тѣлесныхъ наказаній татарскому игу; скорѣе можно думать, что послѣднее только усилило и распространило уже существовавшую практику [1]).

Опредѣляя свойства наказанія, г. Фойницкій дѣлитъ ихъ на болѣе и менѣе существенныя; къ первымъ онъ относитъ справедливость, чувствительность и индивидуальность, ко вторымъ—цѣлесообразность, экономичность и возстановимость (стр. 69). Подъ справедливостью наказанія авторъ разумѣетъ, во первыхъ, дѣлимость его, которая бы давала возможность приспособлять его къ разнымъ степенамъ вины, во вторыхъ,—индивидуальность, дабы кара постигала только виновнаго (стр. 67). Такимъ образомъ, понятіе индивидуальности наказанія уже заключается въ понятіи его справедливости, а потому приведенное противупоставленіе авторомъ этихъ понятій логически непослѣдовательно. Намъ думается, что вмѣсто общаго весьма эластичнаго понятія справедливости, какъ свойства наказанія, цѣлесообразнѣе было бы

---

[1]) См. также В.-Будановъ, тамъ-же, стр. 50.

примѣнить частныя болѣе опредѣленныя понятія—дѣлимости и индивидуальности, и это тѣмъ болѣе, что послѣдовательность требовала включенія въ понятіе справедливости и понятія равенства наказанія, чего однако авторъ не сдѣлалъ. Понятіе равенства наказанія авторъ соподчинилъ понятію чувствительности наказанія (стр. 68), что́, конечно, совершенно неправильно, ибо это отпрыскъ понятія справедливости, требующій самостоятельной квалификаціи, какъ одинъ изъ современныхъ принциповъ уголовнаго права. Да и самое понятіе чувствительности наказанія едва ли употреблено удачно; цѣлесообразность наказанія, состоящая въ возможно полномъ достиженіи государствомъ симъ преслѣдуемыхъ полезныхъ цѣлей, сама собою предполагаетъ и чувствительность или точнѣе вліятельность наказанія, т. е. способность его сдерживать какъ другимъ, такъ и особенно преступника отъ потрясеній правопорядка; наказаніе нечувствительное было бы совершенно безцѣльно.

Въ ученіи объ обстоятельствахъ, опредѣляющихъ наказаніе, г. Фойницкій умалчиваетъ, въ противоположность господствующей классификаціи, о совокупности и повторенія преступленій, признавая болѣе правильнымъ отнесеніе этихъ двухъ вопросовъ къ другому отдѣлу курса уголовнаго права—о преступномъ дѣяніи (стр. 94—96). Къ сожалѣнію, авторъ оставляетъ свой пріемъ безъ достаточной мотивировки; онъ намъ представляется неправильнымъ потому, что совокупность и повтореніе, какъ обстоятельства, опредѣляющія не виновность, а размѣръ наказанія, естественно должны занимать мѣсто въ ученіи о наказаніи, а не о преступленіи. Классификація автора къ тому же страдаетъ и непослѣдовательностію; предлагая довольно подробное ученіе объ обстоятельствахъ, опредѣляющихъ наказаніе, наиболѣе систематично было тутъ же изложить и вопросы о повтореніи и совокупности, и это — тѣмъ болѣе, что авторъ не обошелся безъ общихъ принципіальныхъ замѣчаній о значеніи привычки къ преступной дѣятельности (стр. 95—96). Предлагаемое здѣсь же авторомъ опредѣленіе обстоятельствъ повышающихъ или, какъ онъ оговаривается, квалифицирующихъ наказаніе, какъ такихъ,

которыя вызывають увеличеніе установленнаго закономъ наказанія въ степени или родѣ, расходится съ дальнѣйшимъ его опредѣленіемъ понятія квалифицирующихъ обстоятельствъ, куда онъ относитъ такія повышающія наказанія обстоятельства, которыя предъусматриваются въ особенной части и входятъ въ самый составъ даннаго дѣянія (стр. 96). Неизвѣстно, такимъ образомъ, тожественны ли понятія повышающихъ и квалифицирующихъ обстоятельствъ или не тожественны. Не совсѣмъ точно также устанавливаемое авторомъ понятіе замѣны наказанія, подъ которой онъ разумѣетъ назначеніе судомъ за данное преступное дѣяніе такого наказанія, которое отличается отъ закономъ указаннаго по роду и виду, но одинаково или равно съ нимъ по строгости (стр. 103, 104). Не всегда достижимо равенство наказанія по строгости при замѣнѣ; нерѣдко законодатель и судъ ограничиваются возможнымъ соотвѣтствіемъ между наказаніями, при чемъ нѣкоторый минусъ легко допускается. Такъ напр., у насъ заключеніе въ арестанскихъ отдѣленіяхъ, по недостатку мѣста, можетъ быть замѣнено заключеніемъ въ тюрьмѣ безъ увеличенія срока (улож. ст. 77), чтó далеко не представляетъ равенства наказаній по строгости; еще менѣе, разумѣется, равны по строгости исправительные пріюты для несовершеннолѣтнихъ, назначаемые въ замѣну тюрьмы.

Разсматривая основанія давности, г. Фойницкій разбиваетъ ихъ на двѣ группы: процессуально-политическія и уголовно-юридическія, но это раздѣленіе неудачно, такъ какъ нѣкоторыя изъ основаній одинаково входятъ въ обѣ группы, а именно возможность исправленія лица. Указавъ сначала прямо это послѣднее въ ряду процессуально-политическихъ основаній давности, нашъ авторъ потомъ его же и подъ тѣмъ же № повторяетъ въ ряду уголовно-юридическихъ, говоря о времени, какъ обстоятельствѣ, вліяющемъ на измѣненіе виновнымъ направленія своей воли, т. е. опять-таки объ исправленіи (см. стр. 113, 114). Но что всего любопытнѣе, такъ это то, что авторъ на стран. 115 предлагаетъ тѣже основанія давности, которыя онъ на стран. 113—114 опровергаетъ, а именно онъ называетъ ту же воз-

можность исправленія, считая ее коренной и самой простой основой, а также, между прочимъ, вліяніе на собираніе и закрѣпленіе доказательствъ времени, увеличивающаго опасность судебной ошибки. Правильнѣе было бы, думается намъ, ограничиться критикой лишь тѣхъ основаній, которыхъ авторъ совсѣмъ принять не можетъ.

По поводу смертной казни г. Фойницкій высказывается отрицательно; онъ ее допускаетъ исключительно какъ мѣру крайней необходимости, примѣнимую лишь въ ненормальныя эпохи государственной жизни, когда государство подвергается опасности во время войны и вступаетъ въ критическій фазисъ своего существованія (стр. 153). Съ этимъ общимъ положеніемъ не совсѣмъ вяжется имплиситное допущеніе авторомъ смертной казни, когда политическія преступленія носятъ характеръ династическихъ посягательствъ противъ власти; при этомъ условіи, по его мнѣнію, названныя посягательства концентрируются около извѣстной личности, а пока она существуетъ, остается и опасность для государства и мѣры болѣе легкія, чѣмъ смертная казнь, недостаточны (стр. 150). Этотъ взглядъ, высказываемый вслѣдъ за Гизо, едва ли правиленъ; если смертная казнь вообще можетъ быть допущена лишь въ критическія эпохи государственной жизни, то и случай династическаго посягательства можетъ быть сюда отнесены лишь при этомъ условіи. Поэтому коль скоро таковое посягательство не повергаетъ государство въ критическое состояніе, смертная казнь не можетъ быть признана умѣстной, и напрасно полагаетъ авторъ, что другія мѣры, кромѣ смертной казни, въ это время недостаточны; напротивъ, совершенно достаточно, думается намъ, вѣчнаго или, по крайней мѣрѣ, долгаго заключенія или заточенія; если послѣднее совершенно обезпечено, то имъ также достигаются указываемыя авторомъ цѣли, какъ и смертной казнью, т. е. устраненіе опасности данной личности, около которой концентрировались посягательства, а также распаденіе всей той партіи, во главѣ которой эта личность стояла, особенно когда вмѣстѣ съ нею подвергаются заключенію и главные сообщники. Еще одно замѣчаніе по данному вопросу. Совершенно голословно, го-

воритъ Фойницкій, положеніе, будто смертная казнь самое дешевое наказаніе. Дѣйствительно, эшафотъ, веревка, замѣчаетъ онъ, стоютъ не дорого, но если принять въ расчетъ человѣческую жизнь, которая представляетъ въ высшей степени важную экономическую цѣнность, то окажется, что смертная казнь есть крайне дорогое наказаніе (стр. 152). Тутъ, на нашъ взглядъ, недоразумѣніе; справедливо конечно, что жизнь человѣка есть важная экономическая цѣнность и государство экономически только выигрываетъ, если вмѣсто уничтоженія личности преступника съ выгодою цѣлесообразно обращаетъ его трудъ себѣ на пользу, но, какъ извѣстно, до сихъ поръ расходы на наказаніе далеко превышаютъ доходы отъ него, да и въ будущемъ сомнительно достиженіе обратнаго, такъ какъ исправительныя задачи наказанія заставляютъ сильно ограничивать экономическія выгоды. Поэтому съ точки зрѣнія государственныхъ затратъ на наказаніе, затратъ, вообще говоря, довольно крупныхъ для бюджета, а слѣдовательно, и весьма серьезныхъ для государства, смертная казнь является несомнѣнно, по крайней мѣрѣ теперь, самымъ дешевымъ наказаніемъ.

Слѣдующія ученія о тѣлесныхъ и позорящихъ наказаніяхъ даютъ поводъ къ немногимъ замѣчаніямъ. Весьма тяжелый характеръ работъ, которымъ иногда въ наказаніе подвергались преступники въ раннія періоды культуры, г. Фойницкій объясняетъ стремленіемъ удовлетворить чувство обиды потерпѣвшаго (стр. 154). Это объясненіе весьма одностороннее. Дѣло въ томъ, что если и можно говорить въ эпоху кровной мести или композицій о работахъ, какъ наказаніи, то развѣ о тѣхъ, коимъ подвергались обращенные за преступленіе въ рабство; другія же работы въ это время, какъ мѣра наказанія, совершенно неизвѣстны. Если авторъ имѣлъ въ виду эти работы, то его объясненіе справедливо; но оно невѣрно, если послѣднее распространяется и на принудительныя работы, назначавшіяся для преступниковъ позднѣе—въ эпоху устрашенія; причина тяжести работъ въ это время скрывается, по словамъ самого автора, не въ чемъ другомъ, какъ въ фискальныхъ, эксплуататорскихъ интересахъ государ-

ства, въ стремленіи послѣдняго извлечь отъ того возможно большую выгоду (стр. 64, 308—309). Неправъ также авторъ, утверждая, что позорящія наказанія у насъ возникли путемъ заимствованія ихъ Петромъ изъ Европы (стр. 167, 175); напротивъ, есть полное основаніе думать, что оно самобытное произведеніе нашего народа, существовавшее задолго до Петра. Довольно убѣдительнымъ подтвержденіемъ этой мысли служатъ тѣ разнообразныя позорящія наказанія, которыя до сихъ поръ удержались въ обычномъ правѣ, куда они, очевидно, проникли безъ всякаго заимствованія. Затѣмъ, позорящія наказанія небезъизвѣстны и московскому положительному праву, предписывающему таковыя въ видѣ выдачи головой, опалы, отнятія чести, выговора, отставленія отъ должности и лишенія права иска на судѣ [1]).

Въ разбираемомъ сочиненіи, какъ и въ прежнемъ своемъ трудѣ—„Ссылка на Западѣ", г. Фойницкій остается противникомъ ссылки, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія практической ея осуществимости, но приводитъ и нѣкоторыя новыя доказательства такого взгляда. Эти послѣднія, какъ и прежнія, намъ не представляются убѣдительными [2]). Повсемѣстный опытъ доказалъ, говоритъ авторъ, недостижимость водворенія ссыльныхъ въ странѣ, колонизаціи ими послѣдней, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Бентамъ, невозможно создать общество изъ такихъ противообщественныхъ элементовъ, какъ преступники. Для достиженія этой задачи ссылка вездѣ имѣли тенденцію, во 1-хъ, къ пожизненности, а какъ наказаніе пожизненное даже при несомнѣнномъ исправленіи осужденнаго ссылка противорѣчитъ цѣлямъ исправленія, во 2-хъ—къ примѣненію въ обширномъ объемѣ лишенія правъ; поддерживая же институтъ лишенія правъ, ссылка закрѣпляетъ существованіе въ государствѣ особаго класса *безправыхъ людей:* ссылка американская вполнѣ превратилась

---

[1]) См. Сергѣевскій. тамъ-же. стр. 279—287; В.-Будановъ, тамъ-же, стр. 51.

[2]) См. Леонтовскій, Къ вопросу о ссылкѣ, Юридич. Вѣстн., 1881 г., т. VII.

въ работорговлю; элементъ штрафнаго батрачества передъ государствомъ или даже предъ частными лицами существовалъ и во всѣхъ иныхъ мѣстахъ ссылки въ болѣе или менѣе явной степени (стр. 304—305). Напротивъ, опытъ Австраліи и Сибири достаточно доказалъ возможность колонизаціи незаселенныхъ странъ ссыльными преступниками, изъ коихъ образовалось ядро населенія, главный его контингентъ. Противоположное мнѣніе автора противорѣчитъ его же собственной характеристикѣ австралійской ссылки, о которой онъ говоритъ такъ: „блестящіе и быстрые результаты, достигнутые въ этой части свѣта, сообщаютъ страницамъ австралійской ссылки высокое значеніе" (стр. 205, см. также стр. 210). Оно же расходится и съ его характеристикой русской ссылки: „выходя за предѣлы задачъ карательныхъ, говоритъ онъ, ссылка у насъ нерѣдко ставила себѣ болѣе широкія задачи внутренней и даже внѣшней политики, становясь средствомъ *занятія чуждыхъ мѣстностей, мѣрою заселенія* и усмиренія вновь присоединившихся къ государству областей и мѣрою текущаго управленія" (стр. 260). „Задачи московской ссылки, замѣчаетъ далѣе авторъ, были весьма разнообразны, но правительство преслѣдовало ихъ съ похвальной осторожностью и съ значительными успѣхами" (стр. 266). Эти успѣхи, дѣйствительно, настолько были значительны, что едва ли преувеличиваетъ г. Сергѣевскій, замѣчая, что Сибирь завоевана, населена и культивирована преступниками; можно сказать, что въ теченіи XVII вѣка она и управлялась почти исключительно ссыльными [1]). Правда, г. Фойницкій намъ можетъ возразить, что въ Австраліи и въ Сибири вмѣстѣ съ ссылкой практиковалась и свободная эмиграція, а потому замѣчаніе Бентама совершенно справедливо. Но вѣдь ядро населенія этихъ странъ, какъ мы сказали, образовалось изъ ссыльныхъ преступниковъ, слѣдовательно, водвореніе ихъ оказалось возможнымъ; затѣмъ, исторія ссылки въ эти страны показываетъ намъ, что въ первый ея періодъ, самый важный, свободная эмиграція были не только не

---

[1]) См. Русское угол. право, 1887 г., стр. 187.

полезна, но скорѣе вредна, такъ-что мѣстная администрація энергически ей противится. Извѣстно, что самый дѣятельный изъ губернаторовъ Н. Ю. Уэльса, наиболѣе способствовавшій колонизаціи Сиднея, Макери, вопреки взглядамъ центральнаго правительства, относился отрицательно къ свободной эмиграціи и даже добился ея ограниченія [1]). Что же касается Сибири, то здѣсь само центральное правительство иногда запрещало воеводамъ приверстывать на выбылыя мѣста вольныхъ, охочихъ людей, если были въ запасѣ ссыльные [2]).

Такимъ образомъ, ошибочно заключеніе г. Фойницкаго, что попытки водворенія ссыльныхъ одними лишь мѣрами правительства, съ устраненіемъ по возможности свободнаго населенія, остаются безъ ожидаемыхъ результатовъ (стр. 304). Если такъ, то ошибочны и тѣ доводы, которые приводитъ авторъ въ подтвержденіе Бентамовскаго положенія. И въ самомъ дѣлѣ, пожизненность ссылки, какъ видно изъ вышесказаннаго, нисколько не противорѣчитъ цѣлямъ исправленія, да и самая пожизненность не есть нѣчто неизбѣжное. Правда, обыкновенно ссылка пожизненна, но исторія представляетъ и исключенія, допускавшіяся не только путемъ помилованія, но и на основаніи самаго закона, какъ напр. при ссылкѣ въ Гвіану (стр. 248—250), поэтому весьма возможно, что въ будущемъ, вмѣстѣ съ развитіемъ института реабилитаціи правъ преступниковъ, постепенно расширятся ограниченія пожизненности и послѣдняя перестанетъ необходимо сопровождать ссылку. Еще менѣе противорѣчитъ цѣлямъ исправленія тотъ объемъ пораженія правъ, который сопровождаетъ ссылку. Правда, этотъ объемъ весьма широкъ, что касается метрополіи, но онъ вполнѣ, даже съ излишкомъ, уравновѣшивается той скоростью реабилитаціи, которая допускается въ колоніи. Реабилитація правъ въ колоніи по относительной скорости своего примѣненія, а часто и по объему несомнѣнно

---

[1]) См. разб. соч., стр. 211, ср. 207; см. также Спасовичъ, Учебникъ, стр. 225—227.

[2]) Сергѣевскій, Наказаніе въ русск. правѣ XVII ст., стр. 244.

превосходитъ таковую же при всѣхъ другихъ наказаніяхъ, равныхъ по строгости ссылкѣ. Неудачно поэтому замѣчаніе г. Фойницкаго, что ссылка закрѣпляетъ существованіе въ государствѣ особаго класса безправыхъ людей; она это дѣлаетъ не болѣе, скорѣе менѣе, чѣмъ всѣ другія равныя ей наказанія. Превращеніе ссылки преступниковъ въ работорговлю теперь уже не болѣе, какъ анахронизмъ; точно также едва-ли возможно теперь и обращеніе преступниковъ въ уголовныхъ батраковъ, кабальныхъ невольниковъ частныхъ лицъ, какъ это имѣло мѣсто въ исторіи австралійской ссылки. Въ наше время скорѣе допустимо фактически уголовное батрачество предъ государствомъ, но не въ большей мѣрѣ при ссылкѣ, какъ и при тюрьмѣ съ принудительными или каторжными работами. Итакъ, мы думаемъ, что г. Фойницкій не доказалъ практической несостоятельности ссылки, которая, по нашему мнѣнію, при удачной организаціи съ успѣхомъ можетъ быть практикуема въ незаселенныхъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока задача колонизаціи послѣднихъ будетъ осуществлена; съ достиженіемъ же послѣдней ссылка, какъ исполнившая свою миссію, очевидно, должно прекратиться. При удачной организаціи режима ссылки, какъ показываетъ примѣръ управленія колоніей острова Норфолька Капитаномъ Мэконочи, возможно исправленіе даже самыхъ худшихъ преступниковъ, того отребья каторжниковъ, которое за новыя преступленія въ Н. Ю. Уэльсѣ и Вандименовой землѣ въ наказаніе сюда направляли (стр. 400—403).

Кромѣ этого общаго принципіальнаго разногласія по вопросу о ссылкѣ, мы расходимся съ авторомъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Такъ, прежде всего, мы не можемъ согласиться съ авторомъ, что ссылка по уложенію 1649 г. не составляетъ наказанія, а есть лишь его послѣдствіе. Свой взглядъ авторъ оправдываетъ постановленіемъ, по которому ссылаемымъ татямъ выдавалось за дьячею подписью удостовѣреніе о томъ, что „онъ за воровство урочные годы отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ“ (стр. 261 и примѣч.). Но этотъ доводъ не убѣдителенъ; въ другихъ статьяхъ, гдѣ предписывается ссылка, уложеніе совершен-

не умалчиваетъ о названномъ удостовѣреніи (гл. X, ст. 129, 198; гл. XIX, ст. 13; гл. XXV, ст. 3, 16), которое если и требуется отъ татей, заключенныхъ въ тюрьму, то только потому, что происходили частые оттуда побѣги и удостовѣреніе должно было служить доказательствомъ, что тюрьма отбыта. Кромѣ того, въ одной изъ статей, гдѣ табашникамъ за многіе приводы съ табакомъ назначается рядомъ съ другими наказаніями и ссылка, извѣстная формула: „чтобы на то смотря инымъ не повадно было такъ дѣлати", выражавшая цѣль данной мѣры, какъ наказанія, относится не только къ этимъ другимъ наказаніямъ, но и къ ссылкѣ (гл. XXV, ст. 16) [1]. Далѣе, мы не можемъ не упрекнуть автора въ весьма казуистическомъ изложеніи Французской ссылки въ Гвіану. Намъ сообщается рядъ фактовъ и данныхъ, какъ историческихъ, такъ современныхъ, но въ такомъ порядкѣ, при которомъ нѣтъ возможности уловить опредѣленную систему, извѣстную связь и послѣдовательность руководящихъ авторомъ мыслей. Вслѣдствіе этого получается неясность и отрывочность представленій какъ объ исторіи, такъ и о современномъ положеніи ссылки. Въ видѣ примѣра укажемъ на подчиненіе ссыльныхъ послѣ освобожденія отъ обязательныхъ работъ; сначала авторъ говоритъ, что таковые поступаютъ въ вѣдомство директора внутреннихъ дѣлъ, совершенно не опредѣляя положенія этого органа въ ряду другихъ органовъ мѣстнаго управленія (стр. 246), затѣмъ отмѣчаетъ подчиненіе этихъ лицъ „пенитенціарной дирекціи", умалчивая объ отношеніи этого послѣдняго органа къ первому (стр. 248—249); такимъ образомъ, взаимныя функціи этихъ двухъ органовъ совершенно невыяснены. Кстати замѣтить, что названный упрекъ примѣнимъ, только въ меньшей степени, и къ нѣкоторымъ другимъ отдѣламъ разбираемаго труда, а именно къ ученію о ссылкѣ въ Австралію и къ ученію о тюремныхъ системахъ.

(Продолженіе въ слѣд. вып. Юр. Биб.).

---

[1]) Въ такомъ же смыслѣ понимаютъ ссылку по Улож. 1649 г. и другіе авторы; см. В.-Будановъ, тамъ-же, стр. 50; Сергѣевскій, Наказаніе въ XVII в., стр. 217 и слѣд.

2. M. Ratkowsky: „Encyclopädie der Rechts-und Staatswissenschafften, als Einleitung in deren Studium“ Wien. 1890. 102 s.

Мы уже не разъ указывали на все важное значеніе науки Энциклопедія Права въ ряду другихъ отраслей юридическаго знанія [1]), гдѣ она занимаетъ первое мѣсто вслѣдствіе своего общаго, философскаго характера. Поэтому-то имѣетъ извѣстное научное значеніе всякая попытка обработать содержаніе Энциклопедіи Права, общіе юридическіе вопросы, входящіе въ нее, съ точки зрѣнія на нее, какъ на самостоятельную науку. Такую, повидимому, роль за ней въ средѣ юридическихъ и государственныхъ наукъ готовъ признать Ратковскій,—авторъ озаглавленнаго выше сочиненія. Ратковскій считаетъ задачей философіи права „опредѣленіе основныхъ понятій юридическихъ наукъ и установленіе главныхъ основаній или принциповъ ихъ содержанія“ (69 с.). Эта задача еще ни разу не была выполнена философіей права, замѣчаетъ тутъ же Ратковскій (ibidem), который, самъ, однако, посвящаетъ свой трудъ изслѣдованію и установленію именно этихъ общихъ юридическихъ понятій юридическихъ и политическихъ наукъ. Ратковскій—одно изъ должностныхъ лицъ Терезіанской академіи въ Вѣнѣ и членъ историко-юридической испытательной коммиссіи при университетѣ—написалъ свою книгу по порученію дирекціи академіи съ цѣлью сообщить своимъ въ ней слушателямъ основныя юридическія и политическія понятія, дать обозрѣніе содержанія всей области юридическихъ и политическихъ наукъ и указать взаимное отношеніе отдѣльныхъ отраслей юридическаго знанія (Vorwort). Сообразно такой цѣли автора, все его сочиненіе подраздѣляется на три части, изъ которыхъ въ первой излагаются основныя понятія юридическихъ и политическихъ наукъ, а въ двухъ остальныхъ опредѣляется содержаніе тѣхъ и другихъ наукъ и отношеніе между собою различныхъ частей науки правовѣденія. Все содержаніе книги рас-

---

[1]) См. 1, 8, 12 и 13 №№ Юрид. Библіографіи Демидовскаго Юридическаго Лицея.

предѣляется по §§, что, конечно, оправдывается учебной задачей труда, но въ тоже самое время сильно вредитъ научному его значенію. Мы изложимъ взгляды Ратковскаго, придерживаясь его системы, причемъ будемъ вставлять свои замѣчанія по поводу его воззрѣній при самомъ ихъ изложеніи.

Приступая къ опредѣленію основныхъ понятій въ наукѣ о правѣ и государствѣ, Ратковскій дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о значеніи права и государства для человѣческой жизни. Каждый человѣкъ, говоритъ онъ, считаетъ себя центромъ всего міра и стремится господствовать надъ всѣми окружающими его людьми и вещами съ тою цѣлью, чтобы они служили его обыкновеннымъ и благороднымъ интересамъ. Отсюда происходитъ противоположность этихъ интересовъ людей, которые не могли бы жить мирно другъ съ другомъ и удовлетворять своимъ потребностямъ, если бы въ обществѣ не существовали право съ государствомъ (§ 1). Изъ этихъ словъ Ратковскаго можно заключить, что онъ видитъ корни права и государства преимущественно въ эгоистической сторонѣ человѣческой природы: въ эгоизмѣ человѣка кроется основаніе убѣжденія, что онъ центръ всей вселенной и изъ эгоизма же вытекаютъ и всякія столкновенія интересовъ отдѣльныхъ лицъ, нежелающихъ мириться съ необходимостью поступиться своими интересами въ пользу другихъ. Наше предположеніе подтверждается тѣми дальнѣйшими словами Ратковскаго что „каждая юридическая норма содержитъ въ себѣ“ рѣшеніе возможнаго столкновенія между людьми и „что о правѣ заходитъ рѣчь только тогда, когда грозитъ опасность такого раздора между членами общества или же онъ уже произошелъ“ (46 с.). Эти слова Ратковскаго о значеніи права въ общественной жизни относятся на самомъ дѣлѣ лишь къ той части юридическихъ нормъ, которыя извѣстны подъ именемъ охранительныхъ, нормамъ уголовнаго права, процессуальнымъ и полицейскимъ. Но подъ эту рубрику совершенно не подходятъ всѣ опредѣлительныя нормы права: право частное съ его подраздѣленіями и публичное право съ его многими отраслями. Существенное въ правѣ есть то, на сколько при его помощи удовлетворяются различныя человѣческія потребности.

Удовлетвореніе же ихъ правомъ можетъ происходить и безъ всякихъ столкновеній, при которыхъ заходитъ рѣчь только о способѣ охраненія нарушеннаго права и всего юридическаго порядка. Обязательность выполненія юридическихъ нормъ заключается вовсе не въ такомъ принужденіи, употребляемомъ государственною властью въ случаяхъ нарушенія права: самъ Ратковскій отвергаетъ мнѣніе тѣхъ юристовъ, которые видятъ сущность права въ принудительности юридическихъ нормъ (2 с.). Онъ же, вопреки своему приведенному выше взгляду на существенный признакъ права и его значеніе въ обществѣ, ищетъ корней права въ нравственномъ сознаніи человѣка, нравственномъ законѣ, вытекающемъ изъ религіи или изъ собственнаго его размышленія (3 с.). Юридическія нормы, говоритъ Ратковскій, въ отличіе отъ другихъ нормъ, которыми опредѣляются человѣческія отношенія въ обществѣ (правилъ морали, приличія и религіозныхъ предписаній), принадлежатъ къ *обязательнымъ* правиламъ; они *должны* быть выполнены, такъ какъ было бы безнравственно не слѣдовать имъ (2 с.). Однако, не всѣ нормы права тождественны съ нравственными законами. Есть изъ числа положительныхъ правовыхъ нормъ и совершенно безразличныя въ нравственномъ отношеніи юридическія нормы или даже противорѣчащія нравственности (3 с.). Итакъ, какое же основаніе обязательности выполненія подобныхъ юридическихъ нормъ? На этотъ вопросъ Ратковскій отвѣчаетъ тѣмъ, что указываетъ на „правовое чувство“ и „юридическое сознаніе“, какъ источникъ нормъ права, существующихъ въ обществѣ ранѣе возникновенія положительнаго права и возлѣ него, когда оно уже появилось въ обществѣ (vor und neben aller Menschensatzung gilt). Это дообщественное право можетъ состоять только изъ одихъ нравственныхъ законовъ, такъ какъ лишь они обладаютъ несомнѣнно обязательнымъ характеромъ (weil nur diese sebständig verpflichen). Совокупность нравственныхъ законовъ есть *этическое право*, которое составляетъ первую часть юридическихъ нормъ. Вторая ихъ часть—*положительное право* (3—4 с.).

Къ такому неожиданному выводу приходитъ Ратковскій, смѣ-

тавшій здѣсь въ одно неразрывное цѣлое нравственность и право („этическое право“) и совершенно запутавшій понятіе права противоположеніемъ „этическаго“ права положительному. Чтобы объяснить противорѣчіе, въ которомъ находится его воззрѣніе на основаніе обязательности выполненія нормъ права съ фактическими, положительными правовыми нормами, иногда безнравственными, Ратковскій прибѣгаетъ къ помощи давно уже устарѣлой въ наукѣ гипотезы о естественномъ правѣ, предшествующемъ общественному. Эта гипотеза соединяется съ своеобразно измѣненнымъ представленіемъ, позаимствованнымъ изъ ученія исторической школы, объ „юридическомъ сознаніи“, какъ источникѣ права: въ исторической школѣ „юридическое сознаніе“ источникъ положительнаго права, а не естественнаго, какъ это мы видимъ у Ратковскаго. Послѣдній вноситъ еще большую запутанность въ понятіе о правѣ, когда онъ утверждаетъ, что это дообщественное право продолжаетъ существовать въ обществѣ рядомъ съ положительнымъ правомъ и состоитъ всегда изъ нравственныхъ законовъ. Опытъ, однако, показываетъ, что въ обществѣ есть только одно право — положительное, которое возникаетъ, главнымъ образомъ, изъ нравственной стороны человѣческой природы. „Правовое чувство“ или „юридическое сознаніе“ — очень темный и неопредѣленный источникъ права, который требуетъ тщательнаго изслѣдованія и умѣнья распознавать его у отдѣльныхъ лицъ. Одинъ можетъ считать своимъ правомъ совершить такой поступокъ, который противорѣчитъ не только положительному праву, но и нравственности, такъ что отождествлять внушенія „правоваго чувства“ каждаго съ нравственными законами было бы по меньшей мѣрѣ странно и несогласно съ дѣйствительными фактами. Такимъ образомъ, нѣтъ и не можетъ быть никакого „этическаго права“, какъ называетъ Ратковскій свое естественное право; нѣтъ и противоположности этого „этическаго права“ съ положительнымъ, которое состоитъ преимущественно изъ нравственныхъ предписаній, облеченныхъ въ точныя и опредѣленныя формулы, какъ обязательныя правила человѣческаго поведенія въ обществѣ. Каждое право, прежде всего, этическая норма: моральный элементъ —

существенный признакъ права, какъ затѣмъ это доказываетъ и нашъ ученый философъ, разсматривая отношеніе права къ справедливости. Поэтому употреблять въ Энциклопедіи Права терминъ „этическое право“ все равно, что говорить о „свѣтломъ свѣтѣ“ или о „горячемъ огнѣ“. Но если бы мы даже допустили вмѣстѣ съ Ратковскимъ существованіе въ обществѣ его проблемматичнаго „этическаго права“, то для насъ, все-таки, было бы непонятнымъ, почему же должны быть выполняемы нормы положительнаго права, которыя противорѣчатъ нравственности или, по крайней мѣрѣ, безразличны въ нравственномъ отношеніи? Вѣдь право обязательно, по словамъ Ратковскаго, только потому, что оно выражаетъ собою тотъ или другой нравственный законъ? Предположеніе о параллельномъ существованіи „этическаго права“ съ положительнымъ ничего въ данномъ случаѣ не объясняетъ, а, напротивъ, какъ мы видѣли, вноситъ въ понятіе права страшную путаницу. Обратимся, однако, къ дальнѣйшему изложенію взглядовъ Ратковскаго: быть можетъ, мы встрѣтимъ въ нихъ разъясненіе нашихъ недоумѣній. Ратковскій считаетъ существеннымъ признакомъ правовыхъ нормъ ихъ обязательность. Мы вполнѣ раздѣляемъ этотъ его взглядъ, но съ тою необходимою оговоркой, что такой *нормирующій* характеръ права вытекаетъ не изъ возможности столкновеній людей въ обществѣ, преслѣдующихъ здѣсь различные интересы, какъ это утверждаетъ Ратковскій (4 с.), а изъ болѣе глубокихъ, моральныхъ основаній. Вторымъ и также существеннымъ признакомъ юридическихъ нормъ является у него ихъ двухсторонность и противоположность въ томъ отношеніи, что онѣ представляютъ одному человѣку право требовать отъ другаго совершить въ ихъ пользу извѣстныя дѣйствія, и въ тоже время обязываютъ послѣдняго къ этимъ дѣйствіямъ въ пользу другаго (5 с.). Но то, что Ратковскій говоритъ здѣсь объ юридическихъ нормахъ, относится къ юридическимъ отношеніямъ, возникающимъ изъ фактическихъ, жизненныхъ отношеній людей между собою, которыя опредѣляются правомъ. Здѣсь, слѣдовательно, смѣшиваются у него два юридическихъ понятія, сродныя, но не тождественныя между собою.

Сообразно, указываемымъ Ратковскимъ, существеннымъ признакамъ юридическихъ нормъ, понятіе права определяется у него, какъ „совокупность обязательныхъ нормъ, которыя надѣляютъ извѣстныя лица правомъ осуществлять опредѣленные интересы, причемъ опредѣляется граница этого обязательнаго осуществленія въ отношеніи къ другимъ извѣстнымъ лицамъ“ (6 с.). Въ этомъ опредѣленіи права къ его понятію принадлежитъ только обозначеніе права совокупностью обязательныхъ нормъ; вся вторая половина опредѣленія можетъ быть примѣнена прямо къ понятію юридическаго отношенія и, отчасти, понятію обязательственнаго права, въ которомъ контрагентамъ принадлежитъ по отношенію другъ къ другу извѣстныя, опредѣленныя и взаимныя права и обязанности. Данное Ратковскимъ понятіе права запутывается еще его замѣчаніемъ, что нравственные законы съ указаннымъ содержаніемъ права составляютъ „этическое право“, а установленныя людьми обязательныя нормы съ подобнымъ характеромъ—„положительные законы“ (ib.). Такъ теперь опредѣляется, что такое это „этическое право“, которому Ратковскій ранѣе придавалъ значеніе какого-то высшаго регулятора положительнаго права, да и теперь не прочь сдѣлать тоже самое. Это „этическое право“ имѣетъ сверхъестественное происхожденіе, такъ какъ оно не устанавливается людьми, обреченными лишь на созданіе несовершеннаго положительнаго права. Нормы этого послѣдняго только проводятъ границы въ дѣятельности людей, держатъ ее въ прочныхъ, разъ навсегда опредѣленныхъ рамкахъ. Можетъ быть, такое понятіе права и приложимо въ извѣстной степени къ уголовному и процессуальному праву; но этими нормами не исчерпывается все обширное и разнообразное содержаніе современнаго европейскаго права, отличающагося *положительнымъ* характеромъ. Всѣ, напр., нормы семейнаго, имущественнаго, наслѣдственнаго права и все публичное право не только не съуживаютъ дѣятельность личности, не заставляютъ ее держаться демаркаціонной линіи, а, напротивъ, предоставляютъ полный просторъ развитію человѣческихъ силъ и удовлетворенію потребностей отдѣльной личности. Въ понятіи права Ратковскаго нѣтъ ни слова о томъ, какое отношеніе имѣетъ право къ

разнообразнымъ жизненнымъ идеаламъ человѣческой личности. Ратковскій заботится исключительно о томъ, чтобы показать, что при помощи права уничтожаются въ обществѣ всякія столкновенія между интересами отдѣльныхъ лицъ. Поэтому вслѣдъ за опредѣленіемъ права онъ дѣлаетъ замѣчаніе о томъ, что въ правѣ должны быть опредѣленно обозначены случаи возможныхъ столкновеній интересовъ (6 с.). Смѣшеніе права съ юридическимъ отношеніемъ продолжается у Ратковскаго и при послѣдующемъ изложеніи предмета: понимая подъ правомъ то, что составляетъ сущность юридическаго отношенія, Ратковскій разъясняетъ далѣе сначала понятіе юридическаго требованія или собственно права и —юридической обязанности,—элементовъ юридическаго отношенія. При его разсужденіяхъ о юридическомъ требованіи мы встрѣчаемся неожиданно съ опредѣленіемъ субъективнаго и объективнаго права и опять съ совершенно превратнымъ и далекимъ отъ истиннаго, принятаго въ наукѣ правѣ, пониманія этихъ элементарныхъ юридическихъ понятій. Подъ субъективнымъ правомъ Ратковскій разумѣетъ совокупность юридическихъ требованій или собственно правъ лица, а подъ объективнымъ „каждую совокупность юридическихъ нормъ" (7 с.). Такимъ образомъ, субъективное и объективное право дѣлаются у Ратковскаго какъ бы элементами юридическаго отношенія. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ эти названія употребляются въ наукѣ права въ такомъ смыслѣ, что подъ объективнымъ правомъ понимаются всѣ вообще нормы положительнаго права, а подъ субъективнымъ—права и обязанности отдѣльныхъ членовъ общества, предоставляемыя имъ объективнымъ правомъ. Изъ этихъ субъективныхъ правъ возникаютъ разнаго рода юридическія отношенія между людьми, которыя слѣдовательно, есть сами результатъ субъективнаго права, а не наоборотъ. Наконецъ, все въ томъ же § объ юридическомъ требованіи находится у Ратковскаго краткое замѣчаніе о физическихъ и юридическихъ лицахъ, все различіе между которыми сводится у него къ тому, что физическое лицо—субъектъ правъ и обязанностей,—способный къ обнаруженію своей воли, а юридическое лицо неспособно къ такому внѣшнему выраженію во-

ли, такъ какъ оно или союзъ людей, или соединеніе имуществъ (8—9 с.). Но юридическое лицо не тѣмъ существенно отличается отъ физическаго, что оно непосредственно неспособно къ дѣйствію: оно также обладаетъ право — и дѣеспособностью, какъ и физическое лицо. Юридическое лицо—союзъ людей (но не имуществъ), надѣленный государствомъ право—и дѣеспособностью въ виду необходимости достиженія общихъ цѣлей, которыя не могутъ быть осуществлены силами отдѣльныхъ лицъ.

Ратковскій анализируетъ понятіе юридическаго требованія и юридической обязанности и находитъ, что первое есть обязательное, но непринудительное господство воли лица надъ другими лицами, а послѣдняя такое же обязательное, но также непринудительное подчиненіе этому господству (8 и 10 с.). Каждая юридическая обязанность *посредственная* нравственная обязанность, которая находитъ свое основаніе въ томъ или другомъ или многихъ нравственныхъ законахъ. Юридическія нормы не могутъ обязывать къ дѣйствіямъ, которыя противорѣчатъ нравственнымъ законамъ. Принужденіе *можетъ* быть примѣнено при осуществленіи юридическаго требованія и обязанности, между тѣмъ какъ при выполненіи нравственныхъ обязанностей принужденіе совершенно непримѣнимо (8—11 с.). Ничего не возражая по существу противъ такого значенія принужденія въ правѣ въ отличіе отъ морали, мы въ тоже время должны отмѣтить новое противорѣчіе во взглядахъ Ратковскаго на основаніе обязательности юридическихъ нормъ. Если всѣ юридическія обязанности—нравственныя обязанности и основаніе обязательности ихъ выполненія лежитъ въ согласіи права съ нравственнымъ закономъ, то въ чемъ же искать мотива для исполненія нормъ положительнаго права, которыя иногда бываютъ, по словамъ самого же Ратковскаго, въ рѣзкомъ противорѣчіи съ моралью? Ратковскій даетъ особыя опредѣленія какъ юридическаго требованія, такъ и юридической обязанности; но эти опредѣленія—только распространенное опредѣленіе его же понятія права. Идея права, по словамъ Ратковскаго, есть по своему существу нравственная идея. Каждое сужденіе моральнаго свойства—сужденіе о такой цѣнно-

сти извѣстнаго выраженія воли, которая имѣетъ объективный, безусловный, абсолютный характеръ (12 с.). Ратковскій признаетъ только четыре этическихъ идеи: добросовѣстность, доброжелательность, согласіе и справедливость. На этой послѣдней идеѣ онъ считаетъ нужнымъ остановиться въ виду того, что въ уясненіи понятія справедливости „одного изъ важнѣйшихъ основныхъ понятій въ юридическихъ и политическихъ наукахъ, развитаго христіанствомъ и гуманностью, не сдѣлано со времени Аристотеля ни одного шага впередъ“ (Vorwort). Ратковскій заявляетъ торжественно, что идея права есть идея справедливости, сокращенное ея выраженіе, какъ терминъ „правовое чувство“ есть сокращенное выраженіе понятія „правоваго чувства“; указанія идеи справедливости содержатъ въ себѣ нормы „этическаго права“, которыя вліяютъ на содержаніе каждаго положительнаго права. Справедливость содержитъ въ себѣ этически идеальныя юридическія нормы. Справедливость есть „намѣренная сообразность благотворнаго обращенія съ каждымъ лицомъ соотвѣтственно съ величиной его юридической заслуги“ и, наоборотъ, несправедливость „намѣренная несообразность этого отношенія къ другимъ лицамъ“ (20 с.). Это опредѣленіе справедливости—тоже, какое дается со времени Аристотеля во всѣхъ учебникахъ по Энциклопедіи Права; у Ратковскаго оно только болѣе туманно, неясно и не совсѣмъ вѣрно. Классическое опредѣленіе справедливости, какъ „воздаянія каждому должнаго“ (suum quique tribuendi), не заключаетъ въ себѣ непремѣнно представленія объ умышленномъ поведеніи каждаго по отношенію къ другимъ лицамъ: справедливость возникаетъ и проявляется въ общественной жизни въ видѣ инстинктивнаго чувства, или, какъ говоритъ Ратковскій, „правоваго чувства“, въ силу котораго человѣкъ невольно старается поступить съ другими сообразно съ ихъ положеніемъ въ обществѣ и соціальными отношеніями. Если бы справедливость была всегда ясно сознаваемой и правильно понимаемой идеей въ исторіи человѣчества, тогда она не нуждалась бы въ правѣ, которое воплощаетъ въ себѣ чувство справедливости, живущее въ обществѣ въ неопредѣленномъ видѣ, облекаетъ справедливость въ

точно и строго опредѣленныя формулы, регулирующія всѣ общественныя отношенія. Только получивши юридическую форму, справедливость дѣлается тѣмъ, чѣмъ она представляется у Ратковскаго: только тогда можно судить о томъ, на сколько поведеніе извѣстнаго лица оправдывается съ точки зрѣнія права, согласно оно съ нимъ или же противорѣчитъ, нарушаетъ право. Право, проникнутое справедливостью, преслѣдующее водвореніе въ общественной жизни начала равенства всѣхъ людей предъ закономъ и признанія въ каждомъ человѣческой личности съ ея особенными свойствами и достигнутымъ трудомъ личности ея положеніемъ въ обществѣ, право въ этомъ смыслѣ становится полнымъ выраженіемъ справедливости въ обществѣ, проникается нравственнымъ началомъ. Право съ такимъ характеромъ можетъ быть названо „этическимъ правомъ“, которое, однако, не заключаетъ въ себѣ чего-то отличнаго отъ положительнаго права, какъ еще разъ старается насъ увѣрить Ратковскій (39 с.), а есть самое это положительное право даннаго народа, въ средѣ котораго оно возникаетъ изъ чувства справедливости. Право, какъ внѣшнее выраженіе чувства справедливости, примѣняется въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ и различныхъ сферахъ общественной жизни. Ратковскій разсматриваетъ главнѣйшія формы осуществленія справедливости, какъ права. Сначала онъ анализируетъ понятіе юридической заслуги и—вины (rechtlichen Verdienst und Verschuldens)—элементы понятія справедливости съ точки зрѣнія Ратковскаго. Различіе между обоими понятіями опредѣляется величиною достигнутаго добра и причиненнаго кому-либо зла (23 с.). Ничего не имѣя противъ такого пониманія Ратковскимъ правовой заслуги и вины, мы позволяемъ себѣ замѣтить только, что оба эти понятія относятся собственно къ сферѣ права, между тѣмъ какъ въ понятіи справедливости, существующемъ въ наукѣ права еще со времени Аристотеля, его элементами являются принципъ равенства (quique tribuere) и начало личной свободы (suum tribuere). Указываемый Ратковскимъ масштабъ величины юридической заслуги и вины (намѣреніе дѣятеля и др., 23 с.), относится скорѣе къ области уголовнаго права, чѣмъ къ обще-

му ученію о правѣ. Къ уголовному же праву принадлежитъ „примѣненіе справедливости въ случаяхъ юридической вины“, то есть, нарушенія права: подъ этой рубрикой помѣщаются у Ратковскаго его разсужденія о сущности юридической вины, обязанностяхъ нарушителя юридической нормы, правѣ оскорбленнаго по отношенію къ виновнику нарушенія его правъ, о наказаніи, какъ юридическомъ послѣдствіи преступленія, наказуемыхъ дѣйствіяхъ и справедливыхъ наказаніяхъ и, наконецъ, правѣ и обязанности государства наказывать преступника и о цѣляхъ и средствахъ наказанія (29—35 с.). Всѣ эти вопросы о примѣненіи въ общественной жизни воздающей справедливости цѣликомъ входятъ въ науку уголовнаго права. Вторую категорію случаевъ примѣненія справедливости составляютъ, по Ратковскому, тѣ, при которыхъ происходитъ распредѣленіе спорныхъ благъ или причиненнаго зла (вреда, опасностей, жертвъ, тяжестей и т. п.). Основаніемъ этого распредѣленія долженъ быть принципъ равенства лицъ, между которыми совершается это распредѣленіе блага и зла (36—39 с.). Наконецъ, Ратковскій допускаетъ еще третій видъ справедливости, кромѣ воздающей и распредѣляющей, это—вознаграждающая справедливость (lohnende Gerechrigkeit), которою руководствуются при вознагражденіи назначенія рабочей платы за трудъ въ разнообразныхъ случаяхъ его приложенія въ человѣческой дѣятельности (25—29 с.). Но эта „вознаграждающая справедливость“ можетъ быть отнесена безъ всякой погрѣшности къ распредѣляющей справедливости, есть только особый видъ этой послѣдней: при вознагражденіи за трудъ имѣются въ виду тѣ блага, которыя произведены трудомъ, а также и степень и качества работы человѣка (производительность, тяжесть труда и проч.). Что касается первыхъ двухъ видовъ справедливости—воздающей и распредѣляющей, то ученіе о нихъ находится еще у Аристотеля, хотя послѣдній понимаетъ ихъ иначе, чѣмъ Ратковскій, и, отчасти, правильнѣе. У Аристотеля въ силу распредѣляющей справедливости происходитъ подраздѣленіе между людьми не одныхъ спорныхъ благъ, а вообще всѣхъ вещей и она имѣетъ мѣсто въ публичныхъ отношеніяхъ: Ари-

стотель разумѣетъ подъ распредѣляющею справедливостью право. Рѣшеніе вопросовъ о мѣрѣ вреда, причиненнаго однимъ лицомъ другому, относится Аристотелемъ, и вполнѣ правильно, къ воздающей справедливости. Такимъ образомъ, мы не только не находимъ въ взглядахъ Ратковскаго на справедливость чего-либо новаго, что не было бы извѣстно со времени Аристотеля, а, напротивъ, видимъ у Ратковскаго ученіе греческаго философа и политика измѣненнымъ, запутаннымъ и далеко неразвитымъ далѣе.

Въ опредѣленіи понятія государства Ратковскій исходитъ изъ мысли о цѣляхъ человѣческаго общежитія, ради достиженія которыхъ образуются различные виды общественнаго соединенія людей. Государство есть такого рода ихъ союзъ, при которомъ силы людей соединяются въ одну общую и высшую силу въ виду достиженія всѣхъ своихъ общихъ цѣлей при помощи этой высшей силы (41 с.). Подъ это опредѣленіе государства Ратковскимъ можетъ быть подведенъ съ легкостью любой изъ общественныхъ союзовъ людей, напр., церковь, первобытная семья, родъ, племя: во всѣхъ этихъ общественныхъ соединеніяхъ есть одна высшая сила (первосвященникъ, отецъ семьи, глава рода или племени), при энергичной помощи которой достигаются всѣ ихъ общія цѣли. Ратковскому неизвѣстно, далѣе, общепринятое опредѣленіе государства, какъ *союза людей*, живущаго на *опредѣленной территоріи* подъ *верховной властью*: изъ этихъ трехъ элементовъ понятія государства о территоріи у него нѣтъ ни слова. Да и понятіе верховной власти далеко не одно и тоже, что обозначеніе ея „высшей силой", какъ агломератомъ силъ отдѣльныхъ лицъ: эта идея о volonté generale, принятая въ ученіи объ образованіи государства Ж. Ж. Руссо, есть не болѣе, какъ одна изъ фикцій, которыхъ такъ много въ доктринѣ естественной школѣ, потерявшей теперь всякій кредитъ въ наукѣ права. Нормы, устанавливаемыя органами государственной власти въ виду достиженія цѣлей государства, Ратковскій называетъ не закономъ, а вообще положительнымъ правомъ, подъ понятіе котораго подходятъ, кромѣ закона, еще обычное право и судебныя и научныя рѣшенія. Всѣ эти источники права опредѣляются Рат-

ковскимъ, какъ „такія формы единенія человѣческихъ волей, посредствомъ которыхъ устанавливаются юридическія нормы" (43 с.). Опредѣленіе, требующее такихъ же комментарій, какъ, напр., опредѣленія права и государства у Ратковскаго. Единственнымъ источникомъ права является всегда человѣческая личность, все равно, будетъ ли ею отдѣльный членъ общества, участвующій вмѣстѣ съ остальными согражданами при образованіи обычнаго права, или же законодатель, судья и ученый юристъ. Юридическія воззрѣнія отдѣльныхъ лицъ выражаются во внѣ и только тогда становятся нормами, обязательными для всѣхъ членовъ общества. Формы права, слѣдовательно, внѣшнее выраженіе юридическихъ взглядовъ общества и для своего возникновенія вовсе не требуютъ „единенія человѣческихъ воль": судебное право, напр., можетъ произойти изъ рѣшенія *одного* судьи, точно также, какъ иногда ученый юристъ—третейскій судья—устанавливаетъ право въ извѣстномъ спорномъ случаѣ. Ратковскій ставитъ на первомъ планѣ въ числѣ источниковъ права на ряду съ законами административныя распоряженія (Verordnungen), которыя, однако, имѣютъ лишь второстепенное значеніе по отношенію не только къ законамъ, но даже и по сравненію съ обычнымъ правомъ, которое Ратковскій не считаетъ нужнымъ включить въ число главныхъ формъ права. Обычное право можетъ существовать въ государствѣ только на столько, по его словамъ, на сколько оно допускается властью. О томъ, что въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ многія отношенія между людьми регулируются обычнымъ правомъ безъ вѣдома власти, а также о томъ, что въ первобытномъ обществѣ обычное право—главнѣйшая и исключительная форма права, обо всемъ этомъ нашъ ученый нѣмецкій энциклопедистъ даже и не подозрѣваетъ. Вмѣсто того, чтобы разъяснить дѣйствительное значеніе въ обществѣ различныхъ формъ права, изъ которыхъ Ратковскій не упоминаетъ о судебныхъ и научныхъ рѣшеніяхъ, онъ снова пускается въ свои любимыя разсужденія объ „этическомъ" и положительномъ правѣ, стараясь разграничить области ихъ дѣятельности въ государствѣ и ихъ взаимное здѣсь отношеніе. Этическое право регули-

руетъ, говоритъ онъ, тѣ дѣйствія людей, которыя не опредѣляются положительными юридическими нормами. Слѣдовательно, оно дѣйствуетъ въ сферѣ законодательства въ государствѣ, которое издаетъ законъ, руководствуясь идеей справедливости и не нуждаясь ни въ какихъ предварительныхъ положительныхъ юридическихъ нормахъ (45 с.). Однако, законодательная дѣятельность парламентовъ въ конституціонныхъ государствахъ совершается всегда по извѣстнымъ правиламъ, строго опредѣленнымъ въ конституціи, но никто не скажетъ, чтобы вся эта дѣятельность отличалась несправедливымъ характеромъ. Освобождая мысль Ратковскаго отъ запутывающей все дѣло его своеобразной юридической терминологіи, мы найдемъ простой взглядъ, что законодатель долженъ руководствоваться справедливостью при своей дѣятельности. Тоже самое значеніе регулирующаго начала справедливость имѣетъ, по словамъ Ратковскаго, и въ международныхъ отношеніяхъ (ibidem), какъ и при примѣненіи закона и судебныхъ рѣшеніяхъ (46 с.), хотя Ратковскій и дѣлаетъ ненужную оговорку, что администраторъ и судья должны только выполнять предписанія положительнаго права. Болѣе вѣренъ его взглядъ, что государственная власть должна всегда и вездѣ сообразоваться въ своей дѣятельности съ требованіями справедливости болѣе, чѣмъ съ устарѣлыми и отжившими свое время разными „пріобрѣтенными правами“ (48 с.).

Опредѣленіемъ понятій права и государства ограничиваются всѣ свѣдѣнія Ратковскаго объ основныхъ юридическихъ понятіяхъ. Нѣмецкій энциклопедистъ не считаетъ нужнымъ остановиться на такомъ важнѣйшемъ, общемъ юридическомъ вопросѣ, какъ вопросъ объ отношеніи права къ морали, только затронутый мимоходомъ у Ратковскаго. Для него не существуетъ необходимости въ опредѣленіи отношенія права и къ другимъ сторонамъ общественной жизни: языку, искусству, наукѣ и др.: онъ ни слова не говоритъ ни объ юридическихъ пословицахъ, ни объ юридическихъ символахъ. Наконецъ, Ратковскій совершенно обходитъ молчаніемъ вопросъ объ отношеніи права къ волѣ человѣка, отъ разрѣшенія котораго зависитъ самое существованіе

права въ обществѣ. Опуская всѣ эти и многіе другіе вопросы, кажется, излишніе въ Энциклопедіи Права съ точки зрѣнія Ратковскаго, онъ прямо переходитъ къ ученію о наукѣ права. Ратковскій совершенно правильно дѣлитъ всѣ юридическія науки на три вида: догматическія, историческія и философскія (50—51 с.). Первыя представляютъ собою или положительное право отдѣльныхъ государствъ или же—цѣлаго международнаго союза. Главными частями перваго являются частное и публичное право, изъ которыхъ одно защищаетъ частные интересы лицъ, а другое—ихъ публичные интересы (52 с.). Ратковскій указываетъ на подраздѣленіе частнаго права, уясняетъ его природу (§ 52) и потомъ переходитъ къ краткому обозначенію содержанія всѣхъ отраслей публичнаго права (§§ 54—60). Тоже онъ дѣлаетъ и по отношенію къ публичному праву (§§ 61—70), причемъ подраздѣляетъ его по обычаю нѣмецкихъ ученыхъ на государственное право и административное (Verfassungs—und Verwaltungsrecht). Международное право раздѣляется у Ратковскаго на право войны и мира; о частномъ международномъ правѣ, какъ необходимой части всего международнаго права, Ратковскій не упоминаетъ. Относительно историческихъ юридическихъ наукъ онъ ограничивается нѣсколькими краткими замѣчаніями, причемъ при рѣчи о сравнительной исторіи права Ратковскій говоритъ только о томъ, что получается, по его мнѣнію, при сравненіи юридическихъ нормъ изъ примитивной эпохи какого-либо народа съ правомъ современныхъ дикарей и сравненія положительнаго права у различныхъ культурныхъ народовъ (68 с.). Отсюда видно, что Ратковскій незнакомъ ни съ задачею сравнительной исторіи права, ни съ ея методомъ, ни, наконецъ, съ достигнутыми уже результатами сравнительнаго изученія *однородныхъ* юридическихъ и политическихъ учрежденій у различныхъ народовъ на разныхъ ступеняхъ ихъ культурнаго развитія. Въ числѣ философскихъ юридическихъ наукъ Ратковскій ставитъ на первомъ планѣ философію права, которая у него, однако, не одно и тоже съ Энциклопедіей Права, какъ можно было заключить изъ знакомаго уже намъ опредѣленія Ратковскимъ философіи права. По

его мнѣнію каждая изъ догматическихъ и историческихъ юридическихъ наукъ имѣетъ свою философію права,—взглядъ, который обнаруживаетъ въ Ратковскомъ далеко не философскій умъ. Нельзя же считать за философію права нѣсколько общихъ юридическихъ понятій, которыя имѣютъ пропедевтическое значеніе въ каждой юридической наукѣ. Если же „философія права имѣетъ своею задачею установить основныя понятія юридическихъ наукъ и отыскать послѣдніе принципы ихъ содержанія" (69 с.), то нѣтъ никакого резона отвергать самостоятельное ея значеніе въ ряду другихъ отраслей юридическаго знанія, гдѣ она должна быть отождествлена съ Энциклопедіей Права.

Вторая юридическая наука философскаго характера, говоритъ Ратковскій, естественное или разумное право, которое не признается имъ потому, что оно желаетъ установить однообразное, вѣчное и неизмѣнное право, обязательное для всѣхъ народовъ. Правовое чувство учителей естественнаго права говорило имъ, что такое право существуетъ, только они не могли ясно опредѣлить его. Ратковскій заявляетъ, что онъ нашелъ терминъ для выраженія этого неяснаго правоваго чувства. Это—„этическое право", которое нашъ авторъ выдвигаетъ при всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Однако, это же „этическое право" ничто иное, какъ тоже естественное право: оно также, какъ и послѣднее, существуетъ до возникновенія положительнаго права и продолжаетъ пребывать всегда и въ обществѣ и даже служитъ регуляторомъ при созданіи положительнаго права. Мы видѣли, что Ратковскій въ этомъ случаѣ смѣшиваетъ съ правомъ мораль—справедливость или, точнѣе, называетъ правомъ то, что относится къ сферѣ морали. Но какъ бы то ни было, а его „этическое право" несомнѣнно тоже самое естественное право, противъ котораго онъ здѣсь напрасно ратуетъ. Дѣло нисколько не измѣняется отъ того, что естественная школа права желала найти разъ и навсегда опредѣленное и неизмѣнное право для *всѣхъ* жизненныхъ отношеній людей, а „этическое право" Ратковскаго регулируетъ только распредѣленіе спорныхъ благъ и вреда (70 с.): въ данномъ случаѣ важна не сфера примѣненія

права, а его происхожденіе. Ратковскій, однако, не хочетъ признать тождественности своего „этическаго права“ съ естественнымъ и продолжаетъ далѣе вооружаться противъ идеальнаго права. Философія права должна доказать, какія нормы права должны быть годны для различныхъ культурныхъ ступеней и различныхъ жизненныхъ отношеній (71 с.),—задача, которую одна эта наука не въ состояніи выполнить, если къ ней не придетъ на помощь сравнительная исторія права. Но Ратковскій правъ, когда онъ отстаиваетъ необходимость существованія философіи права, какъ самостоятельной науки: съ одной исторіей права, понимаемой въ смыслѣ хронологическаго и систематическаго изложенія юридическихъ учрежденій у различныхъ народовъ, можно дойти до оправданія всякаго рода ненормальностей („Unsinn“) въ правѣ (72 с.). Наконецъ, третьей и послѣдней философской юридической наукой является у Ратковскаго общее государственное право, подъ которымъ онъ понимаетъ философію государственнаго права или конституціонную политику, какъ науку о лучшихъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ правилахъ для достиженія цѣлей государства (ibidem).

Государственныя науки, по Ратковскому, имѣютъ своею задачею указать, какъ при опредѣленномъ юридическомъ порядкѣ развивается фактически общественная жизнь въ каждомъ государствѣ и какое участіе принимаетъ въ этомъ развитіи государство. Въ противоположность юридическимъ наукамъ, занимающимся только правомъ, государственныя науки не ограничиваются государствомъ и его дѣятельностью, а изслѣдуютъ всѣ явленія человѣческой жизни, такъ какъ государство обнимаетъ всю человѣческую жизнь и основательное знакомство со всѣми ея явленіями служитъ необходимымъ предположеніемъ для цѣлесообразной дѣятельности государства. Науки юридическія и государственныя находятся между собою въ неразрывной связи, вытекающей изъ взаимной зависимости другъ отъ друга права и государства (73—74 с.). Соглашаясь съ Ратковскимъ относительно такого тѣснаго соотношенія между юридическими и политическими науками, мы въ тоже время утверждаемъ, что Ратков-

скій слишкомъ расширяетъ сферу государственныхъ наукъ; съ его точки зрѣнія пришлось бы включить въ число ихъ не только всѣ соціальныя науки (напр., этику, науку о религіи, лингвистику, политическую экономію и др.), но и всѣ остальныя отрасли знанія, имѣющія извѣстное отношеніе къ явленіямъ человѣческой жизни и цѣлямъ государственной дѣятельности. Такъ дѣйствительно и поступаетъ Ратковскій, включающій въ число государственныхъ наукъ національную экономію на томъ только основаніи, что хозяйственные интересы каждаго человѣка вліяютъ извѣстнымъ образомъ на юридическій и политическій порядокъ общества (75 с.). Всѣ государственныя науки дѣлятся Ратковскимъ на теоретическія и практическія государственныя науки. Въ свою очередь теоретическія государственныя науки подраздѣляются на историческія, представляющія фактическія явленія государственной жизни, и психологическія, изучающія законы этихъ явленій, происходящихъ изъ взаимодѣйствія психическихъ силъ людей. Такая классификація государственныхъ наукъ, произвольно выдуманная Ратковскимъ, запутываетъ всю терминологію въ области юридическаго знанія. Можно еще принять главное дѣленіе политическихъ наукъ на теоретическія и практическія, если подъ первыми понимать общую теорію о государствѣ, а подъ вторыми то, что извѣстно у нѣмецкихъ ученыхъ подъ именемъ политики. Но эта послѣдняя наука включена Ратковскимъ почему-то въ число философскихъ юридическихъ наукъ подъ именемъ общаго государственнаго права. Вмѣсто того, чтобы принять болѣе употребительное между нѣмецкими учеными воззрѣніе на дѣленіе государственныхъ наукъ на Verfassungs-und Verwaltungsrechtswissenschaft, Ратковскій предлагаетъ свое дѣленіе, которое совершенно затемняется у него дальнѣйшими подраздѣленіями теоретическихъ и практическихъ государственныхъ наукъ. Странно слышать, что историческія юридическія науки теоретическія и психологическія. Исторія права на столько теоретическая наука, на сколько и всякая другая наука, въ которой заключаются всегда извѣстные общіе выводы относительно матеріала науки. Только сравнительная исторія пра-

ва отличается философскимъ характеромъ при сравненіи ея съ исторіей права у того или другаго народа. Но политическая исторія и статистика,—историческія юридическія науки по Ратковскому—не имѣютъ такого общаго характера: послѣдняя же не можетъ быть вовсе причислена къ области юридическихъ наукъ: статистическіе данныя и выводы относятся ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ, вслѣдствіе чего статистика есть соціальная наука. Трудно также согласиться съ Ратковскимъ, что есть какія-то теоретическія психологическія государственныя науки. Общественная жизнь людей регулируется не одними психологическими законами, но и химическими, физіологическими, физическими и др.. Если Ратковскій, имѣя въ виду вліяніе психологическихъ законовъ на общественную жизнь людей, создаетъ особый родъ психологическихъ государственныхъ наукъ, то почему бы ему не установить еще и химическихъ, физіологическихъ и другихъ государственныхъ наукъ, такъ какъ нельзя же отвергать дѣйствіе химическихъ и другихъ законовъ на общественную жизнь людей? Но Ратковскій не оказывается послѣдовательнымъ и отдаетъ предпочтеніе только однимъ психологическимъ законамъ, изученіе которыхъ, однако, составляло издавна не предметъ науки о государствѣ, а психологіи. Область этой науки расширяется у Ратковскаго на столько, что она теряетъ свой спеціальный предметъ изученія—психическія явленія человѣческой жизни и превращается въ науку, занимающуюся общественными явленіями, которыя имѣютъ косвенное къ ней отношеніе. Въ число психологическихъ государственныхъ наукъ, Ратковскій включаетъ совершенно разнородныя соціальныя науки: національную экономію, ученіе о населеніи, науку объ обществѣ и ученіе о государствѣ. Предметъ національной экономіи составляетъ, говоритъ Ратковскій, психологическіе законы хозяйственной жизни общества, изученіе психическаго взаимодѣйствія людей въ этой области ихъ дѣятельности (79, 81 с.). Почему Ратковскій не придерживается здѣсь общепринятаго у политико-экономовъ опредѣленія національной экономіи, это для насъ остается совершенно непонятнымъ. Между тѣмъ, нѣтъ никакого основанія отступать отъ это-

го обычнаго опредѣленія, по которому національная экономія есть наука, изслѣдующая законы производства, обращенія и распредѣленія матеріальныхъ благъ между членами общества. О психологическихъ законахъ хозяйственной жизни можно говорить съ такимъ же удобствомъ, какъ и о аналогичныхъ законахъ всякой другой области человѣческой жизни, немыслимой безъ дѣятельности личности, психическаго элемента ея природы. Такимъ образомъ, взглядъ Ратковскаго на предметъ національной экономіи совершенно ложенъ, какъ неправильно и само включеніе имъ этой науки въ число политическихъ наукъ, съ которыми она ничего не имѣетъ общаго. Тоже самое мы должны сказать и о другой „психологической" государственной наукѣ,—ученіи о населеніи, которое имѣетъ дѣло, по Ратковскому, съ общественными явленіями, корень которыхъ находится въ половыхъ и родительскихъ интересахъ людей; эта наука должна установить психологическіе законы чрезмѣрнаго или же недостаточнаго населенія различныхъ частей земли (79 и 84 с.). Такъ, снова на сценѣ психологическіе законы только на этотъ разъ sui generis—половыхъ и родительскихъ интересовъ человѣка. Тѣ и другіе интересы, представляющіе собою въ сущности одно неразрывное цѣлое, оказываются проникнутыми насквозь духовнымъ элементомъ, чисто матеріальныя (инстинктивныя) явленія человѣческой жизни выдаются за исключительно психическія. До такого абсурда доходитъ страсть нѣмецкаго энциклопедиста къ классификаціи наукъ, которая должна быть основана на коренныхъ свойствахъ явленій, изучаемыхъ различными отраслями знанія. Къ числу такихъ главныхъ свойствъ всѣхъ міровыхъ явленій, на различіи которыхъ основывается дѣленіе всѣхъ наукъ на двѣ главныя группы: науки, изучающія явленія духовнаго міра и—матеріальнаго, принадлежатъ духъ и матерія, границу между которыми естественныя науки давно уже стремятся уничтожить, но безуспѣшно. Но даже самые ярые защитники монизма—господства одного матеріальнаго начала въ мірѣ не отвергаютъ нѣкотораго самостоятельнаго характера многихъ психическихъ явленій (напр., мысли, сознанія человѣка и его само-

сознанія), позволяющаго отличать психическія явленія отъ матеріальныхъ. Ратковскій не желаетъ, повидимому, согласиться даже на такую уступку, чѣмъ вноситъ полный сумбуръ въ классификацію политическихъ наукъ. Изъ остальныхъ психологическихъ государственныхъ наукъ наука объ обществѣ можетъ быть названа психологическою уже по одному тому, что члены общества — отдѣльные индивидуумы, жизнь которыхъ подчиняется психологическимъ законамъ. Кромѣ того, въ общественной жизни проявляется и своеобразная „народная психологія", изученіемъ которой занимаются теперь многіе современные нѣмецкіе ученые (Лацарусъ, Штейнталь и др.), но называть соціологію государственною наукою значитъ обнаруживать полное незнакомство съ цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ попытокъ нѣмецкихъ же ученыхъ отдѣлить понятіе общества отъ понятія государства и науку объ обществѣ отъ науки о государствѣ. Эти попытки были вызваны сильнымъ развитіемъ въ 20 г.г. текущаго столѣтія соціалистическихъ и коммунистическихъ идей и плановъ соціальной реформы, грозившихъ самому существованію западно-европейскаго общества. На защиту этого общества выступила нѣмецкая государственная наука въ лицѣ Р. ф. Моля, Трейчке, Штейна, Блюнчли и другихъ ученыхъ, стремившихся уяснить природу общества и отношеніе его къ государству, также какъ и взаимную связь и вмѣстѣ съ тѣмъ различіе науки объ обществѣ отъ науки о государствѣ. Дѣло нѣмецкихъ ученыхъ продолжалъ и продолжаетъ теперь извѣстный англійскій ученый, Гербертъ Спенсеръ, создавшій науку объ обществѣ и давшій опытъ самостоятельной обработки отдѣльныхъ ея частей [1]). Съ точки зрѣнія Спенсера и современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ соціологія обнимаетъ собою всѣ науки объ отдѣльныхъ сферахъ общественной жизни и въ числѣ ихъ „науку о правѣ и государствѣ". Ратковскому неизвѣстно все это движеніе въ сферѣ научнаго развитія понятій о правѣ, государствѣ и обществѣ и потому онъ пре-

---

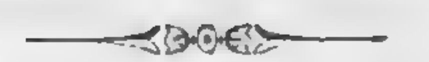
[1]) См. напр., его «Развитіе политическихъ учрежденій», «Данныя науки о нравственности» и др.

спокойно вноситъ въ Энциклопедію Права давно уже отброшенное смѣшеніе соціологіи съ политической наукой, долго и вредно отражавшееся на развитіи личной свободы въ западно-европейскихъ государствахъ. Ратковскій вѣренъ нѣмецкой наукѣ только въ понятіи общества, которое изучается многими нѣмецкими учеными (особенно же Л. ф. Штейномъ) исключительно съ экономической точки зрѣнія. Устанавливая понятіе общества, Ратковскій говоритъ о движеніяхъ въ общественной жизни, соціальной борьбѣ, которая ведется здѣсь между различными кружками изъ за своихъ отдѣльныхъ, эгоистическихъ интересовъ, за преобладаніе въ обществѣ, честь и свободу, общественныя блага и положеніе въ обществѣ, выставляетъ противоположность разъединяющихъ людей интересовъ: племенныхъ, религіозныхъ, имущественныхъ и проч. (85—90 с.). Такимъ образомъ, у Ратковскаго общество—соединеніе массы группъ людей, живущихъ между собою въ безпрерывной враждѣ и борьбѣ изъ своихъ эгоистическихъ интересовъ, нисколько непримиряемыхъ даже „этическимъ правомъ“ Ратковскаго, которое было бы здѣсь вполнѣ умѣстно. Должна ли наука объ обществѣ, понимаемая въ такомъ смыслѣ, заниматься изслѣдованіемъ психическихъ законовъ соціальной жизни (89 с.), этотъ вопросъ остается открытымъ въ виду неразработанности соціологіи и отсутствія согласія ученыхъ даже относительно ея предмета (90 с.). Наконецъ, ученіе о государствѣ, какъ послѣдняя полит. психолог. наука, по Ратковскому, опредѣляется имъ правильно, какъ ученіе объ основаніяхъ политической жизни общества (91—92 с.), только, конечно, не психологическихъ. Какъ практическая, а не теоретическая полтическая наука, ученіе о государствѣ совпадаетъ съ политикой нѣмецкихъ ученыхъ (напр., Блюнчли), которую Ратковскій помѣстилъ, однако, въ число юридическихъ наукъ. Трудно также согласиться съ нимъ, что ученіе объ управленіи съ его многочисленными отраслями—практическая государ. наука: въ администр. правѣ существуетъ цѣлая выработанная теорія объ организаціи и функціяхъ управленія.

Намъ остается немного прибавить къ нашимъ замѣчаніямъ о

руководствѣ по Энциклопедіи Права Ратковскаго. Изъ всего сказаннаго нами по поводу различныхъ его взглядовъ на основные вопросы права и государства можно заключить, что книжка Ратковскаго не только не можетъ служить пособіемъ для ихъ изученія, но въ состояніи дать самое превратное понятіе о наукѣ права и государства, имѣющей въ лицѣ Ратковскаго самаго зауряднаго и отсталаго въ многихъ отношеніяхъ ея представителя.

В. Щегловъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 20.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литог. Г. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.
1891.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 20-го Юридической Библіографіи.

И. Я. Фойницкій, Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ, С.-Петербургъ, 1889 г., 503 стр.

(Продолженіе).

Отвергая ссылку, г. Фойницкій рѣшительно высказывается за тюрьму, но, по нашему мнѣнію, нѣсколько ее идеализируетъ, преувеличивая ея положительныя стороны. Крупное достоинство тюремнаго заключенія, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что оно можетъ прибѣгать не только къ мѣрамъ матеріальнаго или физическаго воздѣйствія на наказываемаго, подобно наказаніямъ тѣлеснымъ и имущественнымъ, но сверхъ того и къ мѣрамъ духовнаго или психическаго на него воздѣйствія (стр. 319). Ошибочность этого замѣчанія—та, что не только тюрьма, но и имущественныя и даже тѣлесныя наказанія не лишены психическаго воздѣйствія на караемаго; они также создаютъ для личности мотивы дѣятельности, которымъ она вольна слѣдовать или не слѣдовать. При имущественныхъ наказаніяхъ главная задача именно и сводится къ такому психическому воздѣйствію или, какъ авторъ его называетъ, къ посредственному принужденію; если бы соединеніе съ ними этой цѣли было невозможно, то сами имущественныя наказанія не имѣли бы смысла, ибо наказаніе, по словамъ самаго автора, носитъ въ себѣ личную природу, непремѣнно направляется на личность преступника, на тѣ его индивидуальныя условія, которыя вызвали уголовно-запрещенное дѣяніе; „даже имущество поражается наказаніемъ, замѣчаетъ онъ, какъ причиненіе извѣстнаго *личнаго страданія* наказываемому вслѣдствіе потери его“ (стран. 49). Правда, при тюрьмѣ психическое воздѣйствіе гораздо шире, чѣмъ при другихъ указанныхъ наказаніяхъ, но это вовсе не равносильно отсутствію его при сихъ послѣднихъ. Признавая односторонность приведеннаго замѣчанія г. Фойницкаго, мы, конечно, не можемъ согласиться и съ тѣмъ выводомъ, который онъ

дѣлаетъ, пользуясь имъ, какъ посылкой. „Опираясь на мѣры не только матеріальнаго, но и духовнаго воздѣйствія, продолжаетъ онъ, съ тенденціею большаго и большаго расширенія послѣднихъ, тюремное заключеніе представляется наказаніемъ *наиболѣе гуманнымъ* и соотвѣтствующимъ современному культурному строю, основное требованіе котораго—достиженіе общественной пользы путемъ доставленія пользы личности и забота о ней“ (стр. 320). Нѣтъ сомнѣнія въ гуманности тюремнаго заключенія, но чтобы оно было гуманнѣе имущественныхъ наказаній или простыхъ выговоровъ—это еще вопросъ. Мы напротивъ думаемъ, что эти послѣднія наказанія, какъ не соединенныя съ лишеніемъ болѣе важнаго блага, каковымъ является свобода, представляются болѣе гуманными и, какъ мы уже сказали, на болѣе высокихъ стадіахъ культуры можно ожидать ихъ расширенія на счетъ тюрьмы.

Трудно также согласиться съ авторомъ, что тюрьмою, благодаря ея гибкости и разнообразію находящихся въ ея распоряженіи средствъ, достигается цѣль устрашенія болѣе, чѣмъ всякимъ другимъ наказаніемъ (тамъ-же). Справедливо, конечно, что тюремное заключеніе репрессивно, но чтобы оно было репрессивнѣе смертной казни или тѣлесныхъ наказаній и даже ссылки—это опять таки вопросъ. Противъ такого мнѣнія говоритъ, во 1-хъ, народное убѣжденіе, всегда считавшее смертную казнь и тяжкія тѣлесныя кары наиболѣе устрашительными наказаніями, во 2-хъ, все болѣе и болѣе проникающая въ современный тюремный режимъ идея прогрессивности, раскрывающая по мѣрѣ успѣховъ въ поведеніи арестанта все менѣе и менѣе мрачные для него горизонты, вслѣдствіе чего важнѣйшій моментъ устрашительности тюремнаго заключенія—его продолжительность значительно слабѣетъ. Жизнь намъ представляетъ не мало случаевъ совершенія преступленій съ грубо-эгоистическою цѣлью попасть въ тюрьму, гдѣ есть и помѣщеніе и пища, но чтобы кто либо совершалъ преступленіе съ такою же цѣлью попасть на плаху или на экзекуцію кнутомъ или плетьми—этого, кажется, не бывало. Очевидно, что объясненіе этого обстоятельства скрывается не въ

одной случайности, а въ различной степени воздѣйствія названныхъ наказаній на воображеніе и волю людей. Преувеличивая, такимъ образомъ, достоинства тюремнаго заключенія, г. Фойницкій хочетъ отразить справедливое возраженіе противъ тюрьмы, что она исключаетъ семью, слѣдующимъ соображеніемъ: „опытъ показываетъ, говоритъ онъ, что семья невозможна и въ ссылкѣ, гдѣ женскій вопросъ всегда былъ и будетъ самымъ труднымъ для разрѣшенія; вмѣстѣ съ тѣмъ идея тюрьмы не противорѣчитъ допущенію связей съ семьей, напр. освобожденію на время, свободное отъ занятій (стр. 321). Противъ этого соображенія достаточно сказать, что невозможность семьи въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ далеко не одинаковая; въ ссылкѣ невозможна, такъ сказать, нормальная семья, т. е. та, которую представляетъ обыкновенная народная жизнь. Вообще же семья совершенно возможна въ ссылкѣ, такъ-какъ режимъ послѣдней не мѣшаетъ ни продолженію уже существующихъ семейныхъ связей, ни заключенію новыхъ, что́ мы и находимъ почти повсюду въ практикѣ ссылки. Не то мы видимъ въ тюрьмѣ; здѣсь заключеніе новыхъ семейныхъ связей почти не допускается, да и продолженію уже существующихъ ставятся весьма серьезныя преграды. Поэтому разница въ степени невозможности или, точнѣе, въ степени возможности семьи въ ссылкѣ и тюрьмѣ довольно крупная.

Кромѣ этого недостатка, въ ученіи о тюрьмахъ замѣчаются еще и другія. Оцѣнивая систему молчанія, г. Фойницкій находитъ, что послѣдняя сообщаетъ лишенію свободы значительную репрессивность, облегчаетъ надзоръ и составляетъ лишеніе лишь для самыхъ испорченныхъ арестантовъ, привыкшихъ къ тюремнымъ бесѣдамъ, *для другихъ же есть истинное благодьяніе*. Это послѣднее свое заключеніе онъ подтверждаетъ ссылкой на показанія подслѣдственныхъ арестантовъ въ Англіи, спрошенныхъ въ одной тюрьмѣ въ 30-хъ годахъ; изъ 64-хъ человѣкъ только 8 высказались противъ молчанія, въ числѣ коихъ было 5 закоренѣлыхъ рецидивистовъ (стр. 338—339). Ошибка автора состоитъ въ томъ, что онъ забываетъ ту обстановку, при ко-

торой изъ 64 арестантовъ 56 предпочитаютъ молчаніе; это предпочтеніе возможно только тогда, когда веденіе разговоровъ не регулируется никакими правилами, открывая полный просторъ для непроходимаго цинизма и грубости; при такой обстановкѣ молчаніе для лучшихъ заключенныхъ дѣйствительно будетъ благодѣяніемъ. Но едва ли оно будетъ благодѣяніемъ для нихъ тогда, когда бесѣды подчинены дисциплинѣ, когда напр. дозволяется говорить лишь въ извѣстное время—за обѣдомъ, ужиномъ и т. п. и когда запрещаются цѣничныя и пустыя или праздныя бесѣды. Не думаемъ, чтобы при такой обстановкѣ большинство заключенныхъ предпочло обязательное молчаніе, столь противорѣчащее самой природѣ человѣка, его естественной потребности въ обмѣнѣ мыслями съ другими. Справедливость нашей мысли видна и изъ самопротиворѣчія автора; признавъ, какъ мы видѣли, молчаніе для неиспорченныхъ заключенныхъ благодѣяніемъ, онъ въ числѣ недостатковъ данной системы выставляетъ, между прочимъ, слѣд.: „арестантъ, находясь въ постоянномъ раздраженіи противъ суровыхъ мѣръ, запрещающихъ ему пользоваться его естественною способностью, дѣлается менѣе доступнымъ исправленію; что же касается женскихъ тюремъ, то необходимо, чтобы и надзирательницы не нарушали обязанности молчанія, но отыскать женщинъ, имѣющихъ настолько энергіи, чтобы наложить добровольно ограниченіе на свой языкъ, было положительно невозможно (стр. 340).

Неудачна также и устанавливаемая г. Фойницкимъ классификація тюремныхъ системъ. Справедливо находя болѣе цѣлесообразной классификацію по внѣшнимъ признакамъ, нашъ авторъ предлагаетъ ее въ слѣдующемъ видѣ: 1) ночное разъединеніе арестантовъ; 2) система молчанія; 3) одиночная система въ трехъ развѣтленіяхъ: a) келейное заключеніе, b) филадельфійская система и c) индивидуальное заключеніе и 4) система прогрессивности (стр. 329—356). Съ перваго же взгляда видна неумѣстность перваго дѣленія; ночное разъединеніе само по себѣ не доказываютъ еще сколько нибудь серьезной цѣлесообразности системы, ибо оно совершенно не опредѣляетъ природы дневнаго

содержанія арестантовъ, имѣющаго гораздо бо́льшее значеніе; съ именемъ ночнаго разъединенія не связано никакого представленія о какой либо руководящей идеѣ тюремнаго режима, которая, конечно, должна лежать въ основѣ классификаціи. Съ этой точки зрѣнія и общее заключеніе днемъ и ночью, господствовавшее въ старомъ правѣ, не должно занимать мѣста въ классификаціи тюремныхъ системъ, ибо никакой сколько нибудь разумной системы тутъ не было, да и не могло быть. Совершенно иными представляются другія дѣленія: одиночная система, молчанія и прогрессивная; это дѣйствительно системы и системы типичныя, ибо каждая изъ нихъ проникнута общей руководящей идеей и притомъ идеей самостоятельной, отличной отъ руководящаго начала другой чистемы. Этими дѣленіями и слѣдовало ограничиться автору тѣмъ болѣе, что ночное разъединеніе образуетъ необходимый элементъ системы молчанія, введенный въ нее при самомъ ея возникновеніи (стр. 333); замѣтимъ, что эти дѣленія принадлежатъ къ господствующимъ [1]).

Кромѣ погрѣшности въ общей схемѣ дѣленія тюремныхъ системъ, замѣчается погрѣшность и въ частностяхъ классификаціи. Смотря по тому, говоритъ авторъ, имѣютъ ли въ виду уединить заключенныхъ отъ другихъ товарищей и затюремнаго міра или только отъ товарищей, одиночная система распадается на системы келейнаго и индивидуальнаго или одиночнаго заключенія въ тѣсномъ смыслѣ; переходную ступень между ними образуетъ система филадельфійская (стр. 340—341). По поводу такого расчлененія одиночной системы слѣдуетъ замѣтить, что если подраздѣленіе ея на келейную и индивидуальную и можетъ быть до нѣкоторой степени оправдано, то нельзя одобрить выдѣленія филадельфійской системы, какъ самостоятельнаго подвида. Чтобы убѣдиться въ правильности этого послѣдняго заключенія, достаточно установить самопротиворѣчіе автора. По его же собственнымъ словамъ, келейное заключеніе, примѣнявшееся

[1]) Hugo Meyer, Lehrbuch, 1888 г., стр. 417; Кистяковскій, Учебникъ, § 460; Сергѣевскій, Пособіе, изд. 2-е, 169—176.

какъ мѣра религіознаго исправленія, носило слѣдующія черты: уединеніе, работа, молчаніе, молитва и посѣщеніе начальника тюрьмы или его агента для утѣшенія и укрѣпленія въ добрыхъ намѣреніяхъ (стр. 341, 343). Но тоже самое встрѣчается и въ филадельфійской системѣ: „Все время заключенія въ кельѣ, говоритъ г. Фойницкій, арестантъ никуда не выходитъ и ни съ кѣмъ не видится, какъ изъ своихъ товарищей по заключенію, такъ и съ затюремнымъ міромъ; въ этомъ отношеніи филадельфійская система сходна съ келейною, но она возлагаетъ на *тюремное начальство обязанность* по возможности часто *посѣщать* его и кромѣ того даетъ это право членамъ благотворительнаго общества, учредившагося для „устраненія тюремныхъ бѣдствій". Еще болѣе крупное отличіе ея отъ келейной системы состоитъ въ томъ, что она *вводитъ работы для заключенныхъ* и заботится объ образованіи арестантовъ путемъ уроковъ, даваемыхъ въ кельѣ, и тюремной библіотеки (стр. 344). Какъ видимъ, различіе двухъ противополагаемыхъ г. Фойницкимъ системъ слишкомъ несущественно, чтобы требовало самостоятельной ихъ классификаціи; впрочемъ, въ той обрисовкѣ видовъ одиночной системы, какую предлагаетъ авторъ, нѣтъ основанія къ противоположенію филадельфійской системы и съ индивидуальнымъ заключеніемъ, ибо и здѣсь черты различія совершенно несущественны (см. стр. 346). Правильнѣе поэтому, думается намъ, было бы вмѣсто расчлененія одиночной системы на виды, изложить ее въ главныхъ историческихъ модификаціяхъ; тогда бы получился выигрышъ, во 1-хъ, въ цѣльности историческаго впечатлѣнія, во 2-хъ, въ ясности обрисовки системы и, въ 3-хъ, въ исключеніи искуственныхъ, натянутыхъ противопоставленій.

Въ очеркѣ мѣръ и органовъ тюремной дѣятельности, наше вниманіе прежде всего останавливаетъ замѣчаніе автора, что странно было-бы наказывать арестантовъ за дурные успѣхи въ школѣ или за слабую религіозность. Это замѣчаніе г-на Фойницкаго есть выводъ изъ слѣдующей посылки: „тамъ, гдѣ успѣхъ тюремныхъ мѣръ, говоритъ онъ, зависитъ исключительно отъ добровольнаго служенія имъ со стороны арестанта, всякія при-

нудительныя мѣры дисциплины окажутся неумѣстными" (стр.394). По словамъ самаго автора, образованіе есть необходимая мѣра тюремной дѣятельности, обязательная для арестантовъ (стр. 376, 377, 381); если такъ, то здѣсь не можетъ быть рѣчи объ „исключительно достовольномъ служеніи этой мѣрѣ со стороны арестанта", а слѣдовательно наказаніе арестантовъ за дурные успѣхи въ школѣ, происходящіе напримѣръ отъ лѣности или небрежности, не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго и противорѣчащаго воспитательнымъ задачамъ тюремной дѣятельности тѣмъ болѣе, что наказаніе за дурные успѣхи нисколько не противорѣчитъ задачамъ воспитанія вообще. Точно также не представляетъ ничего страннаго и взысканіе за религіозную небрежность со стороны арестантовъ, принадлежащихъ къ данному культу; если такіе арестанты по легкомыслію или безразсудству станутъ фрондировать противъ исповѣдуемаго ими культа и тѣмъ вводить въ соблазнъ другихъ, то, кажется, совершенно правильно поступитъ тюремное начальство, если съ нихъ взыщетъ и побудитъ ихъ обратиться къ религіозному долгу. Нельзя, конечно, насиліемъ принуждать арестанта къ религіозности, но можно и должно поддержать и укрѣпить воспринятыя имъ съ дѣтства религіозныя начала, нерѣдко оказывающія, по признанію самаго автора, поразительное вліяніе на натуры, отъ которыхъ отступалась школа и всѣ воспитательные элементы свѣтскаго характера (стр. 376). Не даромъ же религіозное образованіе и посѣщеніе церкви общепринято въ тюрьмахъ; можно, конечно, согласиться съ авторомъ, что постановка религіозно-воспитательнаго просвѣщенія въ тюрьмахъ довольно одностороння и требуетъ поправки въ смыслѣ расширенія умственнаго образованія, но трудно отрицать его обязательную необходимость въ исправительныхъ цѣляхъ, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Royer-Collard, общество нуждается въ морали, а мораль получаетъ положительную и догматическую санкцію только въ религіи [1]).

---

[1]) M. de Barante, La vie politique de M. Royer-Collard, Ses discours et ses écrits, 1863 г., т. 2, стр. 244.

Затѣмъ, достойно вниманія и мнѣніе автора, что для военныхъ арестантовъ, которые по отбытіи заключенія въ тюрьмѣ за общее преступленіе, снова возвращаются къ своему посту, самою лучшею формою тюремнаго содержанія представляется общее заключеніе. Свое мнѣніе г. Фойницкій подкрѣпляетъ тѣмъ, что въ случаяхъ этого рода мѣры тюремнаго содержанія дежны быть расчитаны именно на военную службу и задачи ихъ—поддержать, развить, даже воспитать въ арестантѣ тѣ именно стороны, которыя необходимы не только для гражданина, но и для солдата, такъ напр. въ рядъ арестантскихъ занятій необходимо включить воинскія упражненія (стр. 437). Для насъ несовсѣмъ понятно, почему для воспитанія въ арестантѣ воинскихъ способностей и чувствъ необходимо непремѣнно общее заключеніе и почему тоже не можетъ быть достигнуто инымъ тюремнымъ режимомъ. Къ сожалѣнію, авторъ на этотъ вопросъ не даетъ отвѣта, а между тѣмъ мы видимъ, что въ нашихъ военно-исправительныхъ ротахъ и военныхъ, а также морскихъ тюрьмахъ, представляющихъ едва ли не наиболѣе цѣлесообразную у насъ организацію, практикуется оборнская система и арестанты, поступающіе сперва въ разрядъ испытуемыхъ, половину срока пребыванія въ этомъ разрядѣ содержатся въ одиночномъ заключеніи, а затѣмъ переходятъ на порядокъ ночнаго разъединенія съ общими работами (стр. 359—360, 438). Отмѣтимъ еще двѣ неточности въ разбираемомъ отдѣлѣ. Излагая Англійскую систему тюремнаго режима, г. Фойницкій на стр. 405 заявляетъ, что отмѣтки, какъ средство возбужденія соревнованія среди арестантовъ, въ Англійскихъ тюрьмахъ *выдаются только за работу*; но не далѣе, какъ черезъ три страницы (408--409), мы у него читаемъ, что на практикѣ, однако, отмѣтки здѣсь выдаются надзирателями не столько за работу, сколько за поведеніе. Этого противорѣчія не было бы, если бы авторъ сразу же на 405 страницѣ указалъ разладъ практики съ закономъ. Раздѣляя досрочное освобожденіе узниковъ на условное и безусловное, г. Фойницкій сначала признаетъ, что только первое имѣетъ значеніе тюремно-воспитательной мѣры, второе же есть видъ помило-

ванія (стр. 416), но на слѣдующей же страницѣ замѣчаетъ, что „мѣрою тюремнаго воспитанія безусловное досрочное освобожденіе становится, когда, переставая быть исключеніемъ для отдѣльныхъ случаевъ, начинаетъ практиковаться правильно и основывается на указаніяхъ тюремнаго начальства; въ такомъ именно видѣ оно извѣстно тюрьмамъ Франціи“, а также, прибавимъ мы, согласно тексту автора, одиночнымъ тюрьмамъ Америки, Лувенскому и Брукзальскому пенитенціаріямъ (стр. 417). Такимъ образомъ, не только условное освобожденіе, но и безусловное, вопреки общему неограниченному заявленію автора, можетъ имѣть значеніе тюремно-воспитательной мѣры.

По поводу ученія о заведеніяхъ принудительнаго воспитанія молодежи замѣтимъ, что правильнѣе, думается намъ, избѣгать спорной и путанной терминологіи, такой какъ *полная и смягченная вмѣняемость* (стр. 441). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о возможности или невозможности смягченной вмѣняемости, нельзя не признать, что доктрина только выиграетъ въ ясности, если перестанетъ дѣлить вмѣняемость на степени и вопросъ о сихъ послѣднихъ перенесетъ въ ученіе объ обстоятельствахъ, опредѣляющихъ размѣры наказуемости. Нѣтъ никакого сомнѣнія, справедливо говоритъ Таганцевъ, что какъ способность сознавать и понимать окружающія насъ явленія, такъ и способность оцѣнивать сознанное, допускаютъ различные оттѣнки, измѣняющіеся какъ количественно, такъ и качественно, но эти оттѣнки относятся къ вопросу о выборѣ мѣры отвѣтственности, не имѣя никакого значенія для установленія общаго понятія о вмѣняемости, такъ какъ въ этомъ отношеніи существуетъ только двоякая возможность: или признать, что въ данномъ случаѣ существуютъ условія, устраняющія вмѣняемость или установить, что таковыя отсутствуютъ [1]). Оспариваемая терминологія автора тѣмъ болѣе неожиданна, что употреблена въ отдѣлѣ о наказаніи; впрочемъ, г. Фойницкій счелъ необходимымъ здѣсь же изложить

---

[1]) Лекціи, вып. II, стр. 435—436; см. также Hugo Meyer, Lehrbuch, стр. 185; ср. Liszt, Lehrbuch, 152.

все ученіе о вліяніи молодаго возраста на вмѣняемость и наказуемость (стр. 452—453, 456—461, 465), ничѣмъ не мотивируя такого особеннаго пріема. Намъ кажется, что было бы послѣдовательнѣе съ его стороны, если бы онъ, вслѣдъ за своимъ авторитетомъ Листомъ, въ ученіи о наказаніи ограничился изложеніемъ возраста, какъ обстоятельства, вліяющаго лишь на смягченіе наказанія, а не на исключеніе вмѣняемости; возрастъ въ этомъ послѣднемъ значеніи долженъ занимать мѣсто въ ученіи о преступленіи [1]).

Въ ученіи о полицейскомъ надзорѣ г. Фойницкій высказываетъ мысль, что перенесеніе на полицейскій надзоръ задачъ попечительныхъ, какъ показываетъ опытъ, неосуществимо (стр. 458). Напротивъ, какъ показываетъ опытъ Ирландіи и Англіи (стр. 488—489; Кистяковскій, Учебникъ, стр. 898—899), подобное перенесеніе возможно и иногда сопровождается полезными результатами, которые были признаны и одобрены на Лондонскомъ тюремномъ конгрессѣ. Приведенное положеніе автора, взятое въ той категорической формѣ, въ какой оно выражено, расходится и съ его же собственными взглядами. Свое ученіе о полицейскомъ надзорѣ онъ начинаетъ такъ: „По освобожденіи отъ заключенія наказанный встрѣчается съ соблазнами свободной жизни и значительными трудностями пріискать честный заработокъ; это вызываетъ примѣненіе мѣръ, слѣдующихъ за освобожденіемъ и необходимыхъ въ интересахъ общественныхъ. Исторіи наказанія и современному состоянію извѣстны двѣ такія мѣры: одна расчитана главнымъ образомъ на обезпеченіе общественной безопасности, таковъ полицейскій надзоръ; другая—на оказаніе освобожденному поддержки въ борьбѣ его съ трудностями и соблазнами свободной жизни; таковъ патронатъ. Но онѣ сходятся въ своей конечной цѣли предъупредить вѣроятное впаденіе освобожденнаго въ новое преступленіе и потому новѣйшему времени принадлежитъ мысль объединенія ихъ въ одной мѣрѣ—попечительнаго надзора или предъупредительнаго патроната (стран. 483).

---

[1]) Liszt, Lehrbuch, стр. 270; см. также стр. 155—157.

Вообще при построеніи полицейскаго надзора, замѣчаетъ далѣе г. Фойницкій, необходимо имѣть въ виду *главнымъ образомъ* интересы общественной безопасности, т. е. задачи предъупредительныя" (стр. 485). Итакъ, самъ авторъ въ этихъ строкахъ не отрицаетъ возможности исполненія полицейскимъ надзоромъ и задачъ попечительныхъ, приписывая ему предъупредительныя задачи только по преимуществу, а не исключительно. Поэтому оспариваемое его замѣчаніе о задачахъ полицейскаго надзора, защищаемое имъ притомъ въ принципѣ, ставитъ его въ самопротиворѣчіе. Напрасно г. Фойницкій надѣется подкрѣпить свое положеніе тѣмъ, что попеченіе не совмѣстно съ наказаніемъ, каковымъ является полицейскій надзоръ, ибо попеченіе, составляя благодѣяніе, не можетъ быть обязательно для благодѣтельствуемаго и для успѣха его необходимо довѣріе послѣдняго къ органамъ его и добровольное съ его стороны подчиненіе всѣмъ его условіямъ (стр. 485). Напротивъ, успѣшное осуществленіе современныхъ исправительныхъ задачъ наказанія невозможно безъ заботливаго попеченія о преступникѣ, столь важнаго для его моральнаго подъема, и такое попеченіе, составляющее благодѣяніе для узника, для него обязательно, при чемъ его успѣхъ вовсе не зависитъ отъ того факультативно-добровольнаго подчиненія всѣмъ его условіямъ, какое въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду авторъ. Если, такимъ образомъ, соединеніе попеченія съ наказаніемъ допустимо въ періодъ заключенія преступника, то тѣмъ болѣе оно возможно по освобожденіи.

Въ заключеніе укажемъ рядъ менѣе важныхъ недостатковъ разбираемаго труда, состоящихъ въ неточностяхъ, противорѣчіяхъ и опечаткахъ. 1) На первоначальныхъ ступеняхъ исторіи уголовнаго права, говоритъ г. Фойницкій, нѣтъ понятія права, оно замѣняется понятіемъ односторонняго, непризнаннаго другими интереса (права необъективировавшагося); соотвѣтственно этому нѣтъ и понятія неправды, его замѣняетъ субъективное понятіе обиды, нѣтъ наказанія, его замѣняетъ месть (стр. 4—5). Вслѣдъ за симъ авторъ замѣчаетъ слѣд.: „Но уже *самыя раннія извѣстія* изображаютъ намъ человѣка въ состояніи *общест-*

венномъ. На его отношеніяхъ къ другимъ людямъ вліяніе общежитія сказываются весьма естественно. Вѣрованія религіозныя, общественные нравы и *обычаи* руководятъ и рукою мстителя“ (стр. 5). Итакъ, обычаи дѣйствуютъ, по признанію автора, начиная съ самыхъ первыхъ ступеней исторіи; но что же такое обычай, какъ не объективировавшееся уже право, предполагающее, очевидно, и выработанное общежитіемъ понятіе неправды, а слѣд. и наказанія. Справедливо говоритъ проф. Владимірскій-Будановъ, что какъ скоро существуютъ союзы семейный, родовой и общинный, личная обида, нанесенная одному члену союза, чувствуется всѣмъ союзомъ, и чѣмъ шире союзъ, чѣмъ дальше онъ отъ непосредственныхъ кровныхъ началъ, тѣмъ больше личное чувство раздраженія переходитъ въ хладнокровное сознаніе неправоты, требующей наказанія. Поэтому месть и выкупы должны быть отнесены къ явленія правомѣрнымъ[1]).

2) Излагая современную западно-европейскую континентальную систему наказаній, г. Фойницкій въ числѣ ихъ называетъ, между прочимъ, и публичную выставку (стр. 77). Однако, далѣе въ ученіи: „Пораженіе чести и правъ“ авторъ не указываетъ ни одного государства, гдѣ бы это наказаніе сохранилось; изъ его текста напротивъ можно заключить, что оно отмѣнено и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ долѣе другихъ удерживалось (стр. 164).

3) Переходя затѣмъ къ русской системѣ наказаній въ ея современномъ положеніи, авторъ почему то счелъ необходимымъ сюда же внести и краткія историческіе очерки (стр. 78—82), которые потомъ съ бо́льшей обстоятельностью предлагаются при изложеніи отдѣльныхъ видовъ наказаній (158—162; 267—300 и другіе). Вслѣдствіе этого нерѣдко встрѣчаются повторенія, которыя, нарушая стройность изложенія, ничѣмъ не оправдываются. Если авторъ замѣтитъ намъ, что онъ въ названныхъ очеркахъ хотѣлъ указать основныя идеи, подъ вліяніемъ коихъ скла-

---

[1]) Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 3; см. тотъ же взглядъ у Таганцева, Лекціи, вып. III. стр. 1088; также у Листа, Lehrbuch, стр. 24, примѣч. 1-е.

дывалась въ исторіи наша карательная система (см. стр. 79), то на это мы отвѣтимъ, что эту задачу лучше всего было выполнить тамъ, гдѣ онъ развиваетъ идею цѣлесообразности наказанія въ историческомъ ея развитіи и гдѣ дѣйствительно нѣкоторыя изъ упомянутыхъ основныхъ идей и отмѣчаются иногда со ссылкою на Россію (стр. 64), такъ что авторъ потомъ въ русской системѣ наказаній опять таки повторяется. Вообще, думается намъ, изложеніе г-на Фойницкаго только выиграло бы въ стройности, если бы онъ въ очеркѣ русской системы наказаній въ ея совершенномъ состояніи ограничился лишь догмой этого вопроса, не обращаясь къ исторіи, какъ это онъ и сдѣлалъ при изложеніи англійской и западно-европейской континентальной системы наказаній (стран. 76—78).

4) По словамъ г. Фойницкаго, безусловно неопредѣлонная санкція закона до сихъ поръ сохраняется въ нашемъ уложеніи о наказ., таковы напр. ст. 301, 548 и 551 (стр. 90, 100). Авторъ здѣсь смѣшиваетъ абсолютно-неопредѣленную санкцію со ссылочной; во всѣхъ трехъ названныхъ авторомъ статьяхъ, правда, наказаніе не указывается, но за то дѣлаются ссылки на другія статьи, гдѣ оно опредѣлено; такъ, 301 ст. ссылается на 1026 улож. и 34 уст. о наказ.; 548—на ст. 1628—1682 улож. и 169—181 уст., 551—на ст. 1606—1625 улож. и на 152 уст. о наказ. Всѣ эти три статьи въ сущности представляютъ только лишній балластъ, который съ успѣхомъ могъ быть выброшенъ изъ уложенія. Въ ст. 548 и 551 законодатель какъ-бы говоритъ, что данныя посягательства ничѣмъ по наказуемости не слѣдуетъ отличать отъ преступленій того рода или типа, разновидность котораго они составляютъ, т. е. похищеніе, истребленіе или поврежденіе казеннаго имущества подлежитъ тѣмъ же карамъ, какъ и похищеніе, истребленіе или поврежденіе чужаго имущества вообще. Эта оговорка совершено лишняя, ибо содержаніе ея само собой подразумѣвалось бы по началамъ толкованія; еще болѣе это послѣднее слѣдуетъ сказать относительно 301 ст., ненужность которой очевидна. Признавая, такимъ образомъ, въ приведенныхъ статьяхъ ссылочную санкцію,

замѣтимъ еще, что противоположный взглядъ автора приводитъ его къ самопротиворѣчію; по его же собственному опредѣленію, законы съ безусловно-неопредѣленной санкціей суть тѣ, въ которыхъ выборъ наказанія предоставляется суду *изъ всей системы карательныхъ мѣръ*, практикуемыхъ въ данную эпоху, таковы предписанія Соборнаго уложенія: „наказать нещадно“, „наказать по винѣ“, „а въ винѣ что государь укажетъ“ (стр. 89). Въ статьяхъ же, о которыхъ идетъ рѣчь, выборъ наказанія заключенъ въ опредѣленныя и точно указанныя границы, судья можетъ назначить лишь то наказаніе, которое опредѣлено въ соотвѣтственныхъ статьяхъ, на которыя сдѣлана ссылка, или вообще въ тѣхъ, которыя предъусматриваютъ данный родъ преступленій.

5) Въ очеркѣ постановленій положительнаго права о лишеніи правъ, г. Фойницкій права политическія, служебныя и общественныя противопоставляетъ другъ другу (стр. 173, 174), но это противоположеніе имъ не выдерживается и приводитъ его къ самопротиворѣчію. Такъ, включивъ сначала право быть присяжнымъ засѣдателемъ въ кругъ общественныхъ правъ (стран. 173), нашъ авторъ на слѣдующей же страницѣ это право сопричисляетъ къ политическимъ. Гораздо правильнѣе и проще, думается намъ, было бы служебныя и общественныя права соединить въ общее понятіе политическихъ или гражданскихъ правъ, что мы и видимъ у другихъ криминалистовъ [1]).

6) Въ Бруксальской тюрьмѣ, говоритъ авторъ, арестанты первые 6 лѣтъ заключенія обязательно содержатся въ отдѣльныхъ кельяхъ, а по истеченіи этого времени имѣютъ право просить о переводѣ ихъ въ общее заключеніе (стр. 353). Здѣсь ошибка или недоразумѣніе; по общегерманскому уложенію (§ 22), какъ заявляетъ самъ г. Фойницкій, одиночное заключеніе безъ согласія заключеннаго не можетъ длиться болѣе 3 лѣтъ (стр. 358), а это уложеніе въ настоящее время дѣйствуетъ во всей Германской имперіи, слѣд. и въ Баденѣ.

---

[1]) Hugo Meyer, Lehrbuch. стр. 437. 438; Liszt. Lehrbuch, 260; Кистяковскій, Учебникъ, стр. 885.

7) Въ главѣ о полицейскомъ надзорѣ читаемъ слѣдующее: „Законъ 1874 г. о надзорѣ во Франціи устраненъ законами 1885 г.—27 мая и 14 августа; первымъ для рецидивистовъ опасныхъ установлена релегація съ энергическимъ надзоромъ на мѣстѣ; второй даетъ администраціи право установить относительно условно-освобожденныхъ мѣры надзора, рекомендуя ей привлечь къ этому дѣлу общества патроната. Полицейскій надзоръ, *такимъ образомъ, вычеркнутъ* (?) изъ французскаго законодательства" (стр. 488). Здѣсь, очевидно, выводъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ фактическими посылками.

8) Выражая желаніе, чтобы члены патроната были допущены къ участію въ нѣкоторыхъ сторонахъ дѣятельности тюремной администраціи (стр. 493), г. Фойницкій не указываетъ этихъ сторонъ; объ этомъ нельзя не пожалѣть потому, что примѣръ участія членовъ нашихъ попечительныхъ о тюрьмахъ обществъ въ тюремномъ управленіи, повидимому, не совсѣмъ одобряется авторомъ; такъ, въ разныхъ мѣстахъ у него читаемъ, что даже допущенное въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ этого требовалъ Винингъ, это участіе все же повело къ *двоевластію въ этой области* (стр. 317), которое лишаетъ смотрителя тюрьмы самостоятельности и устраняетъ его отвѣтственность за ходъ тюремнаго дѣла, такъ-что необходима перемѣна въ данномъ положеніи послѣдняго (стр. 429), затѣмъ, что вообще задача нашихъ попечительныхъ обществъ, вѣдающихъ хозяйственную и духовную сторону тюремной жизни, крайне широка, не смотря на то, что сюда заботы объ освобожденныхъ изъ тюремъ не входятъ (стр. 499--500). Въ видахъ устраненія указанія на возможность возникновенія двоевластія и въ другихъ тюрьмахъ, а также въ интересахъ болѣе точнаго обозначенія предѣловъ требуемаго авторомъ участія членовъ патроната въ тюремной дѣятельности, ему необходимо было указать тѣ стороны послѣдней, участіе въ которыхъ названныхъ членовъ желательно.

9) Кромѣ прежде указанныхъ повтореній, въ книгѣ мѣстами встрѣчаются и другія; такъ, изложивъ на стр. 450--451 исторію

возникновенія принудительныхъ заведеній для молодежи въ Англіи, онъ тоже въ немногихъ словахъ повторяетъ на стр. 458; точно также разрѣшивъ косвенно на стр. 465 вопросъ о томъ, какъ быть по нашему праву съ несовершеннолѣтнимъ, котораго срокъ заключенія въ пріютѣ оканчивается по истеченіи 18 лѣтъ, предѣлъ, до котораго допускается пребываніе въ пріютѣ по 6 ст. уст. о наказ., авторъ въ сущности тоже самое повторяетъ и на стр. 470. Систематичнѣе было бы все разсужденіе по данному вопросу свести къ стр. 465.

10) Изъ опечатокъ, которыя, впрочемъ, весьма неважны, укажемъ три. На стр. 102 авторъ вмѣсто примѣчанія къ ст. 30 цитируетъ въ текстѣ примѣчаніе къ ст. 38. На стран. 173 онъ говоритъ такъ: „Независимо отъ этого, нѣкоторыя наказанія, предполагающія пожизненность, сопровождаются правоограниченіями по имуществу, именно ограниченіе (?) права распоряжаться имуществомъ по даренію, завѣщанію". На стр. 265 читаемъ слѣд.: „Люди праздные возбуждали сомнѣніе о (?) своей благонадежности".

Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій.

Н. Карѣевъ: „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи". 2-й выпускъ (289—627 стр.). С.-Петербургъ. 1890 года.

Содержаніе перваго выпуска, названнаго въ заглавіи, труда профессора Карѣева было изложено нами съ посильными замѣчаніями по поводу взглядовъ Карѣева въ 17 № юридической библіографіи. Мы довели тамъ это изложеніе до шестой главы первой книги, начало которой было помѣщено въ первомъ выпускѣ. Съ этой главы мы и начинаемъ свою статью. Шестая глава посвящена Карѣевымъ вопросу о причинной связи прагматическихъ фактовъ. Содержаніе прагматическаго процесса исторіи, на которомъ онъ здѣсь останавливается, составляютъ человѣческіе поступки: прагматическій процессъ—это длинная цѣпь

людскихъ дѣяній, изъ которыхъ одни являются причинами, а другія слѣдствіями. Прагматическій историческій процессъ не имѣетъ вполнѣ замкнутаго въ себѣ характера: онъ находится въ взаимодѣйствіи съ культурнымъ процессомъ исторіи и зависитъ отъ многихъ другихъ процессовъ остальныхъ міровыхъ явленій. Прагматическій процессъ исторіи совершается въ извѣстной физической, біологической и культурной средѣ, которая дѣйствуетъ на него различнымъ образомъ. Тѣ или другія въ нихъ измѣненія оказываютъ извѣстное вліяніе и на исторію. Но физическія и біологическія явленія имѣютъ по отношенію къ прагматическому процессу исторіи болѣе случайный характеръ, чѣмъ культурный процессъ исторіи: прагматическій и культурный процессы — только разныя стороны въ одномъ и томъ же процессѣ исторіи (180—185 с.).

Переходя теперь послѣ этихъ общихъ соображеній о прагматическомъ процессѣ исторіи къ вопросу о причинной связи историческихъ явленій, Карѣевъ замѣчаетъ, что этотъ важнѣйшій вопросъ въ исторической наукѣ совершенно не разработанъ историками. Вслѣдствіе этого нѣкоторые историческіе вопросы, какъ напримѣръ, вопросъ о свободѣ воли, закономѣрности, а главное—о роли личности въ исторія, ставятся и разрѣшаются историками неудовлетворительно. Поэтому историку, задумавшему заняться вопросомъ о причинной связи историческихъ событій, приходится обращаться къ другимъ наукамъ, гдѣ онъ подвергался извѣстной разработкѣ. Такими науками являются: *общая философія*, гдѣ вопросъ о причинности разсматривается съ общей точки зрѣнія, *логика наукъ*, изучающая идею причинности въ связи съ теоріей индукціи, которая опирается на эту идею, *психологія*, затрогивающая тотъ же вопросъ о причинности при рѣчи о мотивахъ человѣческихъ поступковъ, и, наконецъ, *наука уголовнаго права*, занимающаяся изученіемъ вопроса о вмѣненіи человѣку тѣхъ или другихъ его дѣйствій. Прежде, однако, чѣмъ обратиться ко всѣмъ этимъ наукамъ за разъясненіемъ вопроса о причинности явленій, Карѣевъ считаетъ нужнымъ отмѣтить отличіе исторической теоріи причинности отъ теоріи чисто

философской, логической, психологической и криминалистической. Философія, говоритъ онъ, изслѣдуетъ теорію причинности въ ея основоначалахъ и во всевозможныхъ примѣненіяхъ; исторія же имѣетъ въ виду только одно ея примѣненіе въ области историческихъ фактовъ. Затѣмъ различные авторы сочиненій по логикѣ строятъ свои ученія на основаніи данныхъ и въ виду требованій сознанія и идея причинности занимаетъ ихъ потому, что при ея посредствѣ они стремятся открыть общіе законы повторяющихся явленій. Историкъ же прагматикъ ищетъ не эти законы, а только связь между событіями, случившимися въ исторіи одинъ разъ. Психологія изслѣдуетъ мотивы, какъ поступки человѣка, которые являются слѣдствіями этихъ мотивовъ; историкъ же отыскиваетъ не только мотивы человѣческихъ дѣйствій, но входитъ въ изученіе причинъ самихъ мотивовъ, отъ которыхъ происходятъ различные акты человѣческой дѣятельности, и ищетъ эти причины въ поведеніи другихъ людей. Наконецъ, уголовное право разсматриваетъ человѣческія дѣйствія въ качествѣ причинъ такихъ поступковъ людей, которые запрещены закономъ; въ глазахъ же историка-прагматика поступки однихъ людей порождаютъ поступки другихъ (186—189 с.).

Обращаясь къ ученіямъ общей философіи о причинности, Карѣевъ останавливается на взглядѣ Шопенгауэра на идею причинности. „Все въ мірѣ имѣетъ причину, говоритъ Шопенгауэръ, все управляется закономъ достаточнаго основанія". Шопенгауэръ различаетъ нѣсколько видовъ необходимости въ міровыхъ явленіяхъ, вытекающей изъ этого закона, и въ числѣ ихъ моральную необходимость, которая состоитъ въ неизбѣжности дѣйствія у животныхъ и людей при наличности извѣстнаго мотива, согласнаго съ ихъ прирожденнымъ и неизмѣннымъ характеромъ. Эта моральная необходимость и есть, замѣчаетъ Карѣевъ, та форма закона достаточнаго основанія, которая царствуетъ въ мірѣ прагматическихъ фактовъ: „законъ мотиваціи, по словамъ самого Шопенгауэра, составляетъ руководящую нить въ исторіи". Шопенгауэръ различаетъ три формы причинности: причину въ тѣсномъ смыслѣ слова, раздраженіе и мотивъ. Первая форма проявляется

въ строгомъ соотвѣтствіи предшествующаго состоянія (причины) съ перемѣной, которую она произвела (слѣдствіемъ). Спеціальная сфера примѣненія этого перваго рода причинности—явленія неорганическаго міра (механическія, физическія и химическія). Раздраженіе, какъ вторая форма причинности, обнаруживается въ мірѣ органическихъ существъ и не приводитъ неизбѣжно къ тому, чтобы здѣсь всегда „дѣйствіе равнялось противодѣйствію". Третья и послѣдняя форма причинности—мотивація дѣйствій, въ силу которой происходятъ всѣ внѣшніе, сознательно совершенные акты всѣхъ животныхъ существъ. Мотивація не подрываетъ закона причинности: „мотивъ есть причина и дѣйствуетъ съ необходимостью, какую приводятъ съ собою всѣ причины". Разсматривая проявленіе въ мірѣ закона причинности въ этихъ трехъ различныхъ его формахъ, Шопенгауэръ замѣчаетъ, что причина и слѣдствіе все болѣе и болѣе разъединяются по мѣрѣ того, какъ поднимаются вверхъ по лѣстницѣ мірозданія, отъ неорганическихъ явленій къ органическимъ и психологическимъ. Кажется, что дѣло все менѣе заключается въ причинѣ и все болѣе въ дѣйствіи, которое содержитъ въ себѣ болѣе, чѣмъ могла бы дать причина. Въ мотивѣ же, вызывающемъ движеніе животнаго, разнородность причины и слѣдствія, взаимное ихъ разъединеніе, ихъ несоизмѣримость, нематеріальность причины и, кажущаяся вслѣдствіе этого, слишкомъ малая ея содержательность сравнительно съ дѣйствіемъ достигаютъ высшей степени. Тамъ, гдѣ сознаніе разумно, мотивы дѣлаются вполнѣ независимыми отъ наличной реальной обстановки и остаются скрытыми отъ наблюденія. Но не смотря на это, существованіе мотивовъ въ дѣйствіи всѣхъ людей предполагается каждымъ также несомнѣннымъ, какъ существованіе причины всякаго видимаго движенія неорганическаго тѣла. На этомъ предположеніи о мотиваціи всѣхъ человѣческихъ дѣйствій основываются всѣ взаимныя сношенія людей (190—197 с.). Многія изъ этихъ мыслей Шопенгауэра о трехъ формахъ причинности могутъ войти, замѣчаетъ Карѣевъ, прямо въ теорію исторической причинности. Особеннаго вниманія въ нихъ заслуживаетъ отличіе мотиваціи, какъ отъ причинности въ

болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, такъ и отъ раздраженія. Недостатокъ воззрѣній Шопенгауэра на идею причинности заключается въ томъ, что онъ не разсматриваетъ мотива, лежащаго въ основѣ дѣйствій того или другаго лица, какъ слѣдствія, въ свою очередь, опять таки нѣкоторыхъ причинъ, среди коихъ могутъ быть и дѣйствительно бываютъ поступки другихъ лицъ, извѣстнымъ образомъ дѣйствующихъ на данное лицо. Между тѣмъ, для теоріи прагматической причинности эта сторона вопроса, совершенно незатрогиваемая у Шопенгауэра, является чрезвычайно важною (198 с.). Мы думаемъ, что для этой теоріи можетъ быть важнымъ также и дѣлаемое Шопенгауэромъ указаніе на разнообразіе мотивовъ человѣческой дѣятельности, зависящее отъ степени умственнаго развитія человѣка и его отношеній съ другими людьми: „человѣка можно убѣдить, говоритъ онъ, что достигать своихъ цѣлей гораздо лучше честнымъ путемъ, нежели безчестнымъ“ [1]).

Въ логическомъ ученіи о причинности ея идеей занимаются, какъ было замѣчено, только въ связи съ теоріей индукціи, которая строится на этой идеѣ. Кромѣ того, авторы логикъ обращаютъ вниманіе при изложеніи этого вопроса на различіе между причиной и условіями. Первая точка зрѣнія не можетъ быть принята въ прагматической исторіи: закономѣрная звязь существуетъ только между мотивами и дѣйствіемъ, какъ элементами прагматическихъ фактовъ, а между самими прагматическими фактами лишь при посредствѣ этихъ элементовъ. Поэтому нѣтъ нужды въ признаніи особыхъ историческихъ законовъ, которые замѣняются при объясненіи историческихъ событій психологическими и социальными законами. Другое дѣло—упомянутое различіе логиками между причиной и условіями, которое сходно съ различіемъ между причинами и поводами, встрѣчающимся у многихъ историковъ и криминалистовъ. Карѣевъ приводитъ воззрѣнія на идею причинной связи явленій Д. С. Милля и Бэна, изъ которыхъ первый понимаетъ подъ ней законъ единообразной

---

[1]) Шопенгауэръ: «Двѣ основныя проблеммы этики», 52 стр.

связи одновременныхъ или послѣдовательныхъ явленій. „Неизмѣнная послѣдовательность каждаго міроваго явленія за другимъ, ему предшествовавшимъ, фактомъ обнаруживается, по словамъ Милля, независимо отъ всякаго соображенія относительно конечнаго способа, какимъ производятся явленія". Также и Бэнъ формулируетъ законъ причинности, какъ „единообразное соединеніе явленій предъидущихъ и послѣдующихъ, — слѣдованіе ихъ другъ за другомъ". Неизмѣнная и однообразная послѣдовательность существуетъ, по Миллю, обыкновенно между послѣдующимъ фактомъ и суммою нѣсколькихъ предшествующихъ, изъ которыхъ причина—условіе, наиболѣе замѣтное и необходимое въ дѣлѣ появленія факта. Всѣ остальные предшествующіе факты, совокупность которыхъ требуется для наступленія изучаемаго явленія, принято называть условіями. Подобно Миллю, Шопенгауэръ дѣлаетъ тоже различіе между непосредственной причиной и условіями наблюдаемыхъ явленій. По его мнѣнію, значеніе причины извѣстнаго факта имѣетъ то условіе, которое наступаетъ послѣднимъ факторомъ, восполняющимъ число необходимыхъ для наступленія факта условій; это послѣднее условіе становится по отношенію къ данному отдѣльному случаю рѣшающей перемѣной въ извѣстномъ состояніи. Но, добавляетъ Шопенгауэръ, для общаго сужденія можетъ считаться причиной только цѣлое, то есть, состояніе, приводящее наступленіе послѣдующаго. Аналогично этому отличію причины отъ условій извѣстнаго факта различіе между причинами и поводомъ. Такъ въ ряду криминалистическихъ ученій о причинной связи одной изъ теорій устанавливается различіе между одними условіями появленія извѣстнаго уголовнаго дѣянія, какъ первоначальными причинами послѣдствія (Ursache), и другими, которыя являются лишь поводами или условіями въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ по взгляду криминалиста Пфицера „причина производитъ явленіе, только она одна обладаетъ продуктивной силой, условіе же дѣлаетъ возможнымъ появленіе извѣстнаго факта. Причина явленія есть то обстоятельство, которое вызываетъ такія измѣненія въ внутреннемъ или внѣшнемъ мірѣ, послѣдствіемъ которыхъ бываетъ извѣстное из-

слѣдуемое явленіе". Но у Пфицера, какъ и у Шопенгауэра и въ большинствѣ случаевъ въ логическихъ изслѣдованіяхъ о причинной связи явленій имѣются въ виду, замѣчаетъ Карѣевъ, лишь перемѣны въ матеріальныхъ состояніяхъ, физическая причинность, которая мало касается причинности въ области прагматическихъ фактовъ (199—208 с.). Едва-ли, однако, вѣрно это мнѣніе о взглядахъ Шопенгауэра Карѣева, который самъ же указывалъ (см. выше) на различіе у него мотиваціи отъ причины въ тѣсномъ смыслѣ слова и раздраженія и находилъ, что эта и многія другія мысли Шопенгауэра могутъ быть внесены прямо въ теорію исторической причинности.

Между психологіей и исторіей, продолжаетъ Карѣевъ, существуетъ весьма тѣсная связь, такъ что нѣкоторые писатели видятъ сущность историческихъ изслѣдованій въ разрѣшеніи психологическихъ вопросовъ. Такъ, напр., думаютъ: Тэнъ, Дольфусъ, Рибо, Шеффлэ, Лазарусъ и Штейнталь. Два послѣдніе ученые утверждаютъ категорически что „исторія должна получить свое раціональное обоснованіе въ психологіи народовъ". Однако. всѣ попытки создать особую отъ индивидуальной коллективную психологію народовъ мало подвинули разрѣшеніе вопроса о причинной связи историческихъ фактовъ. Психологія народовъ и психологія общества поставили себѣ задачею изучать взаимодѣйствіе между индивидуумами, которое даетъ въ результатѣ культуру и соціальную организацію, тогда какъ примѣненіе принципа причинности къ историческимъ фактамъ приводитъ насъ къ понятію взаимодѣйствія, результатомъ котораго является порожденіе однихъ поступковъ другими (211 с.). Тѣмъ не менѣе коллективная психологія могла бы изучать, между прочимъ, и прагматическое взаимодѣйствіе между индивидуумами, при которомъ дѣйствія однихъ людей становятся причинами поступковъ другихъ. Особеннымъ предметомъ психологическаго изученія могутъ быть тѣ явленія людскаго взаимодѣйствія, въ которыхъ возможно различать моменты активности и пассивности, наблюдаемые по отношенію къ различнымъ дѣятелямъ въ прагматическомъ процессѣ исторіи (214 с.).

Въ наукѣ уголовнаго права причинность изслѣдуется спеціально по отношенію только къ человѣческимъ дѣйствіямъ, что составляетъ предметъ и прагматической исторіи. Криминалисты изслѣдуютъ вопросъ, когда дѣйствіе одного лица можетъ быть признано причиной извѣстнаго явленія. Уголовное право разсматриваетъ въ качествѣ причины только человѣческое дѣйствіе; все же остальное въ явленіи оно подводитъ подъ общее понятіе условій. Субъективная виновность лица предполагаетъ, что лицо это имѣло возможность предвидѣть результаты своихъ дѣйствій. Этотъ-то важный вопросъ о предѣлѣ причинной цѣпи явленій не ставилъ ни одинъ изъ историковъ (218—222 стр.). Вообще вопросъ о причинности едва только намѣчается, но не разрѣшается историками. Такъ новѣйшій историкъ, Гервинусъ понимаетъ подъ прагматической исторіей „искусство открывать отдѣльные мотивы, вскрывать тайныя склонности и страсти, разбираться въ лабиринтѣ человѣческихъ сердецъ и головъ". По взгляду Дройзена, „прагматическое повѣствованіе показываетъ, какъ произошло, могло и должно быть произойти заключительное событіе изъ движенія вещей, сошедшихся въ извѣстномъ пунктѣ". Бернгеймъ „подводитъ терминъ „прагматическая исторія" подъ понятіе исторіи генетической". Всѣ историки указываютъ на необходимость возстановленія причинной связи между дѣйствительными историческими фактами, но ни одинъ изъ нихъ не разрѣшаетъ его удовлетворительно. Самая постановка вопроса о причинности въ историческихъ теоріяхъ отличается даже у виднѣйшихъ историковъ (напр. у Бурдо) субъективизмомъ и отсталостью по сравненію съ рѣшеніемъ этого вопроса въ другихъ наукахъ. Не смотря на это, общефилософское, логическое, психологическое и криминалистическое ученіе о причинности не могутъ быть перенесены цѣликомъ въ исторію вслѣдствіе своего частнаго, спеціальнаго характера. Историко-философская теорія причинности должна выяснить, по взгляду Карѣева, роль личности въ прагматическомъ процессѣ исторіи; самый терминъ „прагматизмъ" сдѣлался издавна въ исторіи синонимомъ изслѣдованія причинной связи историческихъ фактовъ (238 с.). Раз-

сматривая общій характеръ пріемовъ, которые употребляютъ историки въ своихъ изслѣдованіяхъ, мы видимъ, что они возсоздаютъ тѣ мотивы, которые могутъ вызвать извѣстный поступокъ, прибѣгаютъ къ „психологическому творчеству“, безъ котораго невозможно обойтись въ наукѣ, изучающей мотивацію данныхъ человѣческихъ дѣйствій. Такимъ образомъ, нужно признать, что задача исторіи есть по существу задача психологическая. Обыкновенно историческіе писатели, желая объяснить изображаемое ими событіе прибѣгаютъ къ характеристикѣ отдѣльныхъ личностей, игравшихъ роль въ этихъ событіяхъ, пытаются уяснить, почему извѣстное лицо дѣйствовало въ извѣстномъ направленіи, сообщая наблюдаемый ходъ исторіи (242 стр.). По взгляду Шопенгауэра каждое дѣйствіе человѣка производится его прирожденнымъ характеромъ и наступившимъ мотивомъ. Это ученіе о характерахъ должно войти въ теорію исторической причинности: для историка важно знать не только возникновеніе отдѣльныхъ поступковъ различныхъ лицъ, но и все поведеніе каждаго изъ нихъ. Чѣмъ ни крупнѣе историческое событіе, тѣмъ въ большей степени оно является результатомъ не отдѣльныхъ поступковъ людей, а цѣлаго ихъ поведенія: изъ поведенія отдѣльныхъ лицъ складываются всѣ историческія движенія, имѣющія чрезвычайно важное значеніе въ прагматической исторіи, гдѣ всякое крупное событіе всегда находится въ той или другой связи съ историческимъ движеніемъ. Можно, слѣдовательно, сказать, что свойственные историкамъ пріемы изслѣдованія заключаются въ творческомъ воспроизведеніи: 1) мотивовъ отдѣльныхъ поступковъ людей и 2) характеровъ, лежащихъ въ основѣ цѣлаго поведенія отдѣльныхъ лицъ (247 с.).

Не удовлетворяясь этими историческими пріемами, которые по мнѣнію Карѣева не даютъ ничего положительнаго для разрѣшенія вопроса объ исторической причинности, нашъ историкъ самъ приступаетъ къ этому дѣлу, начиная свое изслѣдованіе съ того, какимъ образомъ поступки однихъ людей бываютъ причинами поступковъ другихъ. Карѣевъ занимается только вопросомъ о непосредственномъ прагматическомъ вліяніи другъ на друга

людей, разумѣя подъ нимъ всѣ тѣ случаи дѣйствія одного человѣка на другаго, когда поступокъ одного лица составляетъ одну изъ ближайшихъ причинъ поступка другаго. Дѣйствіе одного человѣка на другаго можетъ быть явленіемъ либо психическимъ, либо соціальнымъ. Поэтому оно относится или къ коллективной психологіи, изучающей духовныя явленія общественной жизни, психическое взаимодѣйствіе личностей въ обществѣ, или же къ области соціологіи, которая имѣетъ дѣло съ организованными общественными явленіями, съ соціальной организацией. Люди дѣйствуютъ другъ на друга какъ психическими, такъ и соціальными средствами. Причемъ къ числу послѣднихъ относятся средства политическаго, юридическаго и экономическаго свойства: строй общества заключаетъ въ себѣ всѣ эти три элемента. Сообразно различію между психическими и соціальными средствами, какъ причинами человѣческихъ поступковъ, необходимо установить и аналогичное различіе между психическими и соціальными условіями, благодаря которымъ люди подчиняются постороннимъ вліяніямъ. Вліянія людей другъ на друга не всегда односторонни и отличаются часто взаимодѣйствіемъ. Карѣевъ разсматриваетъ различные случаи прагматическаго взаимодѣйствія людей и приходитъ къ такому заключенію, что дѣйствія человѣка подъ вліяніемъ дѣйствій другихъ людей представляютъ собою чрезвычайно сложные факты: человѣкъ дѣйствуетъ по извѣстнымъ цѣлямъ, выбирая для этого извѣстныя средства, причемъ постановка цѣлей и выборъ средствъ обусловливается характеромъ человѣка, образомъ его мыслей, чувствами, стремленіями, знаніями и жизненнымъ опытомъ. Поэтому причинная связь между прагматическими фактами исторіи не имѣетъ механическаго характера, такъ какъ они производятся до извѣстной степени самостоятельно дѣятелями—отдѣльными личностями (256—269 стр.).

Съ вопросомъ о роли личности въ исторіи въ связи съ причинностью или необходимостью тѣсно соприкасается другой психологическій вопросъ,—о свободѣ воли, на которомъ проф. Карѣевъ считаетъ также нужнымъ остановиться въ виду лучшаго уясненія всего вопроса о причинности. Многіе историки, вы-

сказываясь за свободу воли, прямо отождествляютъ, говоритъ Карѣевъ, противоположное, отрицательное ученіе съ ученіемъ о непреодолимости, съ какою будто бы нѣкоторыя силы господствуютъ надъ человѣческимъ поведеніемъ. Но понятіе о свободѣ воли, какъ отсутствіи необходимости, есть, замѣчаетъ Карѣевъ, также отрицательное понятіе. Свобода воли была бы безусловной случайностью, разъ подъ нею мы стали бы понимать ея способность самой начинать новый рядъ измѣненій. Поэтому можно говорить только о свободѣ относительной. Сравнительно съ животными человѣкъ болѣе свободенъ относительно мотивовъ, дѣйствующихъ на его волю. Но это не исключаетъ необходимаго дѣйствія на нее мотивовъ. Въ природѣ все подчиняется необходимости, извѣстнымъ законамъ. Поэтому признаніе законовъ исключаетъ свободу воли въ абсолютномъ смыслѣ. Если подъ закономъ исторіи понимать господствующее ея направленіе въ каждомъ данномъ случаѣ, то отъ такого закона личность можетъ быть свободна: это направленіе не законъ исторіи, а только общій историческій фактъ (272—273 с.). Поведеніе общества, создающее исторію, не подчинено одному закону, но есть результатъ цѣлой массы причинъ. Историкъ откроетъ нѣкоторыя опредѣленныя теченія, но обнаружитъ и множество изъ нихъ исключеній. Карѣевъ высказывается противъ обѣихъ крайностей въ разрѣшеніи вопроса о свободѣ воли; онъ въ равной мѣрѣ не раздѣляетъ ученія о свободѣ воли въ смыслѣ неподчиненности ея закону причинности и—полнаго подчиненія воли человѣка законамъ историческимъ, самое существованіе которыхъ Карѣевъ отрицаетъ категорически. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на это послѣднее ученіе о свободѣ воли, такъ распространенное въ настоящее время. Одни ученые, говоритъ Карѣевъ, хотятъ подчинить человѣческія дѣянія закономѣрному порядку въ томъ предположеніи, что человѣкъ осуществляетъ въ своей дѣятельности безсознательно какія-то объективныя, невѣдомыя ему цѣли. Другіе же утверждаютъ, что человѣческія дѣйствія подчинены непреложнымъ законамъ, которые дѣйствуютъ во всей природѣ, а также и исторіи. Придерживаясь перваго телеологическаго взгляда на свободу воли,

многіе писатели (напр., Гартманъ) хотятъ представить дѣйствія отдѣльныхъ людей безсознательнымъ выполненіемъ неизвѣстныхъ имъ общихъ цѣлей. Но такое разсужденіе основано на смѣшеніи слѣдствія извѣстныхъ человѣческихъ слѣдствій съ цѣлями, на взглядѣ, что слѣдствія являются основой своей собственной причины. Оставаясь на почвѣ ученія о строгой причинности всего, совершающагося въ исторіи, которое исключаетъ телеологическій на нее взглядъ, можно, однако, утверждать, что человѣкъ, хотя и не предвидитъ заранѣе всѣхъ послѣдствій своихъ поступковъ, тѣмъ не менѣе его дѣйствія принадлежатъ ему, какъ самостоятельному дѣятелю, и вліяютъ и на поступки другихъ людей (280--281 с.). Во всякомъ случаѣ невозможно отвергать извѣстнаго, хотя бы ограниченнаго пониманія каждымъ смысла историческихъ событій, въ которыхъ люди принимаютъ участіе, какъ болѣе или менѣе самостоятельные дѣятели. На такомъ пониманіи основана вся человѣческая дѣятельность и отъ степени ея зависитъ и самый характеръ историческихъ событій (283 с.).

Что касается взгляда, что индивидуумъ вполнѣ зависитъ отъ общества, въ которомъ онъ живетъ и поэтому не можетъ дѣйствовать самостоятельно, то несомнѣнно, эта зависимость личности отъ общества существуетъ. Но въ тоже время и въ такой же одинаковой мѣрѣ вмѣстѣ съ личностью зависитъ отъ общества и самая среда, которая окружаетъ личность. Человѣкъ, завися отъ современной среды, можетъ самъ на нее воздѣйствовать такимъ образомъ, что участвуетъ въ созданіи будущихъ условій своей и чужой дѣятельности (285 с.). Писатели обыкновенно не дѣлаютъ различія между зависимостью человѣческихъ дѣйствій отъ дѣятельности другихъ лицъ и отъ тѣхъ или другихъ условій общественнаго быта, хотя есть большая разница въ сущности обѣихъ этихъ формъ зависимости. Перваго рода зависимость личнаго поведенія человѣка отъ *событій*—поступковъ другихъ—носитъ прагматическій характеръ; втораго рода зависимость поведенія личности отъ *состояній*—культурно-соціальныхъ формъ—есть зависимость культурная. Многіе полагаютъ, продолжаетъ Карѣевъ, что идея закономѣрности историческихъ явленій заключаетъ въ

себѣ логическое требованіе не противополагать личность, какъ нѣчто самостоятельное, обществу. Такъ, напр., проф. Коркуновъ замѣчаетъ, что „нельзя отстаивать независимость личности отъ тѣхъ условій, при которыхъ она существуетъ. Такая независимость противорѣчитъ закону причинности: личность не вноситъ въ міръ ничего абсолютно новаго. Иначе ея дѣйствія шли бы въ разрѣзъ съ закономъ сохраненія энергіи. Личность самостоятельна только относительно“ (288 с.).

Разсматривая основанія, почему личное начало отрицается въ исторіи во имя закономѣрности историческихъ явленій, Карѣевъ видитъ причину этого факта въ неправильномъ пониманіи закона въ приложеніи къ историческимъ событіямъ. Здѣсь не можетъ быть примѣнено понятіе закона, какъ опредѣленнаго и постояннаго отношенія между одновременными или послѣдовательными явленіями: историческіе факты индивидуальны, они не повторяются. Повторяются въ исторіи только отдѣльные элементы историческихъ фактовъ, разнообразныхъ процессовъ въ жизни народовъ, тѣ постоянные пути, по которымъ совершается развитіе различныхъ формъ культуры. Можно, слѣдовательно, признать фактъ эволюціонной закономѣрности, которая проявляется въ культурной исторіи. Прагматическіе же процессы могутъ считаться закономѣрными лишь въ томъ смыслѣ, что людскіе поступки, изъ которыхъ складываются историческія событія и движенія, возникаютъ изъ своихъ причинъ вполнѣ закономѣрно. Человѣческія дѣйствія мыслимы только въ зависимости отъ извѣстныхъ мотивовъ и индивидуальныхъ характеровъ. Но разъ подъ законами по отношенію къ прагматической исторіи мы разумѣемъ не принудительно дѣйствующую силу, а только единообразныя связи причинъ съ ихъ слѣдствіями, мы не должны видѣть противорѣчія между признаніемъ законовъ и свободной воли человѣка, какъ одной изъ причинъ въ мірѣ явленій, которая дѣйствуетъ притомъ же по собственнымъ мотивамъ (283—294 стр.).

Подводя къ одному знаменателю все сказанное о роли личности въ прагматическомъ процессѣ исторіи, Карѣевъ замѣчаетъ,

что въ основѣ всего прагматизма открывается цѣлая совокупность индивидуальныхъ психическихъ процессовъ, безъ которыхъ поступки однихъ людей не могутъ вызываться другими ни въ какомъ случаѣ. Отсюда, однако, нельзя дѣлать такого заключенія, что личность воспринимаетъ всѣ внѣшнія явленія только пассивнымъ образомъ. Наоборотъ, личность обладаетъ способностью дѣйствовать не по однимъ внѣшнимъ стимуламъ, но и по внутреннимъ побужденіямъ. Эта способность наглядно проявляется въ сложныхъ движеніяхъ нашей души—въ разнообразныхъ чувствахъ, желаніяхъ и стремленіяхъ, гармонирующихъ съ этими чувствами, изысканіи средствъ для достиженія жизненныхъ цѣлей, въ выборѣ между ними, принятіи рѣшенія послѣ обстоятельнаго обдумыванія всѣхъ обстоятельствъ и т. п.. Чѣмъ болѣе каждый поступокъ человѣка зависитъ отъ собственныхъ психическихъ силъ личности, отъ ея характера, тѣмъ съ большимъ правомъ можно сказать про такого человѣка, что онъ самъ причина своихъ дѣйствій. При однихъ и тѣхъ же условіяхъ разные люди дѣйствуютъ также различно. Самъ человѣкъ ставитъ себѣ цѣли въ своей дѣятельности, перерабатывая въ своемъ духѣ внѣшнія впечатлѣнія и данныя внутренняго опыта (прирожденный характеръ, жизненныя привычки и проч.). Такимъ образомъ, признавая зависимость поступковъ однихъ людей отъ дѣйствій другихъ, мы не должны упускать изъ виду и самостоятельной, внутренней дѣятельности самого человѣка, внутреннюю переработку имъ своихъ впечатлѣній, весь сложный психическій процессъ, отъ котораго зависитъ значеніе единичнаго поступка въ прагматической исторіи. Чѣмъ ни большее число дѣйствій людей будетъ порождено поступками одного человѣка, тѣмъ болѣе мы имѣемъ право назвать это его дѣйствіе *личнымъ* поступкомъ и наоборотъ. Разнообразіе ролей личности въ взаимныхъ сношеніяхъ людей было причиной такихъ одностороннихъ ученій, какъ различныя теоріи о „героѣ" и „толпѣ", изъ которыхъ каждая беретъ вопросъ только съ одной его стороны, совершенно забывая о другой (295—301 стр.).

Въ седьмой и послѣдней главѣ первой книги своего изслѣ-

дованія Карѣевъ разбираетъ вопросъ о неравенствѣ дѣйствія отдѣльныхъ личностей въ прагматическомъ процессѣ исторіи. Карѣевъ различаетъ три категоріи причинъ неравенства дѣйствій личностей. Первую категорію неравенства составляютъ неодинаковыя отношенія, въ какихъ могутъ находиться отдѣльные поступки людей къ другимъ поступкамъ, ихъ вызвавшимъ. Могутъ быть различныя степени зависимости человѣка отъ дѣятельности другихъ людей. Поведеніе человѣка обусловлено внутренними и внѣшними условіями, его характеромъ и соціальнымъ положеніемъ. Есть люди съ независимымъ характеромъ и слабые, нерѣшительные. Съ другой стороны, самая независимость характера можетъ быть большею или меньшею, смотря по общественному положенію человѣка. Для человѣка съ болѣе сильнымъ характеромъ или съ вліятельнымъ положеніемъ въ обществѣ представляется всегда большая возможность выбора, нежели для человѣка съ характеромъ пассивнымъ и ничтожнымъ общественнымъ значеніемъ. Самостоятельность человѣческихъ дѣйствій опредѣляется еще степенью пониманія совершающихся историческихъ событій, ихъ хода и внутренней связи: чѣмъ больше выражается такого уразумѣнія отдѣльною личностью въ ея дѣятельности, до котораго она дошла путемъ трудной психической работы, тѣмъ болѣе представляются самостоятельными поступки такой личности. Каждый по своему понимаетъ объективный смыслъ событій. Но разъ въ ходѣ событій зависитъ что-либо въ той или другой степени отъ пониманія одного человѣка, нѣтъ никакого основанія не считать его однимъ изъ виновниковъ этихъ событій, все равно, изъ какихъ причинъ не объясняется его самостоятельная роль въ ихъ появленіи. Въ неравной степени сознательной дѣятельности человѣка, отъ которой зависитъ и самостоятельность его поведенія, заключается первая причина и неравнаго значенія опредѣленныхъ поступковъ людей въ прагматическомъ процессѣ исторіи (305—314 с.). Второй причиной ихъ неравенства является неодинаковость ихъ значенія въ томъ случаѣ, когда они входятъ въ составъ сложной причины какого-либо событія. Для того, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, Карѣевъ обращается сначала къ

логическому ученію о составленіи причинъ, а потомъ къ криминалистической доктринѣ о соучастіи. Милль въ своей „Системѣ логики“ различаетъ между механическимъ и химическимъ видомъ соединеннаго дѣйствія причинъ. Но прагматическія причины не подходятъ ни подъ ту, ни подъ другую категорію причинъ. Поступки, людей, между которыми происходитъ постоянное взаимодѣйствіе, никогда не могутъ быть подведены подъ одинъ итогъ, какъ сумма слагаемыхъ, независимыхъ одно отъ другаго. Но и химическій способъ не можетъ объяснить составленія причинъ въ исторіи, которой присущъ свой собственный способъ, вытекающій изъ примѣненія закона достаточнаго основанія въ области человѣческой дѣятельности. Такъ теорія причинности Милля, имѣющая въ виду, главнымъ образомъ, явленія физическаго міра, оказывается неприложимою къ человѣческимъ дѣйствіямъ — прагматической исторіи (314 - 316 с.). Въ криминалистической теоріи о соучастіи Карѣевъ останавливается на взглядѣ криминалистовъ на неодинаковую роль участниковъ въ одномъ и томъ же преступленіи. Въ спеціальномъ трудѣ по этому вопросу профессора Таганцева интересуютъ Карѣева только указанія на то, что можетъ быть названо неравенствомъ дѣйствія. Критикуемыя Таганцевымъ, уголовныя теоріи, различающіе главныхъ и второстепенныхъ виновниковъ, могутъ имѣть значеніе, говоритъ Карѣевъ, именно по отношенію къ интересующему насъ вопросу о неравенствѣ человѣческихъ дѣйствій. Въ подстрекальствѣ, какъ видѣ соучастія, мы встрѣчаемся съ однимъ случаемъ дѣйствія человѣка на человѣка: въ ученіи криминалистовъ о подстрекательствѣ для историка-прагматика важно указаніе на то, какъ одинъ человѣкъ можетъ вызывать поступки другаго и какія средства имъ употребляются для достиженія этой цѣли. Для прагматической исторіи имѣетъ большое значеніе и то, что стеченіе нѣсколькихъ лицъ въ одномъ и томъ же дѣяніи подводится Таганцевымъ подъ болѣе общее понятіе дѣйствія нѣсколькихъ причинъ, которыя могутъ заключаться или въ проявленіи силъ природы или въ человѣческихъ поступкахъ. Въ особенности важно въ данномъ случаѣ дѣлаемое криминалистами выдѣленіе тѣхъ

случаевъ, когда причиною человѣческихъ дѣйствій бываютъ поступки другихъ людей, что выражается терминами: „умыселъ, подговоръ, соглашеніе и т. п.“. Можно сказать, что хотя криминалисты и не создали своими теоріями полнаго и цѣльнаго ученія о составленіи причинъ человѣческихъ дѣйствій, то во всякомъ случаѣ уже положили начало такому ученію. Говоря о различіи ролей преступниковъ въ совокупномъ дѣйствіи, главныхъ и второстепенныхъ, съ разнообразными ихъ оттѣнками, о разныхъ случаяхъ, когда это дѣйствіе является помимо всякихъ предварительныхъ соглашеній, или же вслѣдствіе умысла, обоюднаго вліянія преступниковъ, криминалисты тѣмъ самымъ разрабатываютъ тотъ вопросъ о неравенствѣ дѣйствій людей, который интересуетъ и историка-прагматика. Изъ теоріи криминалистовъ мы можемъ видѣть, какъ различны роли людей въ тѣхъ или другихъ дѣйствіяхъ, которыхъ они служатъ причинами (322—334 стр.).

Наконецъ, третья категорія причинъ неравенства человѣческихъ дѣйствій есть та, подъ которую подходитъ нѣсколько поступковъ, какъ слѣдствій дѣйствій лицъ, причемъ самыя слѣдствія однородныхъ поступковъ могутъ быть весьма разнородны. Каждый изъ насъ можетъ вызвать своимъ поступкомъ нѣсколько поступковъ другихъ лицъ, которые могутъ быть или однородны при одинаковомъ дѣйствіи на нихъ нашего поведенія или же въ противномъ случаѣ разнородны. Такихъ поступковъ другихъ людей, вызванныхъ нашею дѣятельностью, можетъ быть нѣсколько; содержаніе же поступковъ—слѣдствій опредѣляется множествомъ обстоятельствъ, напр., внутренними и внѣшними условіями дѣятельности лицъ и др.. Отдѣльная личность можетъ своимъ поведеніемъ вызвать большее или меньшее число одинаковыхъ или разнообразныхъ, зависимыхъ отъ нея, поступковъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Количествомъ, качествомъ ихъ и степенью зависимости личности отъ поступковъ другихъ людей опредѣляется обыкновенно роль личности въ исторіи. Вообще роль отдѣльныхъ личностей въ прагматическомъ процессѣ исторіи представляется очень разнообразною. Человѣкъ, напр.,

можетъ самъ создавать будущія условія какъ своей, такъ и чужой дѣятельности. На дѣятельность человѣка въ этомъ отношеніи вліяютъ самыя разнообразныя обстоятельства: „знаніе" человѣческаго сердца, окружающихъ людей, обладаніе спеціальными свѣдѣніями, способность пользоваться для достиженія своихъ цѣлей уроками и опытами прошлаго и умѣнье извлекать для себя выгоду изъ существующихъ отношеній людей въ настоящемъ и проч.. Между людьми, далѣе, замѣчается большое разнообразіе въ постоянствѣ, настойчивости и энергіи, съ какими они преслѣдуютъ свои цѣли. Быстрота или медлительность въ дѣйствіяхъ, смѣлость или нерѣшительность всегда вліяютъ на всю дѣятельность отдѣльныхъ лицъ. Въ совокупной дѣятельности членовъ общества происходятъ такія разнообразныя и сложныя сочетанія, что нѣтъ возможности подвести ихъ подъ однообразныя и простыя формулы. Люди двигаютъ исторію въ разныя стороны. Исторія поэтому не прямая линія, а живая ткань линій, неправильныхъ и извилистыхъ, переплетающихся между собою самымъ неожиданнымъ образомъ. За невозможностью подробнаго изученія исторіи ея изслѣдователю приходится ограничиваться только господствующими ея направленіями. Чтобы отличить, какое участіе принимаютъ отдѣльныя личности въ ходѣ исторіи, Карѣевъ прибѣгаетъ къ уже разсмотрѣнной имъ криминалистической теоріи соучастія въ преступленіи, которая подтверждается положительнымъ законодательствомъ и судебной практикой всѣхъ странъ. Преступленіе, говоритъ Карѣевъ, есть фактъ прагматическаго характера, такъ какъ оно складывается изъ дѣяній людей. Въ преступленіи различаются интеллектуальные его виновники, затѣмъ идутъ подстрекатели и интеллектуальные пособники, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ одну категорію иниціаторовъ преступленія, отличную отъ категоріи исполнителей его и физическихъ пособниковъ. Между этими двумя группами участниковъ въ преступленіи, какъ и отдѣльными лицами, входящими въ эти группы, можетъ быть установлена цѣлая градація. Въ совокупномъ дѣйствіи цѣлой массы лицъ главная роль принадлежитъ естественно людямъ, самостоятельно его задумывающимъ или выпол-

няющимъ при помощи остальныхъ помошниковъ. Наименьшее же, второстепенное участіе въ такомъ общемъ дѣйствіи принимаютъ лица, чуждыя замыслу и служащія только орудіями чужой воли. Это раздѣленіе историческихъ дѣятелей, несогласное со взглядомъ графа Л. Н. Толстаго, который допускаетъ, наоборотъ, наименьшее участіе въ историческихъ событіяхъ ихъ иниціаторовъ, не совпадаетъ также и съ принятымъ у многихъ историковъ дѣленіемъ на „героевъ“ и „толпу“: герой здѣсь не выдѣляется изъ толпы, а, наоборотъ, составляетъ необходимую ея часть, которая находится, хотя и въ небольшомъ, но несомнѣнномъ взаимодѣйствіи съ остальными частями массы. Различіе между иниціаторами предпріятія и исполнителями ихъ замысловъ не есть и противоположеніе между одною „знаменитостью“ и всѣми обыкновенными смертными: непосредственное участіе извѣстнаго, большаго или меньшаго, числа лицъ обусловливается сущностью самихъ дѣйствій, государственнымъ устройствомъ страны и переживаемымъ моментомъ. Наконецъ, иниціаторы совокупныхъ прагматическихъ дѣйствій не необходимо великіе люди, выдающіеся своими дарованіями. Раздѣленіе между главными иниціаторами прагматическихъ факторовъ и массою, поддерживающею ихъ при осуществленіи ихъ плановъ, можетъ представить собою общій принципъ классификаціи историческихъ дѣятелей, чуждый теоріи и контрасту между „героями“ и „толпой“ (334—450 с.).

Установивши такъ общій принципъ различія между историческими дѣятелями, Карѣевъ считаетъ нужнымъ въ дополненіе къ нему остановиться на взглядахъ на роль великихъ людей въ исторіи великихъ писателей, знакомымъ намъ по первымъ главамъ труда Карѣева. Великій человѣкъ понимается этими писателями или, какъ иниціаторъ (Геннекенъ), или, какъ фокусъ, въ которомъ собираются и уясняются общественныя мысли, чувства и стремленія (Жоли, Бурдо, Михайловскій, Карлейль, Спенсеръ и, отчасти, тотъ же Геннекенъ). Такъ большинство писателей, замѣчаетъ Карѣевъ, готовы признать, что великіе люди только ускоряютъ ходъ историческихъ событій, создавая планъ дѣйствій и организуя общественныя силы для осуществленія этого

плана. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ, отчасти, и Д. С. Милль, который приписываетъ крупнымъ историческимъ личностямъ не одно только значеніе ускорителей историческаго процесса, но даже и роль инціаторовъ историческихъ событій, которыя безъ великихъ людей и не могли бы совершиться. Дѣйствія общихъ причинъ подготовляютъ, по взгляду Милля, извѣстныя событія въ исторіи, наступленіе которыхъ зависитъ, однако, оттого, появятся или нѣтъ особыя личности, которыя могутъ дать имъ толчекъ. Но великія личности могутъ не только ускорять своею дѣятельностью событія, но и замедлять ихъ наступленіе. Истинный благодѣтель человѣчества будетъ и тотъ, кто ускоряетъ наступленіе хорошаго, какъ и тотъ, кто задерживаетъ появленіе въ жизни общества разныхъ золъ. Всякій изъ насъ своими поступками, хотя и немножко, что-либо ускоряетъ и замедляетъ въ исторіи. Великимъ человѣкомъ долженъ быть названъ какъ тотъ, который ускоряетъ событія, готовыя совершиться, такъ и тотъ, кто даетъ имъ особое направленіе. Это значеніе дѣятельности великихъ людей въ историческомъ процессѣ по сравненію съ обыкновенными смертными опредѣляется только различіемъ размѣровъ вліянія, которое они оказываютъ на появленіе и дальнѣйшее теченіе историческихъ событій.

Кромѣ писателей, болѣе или менѣе спеціально занимавшихся вопросомъ о роли великихъ людей въ исторіи, есть нѣкоторые историки, высказывающіе мимоходомъ мнѣнія по этому вопросу, достойныя вниманія. Такъ Гизо, оцѣнивая дѣятельность Карла Великаго, дѣлаетъ различіе между двумя эпохами въ дѣятельности каждаго великаго человѣка. Въ первую изъ нихъ великій человѣкъ, лучше другихъ понимая потребности своего времени, стремится удовлетворить имъ при всеобщемъ одобреніи и помощи. Но затѣмъ въ его жизни наступаетъ такая эпоха, когда онъ перестаетъ служить общему дѣлу и начинаетъ преслѣдовать свои личныя цѣли. Тогда общество сначала обнаруживаетъ безпокойство, затѣмъ жалуется и, наконецъ, оставляетъ одного великаго человѣка, который и падаетъ. Эта характеристика Гизо роли великаго человѣка въ исторіи можетъ быть приложима, по

мнѣнію Карѣева, только къ нѣкоторымъ изъ великихъ людей и потому взгляды Гизо не могутъ имѣть значенія общей исторической теоріи по данному вопросу. Нельзя сказать, чтобы дѣятельность каждаго великаго человѣка распадалась на двѣ эпохи, указанныя Гизо, чтобы масса всегда понимала и поддерживала въ его дѣятельности и чтобы за блестящею общественною дѣятельностью великаго человѣка неизбѣжно слѣдовало безславное и позорное его паденіе. Часто великій человѣкъ встрѣчаетъ массу препятствій на пути къ достиженію общественнаго дѣла и, наоборотъ, дѣятельность его, проникнутая личными цѣлями, пріобрѣтаетъ большое число ревностныхъ помощниковъ. Мы могли бы добавить, что реформаторская дѣятельность великихъ людей обыкновенно встрѣчаетъ непониманіе и враждебное къ ней отношеніе среди его современниковъ, изъ которыхъ едва находится нѣсколько лицъ, способныхъ понимать и поддерживать планы преобразователя. Такова была, напр., дѣятельность Петра I по переустройству всего русскаго общества, оцѣнку которой даетъ извѣстный историкъ, С. М. Соловьевъ. По его мнѣнію великіе люди являются въ переходную эпоху народной жизни, когда они лучше другихъ сознаютъ потребности времени и оказываютъ своею дѣятельностью народу наибольшую услугу и помощь. Великій человѣкъ—сынъ своего времени, которое и подготовляетъ его появленіе въ исторіи. Этотъ взглядъ Соловьева, по словамъ Карѣева, относится только къ единичному случаю (Петру I) и не охватываетъ собою всѣхъ случаевъ дѣятельности великихъ людей, хотя едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что дѣятельность каждаго великаго человѣка вызывается всегда тѣми или другими потребностями времени. Великій человѣкъ только, какъ справедливо замѣчаетъ Бестужевъ-Рюминъ, лучше другихъ понимаетъ и угадываетъ цѣли, коренящіяся въ общественномъ сознаніи и умѣло пользуется обстоятельствами для ихъ осуществленія. Но Рюминъ, какъ и Соловьевъ, Гизо и Милль говорятъ о зависимости дѣятельности великаго человѣка отъ соціальной обстановки, но не о содѣйствіи ей со стороны другихъ лицъ. Послѣдній вопросъ мало затрогивается историками. Гизо и Соловьевъ только наме-

каютъ на возможность этого содѣйствія въ дѣятельности великаго человѣка, сильно идеализируя его форму. Содѣйствіе можетъ быть не только добровольное, но и принужденное и безсознательное. Массы могутъ подчиняться вліянію великихъ личностей потому, что въ такомъ подчиненіи находятъ исходъ безсознательное броженіе силъ и состояніе пассивнаго согласія и ожиданія. Условія и формы самого содѣйствія могутъ быть также крайне разнообразны. Рядомъ съ содѣйствіемъ дѣятельности великихъ людей встрѣчается, далѣе, и противодѣйствіе имъ. Но фактъ содѣйствія, если, съ одной стороны, и не возвышаетъ историческаго дѣятеля на недосягаемую высоту олицетворенія народнаго духа, то, съ другой, также и не принижаетъ его, не превращаетъ въ ничто его личность и дѣятельность. Великій человѣкъ не связанъ въ своей работѣ соціальной организаціей, которая сама подвергается сильнѣйшимъ измѣненіямъ подъ его вліяніемъ, въ особенности въ переходныя, критическія эпохи общественной жизни. Въ исторіи въ такихъ случаяхъ проявляется все важное значеніе личнаго начала, дѣйствіе котораго отрицается нѣкоторыми историческими теоріями. Таковы, напр., теоріи климата и расы, изъ которыхъ первая отнимаетъ у человѣка возможность самостоятельнаго отношенія къ внѣшней природѣ; вторая же лишаетъ личность всякой оригинальности. На самомъ же дѣлѣ какъ самостоятельная дѣятельность человѣка въ внѣшней природѣ, такъ и индивидуальная измѣнчивость личности—факты, неподлежащіе сомнѣнію. Внѣшнія вліянія на человѣка перерабатываются самою личностью, причемъ отъ ея индивидуальныхъ свойствъ зависитъ и особый характеръ всей ея дѣятельности. Степень проявленія личнаго начала въ человѣкѣ обусловливается тѣмъ, на сколько въ его дѣятельности выражается это творческое отношеніе ея къ окружающей природѣ и примѣненіе ея и всей окружающей обстановки къ своимъ жизненнымъ цѣлямъ и измѣненію самого общественнаго устройства. Индивидуальная оригинальность—самостоятельная переработка личностью всѣхъ вліяній на ея натуру и дѣятельность есть высшее проявленіе личнаго начала въ исторіи (352—375 стр.).

Карѣевъ заканчиваетъ первую книгу своего обширнаго труда, въ которой идетъ рѣчь о роли личности въ прагматической исторіи, общимъ обзоромъ ея содержанія, обращая вниманіе на результатъ своего изслѣдованія, что эта роль личности здѣсь заключается въ внутренней переработкѣ взаимныхъ вліяній людей (381 стр.). Во второй книгѣ Карѣевъ занимается изученіемъ роли личности уже въ культурной исторіи, задача которой состоитъ, по словамъ автора, въ томъ, чтобы прослѣдить возникновеніе и развитіе различныхъ формъ общественной жизни людей, или, точнѣе, измѣненій привычекъ и навыковъ людей, лежащихъ въ основахъ этихъ формъ. Подъ культурой же вообще авторъ понимаетъ всѣ *идеи народа* (религіозныя, моральныя, юридическія и др.), *его учрежденія*, въ основѣ которыхъ лежатъ отношенія (юридическія, политическія и экономическія) и *навыки*, формы, въ которыхъ обыкновенно проявляются разныя дѣятельности членовъ общества (языкъ, научные методы и пр.). Матеріальные предметы (жилища, одежда и пр.) въ глазахъ автора только показатели одной части культуры (навыковъ), а не сама культура. Въ какомъ отношеніи культура народа состоитъ съ его цивилизаціей, существуетъ ли какое-либо различіе между этими терминами, этотъ важный въ данномъ случаѣ вопросъ не разъясняется Карѣевымъ, хотя онъ и упоминаетъ о сродствѣ этихъ понятій. Коллективнымъ носителемъ культуры (и цивилизаціи) является народъ или нація; но это положеніе не исключаетъ мысли о международныхъ элементахъ культуры (напр., религіи) и о элементахъ, свойственныхъ отдѣльнымъ группамъ или классамъ народа (различныхъ формахъ языка). Каждому элементу культуры соотвѣтствуетъ особая культурная группа и личность можетъ принадлежать одновременно къ различнымъ группамъ. Культурные элементы могутъ быть существенными, важными или несущественными, неважными. Существенное въ исторіи—постоянная измѣняемость общественныхъ состояній. Отсюда главное содержаніе исторической науки—изображеніе перемѣнъ въ состояніи общества, его измѣненій, переходовъ на высшія ступени развитія (394 с.). Для исторіи важно, что вызываетъ перемѣну въ су-

щественныхъ признакахъ человѣка или такъ или иначе отражается на его бытіи, слѣдовательно, всѣ историческіе факты, которыя создаютъ новыя условія, лучшія или худшія, для развитія человѣка и удовлетворенія его потребностей. Теоріи культурнаго процесса должны быть чужды соображенія о прогрессивности или регрессивности культурныхъ перемѣнъ.

Переходя къ изслѣдованію вопроса о дѣйствіи человѣка на окружающую его культуру, проф. Карѣевъ констатируетъ два существующіе въ наукѣ взгляда на причины культурныхъ перемѣнъ, между которыми приходится выбирать историку. По первому изъ этихъ воззрѣній всѣ культурныя измѣненія производятся людьми, по второму онѣ происходятъ сами собою. Философія XVIII в. выставила первый взглядъ, вѣря безусловно въ творческую способность человѣка; философія XIX столѣт. защищаетъ принципъ саморазвитія культурныхъ формъ. Прошлое столѣтіе было героическимъ вѣкомъ раціонализма, вѣрило въ силу разума, творческую силу человѣка; философія XVIII в. отвергала весь опытъ и наблюденіе въ дѣлѣ созданія общественной организаціи. По ея представленію примитивный человѣкъ создалъ всю культуру сознательно, но безъ руководящаго, просвѣщеннаго разума, требованія котораго должны опредѣлить все дальнѣйшее теченіе культуры. Это воззрѣніе раціоналистической философіи измѣнилось послѣ французской революціи, когда стали думать, что культура не результатъ свободнаго и сознательнаго творчества человѣка, а, наоборотъ, такой же естественный продуктъ, какъ и растеніе. Коренное измѣненіе воззрѣній на культуру выразилось въ различныхъ отрасляхъ знанія. Такъ филологи XIX ст. стали доказывать, что языкъ не есть произведеніе человѣческаго искусства, какъ думали лингвисты XVIII в., что онъ возникаетъ и развивается по извѣстнымъ законамъ, независимымъ отъ воли человѣка. Тотъ же принципъ саморазвитія, противоположный началу творчества, стали проводить и въ области миѳологіи, религіи и права. Самое происхожденіе общества стали понимать въ текущемъ столѣтіи иначе, нежели въ прошломъ. По мнѣнію Руссо, напр., общество произошло изъ произвола и разсчета людей,

вслѣдствіе строго обдуманнаго созданія общественныхъ формъ. Въ XIX ст. общество перестало быть въ глазахъ философовъ единственнымъ продуктомъ сознательнаго творчества людей и на него стали смотрѣть, какъ на естественный организмъ, въ которомъ развиваются силы и свойства, лежащія въ далекомъ прошломъ человѣческой жизни. Къ рѣшенію вопроса объ образованіи общества примѣнили ту идею самопроизвольнаго развитія, которая лежитъ въ основѣ діалектическаго эволюціонизма нѣмецкихъ метафизиковъ XIX ст. (Шеллинга и Гегеля), но особенно приложена къ изслѣдованію естественныхъ явленій Дарвиномъ и другими натуралистами. Но эволюціонизмъ въ своемъ крайнемъ развитіи приводитъ къ неправильному пониманію культурнаго процесса, который представляется съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи механическимъ ходомъ исторіи, совершенно независящимъ отъ воли и сознанія отдѣльныхъ лицъ. Личный элементъ, которому отводилось такъ много мѣста въ созданіи общественныхъ формъ теоріями XVIII в., долженъ совершенно исчезнуть изъ исторіи. Но подобно прагматическому процессу исторіи, и культурный ея процессъ долженъ отличаться отъ механическихъ и органическихъ процессовъ тою переработкою культурныхъ вліяній во внутреннемъ мірѣ человѣческой личности, которое дѣлаетъ общество своеобразнымъ явленіемъ, отличнымъ отъ естественнаго организма (398—413 с.). Къ такому совершенно неновому выводу приводитъ Карѣевъ при изслѣдованіи важнѣйшаго вопроса всѣхъ общественныхъ наукъ, въ которыхъ отношеніе теорій о саморазвитіи и творчествѣ человѣческой личности должно быть опредѣлено, какъ можно болѣе точнымъ и опредѣленнымъ образомъ: иначе останутся безъ разрѣшенія главнѣйшіе вопросы соціальной науки и отдѣльныхъ ея отраслей (напр., науки права).

Вторая глава второй книги сочиненія Карѣева посвящена изслѣдованію важнѣйшаго вопроса въ теоріи культурнаго процесса исторіи, вопросу о причинности, закономѣрности и цѣлесообразности въ культурномъ процессѣ. На первыхъ же страницахъ этой главы Карѣевъ заявляетъ, хотя и вопреки своему ранѣе

высказанному взгляду [1]), что причинность господствуетъ не только въ области прагматическихъ, но и культурныхъ фактовъ; она всеобщій законъ явленій. Культурная исторія изучаетъ съ эволюціонной точки зрѣнія переходъ однѣхъ общественныхъ формъ въ другія, но она въ тоже время обязана изслѣдовать, почему происходятъ эти измѣненія: для того, чтобы возникъ извѣстный фактъ, нужны извѣстныя условія, какъ его причины. Культурная исторія изучаетъ каузальную связь не по отношенію къ цѣпи *внѣшнихъ* событій, какъ это дѣлаетъ прагматическая исторія, а именно въ виду измѣненій въ внутреннемъ строеніи общества. Подъ развитіемъ же общества здѣсь понимается не то развитіе, которое происходитъ въ мірѣ неорганическомъ, благодаря какимъ-либо внѣшнимъ обстоятельствамъ, а то, которое имѣетъ корень въ внутреннихъ силахъ самого общественнаго организма. Какъ нельзя отвергать, что законъ причинности дѣйствуетъ въ культурномъ процессѣ исторіи, гдѣ имъ объясняются всѣ измѣненія въ соціальномъ быту народовъ, такъ невозможно отрицать и примѣненія закона эволюціи къ прагматическимъ фактамъ исторіи, гдѣ одни общественныя движенія и событія могутъ быть не только причинами, но и фазисами въ развитіи всего прагматическаго процесса (418 с.). Такъ уничтожается существенное, съ точки зрѣнія Карѣева, различіе между прагматической и культурной исторіей, на которомъ онъ особенно настаиваетъ въ началѣ своего труда [2]). Положимъ, Карѣевъ, старается, какъ мы видѣли, указать на особенности въ примѣненіи закона причинности въ прагматической и культурной исторіи, но есть-ли такія особенности и въ приложеніи закона эволюціи въ той и другой странѣ исторіи, этотъ интересный вопросъ оставляется имъ безъ разрѣшенія. Обращаясь къ проблемѣ объ отношеніи эволюціонизма къ причинности, Карѣевъ утверждаетъ, что каузальнымъ законамъ принадлежитъ главная роль въ прагматической исторіи, а эволюціонные законы прояв-

---

1) См. 4 стр. 1 вып. разсматриваемаго сочиненія Карѣева.

2) См. первый выпускъ и 17 № Юрид. Библіогр.

ляются особенно въ органическомъ мірѣ и культурной исторіи. Въ отличіе отъ закона причинности, которымъ указывается на постоянство связи между двумя фактами, какъ причиной и слѣдствіемъ, въ законахъ эволюціонныхъ выражается постоянство послѣдовательности фактовъ, какъ стадій развитія одной и той-же вещи. Защищая взглядъ Бурдо на эволюціонный законъ, самое понятіе котораго отвергается нѣкоторыми учеными (напр., Штейнталемъ), Карѣевъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что формулы эволюціонныхъ законовъ могутъ быть установлены только путемъ сравнительнаго изученія всѣхъ сферъ общественной жизни (языка, религіи, литературы, права и пр.). Сравнительная метода приводитъ къ открытію нѣкоторыхъ общихъ сходныхъ фазъ, направленій въ развитіи не только отдѣльныхъ элементовъ культуры, но и въ эволюціи цѣлыхъ обществъ. Отмѣчая тотъ рядъ сходствъ, которыя наблюдаются въ исторіи различныхъ народовъ при одинаковыхъ условіяхъ, Карѣевъ приходитъ къ тому заключенію, что въ такихъ случаяхъ проявляется законъ причинности, а не эволюціи. Эволюціонные же законы выражаются въ переходѣ каждаго культурнаго элемента и всей культуры народа съ одной стадіи на другую. Этотъ переходъ зависитъ отъ общихъ внутреннихъ свойствъ каждаго элемента и внѣшнихъ условій и обстоятельствъ, различіе которыхъ увеличивается съ каждымъ шагомъ культурнаго развитія общества. Въ числѣ этихъ внѣшнихъ условій находится и дѣйствіе сознательной воли человѣка на разные элементы культуры. Такимъ образомъ, заключаетъ Карѣевъ, историческая наука должна признать самостоятельное существованіе въ исторіи эволюціонныхъ законовъ, отличныхъ отъ каузальныхъ (428 с.). Но такой взглядъ, спѣшитъ онъ добавить, не обязываетъ насъ признать тождество культурныхъ процессовъ съ органическими. Для опроверженія этого послѣдняго взгляда Карѣевъ призываетъ на помощь Лотце, который возстаетъ противъ органическаго воззрѣнія на исторію и доказываетъ все важное значеніе въ процессѣ историческаго развитія творчества отдѣльной личности при необходимой воспріимчивости массъ. По мнѣнію Лотце элементы культуры не представляютъ строго

органическаго развитія (428—434 с.). Разсужденія Лотце наводятъ Карѣева на соображенія о проявленіи закона причинности и вообще закономѣрности въ культурномъ процессѣ исторіи. Карѣевъ возстаетъ вмѣстѣ съ Лотце противъ взгляда, что культура народа есть непосредственное произведеніе духа времени, народнаго духа: въ культурномъ процессѣ главная роль принадлежитъ взаимодѣйствію индивидуальныхъ душъ, что составляетъ и сущность прагматическаго процесса исторіи по взгляду Карѣева, у котораго различіе между прагматическимъ и культурнымъ процессомъ исторіи затемняется теперь еще болѣе.

Нельзя приписать образованіе культуры, продолжаетъ Карѣевъ, и общимъ жизненнымъ условіямъ, которыя имѣютъ относительное значеніе. Одни и тѣже условія дѣйствуютъ неодинаково на разныхъ лицъ и измѣненіе въ условіяхъ отражается также различно на отдѣльныхъ личностяхъ. Одни изъ нихъ являются иниціаторами, другія подражателями. Не всѣ люди обладаютъ способностью быть новаторами и не всѣ охотой слѣдуютъ за ними. Не рѣдки также случаи, когда бываетъ трудно провести границу между иниціаторами и подражателями, а иногда эта граница обозначается очень рѣзко. Безъ дѣятельности исключительной личности однихъ общественныхъ условій недостаточно для появленія новыхъ культурныхъ фактовъ. На ряду съ общими условіями, благопріятными для возникновенія нововведенія, могутъ быть условія и неблагопріятныя для его появленія. Важно не только то, что извѣстная идея появилась въ обществѣ, но важно также и то, принята она или нѣтъ обществомъ. Идея можетъ явиться слишкомъ рано или слишкомъ поздно. Наконецъ, инновація можетъ распространяться въ обществѣ не только путемъ подражанія, но и въ силу повиновенія данному приказанію. Такъ, напр., происходитъ, когда правительство вводитъ какое-либо новое учрежденіе въ общественной жизни (419—442 с.).

Въ связи съ теоріей о причинахъ культурныхъ фактовъ находится важный вопросъ о цѣлесообразности въ мірѣ этихъ фактовъ, на которомъ Карѣевъ останавливается въ концѣ второй

главы. Каузальное объясненіе явленій, приложимое по отношенію къ физическимъ процессамъ, при изслѣдованіи явленій міра духовнаго должно быть, заявляетъ категорически Карѣевъ, замѣнено телеологическимъ: общественная жизнь немыслима безъ предположенія цѣлей, которыя преслѣдуются въ ней людьми. Хотя въ современной наукѣ (естественной и соціальной) и принято теперь объяснять всѣ явленія причиннымъ путемъ вмѣсто прежняго, телеологическаго и примѣнять законъ причинности къ изслѣдованію примитивнаго соціальнаго быта, однако, едва ли можно отрицать, чтобы преднамѣренность и сознательный разсчетъ не были главными факторами въ дальнѣйшей исторіи культуры. Поэтому необходимо различать два пути возникновенія культурныхъ формъ: естественный и искусственный. На такомъ различіи особенно настаиваетъ авторъ „Динамической соціологіи" *Уордъ*, который считаетъ соціальный процессъ телеологическимъ явленіемъ, между тѣмъ какъ Спенсеръ видитъ въ человѣческомъ прогрессѣ только прогрессъ біологическаго дифференцированія. Уордъ признаетъ также телеологическими и психическія явленія, въ которыхъ проявляются произвольность, сознательность и пр.. Такъ Карѣевъ, соглашаясь съ Уордомъ, готовъ примкнуть къ отжившей свое время, по его же словамъ, теоріи сознательнаго творчества общественныхъ формъ, хотя только на высшей ступени ихъ развитія, когда, однако, естественные законы и законы человѣческой природы несомнѣнно дѣйствуютъ, если не въ большей, то во многихъ случаяхъ и не въ меньшей степени, чѣмъ въ примитивномъ соціальномъ быту. Въ подтвержденіе своего взгляда Карѣевъ ссылается на Іеринга, который думаетъ (въ „Zweck im Recht"), что законъ причинности проявляется только въ осуществленіи воли человѣка, а не въ внутреннемъ ея образованіи. Воля человѣка, свободная по отношенію къ внѣшней природѣ, повинуется лишь цѣлевому закону. Причина возникновенія воли—въ самомъ субъектѣ, его характерѣ, принципахъ, его воззрѣніяхъ на жизнь. Если выбросить изъ этого ученія Іеринга, дѣлаемое имъ, совершенно неправильное исключеніе дѣйствія закона причинности на человѣческую дѣятельность, то въ

немъ остается, говоритъ Карѣевъ, та вѣрная мысль, что въ области человѣческой дѣятельности цѣль, разсчетъ, предпамѣренность занимаютъ первое мѣсто. Но изъ ученія Іеринга о правѣ нужно еще исключить, по нашему мнѣнію, и также невѣрный его взглядъ на цѣль въ правѣ, какъ необходимый законъ его развитія, который тяготѣетъ надъ дѣятельностью человѣка въ обществѣ, парализуетъ ее совершенно. Наконецъ, необходимо отмѣтить въ воззрѣніяхъ того же Іеринга и преувеличенное представленіе о значеніи сознательнаго разсчета при первоначальномъ образованіи права и отрицаніе имъ непроизвольнаго возникновенія права (обычнаго права) въ первобытномъ обществѣ, хотя это отрицаніе противорѣчитъ признанію Іерингомъ безусловныхъ, роковыхъ законовъ развитія права.

Причинность, продолжаетъ Карѣевъ, не исключаетъ цѣлесообразности: все различіе между причинными и цѣлевыми дѣйствіями заключается въ томъ, что въ однихъ случаяхъ внѣшняя причина непосредственно вызываетъ и внѣшнее свое дѣйствіе, а въ другихъ между причинами и слѣдствіями помѣщается духовная дѣятельность человѣка. Но этотъ вызовъ причинами своихъ слѣдствій чрезъ посредствующій моментъ самостоятельной человѣческой дѣятельности—только особый видъ проявленія закона причинности. Такъ исчезаетъ у Карѣева самостоятельность цѣлеваго закона, которую ранѣе онъ отстаиваетъ. Вопросъ о томъ, что должно быть отнесено въ образованіи культуры на счетъ естественнаго, органическаго процесса, объясняемаго закономъ причинности, и процесса искусства,—творческаго, этотъ спорный вопросъ разрѣшается Фулье, который думаетъ примирить теорію органической эволюціи и добровольнаго договора въ понятіи добровольнаго организма (444—458 с.)[1]. Фулье характеризуетъ общество, какъ организмъ, который находитъ основу своему бытію въ мысли и волѣ своихъ членовъ. Соглашаясь съ Фулье, Карѣевъ полемизируетъ съ Коркуновымъ, который критикуетъ взгляды ихъ обо-

---

[1]) Карѣевъ имѣетъ здѣсь въ виду сочиненіе Фулье: «Современная соціальная наука».

ихъ и доказываетъ, что въ образованіи общества природа принимаетъ большее участіе, нежели человѣческая воля (460—461 с.). Если, говоритъ Карѣевъ, проф. Коркуновъ счелъ нужнымъ подчеркнуть генетическую сторону соціальныхъ явленій, то мы, наоборотъ, подчеркиваемъ сторону телеологическую, которую современный эволюціонизмъ склоненъ игнорировать (466 с.), а самъ профессоръ Карѣевъ, кажется, готовъ преувеличивать. Въ заключеніе всей главы Карѣевъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о взаимномъ отношеніи цѣлей различныхъ людей, о сложеніи причинъ общественныхъ явленій. Цѣли отдѣльныхъ лицъ не подчиняются какой-то единой, общей, невѣдомой, внѣшней цѣли; измѣненія культуры происходятъ не ради какой-то объективной цѣли, а вслѣдствіе достиженія различныхъ цѣлей, которыя ставятся отдѣльными людьми, причемъ результаты ихъ дѣятельности могутъ быть совершенно неожиданными (471 с.). Личности, составляющія общество, преслѣдуютъ свои личныя цѣли, но въ итогѣ ихъ стремленій получается соціальная организація, которая, конечно, не была изобрѣтена людьми (473 с.). Теперь мы видимъ, какъ Карѣевъ отказывается отъ телеологизма, отвергая представленіе объ объективной, внѣшней цѣли человѣческихъ дѣйствій, мѣсто которой занимаетъ у него неожиданно и независимо отъ воли людей появляющаяся соціальная организація.— Въ третьей главѣ второй книги Карѣевъ изслѣдуетъ вопросъ о роли личности въ исторіи, который сводится имъ къ вопросу о культурной традиціи и личной инициативѣ въ исторіи, зависимости личности отъ культурно-соціальныхъ формъ. Карѣевъ различаетъ двѣ стороны „надъ-органической среды“; соціальную организацію и культурную группу. Культура—продуктъ надъ-органическаго развитія, соціальная организація—формы соціальныхъ отношеній, созданныхъ совокупною дѣятельностью многихъ поколѣній. Личность съ ея дѣятельностью противополагается Карѣевымъ надъ-органической средѣ, хотя въ послѣдней заключается соціальная организація, какъ результатъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Индивидуумъ—самостоятельное существо съ своими собственными цѣлями и по отношенію къ нему культурная

группа и соціальная организація играютъ роль нѣкоторой среды. Отношеніе между личностью и средой различно; но личность всегда стремится къ самоопредѣленію, а среда ассимилируетъ себѣ личность (486—487 с.). Личности смѣняются однѣ другими, культура остается и каждая новая личность подчиняется ея вліянію. Но въ тоже время культура—продуктъ творчества цѣлыхъ поколѣній народа поддерживается и измѣняется психическимъ взаимодѣйствіемъ отдѣльныхъ личностей (489 с.). Какъ культура, такъ и соціальная организація—система повторяющихся фактовъ, въ числѣ которыхъ находится и подражаніе. Противоположность личности культурѣ тождествена въ глазахъ Карѣева съ контрастомъ иниціативы съ традиціей. Дѣятельность человѣка, направленная на достиженіе извѣстныхъ цѣлей, приводитъ его къ извѣстнымъ непреднамѣреннымъ результатамъ. Вотъ къ этой-то сторонѣ культурной и соціальной жизни и приложима идея органическаго развитія или безличной эволюціи. Личность, неиграющая здѣсь никакой самостоятельной роли, выступаетъ только въ такихъ случаяхъ, когда она намѣренно стремится къ тому, чтобы произвести какія-либо измѣненія. Контрастъ между естественной и искусственной кооперацией людей выражается во всѣхъ сферахъ соціальной жизни, но границу между двумя способами культурнаго процесса провести довольно трудно (496—500 с.). Личная иниціатива измѣняетъ культуру, традиція поддерживаетъ ея единство. При господствѣ въ исторіи традиціи личному творчеству человѣка остается извѣстный просторъ. Культурная традиція—правило исторической жизни народовъ, личная иниціатива—исключеніе. Измѣненія въ общественной жизни заключаются въ томъ, что исключенія дѣлаются правилами, а прежнія правила превращаются въ исключеніе (507 с.). Вопросъ объ отношеніи личности къ надъ-органической средѣ затрогивается Тардомъ, который настаиваетъ на подражательномъ характерѣ культурныхъ явленій, но признаетъ въ тоже время и личную иниціативу въ исторіи. Тардъ все сводитъ въ области культуры къ изобрѣтенію и подражанію, которое происходитъ отъ инноваціи. Карѣевъ же видитъ причину культурныхъ измѣ-

ненiй одинаково въ культурной традицiи и личной инициативѣ (513 с.). Культурныя традицiи обусловливаютъ форму, содержанiе и направленiе дѣятельности отдѣльной личности вслѣдствiе того, что въ жизни человѣка играетъ важную роль элементъ подражанiя и привычки. Тенденцiя культуры заключается въ нивеллированiи личностей, входящихъ въ составъ общества. Сюда относится подчиненность авторитету общественнаго мнѣнiя и тираничность обычая. Громадное влiянiе большинства на отдѣльныя личности поддерживается воспитанiемъ и привычкой полагаться на коллективный разумъ. Отсюда косность культурныхъ формъ и традицiй. Тенденцiя надъ-органической среды привести всѣхъ къ одному знаменателю, но отдѣльная личность вноситъ въ нее свое и новое, подвергая культурныя влiянiя собственной, внутренней переработкѣ. Первая основа всякой инициативы— прирожденная способность къ самостоятельности и творчеству. Роль личности въ культурной эволюцiи заключается въ самостоятельной переработкѣ культурныхъ влiянiй и внесенiи въ культуру новыхъ измѣненiй (527 с.). Инициаторы не равны между собою: культурныя измѣненiя могутъ быть преднамѣренныя или безсознательныя. Инициаторъ можетъ быть одинъ или ихъ можетъ быть нѣсколько; инновацiя можетъ вводиться одною личностью или же она представляетъ собою плодъ минимальныхъ уклоненiй отъ традицiи цѣлаго ряда лицъ (531—532 с.). Во всѣхъ этихъ разсужденiяхъ Карѣева о культурной традицiи и личной инициативѣ бросается въ глаза утверждаемая имъ противоположность между обѣими, такъ что культура есть нѣчто неподвижное, косное, подлежащее измѣненiямъ только путемъ дѣятельности отдѣльной личности. Но въ тоже время культура представляетъ собою какъ мы видѣли ранѣе, идеи, навыки людей и ихъ учрежденiя, такъ что понятiе Карѣева о культурѣ трудно примирить съ приводимыми здѣсь Карѣевымъ признаками культуры.

Въ послѣдней главѣ второй книги Карѣевъ касается интереснаго вопроса о личномъ началѣ въ развитiи права и литературы,—единственныхъ сферахъ общественной жизни, гдѣ ставится вопросъ о роли личнаго дѣйствiя въ культурной эволюцiи.

Въ наукѣ права существуетъ два противоположныхъ взгляда на образованіе права: ученіе исторической школы—частное примѣненіе принципа безличной эволюціи — и ученіе Іеринга—приложеніе идеи личнаго дѣйствія къ образованію права. Карѣевъ указываетъ на главный взглядъ Савиньи, что право вытекаетъ съ необходимостью изъ общаго, народнаго юридическаго сознанія и убѣжденія, и на дальнѣйшее развитіе этого взгляда у Пухты, который объявляетъ источникомъ права народъ и народный духъ источникомъ обычнаго права, какъ главной его формы. Историческая школа игнорируетъ участіе личности въ образованіи права и крайне преувеличиваетъ идею закономѣрности въ историческомъ развитіи права: исторія совершается не сама собою, а творится людьми (550—551 стр.). Пухта ошибается, когда онъ настаиваетъ на безусловной зависимости личности отъ окружающей его среды, которая создается и измѣняется дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ. Пухта оставляетъ также безъ вниманія психическое взаимодѣйствіе между отдѣльными личностями и культурными группами и разнообразіе послѣднихъ (553—554 стр.). Но за то вся историческая школа выставляетъ особенно все важное значеніе историческихъ условій образованія права, отвергаемыхъ школой естественнаго права, что можетъ имѣть не одно только отрицательное, но и положительное значеніе въ вопросѣ объ образованіи права. Въ противоположность исторической школѣ Іерингъ утверждаетъ, что при возникновеніи права дѣйствуютъ намѣреніе, разсчетъ, взаимная борьба лицъ, безпрерывная работа власти и цѣлаго народа. По мнѣнію Карѣева, который ссылается на Муромцева, Іерингъ соединяетъ вмѣстѣ въ своихъ воззрѣніяхъ на право вѣрные элементы школы естественнаго права и исторической (559 с.). Это мнѣніе Карѣева, однако, противорѣчитъ, указанному имъ же самимъ, взгляду Іеринга на сознательное образованіе права въ примитивномъ обществѣ, которое совершенно отвергается, и вполнѣ правильно, исторической школой. Іерингъ выдвигаетъ идею личнаго творчества въ образованіи права противъ идеи безличнаго саморазвитія (560 с.). Но еще ближе къ истинѣ проф. Муром-

цевъ, когда онъ защищаетъ идею творчества въ образованіи права, но не отказывается въ тоже время и отъ идеи закономѣрной эволюціи, выставленной исторической школой. Проф. Коркуновъ отмѣчаетъ одинаковость условій образованія права въ примитивномъ обществѣ, развитіе здѣсь силы подражанія и постоянную борьбу права, сознательно устанавливаемаго съ безсознательно установившимся (564—565 с.). Наконецъ, проф. Сергѣевичъ обращаетъ вниманіе на то, что въ образованіи права, особенно обычнаго, участвуютъ двѣ силы: „индивидуальное сознаніе насущныхъ интересовъ человѣка и инертная сила обыкновенія", т. е., инищіатива и подражаніе (506 с.). Сергѣевичъ становится въ вопросѣ объ образованіи права на сторону ученія о преобладаніи личной инищіативы въ его процессѣ: измѣненія въ правѣ совершаются отдѣльными личностями—инищіаторами и подражателями. Карѣевъ высказываетъ сожалѣніе по поводу того, что въ исторіи юридической литературы нѣтъ теоріи, которая изслѣдовала бы роль инищіативы въ образованіи права во всѣхъ подробностяхъ, и ожидаетъ преобразованія общей теоріи права подъ вліяніемъ на нее теоріи исторіи или развитія права: эта теорія изучаетъ послѣдовательность и преемственность юридическихъ явленій, причемъ должна касаться и взаимодѣйствія между внутренней жизнью творческой личности и идеями, стремленіями и традиціями общества (570—571 с.). Но въ этой же теоріи развитія права, извѣстной въ наукѣ права подъ именемъ сравнительной исторіи права, изслѣдуется и сосуществованіе, гармонія всѣхъ одновременныхъ общественныхъ явленій, которая также вліяетъ извѣстнымъ образомъ на образованіе права и взаимное отношеніе личности и среды въ его процессѣ [1]).

---

[1]) Мы раздѣляемъ вполнѣ pia desiderata Карѣева относительно будущихъ успѣховъ общей теоріи права при развитіи сравнит. исторіи права и считаемъ своимъ долгомъ отмѣтить, что своимъ изложеніемъ вопроса объ образованіи права онъ выполнилъ здѣсь пробѣлъ въ содержаніи 1-го вып. и тѣмъ показалъ, что и наукѣ права не чужда разработка вопроса о личномъ элементѣ.

Что касается вопроса о роли личности въ исторіи литературы, то здѣсь на первомъ планѣ фигурируетъ „теорія среды“, представителемъ которой является *Тэнг*. Все образованіе литературы обусловливается у него: „тремя первичными силами“; расою, средой и моментомъ, но не разнообразной дѣятельностью отдѣльной личности. Идеи зарождаются въ отдѣльномъ человѣкѣ, который создаетъ себѣ кружокъ среди лицъ, однородныхъ съ нимъ по его дарованіямъ. Вліяніе расы и среды неодинаково и измѣняется подъ дѣйствіемъ постепеннаго развитія индивидуальной свободы. Проф. Веселовскій утверждаетъ, что личное творчество ограничивается литературными традиціями, рядомъ опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ формулъ и мотивовъ. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ признаетъ необходимое значеніе личнаго элемента въ исторіи литературы, когда онъ указываетъ на повѣсти, разсказы, романы и другія спеціальныя формы обособленія личности отъ литературной традиціи (581—582 с.). Наконецъ, Бурдо совершенно отрицаетъ личное начало въ исторіи литературы, высказываетъ тотъ взглядъ, что авторомъ произведеній искусства является все общество. Писатели—истолкователи общаго вкуса. Геніальность состоитъ въ умѣньи выражать лучше другихъ мысли всѣхъ. Истинный поэтъ, лучшій судья и самый вѣрный цѣнитель литературныхъ произведеній—сама публика (584—585 с.). Личное начало въ созданіи литературныхъ произведеній защищаетъ Геннекенъ, который говоритъ, что душа народа живетъ въ его памятникахъ,—продуктѣ дѣятельности цѣлаго ряда людей (586 с.). Самъ Карѣевъ считаетъ важной стороной литературной эволюціи личную инициативу, постепенное развитіе личной оригинальности. Личность перерабатываетъ литературныя традиціи. Творчество—явленіе личной жизни человѣка, зависящее отъ окружающей его среды (591—595 с.).

Въ заключительной главѣ своего труда Карѣевъ разсматриваетъ въ общихъ чертахъ вопросъ о взаимодѣйствіи прагматизма и культуры. Карѣевъ указываетъ на антагонизмъ между прагматическими и культурными историками, вытекающій изъ односторонняго характера прагматической и культурной исторіи. Въ

современной наукѣ обнаруживается господство теоріи культурнаго процесса, принижающаго роль личности въ исторіи и представляющаго ее сходной съ безличной эволюціей естественныхъ явленій. Такъ, по мнѣнію Бурдо, вниманія историка заслуживаютъ не случайные историческіе факты—событія, а только правильные и непрерывно повторяющіеся—отправленія. Первыя подчиняются въ исторіи послѣднимъ. Бурдо не выясняетъ отношеній прагматическихъ и культурныхъ фактовъ и сбиваотся на контрастъ массъ единицамъ. На самомъ дѣлѣ единицы и массы одинаково участвуютъ въ обоихъ историческихъ процессахъ. Въ основѣ всей теоріи Бурдо лежитъ идея безличной эволюціи, только прикрытая мыслью о дѣятельности массъ, противоположной индивидуальной (604—608 с.). На самомъ дѣлѣ между прагматическими и культурными фактами существуетъ постоянное взаимодѣйствіе. Всѣ крупныя событія сопровождаются перемѣною въ культурныхъ фактахъ и наоборотъ. Культура обусловливаетъ собою поступки, которые имѣютъ свою причину и слѣдствіе въ извѣстныхъ культурныхъ состояніяхъ. Культурный процессъ исторіи заключается въ измѣненіи состоянія, благодаря дѣйствіямъ людей. Взаимодѣйствіе событій и состояній приводитъ къ взаимодѣйствію личности и культурныхъ формъ. Событія—высшее проявленіе личной иниціативы, отсутствіе которой низводитъ личность на степень простаго культурнаго элемента (609—610 с.). Принципъ личности—самоопредѣляемость и самостоятельность. Исторія должна слѣдить постоянно за взаимнымъ отношеніемъ событій и общественныхъ состояній и обращать вниманіе на эволюціонную сторону прагматизма и каузальную—культурнаго процесса. Исторія—борьба народовъ, общественныхъ группъ и отдѣльныхъ личностей, которыя стремятся измѣнить культурныя формы ради извѣстныхъ цѣлей. Историческій процессъ—взаимодѣйствіе личности и надъ-органической среды (623 с.). Такое его пониманіе уясняетъ и вопросъ о томъ, кто больше двигаетъ исторію, „герои“ или „толпа“. Если прагматическій и культурный процессы не параллельные, а взаимно переплетающіеся процессы, причемъ въ прагматическомъ *дѣйствуютъ личности*, а въ

культурномъ—*развиваются культурные факты*, то отсюда понятно, что въ исторіи дѣйствуютъ не одни герои и не одна толпа, а всѣ люди безразлично, хотя ихъ роли и иниціатива различны какъ въ прагматическомъ, такъ и культурномъ процессѣ. Личное начало проявляется съ особенною силою въ единицахъ, а культурныя традиціи—въ массахъ (626 с.).

Весь обширный трудъ проф. Карѣева, содержаніе котораго мы изложили здѣсь и ранѣе (17 № Юр. Библіографіи), посвященъ интереснѣйшему историческому вопросу, который имѣетъ тѣсное отношеніе ко всѣмъ отраслямъ общественной науки, особенно же наукѣ права. Излагая взгляды Карѣева на сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи, мы старались отмѣчать нѣкоторые промахи и погрѣшности въ воззрѣніямъ почтеннаго историка, естественныя при изслѣдованіи такого труднаго вопроса съ его громадной литературой по всѣмъ почти отраслямъ знанія. Частыя отступленія отъ изложенія предмета, какія дѣлаетъ Карѣевъ для отвѣтовъ и полемики съ критиками его сочиненія, показываютъ, что трудъ русскаго историка не прошелъ безслѣдно въ нашей ученой литературѣ и обратилъ на себя вниманіе, котораго онъ по справедливости заслуживаетъ. Быть можетъ, проф. Карѣевъ и не разрѣшилъ вполнѣ поставленнаго себѣ вопроса, придалъ ему неточную формулу и постановку—объ этомъ пусть судятъ и рѣшаютъ спеціалисты-историки. Мы же позволяемъ себѣ думать, что уже одна попытка приступить къ разрѣшенію важнѣйшей исторической проблеммы—вопроса о сущности историческаго процесса—достойна одобренія и поощренія со стороны всякаго юриста—теоретика, который не можетъ обойтись въ своей научной дѣятельности безъ того, чтобы не затронуть такъ или иначе вопроса о значеніи личности въ исторіи. Мы считаемъ эту попытку Карѣева въ разрѣшеніи этого вопроса удачной въ томъ отношеніи, что онъ всюду при разборѣ разныхъ историческихъ теорій и взглядовъ выставляетъ на первый планъ главную роль личности въ исторіи, не пренебрегая въ тоже время и вліяніемъ на ея дѣятельность разнообразныхъ историческихъ условій, общественной среды, гдѣ происходитъ эта дѣятельность

личности. Въ этомъ совершенно правильномъ взглядѣ Карѣева на выдающуюся роль личнаго элемента въ историческомъ процессѣ, проводимомъ авторомъ во всемъ его трудѣ съ достаточной эрудиціей и умѣньемъ опытнаго изслѣдователя и заключается на нашъ взглядъ главное достоинство работы Карѣева. Ждемъ съ нетерпѣніемъ продолженія его труда, въ которомъ Карѣевъ обѣщаетъ заняться изслѣдованіемъ вопроса объ историческихъ движеніямъ, теченіяхъ и кризисахъ въ жизни общества.

*В. Щеглов*ъ.

